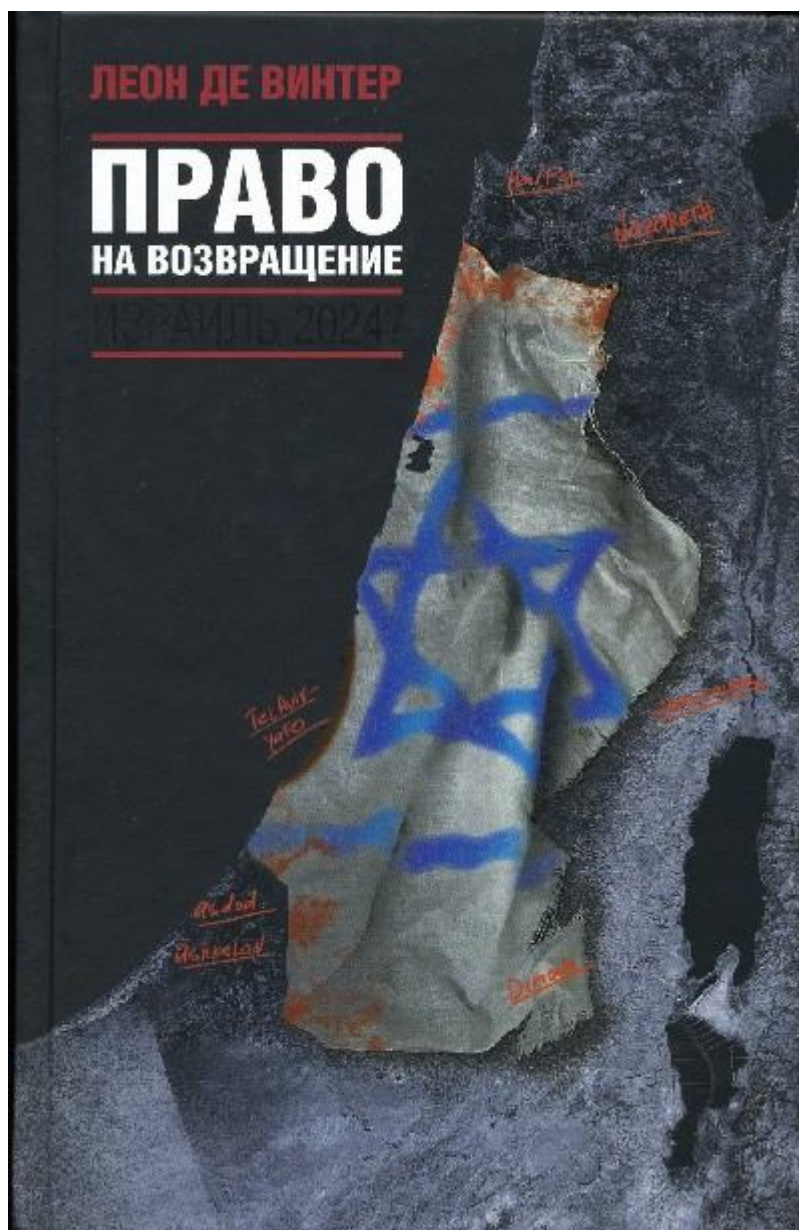

Леон де Винтер Право на возвращение

Scan - Alex1979. OCR & ReadCheck - sem14. <http://oldmaglib.com>
«Леон де Винтер "Право на возвращение"»: Мосты культуры / Гешиарим; Москва, Иерусалим; 2010
ISBN 978-5-93273-309-8

Аннотация

Сенсационный роман-антиутопия известного голландского писателя и публициста — максимально политически некорректный, написанный в жестком стиле американского триллера. Автор, известный своими антимусульманскими взглядами, обращается к проблематике ближневосточного конфликта. В описываемом недалеком будущем (в 2024 году) осажденный врагами Израиль теряет большую часть своей территории, уменьшаясь до размеров Большого Тель-Авива. Население в массовом порядке покидает страну. Один из немногих оставшихся — главный герой романа, Брам Маннхайм. Ученый-историк, работающий частным детективом по розыску пропавших детей, сталкивается с особенно сложным и запутанным делом, разгадка которого приведет его в Москву.

*Посвящается
Моон, Моос и Джесс*

ПРОЛОГ

*Тель-Авив
Апрель 2024*

1

Вернувшись с последнего вызова, Брам Маннхайм проторчал в буфете станции «скорой помощи» до полтретьего ночи. В мертвенном свете люминесцентных ламп он пил кофе с ребятами из ночной смены, жевал сладкие печеньица и запивал их водкой.

Во время дежурства им пришлось выезжать десять раз. Четыре автокатастрофы, два отравления, одно самоубийство, три несчастных случая со стариками.

Проснулся Брам на диване в гостиной, почувствовав, что Хендрикус лижет ему руки. Была половина седьмого утра. Пес терпеливо ждал, пока он натянет шорты и майку. Схватив мобильник, Брам взял Хендрикуса на руки и побежал с пятого этажа вниз, шлепая пластиковыми тапочками по бетонным ступенькам.

Пройдет полчаса, и Тель-Авив начнет просыпаться, погружаясь в ежедневную суету, а пока на пыльных улицах тихо, багровое солнце встает в небе, обещая ясный день. Но туман, поднимающийся над городом и морем, над тем, что только начнется сегодня утром, и тем, что существует в этой части мира многие тысячелетия, нес с собою запах распада и смерти.

Старина Хендрикус совершал свою прогулку не спеша, как и положено пожилому господину. Он более не считал нужным помечать все вокруг и аккуратно справлял нужду в одном из собачьих писсуаров, построенных на деньги американских спонсоров много лет назад, когда специальные комиссии еще следили за чистотой в этом районе. В солидных, элегантных домах жили тогда в основном эмигранты из Германии. А теперь вода так подорожала, что никто не смывал ею больше собачью мочу и в радиусе пяти метров от писсуаров стояла непереносимая вонь. Хендрикусу, впрочем, это не мешало. А Брам наблюдал за тем, как тощий пес неуверенно движется к цели, с приличного расстояния. Хендрикус был глуховат, а шесть лет назад, после стычки с не вполне нормальным буйве,¹ ослеп на один глаз. Ветеринар уверял, что он входит в пятерку самых старых собак города, старейшим же был могучий двадцатилетний Джеффери, помесь лапландской лайки с бульдогом, чей возраст поражал еще и потому, что собаки такого размера умирают, как правило, раньше, чем небольшие дворняжки, вроде Хендрикуса.

Каждое утро Хендрикус совершал прогулку по одному и тому же маршруту, вдоль молчаливых памятников германскому прагматизму. Путь его лежал по пересекающимся под прямым углом улицам, огибавшим шесть жилых кварталов. Он сам разработал маршрут, на протяжении которого не пропускал ни одного фонарного столба или мусорного ящика, успевал обнюхать колеса всех автомобилей, все расположенные в стратегически важных точках кусты и не забывал обменяться любезностями с несколькими знакомыми псами.

Браму казалось, что десять лет назад собак было намного больше. Тель-Авив нищал, и заводить собаку не пришло бы в голову никому, кроме горстки случайно застрявших здесь богачей, так что молодых псов было совсем мало. Встречавшиеся им немолодые собаки гавкали устало и безразлично, совсем как Хендрикус, а обожавшие их хозяева лелеяли стариков, словно собственных детей.

Они остановились на углу улицы, ведущей к морю. В конце ее, меж домами, на миг мелькнул силуэт армейского вертолета, бесшумно летевшего вдоль пляжа к югу, в сторону Яффы, всего в нескольких метрах от земли. Двадцать таких новеньких вертолетов, производивших шуму не больше, чем крылья птиц, были получены в дар от Тайваня и назывались «крылатыми драконами». Ортодоксы потребовали переименовать их: дракон — нечистое чудовище, ибо упоминается в нееврейской мифологии. И народ пошел им навстречу: теперь все называли вертолеты «крылатыми курочками».

Зазвонил мобильник Брама — древняя штукавина безо всяких модных наворотов. На дисплее высветилось имя Икки.

Икки Пейсман и Брам были единственными сотрудниками бюро «Банк», занимавшегося розыском пропавших детей. Бюро помещалось в доме, принадлежавшем разорившемуся банку, — отсюда и название. Икки, парень двадцати четырех лет, подходил для их работы идеально. Когда левую половину его тела уничтожил взрыв, ее заменил протез, начиненный электроникой, управлявшей искусственной рукой и ногой. Больницы Израиля, благодаря десятилетиям террора, вышли на первое место в мире по реконструированию любых органов и частей тела — кроме мозга, конечно.

Брам отозвался:

¹ Порода собак среднего размера, распространенная во Фландрии. (Здесь и далее прим. переводчика.).

— Икки?

— Да. Брам! Есть надежда, что маленькая Сара жива.

В их списках было две Сары. Старшая, тринадцатилетняя, пропала всего три месяца назад. Младшая исчезла три года назад, когда ей было пять.

— Ты уверен?

— Почти. Это просто чудо, через столько-то лет.

Браму вдруг стало трудно дышать, словно его накрыли стеклянным колпаком. Хендрикус поднял голову, и Брам тоже поглядел вверх. Над крышами домов висело, разглядывая их, черное бесшумное насекомое — «крылатая курочка». За доли секунды специальная программа, сосканировав черты его лица, связалась через спутник с бункером в северной части города, где находился компьютер, и идентифицировала его, сверившись с содержимым банка данных. Пилоты прочли на экранах, вмонтированных в шлемы, результат проверки, и машина, развернувшись, исчезла за домами. Только деревья взмахнули ветвями да смерчем взвилась уличная пыль.

— Прекрасная новость, — сказал Брам в телефон, остро ощущая свою незначительность. — Информация от Самира?

— От его племянника. Назвался Джонни.

— Замечательное имя для араба. Что ты ему пообещал?

— Двадцать пять тысяч.

— Это много, Икки.

— Я тоже так считаю. Может, надо пригрозить ему, что не будем больше платить?

— Пригрозить? Ты где, собственно, живешь? В Швеции? Ты хотя бы знаешь этого Джонни?

— Пресса сводит меня с ума, — сказал Икки. — Я больше не читаю газет. Мне неинтересно читать о том, что мы должны вести переговоры с палестинцами.

— Мы должны продолжать переговоры, потому что иначе им ничего не вдолбишь, — ответил Брам. — Ты знаешь этого Джонни?

— Нет. Но Самиру можно доверять. А Джонни послал ко мне именно он.

— Все они между собой в дальнем родстве.

— Да, одна *большая fucking family*.² Что не мешает им при случае отрывать друг другу головы.

— Как раз этим они на нас похожи, — отозвался Брам.

— Только... есть небольшая проблема.

Брам кивнул, словно Икки мог его видеть. «Крылатая курочка» исчезла, но Браму казалось, что за ним все еще следят.

— Проблема, — пробормотал он. — Ничего другого я и не ждал.

Икки помолчал и тихо сказал:

— Она на той стороне.

2

Икки вел свой спецавтомобиль вдоль набережной к югу. Чтобы не слишком утруждать «здоровую» половину тела, он купил старый британский «ровер» и водил его, используя механические протезы. Ясно, что лихая езда на автомобиле явно заменяла Икки все экстремальные виды спорта разом, иначе он давно купил бы себе «автомат». Брам сидел слева, там, где в нормальном автомобиле помещается шофер. Он никак не мог привыкнуть полагаться на мастерство Икки. Здесь, на набережной, ряды машин, идущих в разные стороны, разделяла резервная полоса, но на большинстве городских улиц встречные автомобили проносились почти вплотную к его дверце — поразительно, что никто еще не

² ...ная семейка (англ.).

снес им боковое зеркальце.

Делом Сары занимался Икки, Брам только просматривал ее досье — папку, полную фотографий, документов, компьютерных распечаток и дисков. Ни одно из дел, которыми Брам занимался лично, не сдвинулось с мертвой точки. А Икки обладал особым талантом. Некоторые рождаются способными математиками или музыкантами; у Икки оказались способности к розыску пропавших детей.

Они познакомились и стали работать вместе почти три года назад, после чудовищного землетрясения в Казахстане, признанного как раввинами, так и имамами (хотя и по разным причинам) заслуженной Карой Господней. С тех пор почти каждый месяц они кого-то находили. В этом месяце нашлись двое. Но в списке пропавших значилось триста семнадцать имен, а успех зависел от слухов, от случайных совпадений и от того, что Икки называл «ощущением незримого». И дети, которые находились, почти всегда были уже мертвы.

Они ехали «на ту сторону» — в Яффу. Евреев оттуда постепенно выжили, а оставшиеся в городе арабы стремились воссоединиться с остальной Палестиной. Армия Израиля (вернее, то, что от нее осталось) построила южнее бесспорно еврейского города Тель-Авива защитную стену из бетона, начиненную электроникой. Потому что в Яффе после двух лет затишья снова начались теракты-самоубийства. В этом году две арабские женщины взорвали себя в Старом городе у блокпостов, причем не погиб ни один еврей, только арабы. До того случая у всех проверяли отпечатки пальцев, но обе женщины, уже отсидевшие в израильских тюрьмах, поменяли рисунок папиллярных линий при помощи лазера. Теперь на блокпостах поставили ДНК-сканеры, соединенные с банками данных, в которых, ради восстановления оборванных диаспорой семейных связей, уже лет двадцать собиралась информация обо всех евреях мира. Теперь эта информация пригодилась для контроля.

Место на тель-авивском пляже, откуда пропала Сара, находилось в двух километрах к северу от Яффы. Икки рассказывал Брам, что, по словам Батьи Лапински, ее мамы, они взяли с собой воды и лимонада, бутерброды, виноград. Зеленую брезентовую подстилку. Большой пляжный зонт на заостренной палке воткнули в теплый песок. Сара играла с цветными формочками, делала куличики: звезда, полумесяц, кубик. Пухленькая пятилетняя девочка, кудрявая блондинка с большими голубыми глазами, в красном купальнике, который был ей немного мал. Она махала рукой патрульным лодкам, мчавшимся сквозь волны в ста метрах от берега. Батья, лежа в тени под зонтом, читала последнюю книгу Давида Мановски, израильского писателя, живущего в Ванкувере и получившего за год до того Нобелевскую премию по литературе. Время от времени она подзывала дочь и пальцем счищала песчинки, скапливавшиеся в уголках ее губ. Наконец-то она могла спокойно послушать записанную на старенький iPod Девятую симфонию Дворжака. Она дала Саре бутерброд с колбасой и растянулась на подстилке. Потом прочла о сыне Мановски, погибшем в бою осенью 2006 года, и заплакала. Вытерла слезы тыльной стороной ладони, обернулась, чтобы посмотреть на дочь, но увидела только чужих детей, их было совсем немного. Она вскочила, оглядела пляж. Она искала Сару. Но вокруг были только чужие девочки.

Икки спросил:

— Когда ты был в Яффе в последний раз?

— Не помню. Давно. Лет семь назад или восемь. Что мне там делать?

— А я связываюсь со всеми, кто мне нужен, по телефону. Последний раз я был там десять лет назад, с родителями. Мы обедали в портовом кафе, покупали что-то в арабских магазинчиках. Свежие специи. Баранину. Фрукты. Теперь такого не бывает.

— Теперь нет, — согласился Брам. — Но если нам будет очень нужно, вполне можно зайти в магазин. Что, собственно, может с нами случиться?

— В худшем случае наши отрубленные головы насадят на колья забора, окружающего Яффу. — Икки мечтательно улыбнулся и добавил: — Что до твоей головы — мертвая она или живая, разница невелика.

— Благодарю за комплимент.

— Деньги не забыл?

Брам похлопал по одному из многочисленных карманов своих штанов-сафари. Икки завел на другой стороне сеть осведомителей, абсолютно надежных, потому что им хорошо платили. Конечно, палестинцы старались убить как можно больше евреев, но откуда взяться деньгам в их перенаселенной стране, где не было ни работы, ни будущего, ни автомобилей на альтернативном горючем? Самира Икки «прикармливал» с самого начала, он помог им закрыть дела на пятерых детей. С помощью Самира Икки удалось справиться даже со сложнейшим делом иерусалимских хасидов.

В прошлом году Брам и Икки прославились на всю страну, когда отыскивали одиннадцатилетнего мальчика, пропавшего восемь лет назад. Его успела усыновить бездетная пара хасидов из Иерусалима. А счастливчик Икки нашел его, следуя своей знаменитой интуиции. Поднялась жуткая шумиха, приведшая к дипломатическому скандалу между Израилем и Палестиной, с участием властей Большого Иерусалима и районов Старого города, населенных ультра-ортодоксами. В три дня Икки сделался — в пределах Тель-Авива — мировой знаменитостью. В результате родные папа и мама мальчика получили возможность регулярно видеться с сыном, которого любящие приемные родители превратили в глубоко верующего хасида. Ребенка они, как выяснил Икки, купили у еврейско-палестинской банды, занимавшейся кражами детей.

Благодаря этой истории о них и узнала мама Сары. Два долгих года она верила полицейским, ждала от них сообщений и, пытаясь заглушить поселившийся в ней ужас, принимала транквилизаторы, курила гашиш, пила водку. Потом — беспрерывно рыдала. Потом некоторое время жила как бы в вакууме, пока случайно не услышала по радио передачу про «Банк» — по крайней мере, так говорил Икки. Батья отдала ему полицейские отчеты, фотографии пляжа и записи того, что она узнала от ясновидящих. Целый год провели они в поисках, но не нашли никаких следов, и вот теперь, как всегда случайно, получили намек, чуть-чуть приближавший их к цели.

— Двадцать пять? — спросил Икки.

— Тридцать штук.

— Вот для чего они крадут детей. Я в этом уверен. Носом чую.

Новая граница лежала в восьми километрах к югу от Яффy, но, чтобы предупредить проникновение нелегалов, армия поставила еще один блокпост — с северной стороны города. Икки вел машину вперед, глядя на бетонную стену в ста метрах от них и на неширокий въезд, ведущий к шлюзу — начиненному электроникой туннелю, напоминающему автоматическую мойку для машин. Подводишь автомобиль к въезду, шлюз втягивает ее внутрь и продвигает сперва вперед, потом назад. Только вместо щеток и воды ее ощупывают лазеры, сканирующие машину и всех, кто в ней находится, в поисках малейших следов взрывчатки.

Желающих посетить Яффy было немного, в очереди у шлюза стояло всего два автомобиля.

— Мне кажется, там что-то не в порядке, — сказал Икки.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал, — по-моему, там что-то не так.

— Где?

— Там, — сказал Икки. — Я не знаю что. Просто — там что-то должно случиться.

У блокпоста все было как обычно. Солдаты в бронежилетах, два автомобиля, бетонная стена с натянутой поверху колючей проволокой, светящийся туннель шлюза, а за ним — ярко-голубое небо над крышами Яффy. Защитная стена тянулась до берега моря и уходила в воду.

— Икки, — напомнил Брам, — нас ждут. Новости насчет Сары, ты не забыл?

— Ну и язва же ты, — заметил Икки, не глядя на него.

— Да объясни же наконец. Что ты чувствуешь?

— Не знаю. Беспокойство. «Шестое чувство».

— И что ты им чувствуешь?

— Что-то. Не знаю что.
— Там, у контрольного пункта?
— Да.
— А поконкретнее?
— Да не знаю я! — выкрикнул Икки. Он беспомощно поглядел на Брама и вздохнул. — Извини. Я и сам не понимаю, что со мной.
— А что случится, если ты об этом никому не скажешь?
— Не знаю.
— Ты это когда-нибудь проверял?
— Что ты имеешь в виду?
— Это твое «шестое чувство» — ты с кем-нибудь о нем говорил?
— Ты хочешь сказать, с психоаналитиком?
— Например.
— Это еще зачем?
— Потому что оно мешает тебе.
— Ничего мне не мешает.
— Ах, не мешает? Ты считаешь, это украшает жизнь?
— Да.
— У нас назначена встреча, — напомнил Брам.
— Знаю.
— Ну?

Икки, продолжая смотреть на стену, медленно кивнул, словно собираясь с силами:

— О'кей.

— Отлично, — сказал Брам.

И Икки подвел автомобиль к въезду в туннель — как раз подошла их очередь.

Из-за постоянных призывов мировой прессы к «равенству перед законом» проезжавших контролировали на обеих сторонах блокпостов, хотя с момента последней акции евреев-террористов, взрывавших бомбы в арабских деревнях Израиля, прошло одиннадцать лет. Эти взрывы послужили поводом для отделения арабских деревень в Галилее. Теперь и арабы Яффы пожелали присоединиться к «своим». Страна, населенная евреями, сжалась до окрестностей Большого Тель-Авива.

Один из солдат у стены сделал им знак остановиться. Словно это было необходимо. Словно если тебя не остановить, ты взорвешься.

Это оказался Хаим Плоцке, толстый, румяный, рыжий еврей. Когда Брам преподавал в местном университете, Плоцке был его студентом; сейчас он проходил очередную трехмесячную службу. Брам опустил стекло.

Плоцке сразу узнал его:

— Профессор Маннхайм?

— Привет, Хаим.

В прошлом году Брам встретил его в больнице, доставив очередного пациента в приемный покой. Плоцке ожидал результатов обследования, которое проходил его сын: мальчик упал, играя в футбол, и подвернул ногу. Брам вспомнил, как сказал ему тогда: «Пока мальчишки играют в футбол, у нас остается надежда».

Плоцке наклонился к нему:

— У вас все хорошо, профессор?

— Да. А у тебя? Как поживает футболист?

— Лонни у нас — настоящий талант. Он сейчас в Польше, проходит проверку. Они присылали специального человека, чтобы отвез его туда.

В 2022 году варшавская команда «Легия»³ выиграла Кубок Европы. Поляки

³ Команда существует и принадлежит Центральному спортивному клубу Войска Польского.

отпраздновали эту победу со спокойной гордостью, как новое подтверждение своего статуса ведущей, богатейшей нации Европы.

Брам сказал:

— Ты должен заключить с ними самый выгодный контракт.

— Лонни пробудет там три недели. Он у нас молодец. — Хаим оглядел машину и добавил: — А вы все ищете приключений?

— Разве в Яффу ездят только за этим?

— Понятия не имею, — ответил Плоцке.

Тогда, в больнице, он рассказал, что после отъезда Брама в Принстон прекратил изучение истории и занялся разработкой компьютерных программ.

Плоцке повернулся к Икки:

— А вы?

— А я ишу приключений.

— Мы ищем пропавшего ребенка и, кажется, напали на след, — вмешался Брам.

Плоцке знал об их работе. Он спрашивал, чем занимается Брам, когда они виделись в последний раз.

— А они знают, что вы приедете? — спросил он, имея в виду полицию Яффы. При малом количестве населения, сотнях видеокамер и мобильных постов биохимического контроля полиция могла без труда контролировать город.

— Нет, мы им не звонили.

— Может быть, мне позвонить? Я передам им ваши приметы, да и британский «ровер» трудно не заметить. Или его привезли из Австралии?

— Из Австралии, — кивнул Икки.

— Если нетрудно, позвони, — сказал Брам.

Плоцке подал каждому из них по клочку ваты, завернутому в целлофан.

— Вам этого никогда не делали?

— Я читал об этом, — ответил Брам.

— Проведете ваткой во рту, потом сунете ее в ящик сканнера, — сказал Плоцке и обратился к Икки: — Теперь заезжайте в туннель. Вы должны оставаться в машине. Откройте «ветрячки» и подчиняйтесь командам. Да, выключите, пожалуйста, мотор.

Плоцке отступил в сторону, давая им дорогу.

Икки подвел «ровер» к въезду в туннель, не отрывая взгляда от мигающей красной лампочки. Как только она загорелась ровным светом, он поставил машину на ручной тормоз и выключил двигатель. Система пришла в движение и подхватила автомобиль. Стены туннеля были напигованы сенсорами, которые видели, обоняли, сравнивали, могли заглянуть даже внутрь желудка и узнать, хорошо ли переварился там сегодняшний завтрак.

Они вытащили клочки ваты из целлофана и проделали то, что велел им Плоцке.

Разглядывая мокрый комок ваты, Брам спросил:

— А что теперь?

— Эту штуку надо будет засунуть в такую хреновину, — сказал Икки.

— Ну спасибо, объяснил. Как ты себя чувствуешь?

Икки пожал плечами:

— Такой же шлюз поставили на въезде в Хайфу. И на полпути в Иерусалим. Они сейчас видят нас насквозь. Представляешь, как им интересно разглядывать меня!

— Я спрашиваю, как проживают твои предчувствия?

— Спасибо, хорошо.

— Чего ты, собственно, испугался?

— Почему ты используешь прошедшее время?

Они медленно двигались вперед.

Икки сказал:

— Я прочел еще кое-что про ДНК, касательно древнего вопроса, кто такие на самом деле евреи. В ДНК из поколения в поколение остается неизменной только мужская Y-

хромосома. Которая передается от отца к сыну. А раввины устанавливают еврейство по материнской линии, так что их идеи — это вчерашний день. Еврейка, которая рождает дочь от гоя, получает девочку с одной еврейской и одной гойской X-хромосомой, от отца-гоя. Если теперь ее дочь родит девочку от гоя, эта девочка может получить уже две гойские X-хромосомы, но все равно в глазах раввината останется еврейкой, хотя физически в ней ничего еврейского не осталось. Понимаешь?

— Почти. Ну и что?

— То, что мы узнали о ДНК, позволяет понять, какой бардак царит в раввинских правилах.

— Я пошлю мэйл в Главный раввинат, — предложил Брам, — чтобы, начиная с сегодняшнего дня, евреями считались только те, у кого отец еврей.

Их дискуссию прервал голос Плоцке:

— Ватки в сканнер, пожалуйста.

По обе стороны от автомобиля выдвинулись стальные ящички, и голос Плоцке повторил:

— Ватки в сканнер, пожалуйста.

Они сунули ватки в ящички, немедленно скрывшиеся в стене, — прошло десять секунд, и их принадлежность к еврейству была доказана.

Брам повернулся к Икки:

— Ты хочешь сказать, что сейчас ехать в Яффу неразумно?

— Нет. Но мне кажется, здесь что-то не совсем в порядке.

— Здесь?

— Да.

— Ты куда-то не можешь ехать?

— Никуда.

Но результаты проверки уже появились на экране перед Плоцке, его голос прозвучал у них над головой:

— Проезжайте, профессор.

— Мы сразу вернемся, — ответил Брам, — спасибо.

— До скорого, — откликнулся Плоцке.

Икки завел мотор, автомобиль выехал за ворота и, лавируя между бетонными блоками, выбрался на дорогу, ведущую к окраинам Яффы.

3

В прошлой жизни Брам с Рахель беззаботно бродили по переулкам Яффы. Малыш был надежно упакован в специальный рюкзачок, висевший у Брама на груди. Арабов в ту пору почти невозможно было отличить от израильтян, их женщины носили юбки и не закрывали лиц. Именно тогда приводили в порядок старые дома, повсюду появлялись кафе с террасками, пассажи и рестораны, туристы фотографировали белые камни, с которых только что смыли пыль веков; древняя крепость казалась юной — не старше ребенка, спавшего у него на груди.

Теперь дамы Яффы носят паранджу, а мужчины отрастили бороды и нарядились в долгополые *джеллабы* и шлепанцы.

Старый город Яффы невелик, однако они потратили на поиски нужного адреса целых двадцать минут. Наконец, свернув в узкую улочку, застроенную высокими домами с покосившимися балкончиками и облезлыми оконными рамами, Икки остановил автомобиль перед дверями кафе. Они вошли.

Зеленоватый свет падал на деревянные столы и куфии десятка арабов. Пол был выложен грязно-желтой плиткой; вентилятор, подвешенный к потолку, взбалтывал тремя широкими лопастями тяжелый, провонявший табаком, дымный воздух. Никто даже не

взглянул на них, словно появление евреев здесь — дело обычное. Один из арабов сидел в одиночестве перед чашкой чаю, облокотясь на стол и зажав в пальцах сигарету. Как и остальные, он не сводил глаз с экрана, висевшего над дверью. На экране шел матч чемпионата США по баскетболу. Черные гиганты, пританцовывая, перебрасывались мячом. Икки обернулся к Брам, словно тот мог ему помочь. Но чем мог помочь Брам, если встречу назначал Икки? Икки, подумав, подошел к одинокому арабу и нахально уселся за его стол. Араб принял это как должное, кивнул, окинул Брама быстрым, подозрительным взглядом и снова уставился на экран.

Икки говорил Брам, что они специально условились о встрече на людях: араб не мог поверить, что они явятся безоружными. Полный бред, если кто-то просит о встрече на людях, значит, ему комфортнее быть среди своих. В кафе любой мог прийти на помощь арабу. Брам взял стоявший поблизости стул и сел рядом с Икки.

Араб ткнул сигарету в переполненную пепельницу. Голову его покрывала куфия, как у всех, но лицо было чисто выбрито. И никаких следов пота на щеках. На правой руке красовался «ролекс», без сомнения — поддельный. Прикидывается, что баскетбол интересует его больше, чем деньги Брама. Сплошная показуха. Ничего, кроме денег, ему не надо.

— Джонни — это ты? — спросил Икки.

Араб покосился на него и кивнул. Ум и ирония светились в его глазах.

— Джонни, да. А тебя зовут Шон?

— Шон, — согласился Икки.

— Чудесное ирландское католическое имя, — вздохнул Джонни.

— Меня назвали в честь американского актера, — пояснил Икки. — Шон Пени.

— Знаю такого, у него отец был еврей.

— Прекрасный актер, — заметил Икки, пораженный широтой познаний собеседника. Мрачное выражение наконец исчезло с его лица.

— Но глуп, как пробка, — оживился Джонни. — Нечего было ему лезть в Сенат.

Икки посмотрел на него весело и спросил:

— А тебя в честь кого назвали?

— В честь Тарзана. Джонни Вайсмюллера.

Икки радостно хихикнул. Абсурдность Джонни ему нравилась.

— Вайсмюллер был прекрасным пловцом. Но плохим актером, хотя и безумно популярным. Родители его — эмигранты из Венгрии.

Продолжая следить за игрой, Джонни заметил:

— Говорят, его мать была еврейкой. И я считаю его хорошим актером.

— Этого я не знал, — удивленно промолвил Икки и покосился на Брама. Он явно находил разговор забавным: чего угодно можно было ожидать, но встретить поклонника Тарзана в Яффе...

Джонни кивнул, удовлетворенный ответом. Не отрывая глаз от экрана, он сказал:

— Ты многого не знаешь из того, что знаю я. В тысяча девятьсот двадцать четвертом году, сто лет назад, Вайсмюллер выиграл золотую медаль во время Олимпиады в Париже, на дистанции сто метров вольным стилем. Ровно пятьдесят девять секунд. Сейчас рекорд сорок одна и восемнадцать сотых. Но в его время это был сенсационный результат. Фантастическая жизнь. А умер совсем один, в Мексике. В Акапулько. Дом сохранился, они называют его *Casa de Tarzan*, принадлежит какому-то отелю, его можно снять. Круглый дом, розовый, я видел фотографии. Был женат пять раз, это его и доконало. Все деньги на этих сук спустил. Но фильмы о Тарзана перестали снимать, а в другие его почти никогда не приглашали. Одно время он, чтобы заработать, нанимался в казино в Лас-Вегасе — встречал в дверях гостей. Представляешь? Великий Вайсмюллер в вестибюле казино! Я так никогда и не узнал, какое казино это было: «Фламинго» или «Дворец Цезаря». Умер в бедности, и все-таки его не забыли. Похоронен в Акапулько. На его могиле можно послушать знаменитый «зов джунглей». Смотри-ка, хороший бросок.

Брам повернулся к экрану и увидел замедленный повтор броска. Игрок взлетел к кольцу и обеими руками опустил в него мяч. Мужчины в кафе заплодировали.

Джонни пояснил:

— Измаил Хамдар. Его родители уехали из Хеврона в двухтысячном году. Родился в Хьюстоне. Два метра пять. Я поставил на него три сотни.

Он подозвал человека, разливавшего у соседнего стола черный, как деготь, кофе, высоко поднимая серебристую джезvu и элегантно наклоняя ее над чашечками, и спросил по-арабски еще два стакана чаю.

— Если Хамдар заработает тридцать очков, я получу вдвое больше.

— Тридцать — это много, — заметил Икки.

— В последних десяти играх он набирал в среднем по тридцать шесть очков, — парировал Джонни.

— Сколько тебе еще осталось?

— Двадцать два.

— Много.

— Хамдар сейчас в наилучшей форме. Ему надо только чуть-чуть разогреться.

Джонни вытянул из мятой пачки сплюсненную сигарету, прикурил от древнего «ронсона» и сказал:

— Когда-нибудь я посмотрю его игру вживую.

— В Хьюстоне?

— В «Хьюстонских ракетах». ⁴ В зале «Тойота».

— Тогда и я с тобой поеду, — сказал Икки.

Джонни повернулся к Брам:

— А ты?

— Что — я?

— Ты с нами поедешь?

— Конечно, поеду.

— Втроем, значит, — с удовольствием заключил Джонни.

Брам подумал, что пора заканчивать ритуальные пляски:

— А чем-нибудь другим мы не можем втроем заняться?

— Мы можем посмотреть на лос-анджелесских «Клипперов», — кивнул Джонни, освобождая место на столе для прибывшего тем временем чая. — И конечно, на *Casa de Tarzan*.

Икки обхватил ладонями стакан, словно хотел согреть руки; на самом деле ему стало неловко из-за вмешательства Брама. В кафе было не меньше тридцати градусов. А вентилятор лишь равномерно разгонял дым по всему помещению.

— Брам имел в виду девочку, — проговорил Икки.

Джонни поднял глаза:

— Брам — это ты?

— Да. Брам. Авраам. Ибрагим.

Икки смотрел на него выжидательно, хотел, чтобы как можно скорее стало ясно: он — подчиненный Брама.

— Я хочу перейти к делу, — сказал Брам.

Джонни скрылся за дымовой завесой.

— Конечно, перейдем к делу, хоть сейчас.

— Мы должны сперва разобраться, что каждый из нас имеет в виду.

— Вне всякого сомнения, — равнодушно ответил Джонни.

— Я пока не видел подтверждений.

— У меня они есть.

⁴ Знаменитая американская баскетбольная команда.

— Можно посмотреть?

Джонни пошарил под столом и достал кожаную папку. Он открыл замочек, вытащил конверт и протянул Брам:

— Только здесь не открывайте. После посмотрите.

— Но я должен получить подтверждение сейчас.

— Не теперь. Я не хочу, чтобы другие видели.

Икки шепнул:

— Самир сказал, что ты все знаешь.

— Самир ведет себя, как глупая баба. Он ничего не знает.

— Мы перейдем наконец к делу или нет? — спросил Брам. Он понимал, что давить на араба неразумно, но не мог справиться с накотившей злобой. В конце концов, они не поддержанную машину приехали покупать.

— Мне не нравится вести дела, — холодно отрезал Джонни, — если мы заранее не договорились, в чем они состоят.

— Девочка, — сказал Брам, — Сара Лапински. Пропала три года назад.

Брам вытащил из кармашка рубахи сложенный листок бумаги и положил на стол. Это была копия цветной фотографии. Брам вспотел, и бумага стала чуть влажной. Джонни даже не притронулся к ней.

Брам сказал:

— Посмотрите. Это компьютерная обработка старой фотографии: так Сара должна выглядеть теперь, ей через три месяца исполняется восемь лет. Три года назад она исчезла с пляжа. Ее искали, прощупали морское дно в окрестностях, сделали объявление по телевидению. Ее видели в Герцлии, в Рамалле, даже в Норвегии, в Осло. Какие-то психи задерживались на работе, чтобы послать мэйл, что видели ее во сне и абсолютно уверены, что ее продали в гарем, в Эр-Рияд или Исламабад. Или что она пасет овец на ферме в Новой Зеландии. Пришло время вернуть ее домой. Мы привезли деньги. Так что мы готовы перейти к делу, если ты поможешь нам ее найти. Мы больше не будем задавать вопросов. Мы хотим одного: вернуть ее домой.

Мужчины позади Брама заплодировали. Джонни поглядел на экран:

— Осталось двадцать очков.

— Слушай, Джонни, речь идет о девочке. — Голос Брама звенел от злости. — Ты можешь понять, что есть люди, которые ее очень любят? Или у тебя мозги усохли и в голове осталась только ненависть к жидам и восторг перед великими талантами арабских торговцев? Так мы как раз и приехали кое-что купить.

— Думаешь, ты чего-то добьешься, если будешь меня оскорблять? Одно неверное движение, и мы с удовольствиемотрежем тебе голову. Фильтруй базар.

— Ты блефуешь, — отозвался Брам, понимая, что отступать нельзя. — Тебе нечего нам дать. И ты ни хрена не знаешь о девочке.

— Я деловой человек, — ответил Джонни. — Я знаю, когда могу добыть просимое, а когда нет.

— Просимое — Сара.

— Вы меня не поняли. Сары больше нет.

Икки облизал губы и испуганно поглядел на Брама.

— Ты, значит, вызвал нас сюда, ничего не собираясь нам дать? — спросил Брам агрессивно.

Джонни равнодушно пожал плечами:

— Самир — он у нас мечтатель.

— Пошли отсюда. — Брам поднялся со стула, но Икки схватил его за руку.

— Я много лет знаю Самира. Он сказал, нам надо поговорить с тобой.

— Не понимаю, чего я тут с вами разговариваю, — отозвался Джонни. — Ну ладно, Самир собирался сообщить вам нечто особенное. Поэтому я вас и позвал.

— Что? — Брам сел.

— Что она умерла.
— Умерла? — повторил Икки, вцепляясь титановыми пальцами в руку Брам.
— Что девочка умерла полгода назад.
— А Самир знал об этом? — спросил Брам.
— Нет.

Икки лихорадочно подыскивал слова, но так ничего и не сказал.

— Умерла от чего? — спросил Брам.

Внимательно рассматривая тлеющий кончик своей сигареты, Джонни сказал:

— Насколько мне известно, она заболела семь или восемь месяцев назад. И через несколько недель скончалась. — Он снова поглядел на экран. — Я хочу сказать, нам не о чем говорить, раз она умерла. Этого не должно было случиться, но это случилось. И ее не бросили, как собаку, в яму. Ее похоронили, как положено.

— И кадиш прочли? — пробормотал Икки.

Джонни покачал головой:

— Ты на какой звезде живешь? Конечно, нет.

— Она была еврейкой, — произнес Икки непреклонно.

Джонни затушил сигарету и тут же достал новую. «Ронсон» в его руке выплюнул язычок пламени. Он старался вести себя, как крутой парень, но видно было, как тяжело ему сообщать такие новости.

Брам спросил:

— Ты можешь назвать имена?

Джонни поглядел на него с жалостью:

— Ты это серьезно?

— Где она похоронена? — спросил Икки.

— В освященной земле. Она теперь, должно быть, в раю, иншалла, — он снова поглядел на экран. — Осталось восемнадцать очков. Грандиозный парень. — И повернулся к Икки: — Мне очень жаль. Могу себе представить, что вы чувствуете. Такая, *excusez le mot*,⁵ херня вышла...

4

Икки молча выводил автомобиль из лабиринта переулков. Брам тоже молчал. Икки не довел расследование до конца, оказался Джонни мошенником — им пришлось бы заплатить деньги за умершую девочку. Стояла жуткая жара, а кондиционер в «ровере» сломался. Брам открыл со своей стороны окно, и это беспокоило Икки. Дурные предчувствия не оставляли его. Презрительно сжав губы, он нервно вел автомобиль по улочкам арабского города.

Брам заглянул в конверт, полученный от Джонни. Там оказалась фотография Сары, она лежала на спине, сложив руки, словно спала; белое платье, розы и гиацинты на груди, глаза закрыты — снимок, сделанный на смертном одре. Брам убрал фотографию в конверт. Может, потом у него достанет сил снова посмотреть на нее.

Теперь можно закрывать дело.

В первые недели родители, обратившиеся к ним за помощью, звонят по десять раз на день, посылают эсэмэски, мэйлы, пытаются принимать участие в розысках, надеясь заглушить боль потери, и от этого неизбежно возникают личные связи. Делом Сары Лапински занимался Икки. Если бы им удалось выкупить девочку, Икки сам позвонил бы ее матери. Плохие новости сообщал Брам. Обязанность сообщать о катастрофах лежала на нем, как на старшем из партнеров. Двадцать восемь раз приходилось ему делать это. В армии служили офицеры, которым приходилось десятки раз посещать семьи погибших. Приказ командира — у них не было выбора. У Брама выбор был. В шести случаях им удавалось

⁵ Извините за выражение (*фр.*).

отправить на поиски могил полицию, но, хотя именно полицейский звонил в двери и сообщал родственникам грустную новость, Брам приходилось при этом присутствовать. Он никогда не видел Батьи Лапински, а теперь именно он должен сообщить ей о смерти дочери — если, конечно, Джонни не соврал. Убедительно ли выглядит фотография? В этом Брам не был уверен.

Он сидел на своем месте, глядя вперед. Икки упрямо молчал. И вдруг отчаянно заорал:

— Да, я знаю, я совершил ошибку! Ну, извини!

— Твой приятель Самир надул тебя.

— С этим *asshole*⁶ я еще разберусь. Мы не можем вернуться другой дорогой?

— Нет.

— К блокпосту ведет только одна дорога?

— Да.

— *Shi-i-it*,⁷ — протяжно выдохнул Икки.

— Предчувствия?

— Опять твой сраный сарказм.

Они миновали рынок неподалеку от блокпоста. Женщины, закутанные в паранджу. Мужчины в нелепо-просторных женских платьях.

— Ее мать, — сказал Икки, — придется рассказать ей.

— Я знаю.

— Я сам расскажу, — пробормотал Икки. — Я виноват.

— В чем?

— Я дал ей надежду.

— Ты что-то рассказал ей?

— Почти ничего.

— Почти ничего — это слишком много.

— Ты уверен, что нет другой дороги? — спросил Икки, снижая скорость.

— Господи, Икки, заткнись, псих несчастный, — не выдержал Брам. — Езжай куда едешь!

Икки осуждающе покачал головой, но прибавил газу.

Старый город остался позади, они подъезжали блокпосту. Стена, электросенсоры, камеры и переходной шлюз — выходит, евреи фактически смирились с тем, что Яффа больше им не принадлежит. В городе они не встретили ни одного еврейского солдата. Армия следила за порядком с воздуха, а стены, крыши, дороги были наспигованы электроникой; иногда аппаратуру скрывали даже под многослойными одеждами женщин. Слишком опасно было посылать туда патрули.

Время — час дня. Скоро улицы Яффы опустеют: жители разойдутся по домам в поисках прохлады.

Икки выпрямился и вцепился в руль, словно это могло его успокоить.

— У блокпоста никого нет, — сказал Брам. — Никого, кто мог бы нанести нам вред. Что там может случиться?

— Маскарад, — ответил Икки, — маскарад, несущий страдания.

— Ты именно это чувствуешь?

— Да.

— А с Самиром у тебя предчувствий не было?

— Все время ныл.

— Это благодаря Самиру ты сейчас наложил в штаны от страха. Если б не его ложь, тебе не пришлось бы сюда ехать.

⁶ Задница (амер.).

⁷ Дерьмо (англ.).

— Может, он и сам не знал.

— Кажется, ты только что собирался с ним разобраться?

— Какая Самиру выгода от того, что он послал нас к Джонни?

— А пачечка банкнот, которую мы захватили с собой? Самир и представить себе не мог, что Тарзан окажется таким честным. Только подумай, Икки, кого мы встретили: честного араба, которого звать Тарзаном. Помешанного на баскетболе.

— Самир посмеялся бы вместе с нами.

— Кстати, о баскетболе. Сколько времени сейчас в Хьюстоне?

Икки пожал плечами:

— Семь часов разницы?

— Восемь. Там сейчас раннее утро. Или передача идет в записи.

— Ну и что?

— Он сказал, что поставил деньги. Но это старая запись. Он наврал нам.

— Ну и что? — повторил Икки.

— Зачем это ему? Зачем ему надо было показать нам, что он игрок?

— Я знаю одно: ты — самый большой параноик из всех, с кем я знаком. Когда ты собираешься поговорить с матерью Сары?

— Прямо сейчас... нет, сейчас мне надо на работу. Завтра. Я схожу к ней завтра.

— Раньше ты так не говорил, раньше ты говорил, что родители должны сразу...

— Так то раньше. А теперь будет по-другому. Я пойду завтра, о'кей?

Икки ударил по тормозам, и машина резко встала. Это, без сомнения, должно было привлечь внимание солдат. Три сотни противотанковых ракет взяли их на прицел.

— Я так не могу, — сказал Икки.

Брам, потеряв терпение, заорал:

— Черт побери, провидец хренов! Хватит выдрючиваться! Вылезай, я поведу!

Икки кивнул. Они вылезли и обменялись местами. Мобильник Брама бибикнул. Он торопливо выхватил трубку из кармана, взглянул на экран: «номер не определен». Брам нажал кнопку «громкой связи».

— Профессор?

— Хаим?

— Профессор, что с вашим автомобилем?

— Все в порядке, просто мне захотелось попробовать... Никогда не водил машин с правым рулем.

— Не самое лучшее место вы выбрали, профессор.

— Больше никогда не будем так делать, Хаим.

— Я проведу вас через шлюз побыстрее.

— Спасибо. Откуда у тебя мой номер?

— Чему ж тут удивляться, если в моем компе записано, в котором часу сегодня утром пописал ваш пес. В каком, собственно, времени вы живете, профессор?

С некоторых пор Брам плохо ориентировался во времени. Который сейчас год? И как далеко продвинулись наука, техника, нравственные нормы? Одно он знал точно: время твердой веры в завтрашний день, который станет чудесным продолжением сегодняшнего, продолжением успехов, честлюбивых надежд, сознательной ответственности и любви — давно прошло и не вернется.

— В давно прошедшем, Хаим, — ответил он.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Тель-Авив
Двадцатью годами раньше
Апрель 2004*

Большинство историков мира попадали бы в обморок от счастья, получи они предложение, которое Брам не решался принять. Пока еще никто из их круга (кроме, конечно, Рахели), не знал о нем. И если Брам примет его, то станет в глазах друзей дерьмом и ничтожеством. Отъезд из Израиля всегда считался не вполне приличным деянием; уехавший надолго, укрывшийся в одной из западных стран не вызывал к себе иного чувства, кроме общенационального презрения. Впрочем, в презрении присутствовала изрядная доля зависти. Кому не хотелось убраться подальше от этого сумасшедшего дома? Кому свободно дышалось в вонючей атмосфере скандалов, сотрясавших страну? С одной стороны, всякому хотелось уехать, с другой — никто не желал ни отказываться от участия в невероятном эксперименте, затеянном Израилем, ни способствовать его провалу.

Это была его страна, его песок и камни; наверное, существовали на земле и другие города, где можно бродить среди ночи у моря, под старыми пальмами, наслаждаясь теплым ветром, но Брам врос в эту землю: здесь он нашел жену, здесь родился их сын, здесь написана работа, сделавшая ему имя в научных кругах, здесь он стал профессором.

Сперва Брам пытался поймать такси у перекрестка улиц, застроенных близко поставленными невысокими домами. Сразу видно, что находишься в сердце старого Тель-Авива: фонарей совсем мало. Можно, конечно, вызвать машину по мобильнику, но разве плохо прогуляться теплым вечером? И он пошел пешком к более оживленному месту — улице Бограшова.⁸ Набросив пиджак на плечо, Брам придерживал его, сунув в петельку вешалки указательный палец; на другом плече висел объемистый коричневый портфель.

Сегодняшнее собрание затянулось. Два часа назад мобильник требовательно пискнул, на экране высветился американский номер, и ему пришлось, извинившись, выйти из аудитории, где они торчали с восьми вечера. В пустом коридоре, под холодным светом люминесцентных ламп, Брам нажал на кнопку и услышал в трубке голос Фредерика Йохансона, шефа департамента истории Принстонского университета.

Они знали друг друга по конгрессам и специальным журналам. Йохансон — потомок шведских пиратов, похожий на неандертальца гигант с грубыми руками и крупным лицом (всегда кирпично-красным: то ли от алкоголя, то ли от повышенного давления, то ли по причинам генетическим), роскошной копной светлых волос и белесыми, как у альбиноса, ресницами — уже звонил днем, но Брам как раз читал лекцию и отключил телефон. Потом он пытался перезвонить, но Йохансона не оказалось на месте. Теперь, в одиннадцать вечера, они, наконец, соединились. Семь часов разницы с Америкой, где вечер еще и не начинался.

Три недели назад Йохансон уже звонил ему. Один из историков его департамента собрался на пенсию. И если Брам прямо сейчас пришлет документы, Йохансон гарантирует ему получение профессорской должности. Брам попросил дать ему время подумать.

Лекции кончились в шесть с четвертью, и Брам в своем университетском кабинете занялся подготовкой к завтрашнему дню и к вечернему собранию «мирной инициативы». Во время ланча в студенческой столовой — вокруг разворачивалось высококлассное дефиле-шоу, которое давали прелестные студентки, демонстрируя сверкающие плечи, ниспадающие водопадом локоны и коротенькие, спущенные на бедра юбчонки, обнажающие животики и изумительные ноги, — он обсудил идею Йохансона с женой. Рахель сказала, что не может решать за него, это его работа, ему и решать — ехать или оставаться. Она будет довольна в любом случае. Но Брама продолжали мучить неясные сомнения. И тогда она сказала:

— Тебе ведь на самом деле хочется поехать. Соглашайся. Это большая честь. Такой шанс нельзя упускать. И Бену там будет хорошо.

⁸ Улица в старой части Тель-Авива, ведет к пляжу с тем же названием.

— А тебе? — спросил он, заранее зная ответ.

— Мне хорошо там, где хорошо тебе.

Итак, Йохансон позвонил сразу после одиннадцати. Писк мобильного прервал монолог Ицхака Балина, который, проведя несколько часов в жаркой, душной комнате, нисколько не вспотел и даже не ослабил узел своего — как всегда экстравагантного — галстука. Поверх стильных узеньких очков он возмущенно воззрился на Брама, извлекающего из кармана телефон. Балин был невысоким человечком лет пятидесяти, непрерывно, со страдальческим выражением лица долдонившим о честности и преданности. Пацифизм был истинной его профессией, и Балин занимался им с упоением.

Брам двинулся к выходу и, пробормотав «извините», прикрыл за собой дверь. Будущее Ближнего Востока он оставил на попечение семи мужчин и двух дам: все, кроме Балина, в рубашках и блузках с закатанными рукавами; на их восторженных лицах не было места ни отчаянию, ни унынию. Битых три часа они пытались, поглощая тепловатую воду и горький кофе, избавиться от мерзкого привкуса печенья, изготовленного матушкой Балина, Сарой Липман. Печенье обязаны были есть все — из солидарности. Солидарность в их кругу ценилась весьма высоко.

Из обшитого дубовыми панелями кабинета в далеком Принстоне, где зима демонстративно не желала отступить, Йохансон спросил:

— Ну, ты решил?

И Брам, стоя посреди пустого коридора, ответил:

— Да.

— Я не слишком поздно позвонил? Может быть, перезвонить завтра?

— Нет-нет, мы вполне можем говорить, — уверил его Брам и покосился на дверь, боясь, что его услышат.

— Ты принял какое-то решение?

— Принял.

Йохансон замолк, и Брам мысленно взмолился, чтобы Йохансон понял его правильно. Понял, что значит для него солидарность с Ицхаком, с Сарой и Ури, и со всеми остальными, даже, может быть, со всей страной, которую он предаст, если согласится сейчас на это заманчивое предложение. Уехать хотелось страшно. Восемнадцати лет он перебрался в Израиль из Голландии, потому что решил поступить в Тель-Авивский университет, чтобы жить поблизости от отца, — и остался. Принял израильское гражданство, служил в армии и участвовал в боях, а в Наблусе, вместе со своими солдатами, даже убил террориста. Прошло пятнадцать лет, и ему захотелось уехать. Но отъезд означал предательство. Правда, Брам собирался каждый год возвращаться, чтобы пройти сборы резервистов, но здесь речь шла о товарищах по оружию. Людях, готовых отдать за него жизнь, людях, ради спасения которых он пожертвовал бы собой. Они ни в коем случае не являлись причиной его отъезда. Как устал он от высоких слов и серьезных вопросов, как хотелось ему никогда больше не думать: «Они отдали за меня свою жизнь». Он мечтал стать скучным профессором в скучном городишке, чтобы слова «право на существование» потеряли зловещую реальность и вновь стали исторической абстракцией. В свои тридцать три года он вдруг почувствовал, что устал. Не из-за Бена, который все еще просил есть по ночам, — Рахель кормила его грудью, — но из-за заседаний, на которых, вот уже три года, ему приходилось присутствовать. Берлинские соглашения,⁹ принятые при активном участии Балина, ни к чему не привели. Но они продолжали планировать всенародное обсуждение Соглашений, хотя, кажется, сам Балин пытался устраниться и сохранить *status quo*.

Так же как некоторые другие члены группы, предложившей «Соглашения», Балин

⁹ Автор пародирует «Женевскую инициативу», предложенную 1 декабря 2003 года Йоси Бейлином и Ясиром Абд Раббо и включавшую в себя отказ Израиля от 96 % всех контролируемых в результате войны 1967 года территорий и от половины Иерусалима, плюс «возвращение» некоторой части палестинских «беженцев» на территорию собственно Израиля.

рекрутировал участников по всему миру и добился европейских субсидий. Подавляя гнев и ощущение безнадежности, он сражался с палестинцами за каждую запятую. «Речь идет о подготовке документов, которые должны продемонстрировать возможность исторических компромиссов», — неустанно повторял Балин своим собеседникам. Предполагалось, что они должны работать, словно получили согласие властей своей страны, словно документы, которые они составят, немедленно подпишет президент. Многие годы они, предвкушая внимание и изумление мировой прессы, тайно готовились предъявить миру результаты своих трудов.

Первого декабря прошлого года, то есть пять месяцев назад, в Берлине было устроено впечатляющее шоу, которое Брам наблюдал из дома, сидя у телевизора. Ричард Дрейфус (актер, снимавшийся в «Челюстях») выступил в роли модератора. В Берлин прилетели бывший американский президент Джимми Картер и только что сложивший свои полномочия поляк Лех Валенса, чтобы приветствовать «Соглашения» и придать им историческое значение, а Нельсон Мандела прислал видеообращение. Сотни журналистов освещали шоу во имя мира. Даже Брам не мог сдерживать восторг, наблюдая этот успех.

Но израильтяне в большинстве своем только пожимали плечами — не враждебно, скорее с усталой снисходительностью: ах, снова этот бывший политик Балин: без партии, без поддержки, без чувства юмора и способности видеть вещи в контексте времени; даже без жены (она за три месяца до того ушла от него к мачо, с которым вела в течение двух лет успешное теле-шоу), — но при поддержке европейских отмороzków, мечтающих о палестинском государстве, — этим приспичило помогать созданию диктатуры, управляемой террористами.

Палестинцы на «Соглашение» практически не отреагировали.

— Я могу и завтра позвонить, мне это совсем нетрудно, — сказал Йохансон.

— Нет-нет, сегодня тоже хорошо, — отвечал Брам, проходя в конец коридора — должно быть, там, внутри, слышны его шаги.

— В котором часу мне лучше позвонить? — спросил Йохансон.

— Нет-нет, я хочу сказать: мы можем поговорить прямо сейчас.

— Говори.

— О'кей, я говорю.

— О'кей означает, что ты согласен? — Голос Йохансона был полон надежды.

— Нет — это значит «нет». Я решил не ехать.

— Я правильно тебя понял? — удивленно переспросил Йохансон.

— Да, ты понял правильно.

Брам повернулся лицом к стене и прошептал — так, чтобы из-за двери в другом конце коридора его не могли услышать:

— Я не могу сейчас уезжать, у меня только что родился ребенок.

— Мне очень жаль, — ответил швед, — но, честно говоря, я ничего другого не ждал.

Досада, слышавшаяся в его голосе, выдавала шведа с головой: он не ожидал отказа.

— Но все же, — продолжал Йохансон, — может быть, мне удастся тебя уговорить?

И стал рассказывать, что обзвонил уже всех и получил поддержку кандидатуры Брама у большинства профессоров. Он мог бы вступить в должность в течение недели.

Брам разглядывал голые стены коридора, аккуратные плитки пола, люминесцентные лампы на потолке — все просто, удобно и недорого, без излишней роскоши. Это здание в сердце квартала Баухауз, с которого начинался Тель-Авив, никогда не украшалось. Явившись строить город своей мечты, немецкие евреи, выросшие под сенью югендштиля и барокко, захватили с собой один модернизм; эстетика ради эстетики казалась им ненужным балластом.

За дверью Балин, старушка Сара и остальные ждали, пока он закончит разговор. Объявлять об уходе из университета положено за шесть месяцев, в сентябре он смог бы уехать. Через восемь месяцев, в Принстоне, они с Беном будут лепить снежную бабу в саду. Дом будет деревянным, с верандой, двухместным гаражом и автомобилем на дорожке у

входа, с красным или зеленым почтовым ящиком на столбике у дороги. Он видел, как пласты мерзлого снега соскальзывают с островерхой крыши и падают вниз, разбиваясь на мелкие кусочки, птичьи следы на нетронутом снегу и скорлупки орешков, которые Бен насыпал в кормушку для голодных птичек. Брам придется оставить своих студентов, коллег, отца, которому в этом году исполняется семьдесят четыре года. Надо немедленно возвращаться в аудиторию, чтобы принять участие в обсуждении будущего своей страны. Солидарность — вот что он делит с ними и с той колоссальной абстракцией, которую они называют страной. Он и хотел бы освободиться от этого, но не может.

— Мне очень жаль, — сказал Брам гиганту, сидевшему у книжного шкафа красного дерева в американском кожаном кресле и глядевшему сквозь высокое окно на холодный дождь, пробуждающий от зимнего сна деревья университетского парка; кабинет у него, пожалуй, шикарнее, чем у премьера Израиля. — Я бы очень хотел, но не сейчас, может быть, через несколько лет. Фредерик, я... это невероятно лестное предложение, мечта всей моей жизни. Но пока не получается. Извини.

— Очень жаль. Ты все-таки подумай до понедельника и позвони. Кто-то из моих коллег предлагает на это место другого израильтянина, но мне бы хотелось работать с тобой. Всего доброго, Эйб.

Другой израильтянин. Брам страшно хотелось узнать, кого он имеет в виду, но спросить он не решился; и конечно, Йохансон никогда не назовет имени.

— И тебе тоже — всего хорошего.

Только через два часа Брам наконец покинул здание. Перед дверью распрощался с остальными и двинулся вперед, надеясь поймать такси. Он шел по плохо освещенной улице, ведущей к бульвару Ротшильда, мимо спящих домов с неопрятными палисадниками, мимо окон магазинов, закрытых железными ставнями, мимо плотных рядов припаркованных у тротуара пыльных, помятых японских машин и, пока шел, все сильнее жалел о своем отказе. Он решил позвонить Фредерику прямо сейчас и сказать, что обдумал все еще раз и согласен. Профессорство в Принстоне! Только псих может сравнивать это с такими неосознаемыми понятиями, как «страна» или «народ». Он остановился, поставил портфель наземь и, уже шаря по карманам в поисках телефона, заметил краем глаза троих мальчишек, вынырнувших из проулка. Можно не обращать внимания. Ты не в Чикаго.

Он вытащил из кармана телефон, но звонить не спешил — чтобы не выглядеть в глазах Фредерика несолидным. Да и стоит ли, в самом деле, звонить? Завтра утром, без сомнения, его решение снова переменится. Он постоял в задумчивости, потом убрал телефон и оглянулся, почувствовав, что за ним наблюдают.

Те трое мальчишек все еще стояли неподалеку. В полумраке казалось, что им не больше восемнадцати. Значит, в армии еще не служили. И прежде чем успел сработать неосознанный защитный рефлекс, возникший в форме вопроса: арабы или еврей-сефарды? — все трое разом пришли в движение, словно долго репетировали сцену перед зеркалом, и выхватили узкие ножи. Сталь сверкнула в слабом свете редких фонарей.

Брам не сразу понял, что все это значит: он не мог представить себе, что ножи предназначены для него, и изумленно оглядел мальчишек — кроссовки, широченные спортивные штаны, майки. Они стояли совсем близко, отделенные от него лишь узким тротуаром. Подхватив портфель, Брам отступил в сторону и встал между машин, запаркованных вдоль улицы.

Один из мальчишек перемахнул через капот автомобиля легко и грациозно, словно в сцене драки из китайского фильма, и оказался на мостовой, против Брама. Брам попытался укрыться за высоким бортом грузовика; тем временем остальные мальчишки присоединились к товарищу. Юные, нервные, самоуверенные. Несомненно, арабы: красавчики, нежные, почти девичьи лица без единого прыщика, миндалевидные глаза. Бедняки из Яффы, безработные, сидящие на пособии и имеющие достаточно времени, чтобы ежедневной тренировкой довести свои тела до совершенства боевых машин. Они походили

друг на друга, как кинозвезды: юные лица, ровные зубы, брови вразлет и типично семитские носы. «Должно быть, родственники, — подумал Брам, — одна из ветвей униженного клана». Они разом шагнули в его сторону, преграждая путь к отступлению, и изготовились к драке, чуть согнув в коленях ноги и подняв вверх ножи — словно профессиональные фехтовальщики, готовые к молниеносному обмену ударами.

— Деньги, деньги, — тупо повторял тот, что стоял в середине.

Брам прислушался к его акценту. Араб. Шелковистые усики. Зрачки расширены — от возбуждения или наркотиков? Он выглядел несколько старше остальных, на вид — лет двадцати. Брам, современному, прогрессивному израильтянину, понимавшему, с какими социально-экономическими проблемами сталкиваются молодые израильские арабы, не хотелось его ненавидеть. Эти мальчишки понятия не имели о том, чем он занимался нынешним вечером. Он должен им все объяснить.

— Я хочу вам кое-что рассказать. — Голос его звучал спокойно и властно. У него был опыт бесед с молодежью, он умел управлять своим голосом. Ему всегда удавалось успокаивать возбужденных студентов во время лекций.

— *Don't fuck with us*,¹⁰ — прошипел в ответ мальчишка, в глазах его плескалась бешеная ненависть, он явно получал удовольствие от насилия. — Отдай портфель.

Он протянул руку, но Брам сунул портфель между автомобилем и своей ногой.

— Деньги — пожалуйста, но в портфеле — моя работа, два года работы, касающейся...

Он не знал, как быть. В портфеле лежала рукопись, продолжение его исследований о бегстве и исчезновении палестинцев. В книге указывалось на то, что с предками этих мальчишек плохо обходились. И там была не только последняя распечатка, но и бесчисленные заметки от руки, делавшиеся им в течение целого года.

— Не отдашь портфель, мы тебя прирежем, ты этого хочешь?

Брам стало страшно, дыхание перехватило, сердце бешено заколотилось. А у мальчишки начался нервный тик: мышцы вокруг левого глаза пришли в движение, веко непроизвольно задергалось. Остальные глядели на Брама брезгливо, словно он был чудовищем, которое надо уничтожить, ядовитым гадом, которого надо раздавить.

Брам подумал, что не заслужил такого отвращения. Может быть, другие и заслужили, а он — нет. Правда, при его участии был убит палестинец, но то был вооруженный террорист, бандит, убивавший стариков поселенцев. Им надо было избрать другую жертву. Брам ни в чем не виноват перед ними.

— В этом портфеле — моя книга, — сказал он.

Горло у него пересохло, веки, как и у мальчишки, непроизвольно задергались (в китайских фильмах эта деталь отсутствует, но теперь-то он знал, что в смертельно опасных ситуациях люди яростно бросаются друг на друга, беспрестанно моргая).

— Речь в ней идет о тысяча девятьсот сорок восьмом годе, о Накбе¹¹ — я исследовал новые архивные материалы...

— Отдавай портфель, иначе подохнешь, — предупредил главарь.

— Можно я — по крайней мере — заберу рукопись?

В первое мгновение мальчишка не знал, как реагировать. Мысль о том, что кто-то в подобной ситуации может торговаться из-за пачки бумаги и готов за нее умереть, не укладывалась у него в голове, выводила из равновесия. Он взглянул на приятеля, стоявшего слева, тот неуверенно пожал плечами, и главарь повернулся к Брам:

— Забирай свое дерьмо, но портфель со всем остальным отдай.

— О'кей, о'кей, не нервничай. — Они дали ему несколько свободных секунд, и, получив отсрочку, Брам сразу успокоился.

¹⁰ Нефиг зубы заговаривать (англ.).

¹¹ Палестинская «катастрофа» (араб.).

Он уронил пиджак и щелкнул замочком портфеля.

— Пиджак мне тоже нравится, — прокомментировал его действия мальчишка.

Брам кивнул:

— О'кей. Теперь я достаю рукопись, договорились?

Мальчишки озирались по сторонам, оглядывая длинные ряды темных окон. «Операция», по их мнению, чересчур затянулась.

— Поторапливайся, отморозок.

Присев на корточки, Брам шарил в кармашках портфеля и думал: «Такое могло случиться только со мной: стоило принять решение остаться, чтобы тут же влипнуть в историю, какие случаются только с пьяными туристами, да и с ними не чаще чем раз в десять лет».

Нащупав то, что он искал, Брам поднялся, сжимая рукоятку Kel-Tec P-11,¹² небольшого 9-миллиметрового пистолета, который Рахель подарила ему, когда началась вторая интифада. Чтобы сделать ей приятное, Брам всегда носил пистолет с собой. Мальчишкам не понадобилось и трех секунд, чтобы оценить кардинальные перемены в ситуации с оружием; вероятно, они сообразили, что нападать с ножами было глупо. В этой стране, полной готовых к отпору солдат, для их целей необходим был, по крайней мере, гранатомет.

Брам не успел произнести ни слова: ножи упали наземь, все трое подняли руки. И стала видна, несмотря на плохое освещение, татуировка на внутренней стороне руки главаря. «Вот дураки, — подумал Брам, — кто же ходит „на дело“ с короткими рукавами? По татуировке полиция их сразу найдет». Но сама татуировка... Не полумесяц и не кривой ятаган — звезда Давида и «узи». Евреи. Его чуть было не ограбили евреи.

Брам повелительно шевельнул пистолетом, приказывая мальчишкам убраться прочь. И они помчались, бесшумно ступая в своих мягких кроссовках, вдоль старых, сохранявших строгий облик немецких домов, и исчезли в полутьме, в густых кустах. У Брама так сильно закружилась голова, что он присел на корточки возле портфеля. Его тошнило.

2

Через полчаса Брам отпер дверь своей квартиры. Рахель не слыхала, как он вошел. Она спала, свернувшись калачиком. Сквозь тонкую голубую ночнушку без рукавов просвечивал лифчик, поддерживавший тяжелые груди: она не снимала его на ночь с тех пор, как начала кормить малыша. Попка чуть отставлена, подол задрался, открывая взору таинственную тень меж сжатых бедер. Он встряхнул отброшенную простыню и укрыл ее.

Рядом с Рахель, на расстоянии протянутой руки, спал Бенни. Малыш родился худеньким и слабым, кожа на нем висела складками. В первые недели он почти не прибавлял в весе, но внезапно, словно очнувшись, начал жадно сосать молоко, набирая по полкило в неделю. Лежа на спинке, он улыбался во сне, сжав ручонки в кулачки и бесстрашно открывая миру грудку, животик и мягкие слабые ножки, на которые пока еще не мог вставать. У Бенни была своя комната, но Рахель, покормив его в последний раз, оставила малыша рядом, чтобы вместе дожидаться возвращения Брама. По странному капризу генетики Бен уродился не в темноволосых, темноглазых родителей, а в деда: волосы у него оказались светло-рыжими, глаза — ярко-синими. Глядя на него, Брам вспоминал лица голландских евреев, которые запросто могли бы выдавать себя за протестантских пасторов.

Их четырехкомнатная квартира находилась в одном из новых районов, постепенно занимавших пустыри к северу от Тель-Авива, в направлении Герцлии, превращая побережье в бесконечную череду переходящих друг в друга пригородов, совсем как в Голландии. Квартира на верхнем этаже была просторной и светлой, со множеством дорогих

¹² Компактный полуавтоматический пистолет.

«наворотов», вроде встроенной системы удаления пыли, современного бесшумного кондиционера и круглосуточного видеонаблюдения.

Они смогли позволить себе такую дорогую квартиру только благодаря тому, что Брам регулярно читал лекции в Европе и Америке. По крайней мере треть квартир в их доме, где строгая архитектура сочеталась с восточной роскошью, пустовала. Застой в мировой экономике и вторая интифада отбивали у молодых семей охоту покупать дорогое жилье, а эти квартиры могли оплачивать только нувориши или *young professionals*,¹³ которых вдобавок поддерживали родители. Они жили на пятнадцатом этаже, из окон с одной стороны открывался вид на море, а с другой, сквозь толщу дрожащего от жары воздуха восточных пустынь, в хорошую погоду можно было разглядеть арабские деревушки в холмах Самарии, дома и минареты. Здесь, в самой узкой части Израиля, полосу земли между их домом и арабами тренированный бегун мог пересечь часа за полтора. И если бы власть в тех деревнях захватили террористы, как на границе с Ливаном или в Газе, центр Израиля, средоточие его экономики и культуры, оказался бы беззащитным перед религиозными фанатиками, считающими убийство еврея делом богоугодным.

Рахель оставила для него еду в кастрюле на плите — тушеные овощи без мяса: ее родители, индийские евреи, привезли с собой в Израиль вегетарианские привычки. Он грел еду, помешивая ее деревянной ложкой и прихлебывая вино из бокала. Снаружи, погруженный во тьму средиземноморской ночи, мирно спал населенный иностранцами район, и стрекот цикад лишь изредка прерывался сиренами полиции или автомобиля частной охранной фирмы.

Хозяева других квартир выпендривались, заказывая дорогую кухонную мебель у модных дизайнеров, а они оставили себе стандартную кухню, которую поставили всем строители: аккуратные белые шкафчики, алюминиевая раковина, четырехконфорочная плита и вытяжка над ней — ничего особенного; чем хороша была их кухня, так это размерами — пять метров на шесть, и в ней свободно разместился большой обеденный стол. Пятидесятиметровая гостиная с огромными окнами и просторной террасой соединялась с кухней широкой аркой; стоило нажать кнопку — и маркизы над окнами поднимались или опускались. Ипотека оказалась довольно высокой, и они мало что могли себе позволить, кроме старенькой «мазды», — зато каждый день получали неизъяснимое наслаждение, входя с улицы в прохладный, облицованный мрамором холл.

Его крепко обхватили сзади — руки Рахель, ее длинные пальцы с ухоженными ногтями; она поцеловала его в шею, и он прижал к себе ее руки.

— Как ты поздно сегодня, — пробормотала она сонным голосом, прислоняясь головой к его плечу.

— Никак не могли остановить Балина.

— Отойди, я сама.

Он отступил в сторону, позволяя ей занять место у плиты. Ее густые волосы, темно-рыжие от хны, закрывали плечи. Ночная рубашка просвечивала, ему видны были ее попка и застежка лифчика. Через три недели после родов она начала плавать, еще через неделю добавила к этому утреннюю часовую пробежку и за три месяца вернула своему телу прежние очертания, которые, несомненно, украсила увеличившаяся грудь. Она была на полголовы ниже Брама (который дорос до метра восьмидесяти) и по местным стандартам считалась высокой. Широкоплечий, ослепительно улыбающийся Брам мог — под настроение, на вечеринке — выглядеть неотразимым, как швейцарский лыжный тренер. Но если он проявлял чрезмерное, как казалось по-восточному ревнивой Рахель, внимание к посторонним дамам, она доходила до иступления и могла просидеть целую ночь на краю кровати, бормоча проклятья в его адрес. Собственно, и ему приходилось держать ухо востро: он не мог не замечать непреходящего интереса мужчин к своей красивой, умной жене.

¹³ Молодой успешный горожанин (яппи), занятый в сфере бизнеса (амер.).

Они познакомились после окончания учебы, во время военной службы. Рахель была одним из военврачей их полка. Когда она заступала на дежурство, все солдаты объявляли себя больными и требовали полного осмотра. Брам заболел навсегда, едва глянув ей в глаза. Он думал, что ее предки — эфиопы или йеменцы и эфиопы, но они оказались из тех евреев, что две тысячи лет назад перебрались в Индию. Тому, кто глядел на нее, чудились храмы, пропахшие благовониями, золотые статуи многоруких богинь, роскошные одежды из шелка и парчи, священные животные и золотые дворцы с тысячами зеркал. Она говорила, что в Индии антисемитизма не было, но «белые» евреи смотрели на «черных» свысока. А ее предки — евреи из касты купцов, бедняки, жившие в жалких лачугах, никогда не подвергались в Индии, где прожили сотни лет, такой дискриминации, с какой столкнулись в Израиле, — со стороны местных евреев.

Рахель спросила:

— Ну, что вы обсуждали?

Положив руки ей на бедра, он прижал к себе ее попку. Она невозмутимо продолжала помешивать содержимое кастрюли. Четыре месяца прошло с тех пор, как они спали вместе последний раз. Он робко подавал ей сигналы, но пока она их игнорировала.

— Все то же, — сказал он. — В зубах навязло.

— Как дела у Балина?

— Он начал беспокоиться о деньгах. И мы старались друг друга поддерживать. В точности как ты говорила: психотерапевтический сеанс. На самом деле все это давно не работает. Три года болтовни, сочинения разных бумаг, перелетов туда и обратно, поисков денег, встреч в Норвегии и в Германии.

— Я тоже ожидала большего, — прошептала она. — А что еще?

— Мама Балина испекла печенье.

— Ужас какой, — рассмеялась Рахель. — И ты его ел?

— Невозможно было отказаться. Она так на меня смотрела, словно мир рухнет, если я его не съем.

— Что за наказание это ее печенье!

— Она дала мне с собой несколько штук, для тебя и Бена.

— Ему этого пока нельзя.

— Я говорил, а она ответила: «Оно совсем свежее, не надо лишать ребенка радости».

— Кстати, неплохая идея. Чтобы раз и навсегда отучить его от сладкого.

Брам осторожно погладил ее бедра.

— Давай тарелку, — сказала она.

Он отпустил ее и, вынимая из буфета тарелку, подумал: наверное, надо вести себя решительнее.

— И достань еще один бокал, я хочу немного выпить.

Накладывая ему еду, она спросила:

— Ты тоже получил мэйл насчет исследования твоего генома?

Она поставила перед ним тарелку и, обойдя стол, села напротив.

— Да. Ты собираешься пройти тест?

Он наполнил ее бокал.

— По-моему, это интересно. Твою ДНК поместят в банк данных. Тогда можно будет проследить происхождение всех еврейских семей, и родственники смогут найти друг друга, правда?

— Мне кажется, это может быть употреблено во зло, — заметил он, передавая ей бокал. — Насколько точно можно проследить родство?

— По мужской линии совершенно точно. Y-хромосома целиком передается от отца к сыну.

— Еврейская Y-хромосома?

— Забавно, да?

— Меня это почему-то пугает.

— Лехаим, милый, — сказала она.

— Лехаим.

Они чокнулись и отпили по глотку вина. Рахель заправила волосы за уши, а он глядел на ее полные груди в вырезе рубашки. Шесть лет они были вместе, но Брам никак не мог привыкнуть к тому, что она ему принадлежит; он разглядывал ее, гладил смуглое тело без единого изъяна, ловил трогательно-беспомощное выражение глаз — чувственное и немного испуганное, и мучительно-сладкое желание подымалось в нем, когда она тыльной стороной ладони смахивала капли вина с целованных им губ. В ярком свете кухонных ламп, без капли косметики на лице она выглядела ничуть не хуже, чем в полной боевой раскраске, когда отправлялась на вечеринку. Впрочем, в последнее время они редко куда-нибудь ходили.

Когда он наконец закончил свою докторскую диссертацию и превратился в известного, хотя и со спорными взглядами, историка постсионизма, за них взялась израильская желтая пресса. Их называли «нидерландским историком и ослепительной красавицей индианкой, детским врачом». Папарацци фотографировали их на кино- и театральные премьеры, и они немедленно сделались желанными гостями в домах израильских левых. Все это быстро кончилось, когда они решили — вернее, он решил, — что жизнь не обогащается от болтовни под вспышки блицев со звездами мыльных опер, певичками и актерами. Больше никаких премьер, никаких публичных выходов, не имеющих отношения к профессиональной деятельности. Оба работали и пытались вести нормальную жизнь, словно вокруг была нормальная страна, без терактов и оккупированных территорий.

— Больше ничего интересного не случилось? — спросила она.

«Случилось, — подумал он, поднося ко рту ложку, — меня едва не ограбили трое еврейских мальчишек. Настало время, когда ночью на еврея могут напасть другие евреи. Если бы основатели государства услышали об этом, они долго хохотали бы в своих гробах. Страна стала нормальной, как все».

— Ты имеешь в виду Йохансона? — спросил он.

— Ты, черт побери, прекрасно знаешь, что я имею в виду. Конечно, Йохансона. Ты говорил с ним?

— Да. Какая вкусная штука.

— Почему же ты ничего не рассказываешь?

— Хотел сделать тебе сюрприз.

Она выжидательно смотрела на него:

— Значит — согласился? Что ж ты мне не позвонил?

Он отправил в рот еще одну ложку еды и сказал:

— Я говорил с ним в одиннадцать вечера, и я отказался.

— Что?! Совсем обалдел? — возмущенно выкрикнула она. — Отказался? Так мы не едем? Я думала, тебе хочется уехать. Мы столько раз это обсуждали, и мне всегда казалось, что ты...

— Я думал, ты будешь согласна с любым моим решением.

Он накрыл ладонью ее руку.

— Я была совершенно уверена, что тебе хочется поехать, — сказала она и убрала руку, внимательно и недоверчиво глядя на него.

— А потом я снова позвонил ему полчаса назад. И сказал, что подам документы на конкурс.

Секунду она молчала, как бы свыкаясь с его словами, побеждая недоверие к ним, и, наконец, улыбнулась:

— Боже... так мы — едем?

— Да. По крайней мере, если Йохансон сдержит свое обещание.

— В Америку, — прошептала она.

— Да.

Она прикусила нижнюю губу и опустила глаза. Потом поднялась и обошла стол. Он положил вилку, повернулся к ней, не вставая со стула, взял за талию и посадил к себе на

колени.

И тут по ее щекам потекли слезы. Она спрятала лицо в ладонях. Он обнял ее за плечи.

— Милая моя, я подумал, что тебе тоже хочется поехать и ты считаешь, что Бену там будет лучше. Милая моя.

Она отерла слезы рукой и, кивнув, глубоко вздохнула.

— Извини, я совсем расклеилась — наверное, это как-то связано с переездом. Переезжать, знаешь ли, не самая сильная моя сторона. Впрочем, оставаться — тоже.

Они поцеловались, и он подумал, что теперь знает вкус ее слез. Потом она улыбнулась и сказала, смахивая слезы:

— Извини, расскажи лучше про Йохансона.

Когда ему надо было куда-то ехать, она начинала беспокоиться за несколько дней, а по мере приближения даты отъезда все больше мучилась сомнениями: зачем ему это надо, не лучше ли остаться дома, достаточно ли безопасно лететь, не будет ли проблем с паспортом на границе и не взять ли ему в дорогу походную аптечку? Последние две ночи перед его отъездом она не спала. И звонила по нескольку раз в день, пока он не возвращался.

Она встала, стянула рубашку через голову — кроме лифчика на ней ничего не было, — и сказала: — Ты тоже должен все снять с себя, Брам.

3

Профессор Хартог Маннхайм, отец Брама, жил в трехкомнатной, по-спартански обставленной квартире. Здесь он написал все свои книги, в которых Брам не понимал ни слова. На окнах висели алюминиевые жалюзи, кресла и столик отлично смотрелись бы в приемной дантиста, кабинет выглядел, как подвал букиниста, заваленный пыльными книгами и рукописями, и над всем этим горели холодным огнем люминесцентные лампы. Картину довершала полупустая кухня, в которой отсутствовала современная аппаратура.

Брам потратил час, добираясь на своей «мазде» до отцовского дома, а потом еще полчаса кружил по району в поисках парковки, и отец принялся ворчать, что Брам опоздал на целых шесть минут. Точность была пунктиком Хартога. Шесть лет назад он вышел на пенсию и утверждал, что ни разу в жизни не пропустил по забывчивости деловую встречу, ни разу не опоздал (сверх разрешенных им самому себе ста двадцати секунд) и не имеет привычки разбазаривать чужое время. Каждое утро он вставал в полшестого и ровно в четверть седьмого садился за работу, не изменив этой привычке, даже когда добился славы и признания, какие и не снились большинству его коллег. Брам такой успех не грозил. Хартог жил ради работы. В десять он отправлялся в свой кабинет при Тель-Авивском университете (специальным распоряжением оставленный за ним после выхода на пенсию) и мог сколько угодно орать на секретаршу Тамару, которая работала с ним со дня приезда Хартога в Тель-Авив, была предана, как собака, и, храбро перебивая шефа, платила ему той же монетой. К великому изумлению Брама, отец принимал ее ор как должное.

— Слишком много автомобилей, па, — как всегда безуспешно пытался объяснить свое опоздание Брам. — Тель-Авив — большой город, а улицы не приспособлены к такому количеству машин. Иногда стоишь в заторе часами, я вышел из дома в четверть восьмого...

— Значит, надо было выйти в семь, — объявил отец из кухни. Он сражался с кофеваркой, которую привез из Голландии лет двадцать назад. — Или без четверти семь. На твоём месте я так бы и поступил, и подождал бы снаружи, чтобы позвонить в дверь с точностью до секунды. Я не переносу опозданий.

— Разве? Впервые слышу! — отозвался Брам.

— Тебе давно пора прочистить уши! Завтракать будешь? Ты что-нибудь ел, Брам?

Отец всегда называл его голландским именем.

— Я никогда не завтракаю.

— *Мешугинер!* ¹⁴ Завтрак — самая важная еда! Хочешь чего-нибудь? Я купил круассанов!

— Круассанов? Что я слышу! Так и до гедонизма можно докатиться!

Хартог был не только всемирно известным биохимиком и патологическим перфекционистом, он был еще и феноменально скуп. Он отыскивал магазины, где можно было покупать позавчерашний хлеб, потому что его продавали со скидкой, ел самое дешевое мясо и вырезал из газет объявления о распродажах.

— Сегодня особый день, — отозвался отец виновато, словно извиняясь за серьезную слабость, к которой следовало отнестись снисходительно. Он вошел в комнату, держа в руках поднос с двумя кружками кофе и тарелкой с парой круассанов.

Брам отобрал у него поднос и осторожно поставил на серый стальной стол, который армейский интендант считал бы чересчур уродливым для солдатской казармы.

В декабре Хартогу исполнится семьдесят четыре года, но, хотя в последнее время он начал сдавать и ему все труднее становилось держаться прямо во время ежевечерних прогулок (начинавшихся ровно в полшестого и продолжавшихся ровно пятьдесят минут), — внешне он производил сильное впечатление. Хартог был высок, копна седых, нечесаных волос делала его похожим на Эйнштейна, а глаза, вопреки возрасту, оставались ярко-синими и светящимися, как ирисы. У него было тонкое лицо, с ранней юности (в вонючем пригороде провинциального Зволле¹⁵) чудесным образом приобретшее черты аристократизма, а голова полна была неопровержимых взглядов и суждений.

— Они очень вкусные, поешь, а то свалишься, — сказал Хартог.

— Я уже лет десять как не завтракаю.

— Это ничего не значит. В любой момент можно упасть в обморок, я знаю, о чем говорю. Сделай мне удовольствие, съешь круассан.

Брам взял с тарелки круассан.

— Ты что, специально для меня их купил?

— Да.

— Папа, что с тобой случилось?

— У меня было хорошее настроение. Или, если угодно, я проявил слабость. Вкусно?

Хартог вел себя так, словно совершил подвиг или сам испек эти круассаны.

Под напряженно-выжидающим взглядом отца Брам откусил кусочек. Немного подождал. Прожевал. Кивнул.

И Хартог просиял и тоже кивнул, довольный до чрезвычайности.

— У них самые лучшие, у Хаевского. У русских.

— Прекрасно. Но о круассанах мы могли бы поговорить и по телефону.

Отец позвонил ему два дня назад. Он хотел обсудить с сыном что-то важное. И непременно у себя дома.

— Речь идет о вкусе, — сказал отец. — А вкус — непосредственно телесное ощущение. Вкусовые процессы — невероятно сложный феномен.

— О вкусах не спорят, — робко заметил Брам, надеясь задавить дискуссию в зародыше.

— Чепуха, — отозвался Хартог. — Вкус существует и как объективное понятие. Все дело в электрохимических процессах.

— Я тебе верю.

— Очень мило с твоей стороны, — заметил Хартог, и Брам не смог сдержать улыбку. — Как дела дома?

Пять дней назад Хартог обедал у них; пока Рахель готовила, он держал на руках Бена, молча, без видимых эмоций, а после еды сразу ушел, но ему необходимо было знать, что у

¹⁴ Сумасшедший (*идиш*).

¹⁵ Город в Голландии.

Брама дома все в порядке.

— Все в порядке.

— Это хорошо.

Отец отхлебнул кофе. Вообще-то он был человеком воспитанным и старательно соблюдал этикет, но когда пил что-то горячее, неизменно прихлебывал. Дурная привычка, приобретенная в пригороде Зволле.

— А ты есть не будешь? — спросил Брам.

— Я уже поел.

Брам взглянул на него. Отец сидел в кресле, держась очень прямо, свежий и энергичный. С головой, полной идеей, в которых во всем мире разбиралось от силы несколько десятков ученых. В которых Брам не разобраться никогда.

Хорошо, что отец оставил его в Голландии, когда Брам было тринадцать. Иначе ему не удалось бы стать тем, кем он стал. В ранней юности ему казалось, что Хартог почти презирает его; он был уверен, что отцу хотелось бы иметь сына, свободно чувствующего себя в мире менделеевской системы. Но когда Брам пытался ставить химические опыты, они приводили к непредсказуемым результатам. Если он смешивал вещества, то либо не происходило ничего, либо смесь немедленно взрывалась; реакции шли то слишком быстро, то слишком медленно. Это огорчало отца.

— Когда-нибудь научишься, — говорил он неуверенно.

Брам спросил:

— А у тебя как дела? Все в порядке?

— Лучше не бывает.

— Зачем ты звонил?

— Хотел с тобой поговорить. Ничего особенного, мне надо обсудить с тобой три вопроса.

— Для этого я и пришел.

— Еще круассан?

— Нет, папа, спасибо.

— Мне надо рассказать тебе то, о чем я раньше никогда не рассказывал.

Хартог прикрыл глаза, словно подыскивая первую фразу.

— Ну, папа, говори же.

Обычно Хартог говорил прямо и быстро, теперь же почему-то тянул время.

— Я думаю, как начать, — сердито отозвался Хартог.

Он уставился в стол, стоявший между ними.

— Ладно, я уже понял, как это рассказывать. Слушай. Очень давно, мне было шесть, значит, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, мы едва сводили концы с концами. Я когда-то тебе об этом рассказывал. Был экономический кризис и вдобавок заболел отец. Каждый день мама ходила в деревню, продавала какую-то мелочь, вроде шнурков для ботинок. К счастью, брат уже мог работать. Но если я тебе об этом и рассказывал, я умолчал об одной вещи. Однажды...

Он прервал сам себя:

— Брам, это очень печальный рассказ, но все так и было на самом деле.

— Я тебя слушаю, — отозвался Брам.

— Ладно. Итак, однажды — звучит как детская сказка, но это правда было — ко мне на улице подошел маленький песик. Обычная дворняжка. Маленькая. Я хочу сказать, очень маленькая, я был совсем малыш, и песик был малышом — среди собак. Двое малышей. Представляешь?

Брам кивнул.

— И этот песик повсюду ходил за мной. Я не мог вернуться домой, потому что боялся потерять его. Я бродил по улице, пока не стемнело, и дома, разумеется, получил нагоняй. На следующее утро я снова увидел песика. Он ждал неподалеку от нашего дома, он прождал меня всю ночь. Наверное, он был создан для меня, а я для него. И я стал собирать для него

еду. Добыть лишнюю еду в нашем доме было непросто. У нас не бывало лишней еды. Но мне все-таки это удавалось. Песик ходил со мной в школу, ждал меня, потом провожал домой и ждал у нашего дома до следующего утра. Я не смог придумать ему имени, но отец после прозвал его Хендрикусом, в честь тогдашнего премьер-министра, Хендрикуса Колайна.¹⁶ Отец говорил: «Уж лучше бы он оставался премьером». Прошло несколько недель, и мама догадалась, почему я держу еду за щекой, а после сплевываю в руку. И Хендрикусу разрешили жить с нами. Мы все его обожали. А в тысяча девятьсот сорок втором году, когда нас забирали, они убили Хендрикуса у меня на глазах. Разбили ему голову прикладом винтовки. — Хартог замолк на несколько секунд, потом сказал: — Ты думаешь, я заплакал?

Брам кивнул.

— Нет. — Хартог покачал головой. — Ни слезинки не проронил. Я почувствовал жуткую ненависть. Забавно, именно ненависть помогла мне выжить, я все пережил благодаря ей. Может быть, другие выживали благодаря любви к кому-то или к чему-то. А меня охраняла ненависть. То есть фактически Хендрикус сохранил мне жизнь. Я никогда раньше об этом тебе не рассказывал, но, думаю, теперь пора рассказать. Последние несколько недель, — он поднялся, опираясь на кресло, словно снова превратился в маленького мальчика, каким был в далеком прошлом, — я ходил по приютам для животных и искал щенка. Хендрикуса.

Он открыл дверь туалета, и оттуда вышел в комнату, ковыляя на слабых лапках, песик. Щенок непонятной породы, с гладкой белой шерсткой, коричневыми пятнышками на головке и большими задумчивыми глазами.

— У Хендрикуса было одно пятнышко, совсем черное, но этот похож на него больше всех, — сообщил Хартог.

Довольный, он наблюдал, как щенок треплет его за штаны. Обычно он ненавидел все, что оставляет пятна, и, обедая дома, расстилал на коленях гигантские салфетки, которые нормальным людям могли бы служить простынями. Рахель специально купила одну такую, и каждую неделю, обедая с ними, он ею пользовался. Он мог подолгу еле слышно бормотать проклятья, когда, несмотря на все предосторожности, на его рубашке или брюках все же появлялось пятнышко, но этот песик мог делать, что хотел. «Боже, — подумал Брам, — он любит эту собачку сильнее, чем когда-либо любил меня».

Хартог смотрел вниз взглядом, полным любви.

— Я назвал его Хендрикусом, так же, как звали моего пса. Он родился от каких-то уличных собак, и я выбрал его, потому что он больше всех похож на Хендрикуса. У него такие же глаза. Наверное, та же порода.

— Он славный, пап. Но с ним надо гулять несколько раз в день, ты выйдешь из своего обычного ритма.

Хартог кивнул:

— Да, с ним надо гулять регулярно. Но это будешь делать ты.

— Я? Ты полагаешь, я буду каждый день мотаться к тебе, чтобы отвести Хендрикуса в парк прокакаться?

— Зачем же? Хендрикус будет жить с вами. Я дарю его Бену. Пусть у него будет собака. Бен будет с ним играть. Любить его, как я любил своего Хендрикуса. И когда придет время, он спасет Бену жизнь.

Брам смотрел на своего отца, сына неграмотных родителей, блестящего биохимика, получившего двадцать один год назад Нобелевскую премию из рук шведского короля. Тридцать три года он был сыном Хартога, но только сейчас впервые ощутил главные составляющие его характера: непреклонность, силу и упорство.

¹⁶ Хендрикус Колайн (1869–1944) — успешный голландский бизнесмен, военный и политик. Член парламента с 1909, в 1925–1926 и в 1933–1939 — премьер-министр.

— Чудесно, что ты придумал это, папа. Конечно, у меня появится куча забот, но... («Что — „но“? — подумал он, — нет никакого „но“».) — Ты придумал замечательный подарок.

— Да? Мне приятно, что ты понял. Именно это я имел в виду.

Нобелевский лауреат перевел взгляд с песика на сына, и Брам увидел, как в глазах его блеснули слезы. В последний раз он видел отца плачущим, когда они хоронили маму, за три месяца до вручения премии в Стокгольме.

Брам вскочил, повинувшись какому-то импульсу, и обнял отца. Прежде он никогда не позволял себе этого, у них были другие отношения.

— Ладно, ладно, — сказал отец, и Брам сразу разжал руки. — Смотри не наступи на него. Еще кофе?

— Давай. А потом я поеду.

Только теперь он мог бы по-настоящему сблизиться с Хартогом, теперь, когда почувствовал, как они похожи друг на друга, и именно теперь он должен уехать. А отец — останется. Как можно оставить Хартога со спокойным сердцем в этой квартире, похожей на контору? Хартогу уже семьдесят три, он может в любой момент заболеть и даже умереть. Он должен предложить отцу уехать из Израиля в Принстон и поселиться там с ними. Рахель. Надо сегодня же сказать ей об этом. Они должны взять Хартога с собой.

Песик побежал на кухню, вслед за Хартогом.

— Я купил для Хендрикуса специальную сумку! — крикнул тот. — Он сможет путешествовать в ней всю жизнь, вряд ли он сильно вырастет.

Брам, садясь обратно в кресло, отозвался:

— Ты собирался обсудить со мной три вопроса!

— Думаешь, я разучился считать? Ешь пока круассан!

Брам поглядел на круассан и подумал, что, пожалуй, стоит съесть его, чтобы потом не тратить время на ланч.

— Я получил телеграмму от Джеффери Розена, — крикнул Хартог. — Кто в наше время посылает телеграммы? Никто. Один Розен. Он находит это *classy*.¹⁷ В будущем году мне исполняется семьдесят пять, и он хочет что-то устроить. Мне пока что и семьдесят четыре не исполнилось, а он уже всю готовится к будущему году. Как ты думаешь, что он собрался организовать?

Розен был американским миллиардером, с давних пор поддерживавшим многомиллионными вкладами лабораторию Хартога, потому что лекарства, созданные в его лаборатории, когда-то спасли жизнь дочери Розена.

— Вечеринку с огромным тортом, в который он воткнет семьдесят пять свечек?

— Не без этого, — откликнулся Хартог, входя в комнату в сопровождении Хендрикуса с новой чашкой кофе для Брама.

Не было нужды спрашивать отца, почему он не сварил кофе и себе. Хартог выпивал с утра ровно три чашки кофе, все три — до девяти часов. Брам принял от него чашку и взглянул на отца поверх нее. Хартог усаживался в кресло: повеселевший, спокойный.

— Он пригласил для меня Бостонский Филармонический. «Не хочешь ли прилететь на концерт?» Для меня, слышишь? А после концерта — большой обед. А теперь попробуй подсчитать, сколько будет стоить только оркестр, а?

— Сто тысяч долларов, — ответил Брам. Он специально занизил сумму, чтобы дать отцу возможность удивить себя.

— Умножь на пять. Пятьсот тысяч. Что с ним делать — ума не приложу.

— Лучше бы добавил денег лаборатории.

— Уже сказал, что добавит. И что мне теперь делать?

— Пусть все идет, как идет. — Брам улыбнулся. — Кто еще может похвастаться тем,

¹⁷ Шикарным (англ.).

что в день рождения для него лично играл Бостонский Филармонический?

— Ну вот. Я позвонил Джеффери и сказал, что я — в восторге. Так что в будущем году сэкономлю на дне рождения.

— Спасибо, что предупредил: я, значит, могу расслабиться.

— Теперь возьми круассан.

Если первый Брам удалось с трудом запихнуть в себя с помощью кофе, то второй запихивать было уже некуда. Он взял круассан с тарелки и отломил кончик. Может быть, отдать его щенку?

— А еще я завел себе любовницу, — сказал отец.

И посмотрел гордо, словно ни в чем не собирался оправдываться, словно появление любовницы — простительная слабость, только добавлявшая ему шарма. Любовница будет теперь к нему навсегда привязана, и, похоже, ему придется таскать этот балласт за собой повсюду.

Брам вспомнил номер отеля в Стокгольме, устланный коврами и заставленный кричаще дорогой старинной мебелью, где Хартог, получив премию по химии, в ночь после нобелевской церемонии несколько часов мерил шагами огромную гостиную. Чтобы не слишком шуметь, он разулся и старался ступать только по толстому ковру; Брам, слыша, как он сморкается, решил сперва, что отец простудился в сырой Швеции, и только потом сообразил, что он тихонько плачет. Брам было всего десять, но он понял, что плачет отец не от радости.

После вручения премии Хартог сказался больным, не явился на праздник, устроенный специально для него Университетом Амстердама и правительством Голландии, и целый семестр не показывался в лаборатории. Проходили недели, а он безвылазно сидел в своей комнате; читал, ставил негромкую музыку — квартеты Шуберта, — которую Брам мог слышать, только когда открывалась дверь. И вот теперь, впервые после смерти жены, у Хартога появилась любовница. Он объявлял об этом смущенно, как подросток, словно боялся реакции Брама или шока, который переживет в своей могиле Бетти — через двадцать лет после своей смерти — от того, чем ее муж занимается с другой женщиной. Брам выпрямился.

— Пап, это замечательно! Где ты ее нашел?

— Тут неподалеку. В кафе. Обычно я не хожу в кафе, только в столовую на работе. А тут я был в книжном магазине, и мне захотелось выпить чаю. И Яна принесла мне чай. Она там работала. Она из России. И знаешь что? Она по профессии биохимик! А особенно забавно то, что она узнала меня, она знала, кто я такой. Представляешь?

Он подхватил одной рукой Хендрикуса и посадил к себе на колени. Щенок тут же улегся и затих.

Профессор, доктор Хартог Маннхайм, человек, знавший о биохимии все и за это получивший Нобелевскую премию, влюбился в официантку. Брам представил себе маленькую, чудаковатую учительницу-пенсионерку, устроившуюся в кафе, чтобы немного подработать к своей нищенской пенсии. Она составит Хартогу компанию, пока Брам будет расчищать снег на дорожках своего сада в Принстоне.

— Я страшно рад за тебя, пап. И очень хотел бы с ней познакомиться.

— Не проблема, — сказал Хартог.

Он поднялся и позвал:

— Яна! Яна! Иди сюда!

Дверь спальни открылась, солнце хлынуло в комнату и, вся облитая золотистым сиянием, появилась крупная пятидесятилетняя женщина, широкоскулая и чуть раскосая, с высоко взбитой копной высветленных волос; в ее огромных грудях хватило бы молока на все грудничковое отделение больницы, где работала Рахель, а бедра вряд ли поместились бы меж подлокотников кресла.

— Яна, — сказал отец, — это Брам, полное имя — Абрахам, так звали моего отца. Яна, это мой сын.

Выйдя от отца, Брам позвонил жене, сказал ей, где припарковал машину, и поехал в университет на автобусе. Рахель доберется до центра на такси, а обратно вернется на «мазде». Как ни мала была вероятность теракта, Брам предпочитал, чтобы она не ездила общественным транспортом. Сам он был уверен, непонятно почему, что узнает потенциального самоубийцу, едва тот войдет в двери, и сел в автобус совершенно спокойно.

Рахель с интересом выслушала новости, не проявила особого энтузиазма по поводу собаки, зато была потрясена сообщением о Яне.

Щенок спокойно сидел в сумке и, с интересом озираясь по сторонам, наблюдал сквозь прозрачную стенку пробегающие за окном картины большого мира. Впервые в жизни он ехал в автобусе. Брам спешил в университет. Разумнее было бы отвезти щенка домой, но Рахель собралась в город и, конечно, не могла оставить песика одного в машине.

Рахель должна была встретиться с индийским режиссером — человеком из прошлого, из той части ее жизни, о которой Браму не хотелось вспоминать. Студенткой в Хайфе она подрабатывала в модельном бизнесе. И когда израильские глянцевого журналы донесли фото поразительно красивой темнокожей женщины до Индии, важнейшего торгового партнера Израиля, в далеком Бомбее на нее обратили внимание. В пяти болливудских мюзиклах Рахель сыграла принцесс, потом снималась в ролях второго плана, исполнителям которых достается почетное место в дальнем углу огромного плаката; фотографии ее стали появляться в индийских киножурналах, но после скандальной связи со знаменитым (и к тому же женатым) актером слава ее померкла. Брам не скрывал, что ему трудно было бы смириться с возможным продолжением ее карьеры. Он понимал: вся эта суета льстит ее самолюбию, и она имеет на это право. Но не верил в искренность Рахель, когда она высмеивала возможность возвращения в Болливуд в качестве солидной дамы. Он знал, что она постарается показаться режиссеру с самой лучшей стороны, отчего бедняга мог ослепнуть или потерять сознание. Хорошо, что они уезжают в Америку. Из Принстона до Болливуда дальше, чем до Марса.

— Брам, я не собираюсь туда возвращаться, — уверяла Рахель, — я только хочу узнать, с чего это вдруг он объявился.

— Как раз это я могу объяснить тебе без труда, — отвечал Брам.

Хендрикус смотрел на него серьезно, словно из-за Брама ему приходилось обдумывать какие-то сложные вопросы, и Брам вдруг заметил, что щенок чем-то напоминает ему отца.

— Знаешь, мой милый, по улицам Мумбаи гуляют самые красивые в мире женщины, по сравнению с этими дамами я — просто Квазимодо с выпученными глазами, страдающий бубонной чумой, *believe me*.¹⁸

— Кто знает, вдруг он собирается снимать индийскую версию «Собора парижской Богоматери», тут-то ты ему и пригодишься, дорогая.

— Твои комплименты, как всегда, на высоте, милый. А что делают в прихожей твои костюмы?

— Я собирался с утра отнести их в чистку.

— Я сама отнесу, когда отведу Бена к Ране.

С Раной, хозяйкой детского сада «Тихий океан», двухэтажного домика, выкрашенного в цвет моря, Рахель служила в армии и в любой момент могла попросить ее приглядеть за Беном. С самого рождения Рахель не оставляла его одного ни на секунду. Если она решила доверить Бена постороннему человеку, значит, разговор с режиссером важен для нее. Правда, Рана готова отдать за малыша жизнь — это снова напомнило Браму то, о чем он

¹⁸ Поверь мне (англ.).

думал вчера, — но Рахель, зорко следившая за тем, чтобы никакие опасности не угрожали ее сыну, действовала инстинктивно, как тигрица, защищающая своего тигренка от враждебного мира.

Через несколько минут Рахель позвонила снова. Автобус давно стоял, и Брам понял, что опаздывает на лекцию.

Рахель спросила:

— Кто такая Ханна?

— Ханна?

— Кто такая Ханна, ее имя написано твоей рукой на клочке бумаги, который лежит в кармане твоего пиджака.

— Ах, эта...

Рахель сделалась особенно ревливой, когда стала заметна ее беременность. Очевидно, решила, что теперь ее тело изуродовано огромным животом и Брам начнет заглядываться на других женщин. Сперва он старательно парировал ее обвинения, но это мало помогало. Потом перешел на лаконичные ответы — это не помогало совсем. Ей нужно время, считал Брам, чтобы понять, что он готов отдать за нее жизнь. Гинеколог сказал, что такое поведение может продолжаться довольно долго, приступы бешеной ревности случаются особенно часто с красивыми женщинами, которые боятся, что беременность изуродовала их.

— Кто она?

— Журналистка. Американка. Была у меня на работе.

— Хорошенькая?

— Пленительная.

— Поэтому тебе понадобился ее телефон?

Браму совсем не хотелось это обсуждать. Он сидел в автобусе со щенком на коленях, у ног его стояли сумки с собачьими мисками и едой. Он старался говорить как можно тише, чтобы не привлекать внимания остальных пассажиров.

— Я хотел посмотреть текст, прежде чем он будет напечатан. И на всякий случай взял у нее телефон.

— Но она тебе понравилась, правда?

— Она выглядела неплохо, но для того, чтобы я тебе изменил, нужно нечто большее.

— Что конкретно?

— Понятия не имею, дорогая, много чего. Я как-то не думал об этом.

— Я уверена, что она находит тебя интересным мужчиной.

— А разве я не интересный мужчина?

— Если ты только посмеешь... я тебя убью.

— Ты чересчур строга. Как насчет показательной порки?

— Сперва выпорю, потом убью.

— Рахель, ты вообще можешь себе представить, сколько женщин я встречаю ежедневно?

— Вообще могу. И об этом я тоже беспокоюсь. Я знаю, какие там девицы ходят. По сравнению с ними я — старая, неуклюжая корова.

— А я — голландский крестьянин, девочка. И *ты* хочешь удивить *меня* коровами?

— Ты все шутишь, — сердито пожаловалась она.

— Ты предпочитаешь, чтобы я обсуждал это серьезно? Я давно забыл про эту Ханну.

— Ага, забыл, значит — раньше о ней думал!

— Нет, — вздохнул он, — только сейчас вспомнил. Благодаря тебе.

— Я хочу, чтобы ты всегда мне доверял, — сказала она примирительно.

— Поразительное совпадение: от тебя я хочу того же. Ты сегодня собираешься встретиться с каким-то режиссером, и мне это неприятно.

— Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

— Я беспокоюсь, как бы ты в него не влюбилась. Зачем он приехал и кого представляет. Вдруг он захочет отвезти тебя в Бомбей и поставить перед камерой?

— Этот город называется Мумбаи.
— Я хочу уехать с Беном и с тобой в Принстон. — Голос Брама дрогнул, и это прозвучало немного театрально, но ему было все равно.
— И я хочу того же, милый. Эта встреча для меня ничего не означает. Ключок прошлого.
— Я тебе верю.
— И я тебе, — откликнулась она.
Но через несколько минут снова позвонила. Автобус так и не сдвинулся с места.
— Мне надо отказаться от встречи с ним? — спросила она.
— А тебе очень хочется его увидеть?
— Глупо делать вид, что мне это нужно. Абстрактное желание, не больше, от которого легко отказаться.
— Решай сама. Наверное, теперь невежливо будет отменить встречу.
— Да, ты прав. Я уже еду.
— На такси?
— Да. Бен глядит во все глаза. Наш шофер, — она спросила шофера, откуда он, и продолжала: — Он из Эфиопии, фалаша,¹⁹ и его машина выглядит в точности как ярмарочный балаган — вся в разноцветных лампочках. Бен в восторге. — Она обратилась к сыну: — Здорово, Бен, да? Смотри, как они мигают, — и снова к Брам: — Как там твой щенок?
— Сидит у меня на коленях. Чудный пес.
— Он не опасен для Бена?
— Ужасно опасен, — ответил Брам честно. Он не собирался избавляться от Хендрикуса. Пусть Бен растет с собакой. — Смертельно опасное крошечное существо с пятнышками на голове. Кровожадный монстр размером с хомячка.
— Ладно, скоро мы с ним увидимся. Позвоню после разговора с режиссером.

5

Брам опоздал на занятия всего на десять минут, но отцовские наставления, казалось, снова зазвучали в его ушах. Только маме удавалось остановить Хартога, когда тот пытался давить на сына. Но она умерла молодой, за двенадцать недель до триумфа Хартога — нобелевской церемонии, королевского ритуала вручения премии, которой удостоился еврейский мальчик, побывавший в аду. Опухоли, поселившейся в ее теле, не было дела до торжественных церемоний.

Годом позже Тель-Авивский университет пригласил Хартога продолжить свои исследования в их лабораториях и вести занятия со студентами. Брам было предложено сделать выбор — поехать с отцом или остаться в Амстердаме, в «приемной» семье.²⁰ Почему-то Хартог был уверен, что одиннадцатилетний ребенок способен сделать верный выбор. Брам любил отца, но боялся его. Мысль о том, чтобы остаться в Голландии совсем одному, казалась ему кошмарной, но и служить для отца источником постоянных разочарований тоже не хотелось. Брам считал: он должен остаться в Амстердаме, чтобы не огорчать отца своими провалами, помочь ему освободиться от скорби, связанной с кончиной жены, и от досады, вызванной слабыми успехами сына. На каникулы Брам прилетал в Тель-Авив, спал на разъезжающейся раскладушке в «гостевой» спальне, служившей Хартогу кладовкой, часами молча сидел возле отца и — обыгрывал его в шахматы, беря реванш за все

¹⁹ Так в Израиле называют эфиопских евреев.

²⁰ В Голландии, если родители уезжают надолго в связи с работой, заботы о ребенке временно берет на себя «приемная» семья.

те случаи, когда отец, качая головой, корил его за ошибки.

Хартогу хотелось ввести мечтателя-сына в мир науки, а Брам удивлялся, почему отец никогда не учил его играть в шахматы. Только во время каникул в Тель-Авиве он понял: его отец, гениальный ученый, просто не умеет играть. С легкостью разбираясь в сложнейших расчетах, Хартог был напрочь лишен таланта к шахматной игре — слабость, по-настоящему бесившая его («Я просто не заметил, просто не заметил», — жаловался отец, когда Брам прорывал его оборону). Брам же строил игру на чистой интуиции. Он всматривался в возникающие на доске композиции и передвигал фигуры, следуя логике развития событий. Когда Браму впервые удалось обыграть отца, он с изумлением понял, что тот абсолютно не в состоянии контролировать игру, и с тех пор, не желая упускать случая, постоянно уговаривал Хартога «сгонять партию». Удивительно, как по-рыцарски переживал Хартог поражения. Сбивая с ног своего короля и качая головой, он шутил:

— Ты победил, Брам. Куда мне до тебя с моей Нобелевкой! Ты гораздо сильнее.

И наставлял — на несколько мгновений — звездный час Брама. В эти мгновения рядом с иронией появлялась нежность, которой Браму так не доставало. В эти мгновения он мог быть уверен: папа его любит.

Ему хотелось плясать от радости на берегу моря: папа гордится его успехами! Но счастливые мгновения проходили, Хартог быстро забывал о своем поражении, и Браму приходилось снова усаживать его за доску, чтобы продемонстрировать непослушному отцу свои феноменальные способности.

Браму не удавалось достичь блестящих успехов в математике или физике, потому что он любил истории. А значит, Историю. И до прохождения обязательной в Израиле армейской службы успел закончить университет — всего за три года. В процессе научных изысканий он набрел на идею, ставшую темой его дипломной работы, а благодаря связям отца смог добраться до документов, из которых следовало, что на самом деле история еврейской оборонительной войны должна быть частично переписана. Браму удалось доказать, что сионистские лидеры еще с тридцатых годов были нацелены на размежевание с арабским населением. Хартог, убежденный сионист старого закала, нашел бессмысленными и опасными результаты работ Брама, но вовремя понял, что сын совершил открытие в своей области. Можно наконец пожелать ему удачи и испытать законную гордость.

Брам преподавал современную историю Ближнего Востока — историю, полную умышленных и нечаянных убийств, путчей и геноцида, коррупции и ограблений. Иногда он недоумевал, как можно, зная все это, продолжать верить в мирный процесс и считать местных жителей чудесными людьми, лишь немного подпорченными гордыней, властью и деньгами.

Сегодняшние двухчасовые занятия он начал с рассказа об Абдул Насере,²¹ легендарном правителе Египта, которого современные египетские начальники, без сомнения, повесили бы, и попытался объяснить, почему многие египтяне и другие арабы до сих пор поклоняются Насеру. Потом перешел к фашистско-сталинской истории происхождения иракской и сирийской партии Баас.²²

Несколько студентов, задержавшись после лекции, обсуждали с ним американскую оккупацию Ирака — обсуждать, собственно, было нечего, и так ясно, что Бушу не получить того, что он хочет, — когда позвонила Рахель. У него было окно — два часа, — и он собирался подготовиться к следующей трехчасовой лекции. Но Рахель ничего не хотела

²¹ Автор имеет в виду Гамаль Абдель Насера (1918–1970), второго президента Египта, в годы Второй мировой войны сотрудничавшего с Германией, позже инспирировавшего революции в Алжире, Ливии, Ираке и Йемене, создавшего Палестинскую Организацию Освобождения и Движение Неприсоединения.

²² Баас (Партия арабского возрождения) создана в Дамаске в 1940-х годах как арабское националистическое движение на основе идей, почерпнутых в Германии. Цель — объединение арабских государств. В Сирии и Ираке партии удалось прийти к власти (при несомненной помощи советских «советников»).

слышать.

— Брам, мне надо с тобой поговорить.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Я должен готовиться к лекции.

— Значит, не подготовишься.

— Как это — «не подготовишься»? Рахель, что случилось?

— Сам догадайся.

— О чем я должен догадаться?

— Он — режиссер, да? — предлагает мне главную роль в своем новом фильме. Мне и хочется и не хочется, понимаешь?

— Думаю, что да, — в замешательстве отвечал Брам.

— Мне не хочется играть в кино, но я знаю, что у меня здорово выходит, понимаешь? Такая работа подходит мне. Но я стараюсь задавить в себе это. А он — режиссер — уже получал призы в Каннах и Венеции. Жутко талантливый. И все-таки я не хочу этим больше заниматься. Я не актриса, я детский врач. Мы об этом уже говорили. И ты должен мне все это снова повторить. Нет, ты должен повторить все это сто раз. Ты можешь приехать, милый?

— Куда?

— Давай встретимся на полпути, у детского сада. Если ты приедешь раньше, подожди меня, ладно?

Рахель права. Она — прирожденная актриса. Едва войдя в полный народу ресторан, она привлекает к себе общее внимание. За столом с друзьями она — естественный центр компании; обсуждая проблемы Ближнего Востока, опьяненные вином и ее красотой, они ловят ее поощрительные взгляды.

Брам забрал Хендрикуса у Лилы, своей секретарши. Щенок успел уже освоиться с ней и возмущенно запищал, когда Брам засунул его в сумку.

— Ты его выводила?

— Нет. А надо было?

Лила — маленькая, кругленькая йеменская еврейка, по-матерински заботилась обо всех и обладала слоновьей памятью. Портила ее только медлительность. И неспособность принимать решения.

Уже стоя в дверях, Брам спросил ее, как часто надо выводить собак.

— Кажется, три раза в день. А утром он гулял?

Как раз этого Брам и не знал.

— Он у тебя тут ничего не сделал?

— Нет.

— Значит, утром он гулял.

Возле университета стояло несколько такси, и Брам решил взять машину, чтобы поработать в дороге. Но так и не смог сосредоточиться, лихорадочно обдумывая, как совместить переезд в Принстон с работой актрисы. Рахель придется много разъезжать, во время съемок месяцами жить в отелях, и в один прекрасный день она влюбится в кого-то, кому найдется место в сумасшедшей жизни кинозвезды. Наверное, она права, от предложения придется отказаться.

Мимо его такси промчалась, истерически сигналив, машина «скорой». Хендрикус задрожал всем телом, напуганный первым в своей жизни столкновением с «Маген Давидом».²³

Море было близко, и от сырости все становилось липким: воздух, которым он дышал, сидение такси, собственные подмышки.

²³ Израильская служба «скорой помощи», на машинах которой нарисована красная звезда Давида.

Следя вместе со щенком за пролетевшей мимо «скорой», Брам вдруг понял, что их с Рахель отношения не сбалансированы: принимая предложение Йохансона, он даже не подумал о ее чувствах и амбициях, о том, как может его решение отразиться на ее жизни. А от Рахель ожидал, что она будет в первую очередь учитывать интересы семьи. Он осознал, что утренний разговор с режиссером может подтолкнуть ее к тому, чего он боялся больше всего на свете: Рахель может уйти от него. Она была слишком красива, слишком непредсказуема, слишком эксцентрична для него. Брам не мог понять, почему из бесчисленного множества поклонников она выбрала именно его. Он не был чересчур хорош собой. Не был одним из тех «мачо», что прочесывают израильские кафе и пляжи в поисках особо ценных тел, едва прикрытых обтягивающими топами и мини-юбочками. Он был интровертом, смущенно держался в стороне и меньше походил на хищника, чем другие мужчины, хотя в мечтах и воображал себя совершающим самые отчаянные эскапады. Может быть, именно поэтому она выбрала его, ожидая ясности, верности и порядочности. И ожидания эти оправдались. Но она-то на самом деле была не только врачом, не только женщиной, ищущей тихой пристани, мечтающей родить ребенка; она была актрисой, жаждущей самовыражения и аплодисментов. Она становилась неуправляемой, когда ей казалось, что он флиртует с другими женщинами, но сама с радостью принимала знаки внимания от посторонних мужчин. Может быть, не стоило так строго ограничивать их светскую жизнь. Через несколько недель после публикации его исследований, в которых сравнивалась жестокость обеих сторон в конфликте 1948 года, они были приняты в круг левых художников, писателей и киношников. В этом кругу Рахель блистала. Она была не только Чертовски хороша собой, у нее были, с их точки зрения, верные взгляды по всем вопросам.

Ему трудно было мириться с тем, что она везде чувствовала себя как рыба в воде. Среди киношников, художников и писателей ему было неуютно из-за постоянных подколов и удручающей бездуховности. Он чувствовал себя беспомощным, бездарным типом, которого терпели только за ученость и положение в обществе. Он ощущал их зависть: всякий мечтал обладать этой исключительной красоткой, этим длинноногим созданием с массой роскошных волос и глазами дикой кошки, этим призом, который должен выиграть правильный мужик, точно знающий, о чем она мечтает, мужик, который завоюет ее, осыпав золотом.

Или все это только казалось ему? Брам считал, что освободился. В восемнадцать он мечтал перещеголять отца в научных успехах. Ему было всего двадцать восемь, когда он стал профессором, но все равно отец, кажется, воспринимал его успехи несколько снисходительно. Для биохимика любой историк, даже блестящий, не более чем психованный мечтатель, копающийся в полузабытых старых байках: лузер — он и есть лузер.

Снова послышался вой сирен, теперь их было уже несколько, и таксист резко свернул к тротуару, освобождая дорогу трем «скорым», которые промчались мимо. Когда Рахель училась, готовя себя в профессиональные спасательницы, она несколько месяцев проработала волонтером на «скорой». Удивительное везение — ей доставались только несчастные случаи, аварии и инфаркты: обычная боль, обычный страх; и ни разу не пришлось выезжать на теракт.

«Скорые» проехали, шофер вернулся на дорогу, а Брам расстегнул сумку и приласкал дрожавшего от страха щенка.

Но рев сирен раздался снова. Теперь они вопили со всех сторон, их становилось все больше, они приближались — Брам никогда еще не слышал такого. Все машины встали, сидевшие в них люди напряженно глядели перед собой. Темная тень промелькнула над ними, и Брам поглядел вверх. Два вертолета пролетели так низко, что автомобиль затрясло от грохота их моторов.

Хендрикус замер от ужаса.

— Включи-ка радио, — попросил Брам.

Шофер — толстый, лысый, небритый дядька с отвисшей нижней губой — покорно

кивнул. Ясно было, что в этой пробке они простоят не меньше часа. Брам прочел на прикрепленной к щитку лицензии его имя, дававшее полную информацию о прошлой жизни: Владимир Латошенко. Толстые пальцы повернули рычажок настройки и сразу нащупали волну новостей: теракт, число раненых и убитых пока неизвестно, чудовищный пожар, теракт-самоубийство, на этот раз, возможно, усиленный зажигательной бомбой, репортер находился рядом с местом происшествия — неподалеку от улицы, где застряло такси Брами, официальных сообщений пока не передавали.

В машине рядом кто-то спокойно закурил. С другой стороны две женщины упоенно болтали. Одна из них улыбнулась, и они засмеялись уже вместе. О чем они говорили? О любви, о работе, об отпуске?

Брам чувствовал растущее беспокойство, древняя, полученная в наследство от предков внутренняя дрожь постепенно охватывала его. Надо бы спросить у отца о погибших родственниках, он-то все о них знает, а Брам не слышал даже имен.

Счетчик показывал шестнадцать шекелей. Брам вытащил кошелек:

— Боюсь, вам непросто будет отсюда выбраться. Возьмите полсотни, а я, пожалуй, пойду.

У него не хватало терпения ждать. Движение было полностью перекрыто, а он хотел как можно скорее оказаться рядом с теми, кого любил. Уткнуться лицом в волосы Рахель. Сжать в руке пальчики Бена. Шофер равнодушно взял деньги. И пока Брам застегивал портфель и собачью переноску, сказал, безбожно коверкая иврит:

— Я с Советской армией быть в Афганистан. Пожары большие, как горы. В Афганистан американцы послать против нас Бен Ладен. Они сами этот монстр создать. Монстр благодарить Буш. Самолетами в башни.

Брам молча вылез из машины и пошел вперед. Он был хороший ходок, путь до детского садика не должен занять больше десяти минут. Вот только воздух, субстанция прозрачная и почти невесомая, вдруг сделался тяжелым и плотным; каждый шаг давался ему с огромным трудом. Верно, из-за давившей на психику чудовищной истерики сирен, прорывавшейся меж домов и поверх крыш, окружавшей его со всех сторон. Сотни сирен ревели, словно раненые звери. «Я ведь могу позвонить ей», — подумал Брам и поразился, что такая простая мысль не пришла ему в голову раньше. Надо было сразу звонить на мобильник, не дожидаясь, пока беспокойство ледяной рукой сожмет горло, пока от страха за них не начнут подкашиваться ноги.

Он остановился, вытащил из портфеля телефон, набрал номер и тут же услышал ее голос: «Рахель Маннхайм, оставьте сообщение после сигнала».

Брам отключился. Что мог он ей сообщить? Только — что хочет видеть ее немедленно. Почему она отключила телефон? Конечно, боялась перебудить мирно спящих в яслях детишек. Он представил себе ряды разноцветных кроваток, желтых, красных и небесно-голубых; кукол и сказочных зверюшек, а в одной из кроваток румяную мордашку Бена, ждущего, когда Рахель приложит его к своей дарующей жизнь груди. Он изо всех сил вцепится ей в палец, она присядет на скамеечку и с любовью склонится над ним.

Брам торопливо шел в сторону яслей. Улица вдруг наполнилась толпой пешеходов, заполнявшей ее, переливаясь через края тротуаров. Мужчины, женщины, дети — все глядели вверх, на угольно-черные облака дыма, столбом поднимавшиеся за рядом домов в безветренном сером воздухе; на этом фоне, как в кино, вертолеты нервно кружили над крышами. Брам тоже сошел на мостовую и, ускоряя шаг, пошел, лавируя между машинами, к своей жене и сыну. «Тихий океан». Что за чудесное название для детского садика. Брам старался не слишком раскачивать сумку, в которой сидел щенок, но руки плохо слушались его, и Хендрикус тихонько заскулил. В воздухе стоял острый запах бензина и горелой пластмассы — отец, без сомнения, мигом определил бы его химическую структуру.

В горячем мареве, висевшем над дорогой, Брам шел, лавируя меж автомобилями и огромных грузовиков. Люди вокруг него звонили по телефонам, молчали, уставившись в пространство, вытаскивали из пакетов бутерброды и не спеша жевали. Зрелище напоминало

застрявший в пути караван; все здесь стремились поскорее тронуться с места и добраться до контор, магазинов, складов, ресторанов и детских садов.

Но впереди стряслось нечто непреодолимое, путь перекрыл огнедышащий дракон, чей жар чувствовался даже на расстоянии. Брам побежал, сердце заколотилось где-то у горла: скорее, скорее увидеть, что же там произошло. Смотреть он боялся. Что-то там было не так, как должно. Он знал: там что-то не так, словно разом ослабевшее тело осознало то, о чем не желала слышать душа. Боже, этого не могло быть, там не мог случиться пожар, там не нужна толпа машин — «скорой» и полиции, перемигивающихся тревожными огнями. Сотни красных и синих огней, чудесное украшение для детского сада, бросали отблеск на стены домов, а он шел вперед, прямо в слепящее сияние этих огней, ничего не видя вокруг, словно солнца не было в небе. Воздух страшной тяжестью ложился ему на плечи.

Он свернул в переулок — жар и утробный рев черного огня все усиливались — и остановился перед плотной стеной людей. Яркие блузки и рубашки, сверкающие лысины и «конские хвосты» с цветными ленточками, кудряшки африканцев и светлые волосы русских. Но у него не было времени ждать, он знал: здесь этого не может быть, Господь Всемогущий, этого не должно быть.

Он понял, что надо сделать: вернуться назад, остановить часы, заставить время течь вспять, чтобы снова стало без пяти час, чтобы еще не наступило тридцать шесть минут второго. Тогда он успел бы позвонить Рахель, он крикнул бы: «Рахель! РАХЕЛЬ! РАХЕЛЬ! Скорее! Лети в „Тихий океан“! Прямо сейчас!! Хватай Бена в охапку и беги оттуда, там что-то не в порядке!! Поверь мне, любимая, там творится что-то странное! Забери его! Забери! Забери!»

Он снова набрал ее номер и снова услышал: «Рахель Маннхайм, оставьте сообщение...» Ее телефон был все еще выключен. Почему она не звонит?

— Простите, простите, простите, — забормотал он, ввинчиваясь в плотную толпу и пытаясь протиснуться вперед меж возмущенными, потрясенными, взволнованными людьми. Грубо расталкивая зевак, он пробирался к полицейскому заграждению. Но и перед ним не остановился. Он разорвал желтую ленту и пошел к горящим машинам, потому что узнал среди них свою «мазду», старенькую, обшарпанную японочку, на которой утром ездил к Хартогу. Потом ее забрала Рахель, чтобы отвезти Бена в садик.

Когда он разорвал ленту, кто-то крикнул, чтобы он оставался на месте, но разве мог он остановиться? Он уже подходил к «мазде», когда чьи-то крепкие руки, руки полицейских, схватили его; странно: причиняя боль, они, кажется, пытались его успокоить. Но он уже увидел языки пламени, рвущиеся из окон здания, которое когда-то было выкрашено в цвет моря, гигантской коробки кубиков, несшей в себе угрозу чудовищного пожара, готового вырваться наружу. А где же кровати, в которых спали дети? Где игрушки, лесенки и горки, баночки с краской, картинки на стенах?

Пожарные разворачивали шланги, с крыши одной из красных машин выдвигалась в сторону здания лестница. Черные облака вонючего дыма поднимались над домом.

Она должна быть где-то здесь, среди людей; нетерпеливо оглядываясь, она ищет его в толпе, и Бен у нее на руках, в полной безопасности, пытается разглядеть, что происходит за спинами полицейских; но полицейские окружили, отгородили его от людей, не дают отыскать жену. Он стал бешено вырываться, но, даже пытаясь высвободиться, не выпускал из рук портфель и собачью переноску, словно вещи эти были единственной опорой, удерживающей его в пределах реальности. Его бесили тупые полицейские, не понимавшие, что пожар разгорается у него внутри, сжигая все, что составляло его жизнь.

В глубине души Брам знал: этого не должно быть, Господи, это невозможно, но ясно мыслить уже не мог; надо позвонить отцу, подумал он, и попросить его сделать что-нибудь со временем. Хартог может все, он нобелевский лауреат, каждую секунду ему открывается больше тайн, чем Браму удастся узнать за всю свою жизнь.

Конечно, они не могли остаться в горящем доме. Конечно, они успели выйти, у Рахель поистине звериная интуиция. Она — дитя древней традиции, где реальность непостижимо

гармонирует с чувствами. Велика была вероятность, что ее подняло с места неосознанное беспокойство и она забрала Бена. «Шестым чувством» она могла учуять нечто неосоздаваемое, могла расслышать то, чего никто больше не слышал. У нее случались фантомные боли, и странный, магический, полный тайного смысла спазм желудка мог подтолкнуть ее к тому, чтобы схватить Бена на руки и покинуть садик; откуда-то она знала: это та самая боль, и она бежала, бежала без остановки, пока за спиной не раздался взрыв. Но она не остановилась, она бежала, бежала. Все дальше и дальше.

«О Рахель, дорогая моя, — думал он, — о Бенни, малыш, мальчик мой».

Он разрыдался. И сам не мог поверить в то, что издает эти безумные звуки. Сдерживаться было невозможно, у него разорвалось бы сердце. Но может быть, он хотел, чтобы сердце разорвалось именно сейчас, чтобы жизнь покинула его тело вместе со слезами?

Он заметил, что полицейские чуть-чуть расступились, услышав его нечеловеческий вой, железные пальцы, вцепившиеся в его плечи, разжались. Ощувив свободу, он рванулся вперед, но его снова перехватили, теперь его держало человек семь, не меньше. Брам продолжал рыдать. Он не мог остановиться. Но беспорядочные вопли обретали смысл.

— ЛЮБИМАЯ ЛЮБИМАЯ ЛЮБИМАЯ! — выкрикивал он.

Полицейские силой усадили его наземь, их было слишком много, он не мог их одолеть: с девяти лет Брам не дрался и потерял сноровку, хотя успел с тех пор отслужить в армии и ежегодно проходил сборы резервистов. Жизнь его была мирной, и хотел он только одного: обнять Рахель и Бенни, живых и невредимых. Он судорожно вцепился в ручки своих спутников — портфеля и переноски, — за все золото мира не согласился бы он выпустить их из рук. Его больше не надо было держать. Силы покидали его. Он не мог сдвинуться с места. И уже не мог рыдать. Только шептал:

— О мои дорогие, мои дорогие.

Он отдался на милость окруживших его людей.

Кто-то рядом сказал:

— Осторожно, в переноске сидит собачка.

Самым странным было то, что Брам внезапно понял: у него есть выбор. Понял, что может выбрать безумие. Принять это решение было проще всего. Ему не справиться с этим миром, он подберет для себя другой, где ему будет хорошо. Кажется, существует выход; выход, позволяющий избавиться от невыносимой боли.

Он закрыл глаза, сосредоточившись на многоголосом шуме, окружавшем его. Рев пламени, команды пожарных, стрекот вертолетов, приближающиеся и удаляющиеся сирены «скорых». Стоит только захотеть, и он сможет выкинуть все это из головы.

И вдруг он услышал:

— Я его жена.

Он и сам мог произнести эти слова, он знал, что совсем нетрудно будет слышать их каждый день, каждый день заботливо пестовать в себе эту иллюзию.

— Позвольте пройти, нечего меня хватать! Это мой муж, отойди-ка!

Эти слова, которые он мечтал услышать, прозвучали не в его сознании, а снаружи. Он открыл глаза, посмотрел на стоявших вокруг людей, все еще державших его за руки.

И взору его на фоне черного от копоти неба явилась Рахель, твердая и решительная, как Мадонна, с малышом на руках. Бенни молчал, изумленно озираясь вокруг. Полицейские расступились, давая ей дорогу, и она, испуганно глядя на него, опустилась на колени.

— Боже, — пробормотала она. — Бедный, бедный мой мальчик.

— Я думал, что... — начал он, но больше ничего не смог сказать. Слезы потекли по его щекам. Полицейские отпустили его, но он остался сидеть на земле, скорчившись, оглушительно счастливый; в ушах стоял звон от усталости, он чувствовал, как безумие постепенно уходит и его место занимает облегчение. Обняв руками колени, он плакал, как ребенок, а Рахель ласково гладила его по голове и по спине, приговаривая:

— Успокойся, лапушка, ничего же не случилось, лапушка, успокойся.

— Не могли бы вы куда-нибудь убраться отсюда? — прозвучал над ними сердитый

голос. — Кое-кому, как ни странно, вы мешаете работать.

Принстон
Через четыре года
Август 2008

1

Он отвез Рахель в Нью-Арк²⁴ и возвращался назад с Хендрикусом. Хитрый пес уселся рядом с Брамом. Всю дорогу до аэропорта он простоял на задних лапах, упираясь передними в окно и глядя на улицу, а теперь быстренько перебрался на пассажирское сиденье со своего матрасика, лежавшего на полу новенького «форда эксплорера», купленного Брамом месяц назад. Через час самолет компании «Эль-Аль», на котором должна лететь Рахель, поднимется в воздух и возьмет курс на Тель-Авив. Она постоянно старалась *upgrade*²⁵ все вокруг себя — улаживала большие и малые дела, находила то дешевого слесаря, то старинный крестьянский стол, то рисунок их дома, сделанный во времена Гражданской войны²⁶ черным художником из Филадельфии, — и, конечно, найдет чем заняться во время долгого перелета. Рахель уверяла, что не может спать в самолете, но Брам знал по собственному опыту: как только пассажиров покормят, она заснет. Иногда она засыпала в неудобном кресле крепче, чем в собственной постели, и ему приходилось будить ее, когда самолет разворачивался над Средиземным морем, заходя на посадку в аэропорту Бен Гурион. Завтра ее отцу исполняется шестьдесят пять лет, и Рахель решила явиться в Тель-Авив без предупреждения, чтобы сделать ему сюрприз.

В некоторых аэропортах Европы установлены скоростные сканеры, дающие возможность зарегистрироваться на рейс меньше чем за два часа до отправления, — как раньше, до теракта 11 сентября. Но в Америке, как и в Израиле, контроль осуществляется не машиной, а служащими. Через неделю, когда Рахель будет возвращаться, какой-нибудь чиновник потратит несколько минут на проверку ее багажа. Брам был абсолютно уверен, что компания «Эль-Аль», много лет занимающая первое место в мире по безопасности, доставит ее в Израиль в целости и сохранности. Сам он так и не смог понять, какая сила удерживает самолет в воздухе, и необходимость куда-то лететь приводила его в ужас. Летать приходилось не реже чем дважды в месяц, и всякий раз он сидел, взмокнув от страха, тупо уставясь в экран ноутбука, напряженно прислушиваясь к шуму моторов. Иногда ему чудились перемены в высоте тона или уровне громкости, и он начинал внимательно следить за стюардессами: не нервничают ли они, не бегают ли без надобности в пилотскую кабину. В течение всего полета поведение пассажиров фиксировалось видеокамерами, и Брам был уверен, что служит излюбленным объектом для обучения новичков. Указывая на его смертельно испуганное лицо, выделяющееся на фоне мирно спящих пассажиров, инструктор мог продемонстрировать будущим стюардам и стюардессам паникера: вот он — человек, налетавший сотни часов, но до сих пор не доверяющий профессионализму пилотов; вот он — возможный источник неприятностей.

Если он летел с Рахелью, то благодаря ее легкому нраву был почти спокоен. Она понимала его страхи, но находила их несколько чрезмерными. И о кошмарах, мучивших его по ночам уже почти два месяца, Брам рассказывал только ей.

²⁴ Аэропорт в штате Нью-Джерси, рядом Нью-Йорком.

²⁵ Здесь: улучшать, усовершенствовать (амер.).

²⁶ Имеется в виду Гражданская война в США, которую называют еще «войной между штатами» (1861–1865).

Нынешним утром, когда он проснулся в полпятого мокрый от пота, она сказала:

— Ты слишком много работаешь. Лекции отнимают у тебя все силы. Надо их прекратить.

— Но нам нужны деньги. Один ремонт чего стоит.

Его книга о Шароне и Арафате, основанная на беспристрастном подборе фактов, стала бестселлером и принесла им достаточно денег, чтобы внести задаток за обветшалый загородный дом, куда они переехали четыре месяца назад. Но лекции, которые он читал по всей стране, давали гораздо больший доход, чем проценты с продажи книги. Именно лекции давали возможность быстро покончить с ремонтом и рассчитаться с ипотекой. Ему хотелось определенности. Он не любил рисковать.

Основу дома — простую прямоугольную коробку — построили в 1828 году, но за два столетия он разросся, превратившись в лабиринт коридоров и комнат, и из-за колоссальной площади в семьсот квадратных метров казался бесконечным. Надо было срочно что-то делать, чтобы он не развалился. Архитектор и подрядчик старательно поддерживали в нем растущий страх. Они долго обсуждали «сгнившие стропила», но стропила оказались в полном порядке. Но все-таки трубы, электропроводку и большинство оконных рам придется заменить, ванную и кухню — перестроить и вдобавок перебрать большую часть крыши. После чего, к концу своей личной пятилетки, они смогут расслабиться и коротать долгие ледяные зимы под надежным кровом просторного, теплого, уютного дома.

Пока что они жили в «новом» крыле, построенном в 1928 году специально для слуг, которых в 1930 году, после биржевого краха, пришлось рассчитать. В плане дом имел z-образную форму; к короткому крылу (три спальни и большая гостиная с открытой кухней), где они жили, с одной стороны примыкал неухоженный газон огромного сада, а с другой — тихая дорога, ведущая к 518-му шоссе, по которому за полчаса можно было добраться до Принстона. Сад занимал небольшую часть их холмистого участка в 26 акров, включавшего собственную английскую рощу, прорезанную просеками и грунтовыми дорогами. Дикие олени и лисы бродили меж деревьев, хищные птицы охотились на мелких зверьков.

До начала зимы надо было успеть наладить отопление, слесарь уже сообщил им, во что это обойдется. Их дом станет настоящим дворцом.

Скоростная дорога номер один связывала аэропорт Нью-Арка с Принстоном. Не прошло и часа, как Брам добрался до пригорода, застроенного недавно отреставрированными домами в колониальном и викторианском стиле, уютными и просторными, с аккуратными лужайками и гостеприимными верандами, украшенными элегантной резьбой по дереву. Дом доктора Джиотти отыскался быстро. Хендрикуса пришлось взять с собой. У Брама имелась сложная схема: в какие дни кому из знакомых можно его завозить, когда приходится читать лекции; но сегодня никто не смог оставить у себя собаку. Бенни пока в садике, за ним он заедет в три.

Джиотти, как и следовало ожидать, оказался типичным итальянцем: маленький, чернявый, заботливый, с темными ироничными глазами и коротко подстриженной бородкой, в дорогом элегантном костюме и элегантных туфлях от Бруно Магли. Кондиционер бесшумно гонял прохладный ветерок по его кабинету. Хендрикус с интересом обнюхивал пол под простыми, обшарпанными стульями и круглым столом, за который они с доктором уселись. И на котором не было книг. Только пачка бумажных салфеток, кувшин с водой и пара стаканов «*Duralex*». Когда Рахель велела Брамму обратиться к психоаналитику, в университете ему посоветовали именно этого доктора.

Джиотти записал на листочке возраст Брама, место рождения, где он жил и учился, дату смерти его матери, семейное положение.

Потом спросил:

— Итак, вы плохо спите?

— Да.

— С каких пор?

— Уже два месяца.

Странно было обсуждать свои сны с абсолютно чужим человеком.

— А раньше такое бывало?

— Нет, раньше — никогда.

Глаза у Джиотти были огромные, а веки от природы темные, словно он их подкрашивал, как женщина. Из-за этого Брам решил, что Джиотти красит волосы: ни следа седины в шевелюре, хотя на вид — никак не меньше шестидесяти.

— В вашей жизни произошли в последнее время какие-то серьезные изменения?

— Не то чтобы, — ответил Брам. — Впрочем, дом, мы купили дом. Который требует капитального ремонта.

— И вам из-за этого не спится?

— И из-за этого тоже.

— Вы не спите, обдумывая ремонт, это совершенно нормально. Но я так понял, что ваша бессонница вызвана и другими причинами?

— Так кажется моей жене.

— Это жена отправила вас ко мне?

— Она думает, вы сможете мне помочь.

— Бессонница вас сильно беспокоит?

— Она не беспокоила бы меня совсем, если бы время от времени удавалось выспаться, так что — беспокоит, но не слишком.

— Вам трудно заснуть?

— Нет, с этим нет проблем.

— Сексуальные проблемы?

— Что вы имеете в виду?

— Проблемы с эрекцией?

Никто никогда не задавал Брам таких вопросов.

— Нет.

— Вы получаете удовольствие от секса?

Брам не был уверен, удастся ли ему продержаться еще полчаса.

— Да.

— У вас много партнерш?

— Нет. Я верен жене.

— А как вам кажется, ваша жена тоже удовлетворена своей сексуальной жизнью?

Они всегда делали то, что им хотелось. Рахель была чудесна. То, как ее изумительное тело отвечало на его ласки, делало немыслимой саму идею поиска других женщин. Как-то раз они взяли напрокат порнофильм. Иногда она, раздевшись, оставалась в чулках с подвязками и туфлях на «шпильках». Но, наверное, все это лишь невинные развлечения в глазах опытного психотерапевта. Преподаватели Принстона обожали Джиотти. Может быть, в академических кругах процент извращенцев выше, чем среди работяг?

— Я думаю, да, — ответил Брам.

Джиотти кивнул и сделал пометку в блокноте.

— Вы можете описать свою ночь? Вы засыпаете хорошо, так?

— Да, но потом — потом я просыпаюсь от кошмара. И больше уже не сплю.

— В этом кошмаре есть некий сюжет?

— Да.

— И вы можете его пересказать?

Брам кивнул.

Вот как, значит, устроена беседа с психиатром. Сухой обмен интимной информацией, которая после обрабатывается и становится материалом для изучения и интерпретации.

— Вы пересказывали свой кошмар жене?

— Да.

— Она у вас умница — я встретил ее как-то у общих знакомых — что она сказала?

— Что мне нужен хороший аналитик.

Джиотти удовлетворенно улынулся:

— Я же говорю, она умница, — и добавил: — Вам неприятно говорить об этом?

— Я бы лучше обсудил возможность позитивных перемен в Корее.

— Да вы, оказывается, оптимист! — не остался в долгу Джиотти.

— Просто не люблю заниматься самокопанием.

— Это и не нужно, пока ничего не случилось. Но вам снятся кошмары.

— Да.

— Нет нужды объяснять вам, что это может означать: непреодоленные страхи, загнанные в подсознание.

Брам кивнул. Он понимал, что кошмары порождены страхом. Он боялся потерять то, без чего не мог жить. Рахель. Бенни. Дом. Работу. Отца.

— Не могли бы вы приблизительно описать, как выглядят ваши кошмары?

— Они похожи друг на друга.

— С одинаковым сюжетом?

— Да.

— Ну что ж, начинайте, — кивнул ему Джиотти, словно приглашая актера начать показ.

— Попробую — но мне кажется немного странным говорить об этом с вами.

— Конечно. Чтобы привыкнуть, нужны месяцы, если не годы.

— Вы хотите сказать, что я должен буду ходить к вам несколько лет?

— Понятия не имею. Но если это будет необходимо...

— Да зачем, когда есть снотворные? — удивился Брам.

— Совершенно справедливо. Я выпишу вам рецепт, и вы можете продолжать жить, как живете. Но мне все же любопытно знать, что за кошмары вам снятся.

Достаточно ли будет, подумал Брам, продолжать принимать таблетки или стоит попробовать разобраться наконец с этим кошмаром?

— Сон начинается, — сказал он, — всегда по-разному. Но потом случается что-то, из-за чего я попадаю в наш новый дом.

— И как, к примеру, он начинается?

— Например, я разговариваю с отцом. Мы говорим о его псе. Пес убегает, я — за ним, и мы оказываемся возле дома. Того самого дома, где мы сейчас живем. Но это только начало. Я вхожу в дом следом за псом, и вдруг пес проваливается сквозь пол, в дыру. Дом очень старый, на верхнем этаже в одной из комнат действительно в полу есть дыра. Я смотрю сквозь нее вниз и вижу, что пес стоит там, внизу, и жалобно смотрит вверх: он ждет моей помощи. Я бегу назад, спускаюсь по лестнице. Попадаю в какой-то коридор, в нем — не думаю, чтобы мое подсознание было каким-то особенным, — слишком много дверей. А пса нигде не видно. Я слышу его, но не вижу. Потом из-под решетки кондиционера начинает валить дым. В нашем доме нет таких решеток, мы только собираемся их ставить. Дым наполняет коридоры и комнаты. Я зову пса по имени, но дым попадает в мои легкие, и я не могу двинуться с места. Я слышу, как скулит пес. И просыпаюсь.

Джиотти кивнул на Хендрикуса, старательно вылизывающегося под столом:

— Это и есть наш главный герой?

— Нет. Вернее, не совсем, частично.

— Вы когда-нибудь раньше держали собак?

— Нет.

— Даже в юности?

— Нет, — повторил Брам и вспомнил об отцовской собаке. — Отец держал пса, когда был ребенком. Я думаю, пес в моем сне принадлежит отцу. То есть насколько я могу себе его представить.

— Вы видели его фотографии?

— Нет, но отец мне о нем рассказывал.

— Он считал своего пса чем-то необыкновенным?

— Да. — Ничего больше не хотел он рассказывать этому чужаку. Разговор становился все более абсурдным. Не хватает еще и собак обсуждать.

— Не могли бы вы рассказать мне побольше про собаку вашего отца?

— Не думаю, что это относится к делу.

— Почему?

— Просто я слишком сильно беспокоюсь из-за дома. Мы недавно переехали. Он огромен, и потребуются титанические усилия, чтобы привести его в порядок. Реконструкция будет стоить кучу денег. Может быть, мы взялись за дело, которое не сможем завершить; боюсь, нам не справиться.

— Вам это только что пришло в голову?

— Это естественное объяснение, не так ли?

— Абсолютно. Но: испытываете ли вы облегчение?

— Какое облегчение?

— Исчезнут ли благодаря этому ваши кошмары?

Брам подумал, что, даже если это объяснение верно, оно вряд ли поможет ему исцелиться. Оно уже приходило ему в голову после одного из первых кошмаров, но было отвергнуто как неубедительное.

— Вы принадлежите к старой школе? — спросил Брам.

Джиотти взглянул на него вопросительно:

— К старой школе? Что вы имеете в виду?

— Они говорят, что, как только я пойму символику сновидения, оно перестанет меня беспокоить. То есть больше не будет на меня действовать.

Джиотти улыбнулся:

— Да, у меня тридцатилетний опыт работы с пациентами. Но иногда требуется время, чтобы отследить все компоненты сновидения.

— А если это случайность?

— Сколько раз вам снился этот пес?

— Понятия не имею. Двенадцать, тринадцать... может быть, больше.

— И вы считаете случайностью то, что один и тот же образ раз за разом возвращается в сопровождении одних и тех же эмоций?

— Я боюсь браться за реконструкцию дома, боюсь, что у нас не хватит денег, а страхи никуда не денутся. И кошмар остается при мне. Я думаю, этого достаточно...

Джиотти прервал его:

— Что делает собака в том доме, который вам снится?

— Понятия не имею. У нас есть собака. У моего отца когда-то была собака.

Джиотти поглядел на дремлющего под столом Хендрикуса. Пес выглядел спокойным, и это удивило Брама. Обычно, оказавшись вне дома, Хендрикус нервничал и скулил.

— Как его звать? — спросил Джиотти.

— Хендрикус.

— А как звали собаку вашего отца?

— Так же, — ответил Брам, помедлив несколько секунд.

— Хендрикус?

Брам кивнул.

— Что это за имя? Израильское?

— Голландское.

— Оно что-то означает?

— Это имя состоит из двух германских слов: *heim* — то место, где находится твой дом, и *rik*, означающий власть. Немецкое имя — *Heinrich*.

Джиотти кивнул:

— То есть в какой-то степени указывает на дом, который вы купили. Большой дом.

У Брама форменным образом отвалилась челюсть.

— Черт возьми, — сказал он и рассмеялся. Процедура оказалась еще чуднее, чем он

ожидал. А собственно, разве он чего-то ожидал?

— Вы хотите сказать, у меня в голове составилась ребус? Мне снятся головоломки?

— Вы знали, что означает имя вашей собаки, но не отдавали себе отчета в этом. Пришло время, и головоломка сложилась.

— С вашей помощью.

— Я стараюсь, — заметил Джиотти без малейшего смущения. — Люди в течение тысячелетий чувствовали, что в снах закодирована информация, хранящаяся в подсознании. Библейский Иосиф был толкователем снов. Вернее сказать, он был первым психотерапевтом.

— Мальчиком мой отец жил в небольшом доме. Он назвал пса в честь знаменитого в то время голландского политика.

— Но вам известно значение его имени. Вполне возможно, что, если бы пса звали, к примеру, Паул, он не появился бы в вашем сне.

— Паул, Паулус, тихий, незащитный, — пробормотал Брам.

Джиотти кивнул:

— Давайте-ка вернемся к началу сна. Они все начинаются по-разному, не так ли? А потом выходят на один и тот же сюжет?

— Да.

— Сон, который вы описали, начинался с вашего отца. Другие сны тоже начинаются с него?

— Нет.

Брам попытался восстановить в памяти картинки, с которых начинались его сны. В одном он шел по Амстердаму, вдоль Золотой излуины Хееренграхта,²⁷ мимо роскошных домов, выстроенных купцами, приобретшими в семнадцатом и восемнадцатом веках колоссальные состояния на торговле специями, слоновой костью, шелком, китайским фарфором и рабами из Африки. К затейливо украшенной входной двери одного из домов вели ступени. Он заглянул в забранное решеткой окно. И увидел собаку. Толкнул дверь, она легко открылась. Собака побежала в глубь здания, и Брам последовал за ней.

— Я могу привести пример, — сказал Брам и описал прогулку вдоль канала, огромный дом, решетки на окнах.

Когда он закончил, Джиотти спросил:

— Все эти компоненты, они знакомы вам?

— Да.

— Вы сами там когда-то гуляли?

— Да, много раз. Когда учился в школе...

Он испуганно посмотрел на Джиотти. Но терапевт молчал, невозмутимо глядя на него, и Брам понял, что многолетняя практика научила Джиотти сдерживать эмоции.

— Когда мне было восемнадцать, я должен был написать работу к выпускному экзамену. О Второй мировой войне. Для этого пришлось несколько месяцев ходить в архив Государственного института, где хранятся документы, связанные с войной. Этот институт и есть дом из моего сна.

— И собака сидит внутри?

— Да, собака сидит внутри.

— А как собака связана с институтом?

— Непосредственно, — пробормотал Брам.

— Непосредственно?

²⁷ Центральная часть одного из «больших» каналов Амстердама, дома теперь в основном принадлежат различным учреждениям.

Бенни должен был пойти в начальную школу с осени, а пока они каждый день водили его в садик при университете. После разговора с Джиотти Брам заехал за ним. Хендрикус, играя, прыгал вокруг Бенни, покусывал его за руки, забегал вперед и возвращался назад. Брам пристегнул сына к детскому стульчику на заднем сиденье «эксплорера», и, пока он выезжал со стоянки, Бенни уговорил Хендрикуса успокоиться. Они прекрасно понимали друг друга.

Бен был существом неистовым, гораздо более воинственным, чем Брам в детстве. Они не стали бы покупать ему игрушечного оружия, если бы Бенни сам его не потребовал. Ему нравилось быть сильным. Он мог часами сражаться против вымышленных врагов, рубя их мечом, стреляя из автомата или карабина. А иногда выходил на бой до зубов вооруженным: в каждой руке по пистолету, за плечами — пластиковые «узи» и «АК-70», за поясом — пара мечей. Вылитый Рэмбо — впрочем, этого фильма он никогда не видел. Зато мультики со стрельбой и драками мог смотреть бесконечно. И вот что еще поражало Брама: Бенни ел, как молодой хищник. Но не толстел; он был мускулист и со временем обещал стать крупным, сильным юношей. Когда он ел, то напоминал Браму отца, очищавшего свою тарелку с таким же свирепым видом.

Раньше Брам считал отцовское отношение к еде следствием войны, считал, что голод, пережитый в лагере, научил Хартога съедать свою порцию мгновенно. Мальчиком он с изумлением наблюдал за отцом, сосредоточенно опустошавшим тарелку, словно волк, занятый лишь тем, чтобы, набив желудок пищей, покончить с голодом. Но Бенни был точно таким же, хотя и не пережил голодных военных лет. Этот юный Маннхайм не ел, а поглощал еду в буквальном смысле слова. Вкусно ли, нет — не важно. Бенни, как и его дед, собирался выжить любой ценой.

Брам наблюдал за ним, поглядывая в зеркальце заднего вида. Круглые щеки, яркосиние глаза, светлые волосы, отросшие ниже ушей — пора бы его постричь. Хендрикус спокойно сидел рядом. Среди собак он выделялся, как и Бенни среди сверстников, упрямством, дикостью и ловкостью.

— Можно, я позвоню маме?

— Только завтра. Сейчас она сидит в самолете.

— Докуда она уже долетела?

— Понятия не имею. Пожалуй... — Он сверился с часами на щитке. — Пожалуй, она сейчас пролетает над Лонг-Айлендом. Если самолет вылетел вовремя, она летит уже час.

— Над облаками, — сказал Бенни. — Я хочу самолет-истребитель.

— У тебя уже есть один.

— Игрушечный...

— Ты сможешь стать пилотом, когда вырастешь.

— До сколько лет вырасту?

— Я думаю, до восемнадцати.

— Еще четырнадцать ждать?

— Да.

Считать Бенни выучился сам, когда ему было два года. Он постоянно что-нибудь считал. Складывал цифры, из которых состояли номера встречных машин, сам назначал буквам цифровые эквиваленты, — жил в удивительном мире, которым правили сила и числа.

Брам заметил, что Бенни напряженно смотрит в окно, словно меж пропитанных солнцем домов Западного Принстона таилась опасность, которую необходимо найти и обезвредить. Потом Бенни заснул. Когда с ними ехала Рахель, малыш настойчиво и шумно требовал, чтобы она садилась рядом. Иногда, сдавшись, она на ходу перебиралась на заднее сиденье, укладывала Бенни к себе на колени и гладила по голове, пока он не засыпал. Брам любил эти минуты в машине: все вместе, под защитой стального кузова, совсем близко друг от друга, на расстоянии протянутой руки — не хватало только отца.

Три месяца назад отец прислал ему мэйл. Его любовница внезапно умерла. Она ехала в автобусе, и у нее остановилось сердце. Медсестра, оказавшаяся рядом, пыталась вернуть ее к

жизни, но не смогла. Брам тотчас же позвонил и записал на автоответчик свои соболезнования. А наутро получил новый мэйл: соболезнования ни к чему, она не была ему женой, и вообще ей повезло — о такой смерти можно только мечтать.

Брам прочел мэйл раз, другой. Хартог, который никогда не был щедр на проявление чувств, на этот раз превзошел самого себя. Не хотел, чтобы сын понял, как он тоскует по своей любовнице, считая это проявлением слабости, немыслимой в пределах его вселенной. Но что он имел в виду, когда писал: «можно только мечтать»? Была ли это просто фигура речи или попытка сообщить о чем-то важном? Брам ответил, что они рады будут видеть Хартога в Принстоне; не хочет ли он устроить себе каникулы недели на две? Ответ: совсем сдурел? Как я могу вдруг взять — и уехать!

А через десять дней Брам позвонили из какой-то тель-авивской больницы. Оказывается, Хартог упал на улице и потерял сознание. Они просканировали его мозг и обнаружили следы крошечного инсульта, практически не повредившего ему. Они решили, что должны поставить в известность семью, против чего Хартог возражал, и согласился дать телефон в Принстоне только после длительных препирательств.

Часом позже он сам позвонил.

— Как ты себя чувствуешь, папа? — спросил Брам.

— А как бы ты себя чувствовал, если бы лежал в больнице, опутанный шлангами и проводами?

— Ты все такой же? Шутишь?

— Почему бы нет? Эти глупые дети, которые крутятся тут и называют себя врачами, все вместе знают об инсультах меньше, чем я. Я хочу домой.

— Они считают, что тебе надо подождать до утра.

— Только под наркозом.

— Почему бы тебе не приехать сюда? Ты должен навестить нас хоть раз. Заодно и дом поглядишь.

— Дом мегаломана-мешугинер . Слишком большой.

— Удачное вложение средств.

— С каких это пор ты занялся вложением средств?

— Такой случай представляется раз в жизни.

— Да уж, случай. Случай вляпаться в дерьмо. Ладно, это твое дело. Сейчас мне все равно лететь нельзя. Потом как-нибудь, обещаю.

— А кто будет за тобой ухаживать?

— Они сказали, что каждый день кто-то будет приходить.

— Обещай мне, что эту ночь ты проведешь в больнице.

— Вряд ли у меня будет выбор. Как поживает малыш?

Хартог почти никогда не называл внука Бен или Бенни — только «малыш». Когда Бен немного подрос, Хартог решил, что его гены, пропустив сына, наконец-то расцветут во внуке.

— Здоров, хулиганит, все как всегда, — ответил Брам.

— С этим малышом надо заниматься дополнительно.

— Папа...

— Нет, послушай. У малыша явный талант. И ему не повредит, если ты попросишь какого-нибудь симпатичного студента-математика два-три раза в неделю приходить и играть с ним в цифры: складывать, вычитать. Сколько это может стоить? С деньгами у вас, кажется, все в порядке: книга принесла тебе целое состояние. Надеюсь, ты не все еще профукал на дом? Сколько раз я тебе говорил? Почему ты этого не делаешь? Поверь мне, малышу занятия не повредят.

— Я знаю. Надо будет поговорить с Рахель.

— Ты собирался с ней поговорить десять звонков назад.

— Я рад, что тебе не трудно повторить еще раз.

— Почему мне должно быть трудно?

— Ты же звонишь с больничной койки.
— Неправда, я сижу. В кресле. На койку я только смотрю.
— Ты прав, папа. Тебе там незачем оставаться. И глупо утверждать, что ты все такой же. Скорее можно сказать: ты все молодеешь.
— В твоём голосе мне слышался сарказм.
— Разве я посмел бы...
— Короче, можешь обо мне не беспокоиться.
— Я рад.
— Я еду домой.
— Вызови такси.
— А чем плох автобус? По статистике получается, что идти до автобусной остановки пока что опаснее, чем ехать в автобусе.
— Сохрани счет, папа. Я оплачу твоё такси.
— О'кей, я возьму такси.
— Рахель хочет тебе что-то сказать, она ведь тоже врач.
— Их тут почти две тысячи в моём распоряжении. Более чем достаточно.
— Она уже подошла, пап.
Брам зажал ладонью микрофон и прошептал:
— Он просто невозможен. Ничего не могу поделать.
— Хороший признак, — улыбнулась Рахель, принимая трубку. — Ну, старый ворчун, как дела?

Поразительно, каким счастливым выглядел отец, когда Рахель разговаривала с ним. В стальном щите Хартога существовало два тонких места, два человека, с которыми он позволял себе быть слабым и сговорчивым: Бенни — мальчик, походивший на него более, чем собственный сын, и Рахель, желаниям которой он с удовольствием потакал.

— Да, это Хендрикус лает, он желает вам скорейшего выздоровления, — ласково говорила Рахель.

В салоне «эксплорера» мирно спали Бенни и его друг Хендрикус. Брам вел автомобиль вдоль холмов, под сенью деревьев, отбрасывавших тень на дорогу, любясь пасторальным пейзажем к западу от Принстона. Ему пришлось надеть темные очки, чтобы смягчить бившее в глаза солнце.

Их дом находился в полутора милях от Делавэра, реки, отделявшей Нью-Джерси от Пенсильвании. На другом ее берегу неторопливо разрасталась к северо-востоку Филадельфия — в ожидании счастливых перемен, которые непременно наступят через несколько десятилетий, когда она, слившись с Нью-Йорком, Нью-Арком, Нью-Брунsvиком и Трентоном, станет частью гигантского бесформенного мегаполиса, тянущегося от Пенсильвании до Коннектикута.

И тут Брам вспомнил, что первый раз сон с собакой и домом приснился ему через день после того разговора с Хартогом. Вне всякого сомнения, раньше ему не снилось ничего похожего. В том сне присутствовал отец. Пес стоял перед отцом — должно быть, их что-то объединяло. Но может быть, глупо самому пытаться интерпретировать сны? Это работа Джиотти — расшифровывать сновидения вместе с пациентом. Психологи и психиатры больше ста лет успешно помогают робким, нерешительным людям, это правда. Но Брам не верил, что интерпретация может состоять из узнаваемых элементов и быть такой же случайной и беспорядочной, как сам сон. Объяснения Джиотти могли помочь только тем, кто верил, что они помогут. Результат достигается быстрее, когда пациент подробно говорит о своих проблемах, все проблемы, от начала до конца, излагаются в процессе сеанса, а толкование позволяет сделать из неоднозначной символики снов практические выводы. Брам точно знал, откуда явились его кошмары: слишком много забот, вот что. Болезнь отца, дом, работа на износ в университете. Он избавится от снов, если устроит себе передышку. На время прекратит чтение лекций и публикацию статей. Не спеша займется домом, замком,

который защитит их от любых невзгод.

Он свернул на подъездную аллею, ведущую к дому; асфальт, попорченный рытвинами и ухабами, не имеет смысла чинить, пока не закончатся основные работы. Густой лес по обе стороны дороги — его собственный лес — в который раз заставил Брама с гордостью подумать: «Абрахам Маннхайм, внук голландских евреев-голодранцев, приобрел землю в Америке — заросшие сорной травой газоны, потерявшие форму кусты и бесчисленные побеги плюща, оплетающие все, что попадаете им на пути».

Высокая, разросшаяся за много лет живая изгородь двухсотметровой подковой охватывала дом — длинное строение из побелевшего от непогоды дерева, возведенное безо всякого плана, — вернее, разраставшееся в течение двух столетий в соответствии с нуждами и финансовыми возможностями хозяев. Дорогу замыкала посыпанная гравием площадка во всю ширину дома. За гравием тоже никто не следил: камушки потеряли цвет, а колеса автомобилей смешали их с песком. И все-таки сразу было видно, в какой чудесный загородный дом превратится эта развалина.

Бенни не проснулся, когда Брам заглушил мотор. Хендрикус поднялся, но сидел тихо, словно не хотел его будить. Брам отстегнул ремни, вынул Бенни из детского сиденья — удивительно, но малыш так и не проснулся — и, меж неподвижных деревьев, понес его к двери. Солнце безжалостно заливало светом старые стены, и чем ближе он подходил, тем яснее видел неизгладимые следы, оставленные на них непогодой.

В конце пятидесятых пристройку для слуг превратили во вполне приличное жилье. Сразу за входной дверью — гостиная с открытой кухней; оттуда две двери вели в спальни, а третья соединяла пристройку с остальным домом. Брам положил Бенни в кроватку, налил Хендрикусу свежей воды. Потом включил беби-фон в телефоне и, пока Хендрикус жадно пил, вышел наружу. Позади дома, там, где прерывалась живая изгородь, полагалось быть изящному саду (запечатленному на рисунках девятнадцатого века); время не пощадило его, превратив в подобие джунглей, замыкавшихся болотцем, за последние двадцать лет совсем заросшим, — его Рахель собиралась расчистить, дабы возродить имевшийся там прежде пруд овальной формы. Подбежал Хендрикус.

— Что ты, мальчик, что ты бегаешь в такую жару?

Наверное, так разговаривать с собакой не полагалось, но выходило само собой. Как полноправный член семьи, Хендрикус получал равную с остальными порцию воспитательных бесед, любви и человеческого общения.

Кабинет Брам собирался устроить в правой угловой комнате, площадью больше семидесяти метров. Здесь разместятся все книги, отсюда, сквозь высокие, сходящиеся углом окна, он будет смотреть на край живой изгороди, заросший пруд — и на свой собственный лес.

Брам собрал бумаги, которые понадобятся ему завтра. Он не хотел, чтобы Бенни слишком долго оставался один, и решил поработать в гостиной. Вдруг Хендрикус залаял.

— Что такое? Жарко?

Стоя на пороге, Хендрикус смотрел в пространство между краями живой изгороди.

Теперь и Брам услышал шум мотора: должно быть, это Джон О'Коннор, с которым надо решить судьбу пруда.

Красный вэн подъехал и запарковался рядом с Брамовым «эксплорером». Брам вышел к нему.

— Жарко сегодня, а, Эйб?

Эйб — третье его имя. Брам в Голландии, Ави в Израиле, Эйб в Штатах.

Джона, крупного рыжего дядьку весом по крайней мере в триста американских фунтов, чьи сильные руки ловко управлялись с молотками, клещами и прочими инструментами, рекомендовали Браму университетские коллеги. Он считался прекрасным подрядчиком, надежным и честным мастером, точным в денежных расчетах. Вылезая из кабины своего вэна, снабженного кондиционером, он вытирал пот со лба.

— Я долго жил в Израиле, Джон.

— Мы можем прямо сейчас установить кондиционер. В такую жару разве уснешь?

Кондиционер вряд ли поможет ему уснуть, но Брам ответил:

— Я не против.

— Рахель улетела?

— Думаю, да. Иначе позвонила бы.

— Я слышал, у вас там опять проблемы.

В последние месяцы сообщения из Израиля не сходили с газетных полос. С тех пор как Хамас превратил Газу в исламский анклав, столкновения стали ежедневными. Ракетные обстрелы израильских городов, ответные действия Израиля. Ицхак Балин стал министром иностранных дел. Брам не терял с ним связи, время от времени обмениваясь мэйлами, но дружбе их с отъездом Брама пришел конец. Впрочем, из всех общих знакомых один Балин не считал Брама предателем. Жесткое противостояние, которое пошло на убыль после бесславного завершения второй интифады, сменилось войной между Хамасом и Фатхом. Однако все еще находились палестинцы, клятвенно заверявшие, что мечтают о прочном мире. Где-то Балин умудрялся их отыскивать.

— С трех пор как Арафата не стало, — говорил Балин, — всякое может случиться. Лучше постараться ужиться со знакомым дьяволом, чем налаживать отношения с незнакомым.

— Вчера погибло шестеро парней, — сказал Джон, теперь уже — об американских солдатах в Ираке.

Брам кивнул:

— Я слышал об этом. — Ему не хотелось обсуждать войну в Ираке. Когда-то он раскритиковал за нее Буша и в результате испортил отношения с некоторыми из тель-авивских коллег. — Ты решил, что делать с прудом?

— Да. — Джон вытащил огромный красный носовой платок и вытер шею и щеки. Это выглядело, как оживший кадр из старого фильма. Сам Брам давно пользовался бумажными салфетками.

— Очень много работы. Сперва надо его осушить. Потом вычистить дно. Потом застелить специальным покрытием. Поставить систему подогрева, иначе ваши японские рыбки к черту померзнут. Будет стоять прорву денег. Мой совет? Забудьте о пруде.

— Ты не мог бы ей сам об этом сказать? Меня она не захочет даже слушать.

— Нет проблемы. Хочешь еще совет?

— Валяй.

— Сосредоточьтесь на важнейших делах. Мы должны привести дом в порядок прежде, чем наступит зима. Работы выше крыши. Прудом с подогревом можно заниматься, только если вы купаетесь в деньгах. Она вернется на будущей неделе, так?

— Да.

— Нужно начинать с починки крыши. Решить, из чего делать кровлю: дранка, черепица, гудрон? Если выберешь черепицу, придется укреплять стропила. Возможен любой вариант. Теперь водосточные трубы. Тут выбор от пластика до меди. Все возможно, все, что можно купить за деньги. Речь идет о большой работе, Эйб.

— Рахель говорила, что большую часть оконных рам придется заменить.

— Тут у меня приятная новость. Подгнивших оказалось немного.

— Шумно будет?

— Да уж, на воскресную прогулку в лес не похоже. Мы строители. Мы пилим и колотим молотками. Шумим. На твоем месте я, пока идут работы, сидел бы в университете.

Где-то далеко залаял Хендрикус, должно быть, в доме. Но, кажется, он закрывал дверь?

— Мы начнем в первую неделю сентября. Чтобы закончить к середине ноября, — продолжал Джон. — Да, Рахель хотела поглядеть рекламы систем сигнализации. Она считает, что надо начать со средств безопасности, все-таки вы живете на отшибе. Я захватил с собой и брошюры про сейфы с разными наворотами; к примеру, сейф, который взрывается, как только набираешь определенный код.

Рахель чувствовала опасность? Она никогда не говорила об этом. Или она тоже сомневается в успехе их авантюры?

— Взрывающийся сейф? — спросил Брам. — Вряд ли это подходит для семьи, где есть дети. Стоит маме с папой отвернуться, они тут же полезут его открывать.

— Там просто такая система защиты. Просто громкий хлопок, — ответил Джон.

Они слишком долго простояли на солнце, лицо Джона покраснело, пот тек по щекам.

— Нам нечего складывать в сейф, — сказал Брам, — вот обзаведемся бриллиантами, тогда и поглядим. Попьешь чего-нибудь?

— С удовольствием.

Они двинулись к жилой части дома. Джон еле шевелился, наконец они вошли в тень.

— Какую крышу ты мне посоветуешь? — спросил Брам.

— Самую дорогую — черепичную. И медные водосточные трубы. С кондиционерами можно пока не спешить, хотя сам я просто балдею от прохладного ветерка. То же самое — с ванными. Приведи пока одну в порядок. Гости смогут временно пользоваться вашей ванной. С черепичной крышей и медными трубами можно спокойно прожить лет шестьдесят, а то и восемьдесят. А дранку положено менять раз в пятнадцать лет. Правда, поставить ее дешевле, но когда все это сложишь... Конечно, если ты думаешь продавать дом года через три — стараться не стоит.

Они вступили в тенистую прохладу гостиной.

— Мы собираемся поселиться здесь надолго, — тихо сказал Брам и добавил: — Малыш спит в соседней комнате.

В холодильнике стояла картонка с шестью баночками колы. Хендрикус снова гавкнул, негромко и глухо, словно из закрытого шкафа.

— Будешь колу?

— Замечательно.

Брам подал ему баночку и взял еще одну — себе. Ледяная кола вскипела пузырьками в горле. Джон, разинув рот, вливал в себя любимое пойло. Брам вытер губы тыльной стороной ладони и только тут заметил: дверь в спальню Бенни приоткрыта. Он точно помнил, что закрывал ее.

— Минутку, — сказал он, поворачиваясь, и увидел, что дверь, ведущая в нежилую часть дома, тоже приоткрыта. Брам ринулся в коридор и крикнул:

— Бенни!

Хендрикус снова залаял, но Бенни не отозвался. Пол в коридоре был вымощен старинными плитками, стершимися от соприкосновения с тысячами прошаркавших по ним подошв. Они собирались отлакировать их и сохранить в неприкосновенности. Справа шли окна, за ними видна была посыпанная гравием площадка, живая изгородь и два запаркованных автомобиля. Слева — несколько старых дверей, ведущих в разные части дома. Брам добежал до огромного двухэтажного зала с деревянным потолком. Изящная, расходящаяся в две стороны лестница вела отсюда на верхний этаж. Брам точно знал, что Бенни поднялся наверх. И знал, где его можно найти.

— Бенни! БЕН!

Он побежал вверх, прыгая через несколько ступенек, проскочил коридор и по черной лестнице взлетел на чердак. Здесь сразу видны были главные проблемы дома: щели в крыше, гнилые балки, проржавевшие водосточные трубы.

— БЕННИ! БЕННИ!

Хендрикус снова залаял, уже ближе. Брам мог даже сказать, что означает его лай: предупреждение. Пес пытался предупредить о чем-то и Бенни, и Брама.

— Не двигайся! — завопил Брам. — БЕННИ СТОЙ НА МЕСТЕ!

Он понесся в другой конец длинного коридора, где стены до того прогнили, что их можно было пробить кулаком. Полы — толстые широкие доски, нарезанные из мощных старых деревьев — местами были сильно повреждены, хотя по большей части сохранились в приличном состоянии. Где-то у огромной дыры в полу, провала в пять метров глубиной, мог

стоять Бенни. Брам ничего еще не видел, но представлял себе именно это. Здесь, под крышей, жара была не меньше сорока градусов по Цельсию. А сколько выйдет по Фаренгейту — даже подумать страшно. Лай Хендрикуса стал слышнее.

— БЕННИ!

Коридор повернул, Брам преодолел последние пятнадцать метров и распахнул дверь в большую комнату, подняв облако пыли.

Под скрещенными стропилами просевшей от старости крыши спиной к нему стоял Бенни. Сквозь чердачное окно широким потоком лился солнечный свет, и в нем таинственно мерцали поднявшиеся в воздух пылинки. Малыш смотрел вниз, в провал, на краю которого стоял. Хендрикус беспомощно гавкал рядом с ним.

Брам схватил Бенни за руку прежде, чем тот успел обернуться. Он оттащил сына от дыры и крепко обнял. Потом, задыхаясь, опустился перед ним на колени и вгляделся в лицо, ища на нем виноватое выражение.

Ничего подобного: Бенни продолжал мечтательно смотреть в сторону дыры. Он мог свалиться с высоты в пять метров. Мог сломать себе шею.

— Бенни, Бенни, послушай меня.

Голос Брама дрожал, он не знал, какое из его чувств сейчас сильнее: злость или облегчение. Бенни выглядел сонным и заторможенным, словно не успел проснуться или наглотался наркотиков.

— Бенни, пожалуйста, — никогда-никогда больше так не делай, ладно? Слышишь? Никогда больше не приходи сюда. Ты можешь упасть туда, вниз. Это очень опасно. Сперва тут надо все починить и исправить. Тогда ты сможешь здесь играть. Слышишь?

Бенни кивнул, но Брам не был уверен, что сын понял его слова. Малыш был словно в полусне. Может быть, он спит на ходу? Может быть, Бенни — лунатик?

— Бенни — никогда, ты меня слышишь? Обещаешь?

На лице малыша появилось изумленное выражение, но он все еще молчал.

— Бенни? Ты помнишь, как оказался здесь?

Только теперь Бенни, наконец, очнулся. Он поглядел вокруг.

— Папочка, мы где?

Точно, лунатик. Надо будет сказать Рахель. Может быть, она знает, что с этим делать.

— Ты сам сюда пришел, Бенни. Ты что, забыл?

— Нет, — удивился Бенни.

Показать его врачам. Это или лунатизм, или «рассеянное внимание» — короткие периоды потери сознания, как при легкой форме эпилепсии.

Браму хотелось защитить его, он протянул вперед руки и сказал:

— Иди сюда, малыш.

Шагнув вперед, Бенни оказался меж его сильных рук, и Брам крепко прижал к себе хрупкое тельце малыша. Не о том ли предупреждали ночные кошмары, что сын может провалиться сквозь дыру в потолке? Не для того ли отец подарил им Хендрикуса, чтобы пес успел предупредить Брама? Все это беспочвенный магический бред. Брам проглотил готовые пролиться слезы, взял сына на руки и понес вниз. Пес вовремя поднял тревогу, и Брам решил ничего не говорить Рахель.

3

Рахель нравилось обедать около восьми вечера, а Брам считал, что Бенни не должен есть так поздно. Но сейчас она сидела в самолете и не могла помешать Браму поставить перед сыном полную тарелку спагетти в шесть пятнадцать. Брам был абсолютно не способен к готовке, этим занималась Рахель. Когда она подавала им сложные индийские блюда, приправленные травами, названий которых он так и не сумел запомнить, дом наполнялся азиатскими ароматами, незнакомыми этим старым стенам. А Брам перемешал спагетти с тефтелями в томатном соусе и шпинатом. На сладкое, конечно, мороженое. Узнай об этом

Рахель, она бы его отругала: слишком мало витаминов, запретная говядина (Бенни был без ума от мяса). Вдобавок он сидел на полу у телевизора, поставив тарелку на низкий стеклянный столик, и обедал под аккомпанемент своей любимой программы: они купили спутниковую антенну и могли принимать две сотни каналов.

— А зачем нужны червяки? — спросил Бенни.

«Странная ассоциация, — подумал Брам, — наверное, из-за спагетти».

— Я не знаю, зачем. А зачем птички?

— Потому что есть воздух, — заметил малыш, облизывая губы.

— Может быть, червяки заводятся оттого, что земля влажная, — нашелся Брам.

— А в доме откуда столько червяков?

Бенни сидел на полу, спиной к Браму. Хендрикус лежал возле него в ожидании подачи.

Они смотрели мультик, герои которого выглядели странно и странными голосами несли полную чушь.

Брам не понял, что Бен имеет в виду. Он спросил:

— Где червяки?

— Наверху.

— Где наверху?

— Наверху, — повторил Бенни.

Брам заметил, что Бену трудно справиться с длинными макаронами.

— погоди. — Не вставая с пола, он придвинулся к сыну и порезал спагетти так, чтобы их было удобнее есть. Рахель пыталась научить Бена накручивать спагетти на вилку, но уроки не имели успеха.

— Я червяков не видел, — заметил Брам.

— А я видел.

Может быть, где-то есть гнездо — всякое может случиться, когда крыша течет. Или у червяков не бывает гнезд? Или это какие-то особенные червяки?

— Ты должен как-нибудь показать их мне, — сказал Брам.

— Они там, наверху. Но мне ведь туда нельзя ходить?

— Наверху? Где наверху?

— У той дырки.

— Там были червяки?

— Да, внизу. Если сверху посмотреть.

Оттаскивая Бенни от дыры, Брам видел пол комнаты в нижнем этаже. Чистые голые доски. Никаких червей. Дождя не было уже несколько недель. Черви там просто бы не выжили.

— Правда?

Что случилось с его ребенком? Иногда у Брама бывало чувство, что Бенни где-то далеко, заблудился в своих мыслях. Может быть, у него — легкая форма аутизма? Он был сильным и добрым мальчиком, легко ладил со всеми и не имел проблем с учебой. Но периоды бешеной активности сменялись минутами полного отсутствия, словно сознание его на время отключалось или он полностью погружался в себя, увлекшись блужданием в лабиринте собственных мыслей.

Четыре года назад, в тель-авивских яслях, за десять минут до теракта Рахель пришлось вынуть Бенни из кроватки и вынести наружу, потому что он плакал так громко, что мог разбудить остальных малышей. Она вышла на улицу и пошла по тротуару, укачивая его и напевая песенку. Когда она отошла довольно далеко, Бенни успокоился. Но стоило ей повернуться и сделать всего несколько шагов в сторону «Тихого океана», как Бенни заплакал с новой силой. Она остановилась. Что делать? Купить ему укропной водички? Или самой сварить корень сладкого укропа, остудить и дать малышу попить? Она снова повернулась в сторону яслей и увидела вспышку пламени. Взрыв был так силен, что ветер ударил ей в лицо, взметнув волосы. И она побежала прочь, оберегая свое дитя. Бенни плакал.

Через несколько дней, когда они немного успокоились и снова смогли разговаривать друг с другом, Рахель сказала:

— Знаешь, я все время это чувствую — Бенни нас спас. Если бы он не заплакал...

— Его мучили газы, — ответил Брам. — Мы должны благодарить газы в его животе? Или бактерии? Вирусы?

Вопреки всему, Брам вспоминалась не картина пожара, а его сын, спокойно сидевший на руках у матери и свысока взиравший на суету, на огонь и пожарников, прислушивающийся к стрекоту вертолетов.

— Да нет, это — перст судьбы, — сказала Рахель. — Не заболи у него животик...

Магия занимала в ее жизни важное место, и, когда он рассказал ей, что уже несколько недель видит сны о дыре в полу, Рахель сделала из этого какие-то невероятные выводы. Надо продать дом. Немедленно заделать все дыры в полах. Привязывать Бенни к стулу. В случайности Рахель не верила. Ей представлялось, что в мире существуют невидимые, но оттого не менее важные связи между событиями, чувствами и вещами. Она верила, что потерянные вещи можно отыскать, сконцентрировавшись на мыслях о них.

По телеэкрану болтался персонаж компьютерного мультика, похожий на оживший скутер, но искренне считавший себя козой.

Брам спросил:

— Эти червяки — они большие?

Бенни, с интересом наблюдая за происходившим на экране, набил рот спагетти и сказал:

— Очень большие.

— Покажи-ка.

Бенни положил ложку и широко развел руки:

— Такие.

Это было ближе к змее. Змеи, значит. Неужели в доме водятся змеи?

— Сколько червяков ты видел?

Бенни снова взялся за вилку:

— Десять тысяч миллионов.

— Бен, ты умеешь считать. Сколько? — спросил Брам и поглядел в спину сыну.

— Бесконечно, — ответил тот.

Откуда он знает этот термин? И понимает ли его значение?

— Как ты сказал, малыш?

— Бесконечно, — небрежно повторил Бенни.

Может быть, отец прав: Бенни очень похож на Хартога, одинаковая генетическая структура, созданная для познания тайн мира, которых Брам не понять никогда.

— Что значит: бесконечно?

— Это если все-все-все сложить вместе. Сколько еще ложек?

Брам заглянул в его тарелку:

— Восемь.

— Четыре.

— Я сказал: восемь.

— О'кей.

Брам, не удержавшись, наклонился вперед, поцеловал сына в макушку и вдохнул запах его волос, сладковатый и свежий, несмотря на то что малыш весь день провел на солнце. Знания, над которыми шла незаметная работа в голове Бенни, недоступны Брам. Надо оставить его в покое.

Редчайший случай: у Бенни не было аппетита. Наверное, не стоило кормить его спагетти. В индийской стряпне Рахель Брам удивилось что-то мистическое. Он после стольких лет жизни с нею не смог бы приготовить себе даже супа. Единственное, чему он научился, — разогревать готовую еду в СВЧ-печке.

— Папа?

— Что, малыш?
— Сколько лет должно быть, чтобы уйти?
— Что ты имеешь в виду?
— Большие мальчики ведь уходят из дому, от папы и мамы?
— Если уезжают учиться, да. Когда им исполняется восемнадцать или девятнадцать лет.

— Я не хочу уехать, папа.
— А почему ты должен уезжать?
— Не знаю.
— Можешь хоть до ста лет оставаться с нами.
— Когда мама вернется?
— На будущей неделе.
— Я хочу ее увидеть.
— Конечно, увидишь.
— Я хочу ее теперь увидеть.
— Завтра утром мы ей позвоним.
— По скайпу? Тогда я ее увижу.
— Она взяла с собой лэптоп, так что мы сможем и поговорить, и увидеть ее.

Бенни кивнул головой, не отрываясь от телевизора.

Зазвонил телефон.

— Я возьму, — сказал Бенни. Он поднялся и взял с кухонного стола трубку, которую Брам там оставил.

— Иннеб Мйахнам.

И, спокойно выслушав ответ, сказал: — Нет, вы правильно набрали номер. Маннхайм. — Он кивнул:

— Иннеб Мйахнам — это Бенни Маннхайм наоборот. Да. Мне уже четыре года.

Он вернулся к Брам и, прикрыв ладошкой микрофон, сказал:

— Это тебя.

Брам взял трубку, назвал и потрепал сынишку, усевшегося возле, по волосам.

— Это Ицхак Балин.

— Ицхак? Ну и сюрприз! Как дела?

— Я не помешал?

— Конечно, нет.

— Рассказывай, Ави: твоя красотка жена, твой умник-сын — все в порядке?

— Лучше не бывает.

— Я слышал, ты обзавелся замком?

— Замком? — Так вот какие сплетни ходят о нем в Израиле. Предатель обзавелся собственным замком, окруженным рвом. Израильская экономика в полном порядке, но профессор Маннхайм обстригает свои делишки в далеком Принстоне.

— Дом и правда большой, — сказал он, — но в очень плохом состоянии, как говорит мой отец — колоссальная куча старого дерева.

— Я видел твоего старика на прошлой неделе. Ничуть не переменялся.

Хартог был страстным противником Балина.

— Ицхак, ты ведь умный парень, как ты не видишь, что твоя идея мирного сосуществования приведет к тому, что нас уничтожат, — сказал он как-то раз Балину. — Арабы не хотят мира. Знаешь, чего они хотят от тебя?

Балин безнадежно поглядел на него, но покачал головой:

— Нет.

— Я тебе скажу, — Хартог помолчал несколько секунд, чтобы усилить драматический эффект: — Арабы хотят выпустить тебе кишки, — он снова помолчал, — чтобы сожрать их сырыми.

Брам отозвался:

— Надеюсь, он отпустил тебя с миром.

— Разумеется, нет. Я всегда думал, что он самый крутой радикал из всех, кого я знаю, и не только радикал, он мечтает о «мирном размежевании»; и я надеялся, что правее него только стенка. Я ошибался. Он стал намного радикальнее — он был мне всегда симпатичен, ты знаешь, но теперь он зашел чересчур далеко.

Балин поступил не слишком тактично, затеяв с ним разговор об отце. Или он сделал это специально?

— Рад слышать, что старик по-прежнему бодр, — нашелся Брам, — а теперь расскажи о себе. Кстати, сколько у вас там сейчас времени? Полвторого ночи?

— Я не в Израиле, я в Нью-Йорке.

— Тогда мы должны увидаться. Как здорово, Ицхак, что ты мне позвонил!

Балин вызывал у Брама что-то вроде восхищения, хотя американцы и придумали для таких, как он, меткое словцо *bullshitter*.²⁸ Ицхак был одержим миссией, священной целью: покончить с оккупацией Западного берега. Он был уверен: как только это произойдет, в Иудее и Самарии будет создано независимое палестинское государство. Брам тоже довольно долго так думал. Но теперь уже не был в этом уверен.

— Когда мне лучше приехать? — спросил Балин.

— Завтра у меня весь день лекции. Но ты можешь приехать вечером, к обеду. Или лучше в выходные?

— Завтра — с удовольствием. Как дела у Рахель?

— Работает по полдня, врачом-терапевтом. Все в порядке. И — кстати! — поздравляю тебя!

Два года назад Балин снова женился, а в прошлом месяце жена его родила девочку. Рахель тогда еще купила в Принстоне старинное зубное кольцо и послала его им в подарок.

— Спасибо за подарок, — откликнулся Балин. — Только он, по-моему, слишком дорогой.

— Я говорил Рахель, но разве ее остановишь!

Балин радостно хихикнул:

— Так я приеду в выходные.

— Адрес у тебя есть?

— Есть. Ави, я вот еще о чем хотел тебя спросить: не хочешь ли ты подумать, вернее, взвесить возможность вернуться?

— В Израиль? — уточнил Брам.

— Да, домой.

Все известные клише об американских университетах оказались реальностью: необходимость публикаций означала, что преподаватели были постоянно заняты подтверждением своих результатов, исследованиями, поиском новых тем и материалов, постижением истины. Конкуренция в Принстоне была чудовищная, кроме того, в глубине души он считал, что покупка дома обернется финансовым крахом. Но пока не хотел даже думать об этом. Рахель радовалась тому, что надо приводить дом в порядок. Это ее идея, ее мечта, которая должна быть реализована.

— Ицхак, мой дом здесь.

— А твоя душа?

Ицхак Балин никогда не упускал случая задать риторический вопрос. Душа — Брам представления не имел, что это такое. У него не было желания пускаться в дискуссию о месте, функции и продолжительности жизни души. Сперва надо бы привести в порядок этот чертов дом; ему вдруг страшно захотелось спать.

— Моя душа там, где мой сын, — ответил Брам.

Воцарилось молчание.

²⁸ Человек, несущий вздор, морочащий голову (амер.).

— На это у меня нет ответа, — пробормотал наконец Балин. — В воскресенье?

— Прекрасно. Ты приедешь один?

— Нет, со мной парочка горилл. Но они сами за собой поухаживают.

Охранники, значит, привезут его сюда, а вечером заедут и заберут. Возможно, на двух или трех тяжелых джипах, из которых только один подъедет к дому. Сидящие в остальных пообедают где-нибудь поблизости и полутора часами позже подменят тех, кто остался на посту. У Брама был уже опыт общения с Балином, любимым объектом ненависти как ультраправых сионистов, так и палестинских радикалов.

— Приезжай часам к шести. Рахель перед отъездом наготовила всякой индийской стряпни. Я могу все это разогреть, но на большее не способен, смею тебя уверить.

— Я уверен: все, что Рахель сунула в морозильник, — замечательно. Кстати, знаешь ли, Ави, меня приглашали занять то место в университете, которое получил ты.

— Тебя? Когда?

— Тогда же, когда пригласили тебя. Ты меня обскакал. Я долго на тебя из-за этого сердился.

Брам вспомнил, что Йохансон упоминал о каком-то еще израильтянине.

— Если бы я знал об этом, Ицхак, я остался бы в Тель-Авиве.

— Они сделали верный выбор. Но я хочу попробовать уговорить тебя вернуться. Буду у тебя завтра, к шести.

Он повесил трубку.

Тут до Брама дошло, что за разговором он не заметил, как вышел из дома. Солнце стояло низко, старые стены дома и старые деревья казались золотистыми. Цикады стрекотали свои вечные песенки. И пахло приятно: хвоей, землей и древесной трухой. Каким же чудом он попал сюда. Избранный вместо авторитетного политика Балина. И пьянящее чувство охватило его: это подтверждало его, Рахель и Бенни исконное право жить здесь. Повернувшись, он поглядел в золотистое небо, где легкие, редкие облачка были подсвечены красным, и дал себе слово получить удовольствие от этого приключения.

Входя в дом, Брам размышлял о том, почему он во всем видит лишь теневую сторону; молодость, все беды оттуда, из молодости, полной неосуществленных надежд и страхов, меж которыми, как в тюрьме, был заперт его дух. Он никогда не считал важным так называемый «феномен второго поколения»²⁹ — им обычно страдали самовлюбленные индивиды, одержимые комплексом жертвы. Его отец был единственным поколением, говорить о «втором» значило идти против истины. Но почему-то он не мог считать по-настоящему важным то, что в их трудной жизни, здесь и теперь, имело огромное значение: планирование будущего вместе с Рахель и Бенни; простые вещи, вроде выбора цвета кафеля для ванной. Проблемы, которые остаются актуальными всегда, если ты приобрел собственность.

Он сел на диван, мельком взглянул на телеэкран, оглядел кухню и не увидел Бенни. Малыша нигде не было.

— Бенни!

Он вскочил и почувствовал боль в груди, словно его пырнули ножом: не был ли это тот самый сатанинский момент, о котором предупреждала Рахель, когда он рассказал ей о своих снах? И тут он увидел, что дверь, ведущая в нежилую часть дома, снова открыта.

Он вбежал в коридор:

— Бенни! БЕННИ! — помчался вверх по лестнице, и в этот миг ему стало ясно, что дом надо немедленно продать. С ним что-то не так, он принесет им несчастье.

Он был страшно зол оттого, что сын его не послушался.

— БЕННИ!

Он летел вверх, перескакивая через четыре ступеньки, и, добежав до чердака, помчался

²⁹ Так в Европе называют посттравматический синдром, которым, как считается, должны страдать дети узников концлагерей.

туда, где была дыра. Брам был совершенно уверен, что найдет там Бенни, каждая секунда была на счету, жизнь его сына, его будущее были поставлены на карту...

Брам распахнул дверь и рванулся вперед — схватить Бенни, оттащить его от дыры... Некого было оттаскивать. Он остановился, тяжело дыша. Взметнулось облако пыли, и пылинки заплясали в луче золотистого света, лившегося из окна. Сердце бешено колотилось где-то у горла, и вся его кровь пульсировала в этом диком ритме. У него не было выбора: надо подойти поближе и заглянуть в дыру, но он замер на месте. Нет, Бенни не мог свалиться туда. Бенни боялся дыры. Бенни видел там червей или змей.

— Бенни, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, словно это могло вернуть ему сына, — Бенни... ты меня слышишь?

Затаив дыхание, он ждал отклика, стоны или... смеха? Он шагнул раз, другой, приближаясь к тому месту, откуда можно было заглянуть в дыру. Зажмурился. Медленно открыл глаза и поглядел вниз. Внизу, под дырой в чердачном полу, было пусто. Никаких следов его малыша.

Ничего похожего на его кошмарные сны, ни на его предчувствия. Брам почувствовал облегчение: все эти дурацкие страхи ничего не означали. Но жутко разозлился, потому что у него не было больше сил беспокоиться.

— Бенни! Бенни!

Он отступил назад, едва держась на ногах, чувствуя дурноту от столкновения с собственными параноидальными фантазиями. Бенни, конечно, где-то внизу. Спрятался за диваном. Или бегают вокруг дома вместе с Хендрикусом. С Хендрикусом! Почему он сразу не догадался позвать собаку?

Он снова оглядел пустой чердак и кликнул собаку. Тишина. Только половицы скрипнули под его башмаками. Он сбежал вниз по лестнице, готовясь как следует отругать Бенни: он должен понять, что так нельзя делать. Его, черт побери, только что предупредили. Отшлепать его, что ли? Он никогда еще не шлепал сына, но на этот раз терпение его лопнуло. Шлепнуть? Нет, это глупо. Лучше запретить ему завтра смотреть телевизор.

— Бенни! БЕННИ ЧЕРТ ПОБЕРИ ОТЗОВИСЬ!

Брам остановился внизу, в чудесном старинном зале, который свет заходящего солнца превращал в сказочный замок.

Потом вернулся в жилое крыло дома и, входя в кухню, поискал глазами Бенни, словно исчезновение малыша, терзавшее его душу, объяснялось взрывом слепой отцовской любви. Зато теперь он точно знал, что сказал Балину правду: душа его в его сыне.

— БЕННИ БЕННИ БЕННИ!!! — снова выкрикнул Брам, потом прошептал: — Черт побери, малыш, куда ты делся?

Он вышел из дому. Боже, какой чудный вечер.

— Бенни, выходи, это уже не смешно, покажись же!

Только цикады, птичий щебет, тишина безмятежной природы, шелест миллионов листьев, потревоженных легким ветерком.

Пот выступил у него на лице. Он обежал проклятый дом; сзади него, где они планировали устроить озеро, пока что были остатки старого пруда, который не чистили несколько десятилетий: заболоченная поляна с глубокими лужами вонючей воды, в которых малыш легко мог захлебнуться. Брам когда-то читал, что детям ничего не стоит утонуть в стакане воды.

— Бен, малыш, выходи! Бенни, послушай, хватит играть! Я должен знать, где ты, о'кей? Отзовись! Бенни! БЕН! БЕЕЕННН!!

Он перескочил через покосившийся заборчик, огораживавший пруд, и стал искать сына, продираясь сквозь кусты, проваливаясь по щиколотку в грязь, выкликая его имя. Откуда здесь болото? Как попала сюда вода? Забыли перекрыть старую трубу? Или земля напилалась водой оттого, что тут бьет ключ?

Пес, вспомнил Брам.

— Хендрикус! Хендрикус!

Он остановился на мгновение, его охватило беспокойство; только цикады стрекотали свою бессмысленную песенку. Он ведь слышал голос пса. Или ему почудилось? Пытаясь совладать с собой, он прислушался.

Хендрикус жалобно тявкнул. Брам не мог поверить, что это голос его пса, но это, без сомнения, был он.

— Хендрикус, сюда! Ко мне!

Он шагнул было вперед, но решил остаться на месте. Хендрикус сам подойдет. А потом приведет его к Бенни.

— Хендрикус, сюда! Иди ко мне!

Стон. Станный звук, пес плачет, ему больно. Он повернулся на звук и увидел Хендрикуса. Пес подходил, хромая, весь в крови. Брам наклонился к нему.

— Что случилось? Тихо, пес, тихо, что с тобой?

Хендрикус двигался с трудом, волоча лапу, грудь под горлом была залита кровью. Неужели Бенни?.. Но Бенни не мог поранить свою собаку. Или мог? И спрятался, боясь отцовского гнева?

— Бенни, где Бенни?

Хендрикуса надо срочно везти к ветеринару, он опасно ранен. Но сперва пусть покажет, где Бенни.

— Хендрикус, Бенни, где Бенни? Бенни, отведи меня к Бенни.

Было тепло, градусов двадцать пять, не меньше, но Хендрикус трясся, как в лихорадке.

Надо позвонить ветеринару, но сперва найти Бенни. А если Бенни тоже ранен? Залез на дерево и упал? Но Хендрикус-то как мог залезть на дерево? И Бенни не мог его туда затащить.

— Хендрикус, ищи. Ищи.

Хендрикус сел и посмотрел на него, словно все понимал. Его добрый взгляд казался почти человеческим; Брам знал, как легко ошибиться, приписывая животным человеческие чувства и мысли, — но боль, которую испытывал пес, ни с чем не спутаешь.

Хендрикус поднялся, хромая, и двинулся выполнять приказ.

— Молодец, Хендрикус, хорошая собака — ищи, ищи Бенни!

Может быть, он хочет от пса невозможного, но вот же он идет искать Бенни. Хартог не простит Брам, если с Хендрикусом что-то случится. Нет, они найдут Бенни, отвезут Хендрикуса к доктору, и все будет, как положено: Бенни — в постели, Хендрикус — у него в ногах, Брам — на диване с книжкой.

Пес привел Брама к краю болотца и остановился.

— Что такое? Ищи! Ищи!

Брам посмотрел на деревья, замыкающие открытое пространство, лес, который они могли считать своим. Дом с садиком на окраине города был бы лучше. Там, меж деревьев, должно быть, прятался Бенни.

— БЕННИ! ДОВОЛЬНО УЖЕ! ВЫХОДИ! ПРЯМО СЕЙЧАС! БЕННИ!

Брам вглядывался в границу леса и звал, звал. Нет, что-то не так. Может быть, Бенни потихоньку вернулся в дом и где-то прячется, сознавая свою вину.

Брам осторожно поднял пса на руки. Тот взвизгнул. Брам обогнул болотце, от тряски пес заскулил. Но Брам хотел убедиться, что Бенни сидит дома, в безопасности.

Неся Хендрикуса перед собою, как хрупкую, ценную вещь, он обежал вокруг гигантского дома и ворвался в жилое крыло. Бенни, Бенни должен быть здесь, перед телевизором, или в постели, плачущий, испуганный.

Чувствуя, что его вот-вот хватит паралич, Брам вошел в гостиную. Никого. Может быть, он у себя? Брам опустил Хендрикуса на пол, окликнул сына и вбежал в его комнату. Ярость охватила его. Кровать была пуста. Он открыл шкаф, заглянул внутрь, пошевелил аккуратно развешанную в ожидании Бенни одежду и несколько раз позвал его.

Надо звонить в полицию. И Рахель. Пока что она в самолете, но что он скажет ей через несколько часов? «Бенни ушел, исчез, я не знаю, что случилось, я оставил его на несколько

минут одного, и он исчез», — как мог он сказать такое матери своего малыша?

А полиции? Что мог он рассказать полиции?

Он снова обежал весь дом, крича, пока у него не заболело горло и грудь. Он переходил из комнаты в комнату, потом поднялся по лестнице, прочесал верхний этаж и чердак, заглядывая за распахнутые двери и в пыльные шкафы, безостановочно бормоча имя сына, пока не начал запинаться, пока бормотание не превратилось в бессмысленный, бессвязный набор звуков.

Силы его были на исходе, но он не мог остановиться. Он спустился вниз, прошел мимо Хендрикуса, скулившего от боли, и вышел в сухой палисадник, где сгущались сумерки.

Он снова нашел в себе силы несколько раз выкрикнуть имя Бенни деревьям и кустам. Через полчаса или даже раньше стемнеет, а его малыш, может быть, блуждает где-то в лесу, ищет папу. Почему Бенни не отзывается?

Брам вернулся в гостиную и отыскал в кухонном столе «мэглайт»³⁰ — здоровенный, яркий фонарь, купленный на случай неполадок с электричеством. Он постоял, слушая тяжелое дыхание Хендрикуса, снова вышел в надвигающуюся тьму и пошел к деревьям, освещая фонарем стволы, растущие вокруг кусты и землю, усыпанную ветвями и листьями и на многие километры пронизанную корнями. Совершенно невозможно позвонить Рахель. Он не сможет говорить с ней, пока не обнимет малыша.

Участок, который они приобрели, был огромным, как они радовались, что купили такой большой кусок земли, что владеют американской землей, символом богатства и свободы. Это была ошибка. Он всегда это знал. Когда весь этот кошмар кончится, он скажет Рахель, что решил продать дом, что лучше будет перебраться в приличный городской район. Подальше отсюда. Может быть, завтра он посмеется над беспорядочными мыслями, которые крутятся сейчас в голове, — все встанет на свои места, стоит только найти Бенни.

Ясно одно: Рахель он ничего не расскажет. Ничего не случилось. Он вот-вот найдет Бенни. Поздно уже. Обычно в это время малыш давно лежит в постели. Он представил себе, что Бенни прилег наземь и уснул. Когда Бенни спит, его ничем не разбудишь, даже сердитыми криками отца, который потерял дорогу и забыл, в какой стороне их дом.

Брам поглядел вверх, на звезды, сверкавшие среди ветвей. Где-то под этими звездами спал его малыш. К счастью, ночь была теплой. Прекрасная, ясная ночь.

Санта-Моника, Калифорния

Через два года

Апрель 2010

1

Банковскую карточку украли. Не зная пин-кода, использовать этот кусочек пластика невозможно, но кто-то решил, что сумеет подобрать нужную комбинацию из четырех цифр раньше, чем автомат заблокирует карту. Банкоматы так устроены: три ошибки — и привет, карточка остается внутри. С тех пор как он занялся планомерным поиском, ему всегда хватало денег. Сто шестьдесят долларов в неделю. Карточка была совершенно необходима. Он понимал, что кто-то пополняет счет, но пока не задумывался об этом. До сих пор ему почти всегда удавалось оплачивать свой ночлег. Если в пансионатах и хостелях места не находилось, он спал в парках. Или под виадуками. Или на автобусных станциях. Но и тогда карточка в кармане позволяла ему не чувствовать себя бродягой.

Утром он взял из банкомата восемьдесят долларов, от них осталось пятьдесят три. Несколько часов он пребывал в отчаянии, потом забрал свой рюкзак из хостеля «Венеция», в

³⁰ Карманный фонарь с переменным фокусом, изобретенный Энтони Мэгликом.

котором провел три недели, и теперь пытался разработать план на будущее.

Выбора не оставалось: придется разделить судьбу бродяг и попрошайек, несчастных безумцев, которые встречались ему с самого начала путешествия. Собственно, все это время лишь один шаг отделял его от того, чтобы раствориться в их среде. Но он не считал себя бездомным. Он не был бродягой. Он просто путешествовал. Что-то вроде *sabbatical*.³¹ Личное время, которое он посвятил своей миссии.

Лучшие места для ночевки — портики перед магазинами и конторами — были давно разобраны. Иногда в них сидели или лежали по четыре-пять человек, эти цифры ему совершенно не подходили. Его интересовали только цифры два и восемь, и если четверку он еще мог посчитать как две пары, цифра пять, состоявшая из двух, двух и одного, совершенно не подходила. Он не мог пойти на компромисс: компромисс равнялся самообману, а самообман приведет в конце концов к тому, что путешествие продлится гораздо дольше.

За время путешествия он установил, что бродяги передвигаются стаями, состоящими из лидера и прихлебателей. Но ни в одной для него не было места. Он носил приличную одежду, брился и стриг волосы. Кроме того, он и сам мог претендовать на роль лидера, но ни разу не сформировал группы. Лидер создает группу, объединяя вокруг себя нескольких бродяг. Он мог бы создать группу только из двух или восьми человек. Группа из четырех или шести в принципе подошла бы, но умножение лишало идею чистоты. Два и восемь были идеалом; хотя число восемь состояло из четырех пар, оно существовало и как целое.

Только с цветом своей кожи Брам ничего не мог поделать, лицо его приобрело бронзовый оттенок, выдававший близость к племени бродяг, чьи обожженные солнцем лица приобретают с годами специфический оттенок, непохожий на тот, что получается при использовании масла для загара. Чтобы меньше походить на бездомного, он носил кожаную ковбойскую шляпу, купленную за два доллара на *yard sale*.³² (они просили три, но Брам мог заплатить только два, потому что не мог считать вещь стоимостью в два плюс один подходящей, ему годилось только то, что стоило ровно два). И все-таки отраженный от воды, стекла, полированной поверхности автомобилей солнечный свет добирался до его лица.

Бродяги мирно спали, растянувшись на пляже по обе стороны от мола Санта-Моника. Путешествие привело Брама на крайний запад континента, и, пока он был в пути, надежда не покидала его. Хотя надежда — неправильное слово. Он опирался на веру, твердую уверенность, глубочайшую убежденность, согревавшую душу: малыш ждет его, и Брам не может обмануть его ожиданий.

Свет фонарей, горевших на молу и набережной, озарял темные силуэты спящих. Только сейчас он заметил, как сильно шумит океан. В полночь он позволил себе опуститься на песок, но не улегся, а сел, скрестив ноги и держась очень прямо; а рюкзак положил перед собой, как бы отгораживаясь от бродяг, лежавших на песке неподалеку. Он знал, что не сможет заснуть, хотя был совершенно измучен; мысли его снова и снова возвращались к потере карточки.

Это случилось утром, в тридцать три минуты девятого. Некоторые числа приносили несчастье, и он знал, что сам во всем виноват. Надо было брать деньги в восемь часов восемь минут или в восемь двадцать восемь; число тридцать три включало несчастливые цифры. Девять и три — в сумме двенадцать, в двенадцати — шесть двоек, а шесть, в свою очередь, состоит из трех двоек, но выйдет подтасовка, жульничество; тогда вообще все происходящее в мире можно объяснять так, как тебе выгодно. Брам понимал: превращая хитрыми расчетами несчастливые числа в счастливые, успеха не добьешься. Из четырех банкоматов он выбрал третий, считая слева, чтобы сунуть в него карточку, это тоже было ошибкой.

³¹ Так в Америке называют каждый седьмой год, когда профессор университета свободен от лекций.

³² Дворовая (или «гаражная») распродажа, устраиваемая американскими семьями во дворе собственного дома, когда набирается слишком много барахла либо в связи с переездом.

Выбирать следовало второй или четвертый. Но оба были заняты, а он не мог ждать. Он спешил. Восьмое число, в такие дни больше шансов на успех. Второе и восьмое каждого месяца — самые важные даты. Конечно, нельзя забывать и об умножении, но в глубине души он понимал, что во все остальные дни удачи ожидать не приходится. А в том, что эти два дня, важнейшие даты месяца, принесут удачу, он был абсолютно уверен. Вот и поторопился. Чтоб успеть до двух пополудни проверить Вторую и Восьмую улицы. Он брал деньги в центре Санта-Моники, из третьего слева автомата в стене здания банка, угол Четвертой и Аризонского бульвара; когда из щели выскочили четыре двадцатки и он брал их — сперва две, потом еще две, — на перекрестке случилась авария.

Почему он так поздно встал? Его рабочий день обычно начинался в шесть сорок восемь. Каждое утро его ждала тяжелая работа. Улицу, которую он обследовал — Вторую или Восьмую, — нужно было осмотреть как можно внимательнее. Значит, за день надо было успеть проверить подходящие номера: второй, восьмой, двадцать восьмой, восемьдесят второй, двести восьмой (ноль не считался), двести двадцать восьмой и так далее. Он не мог не замечать, что иногда его поведение пугает людей, но миссия была важнее вреда, который он мог нанести своей репутации. Кроме того, он удалился от Принстона на тысячи километров, и шанс, что его методы поиска станут там известны, был невелик. Будь у него помощники, он посылал бы их в критические точки соответствующих улиц, но он ни с кем не мог поделиться своим методом. У него было чувство, что о методе нельзя рассказывать посторонним, иначе он потеряет силу. Ему открылись тайные связи между сущностями, и это открытие, как и понимание того, что он должен опираться на цифры два и восемь, необходимо было хранить в тайне ради достижения своей цели — вернее, не своей, а малыша.

Он проспал, потому что ему приснился Бенни. Теперь он мог, проснувшись, мысленно возвращаться в свои сны. После той ночи с 22 на 23 августа 2008 года, когда начались его поиски, ему снилось, что он теряет Бенни, но в последнее время ему стало сниться, что он нашел малыша, и это было чудесно, поддерживало в нем мужество и вселяло надежду. А самым чудесным было то, что если он просыпался в слезах от счастья, то, стоило ему снова закрыть глаза, он мог вернуться назад, к своему малышу; он обнаружил в себе неожиданный талант, дар сознательно выбирать сновидение. Нынешним утром он слишком долго этим занимался. Некая несообразность была в снах о возвращении Бенни: малыш в них не становился старше, он был все такой же, как в ночь своего исчезновения, 22.8.2008 (или, как они пишут в Америке, — 8.22.2008). С тех пор прошло два года, но во сне Бенни всегда было четыре. Последний сон начинался в ночь его исчезновения. Все было в точности как тогда. Лес, звездное небо, фонарик, в горле саднило от крика. Потом, хромая, весь в крови появился Хендрикус и привел его к какой-то пещере, дырке в земле, куда Брам спрыгнул. Там, под землей, оказался лабиринт. Но Брам точно знал, куда идти. Фонарь освещал развилки, пересечения, раз десять ему приходилось выбирать: свернуть влево, вправо или идти прямо. Наконец он дошел до комнаты, где стояла кровать Бенни. Свет давала игрушечная лампа с крутящимся абажуром, на котором были нарисованы персонажи диснеевских мультиков. По стенам плыли тени фигурок. Это была лампа Бенни, и Бенни спал, лежа в постели. Брам осторожно подошел к нему, сел на край кровати, откинул волосы со лба и поцеловал в щеку. И странно, удивительно, замечательно было то, что губы его действительно касались щеки Бенни, безошибочно, несомненно, каждую ночь. Впечатление было таким сильным, что он поверил в истинность своих ощущений. Он понятия не имел, возможно ли такое с точки зрения физики, но скоро, как только поиск закончится, он сможет спросить об этом Хартога, который благодаря каким-нибудь удивительным формулам сведет его опыт к обычному физическому феномену. Но сон на этом не кончался.

Сидя теплой ночью на песке Санта-Моники, Брам смотрел на бродяг, спавших в грязных спальных мешках, расстелив их на картонках от ящиков или прямо на песке, подложив под голову сумки с одеждой, и чувствовал, как по его щекам катятся слезы. Больше всего ему хотелось уснуть, увидеть во сне малыша, обнять его и поцеловать. Потому

что это случилось после поцелуя. Бенни стал просыпаться, сонный, сел в постели, потянулся, чтобы обнять отца, и Брам почувствовал, как к нему прижимается сонный малыш, и, найдя защиту в объятиях отца, снова засыпает. Никто не мог отнять у Брама это воспоминание. Оно приводило все в порядок. Наполняло мир смыслом. Он чувствовал даже, что дыра в его душе — да, у него была душа, и в ней была дыра — затянется сама собой, когда поиски завершатся.

Сегодня он проспал потому, что во сне несколько часов подряд обнимал своего малыша. Он не чувствовал себя виноватым, но из-за этого слишком поздно попал на Восьмую улицу и не смог завершить работу. А если бы он встал вовремя, то не стал бы свидетелем аварии.

Он едва успел взять из банкомата и зажать в руке четыре двадцатки, две и две, как услышал хлопок, потом крик — там что-то случилось. Он проводил на улицах целые дни, еще один несчастный случай, только и всего.

Брам повернулся и увидел синий автомобиль, проскочивший перекресток. На мостовой осталась женщина, упавшая на колени возле коляски — не пластикового легонького сооружения, а тяжелой, старинной прогулочной коляски, погнутые колеса которой еще вертелись, и это заставило Брама вспомнить известный классический фильм. А на тротуаре лежал маленький ребенок, и женщина звала на помощь. Брам поспешил к ней. Еще в армии его обучили оказывать первую помощь, а Рахель, когда забеременела, показала ему, как останавливать кровотечение из перебитых сосудов. Убрав деньги, он в два счета оказался возле женщины, не понимавшей, что ей делать, размахивавшей руками и дрожавшей от ужаса. Брам отодвинул ее в сторону и увидел, что из глубокой раны на ноге девочки хлещет кровь. У нее были и другие раны, но эту нанес какой-то острый выступ коляски или автомобиля. Брам опустился на колени в лужу крови — как много ее вытекло, унося с собою жизнь, — достал из кармана кусок веревки и перетянул ногу выше раны. Потом осмотрел девочку, но не нашел у нее серьезных повреждений. Сказать определенно, что никакая опасность ей больше не угрожает, он не мог, для этого требовался осмотр специалистов в больнице.

Женщина немного успокоилась, но смотрела на него испуганно. Красивая женщина, несколько секунд назад не представлявшая, что с ней может такое случиться:

— Это серьезно? Это серьезно? Она не умрет? Скажите мне, что она не умрет...

— Нет, она выживет. Может быть, шрам останется, — отозвался Брам. Он был уверен, что говорит правду. Девочка должна была выжить. — Как ее зовут?

— Диана...

— Диана выживет, — сказал Брам без улыбки.

Женщина хотела взять ребенка на руки.

— Не трогайте ее, — предостерег он, — ее нельзя трогать, подождите «скорую помощь».

Вой сирен уже неслась из-за домов. Как только врачи выскочили из красной машины, он поднялся и отступил в сторону.

— Что тут случилось? — спросил один из них.

— Машина проехала на красный свет. Сбила детскую коляску и умчалась. Повреждена артерия. Я перетянул.

Врачи занялись девочкой. Послышался вой полицейской сирены, и Брам убрался подальше от перекрестка, не желая вступать в беседы с полицией. Он шел в сторону Восьмой улицы, когда обнаружил, что оставил карточку в банкомате, и в панике помчался обратно, но перекресток был перекрыт четырьмя полицейскими машинами, агенты опрашивали свидетелей. Ему пришлось ждать целый час; добравшись, наконец, до банкомата, того самого, третьего, он обнаружил, что карточку украл.

Теперь он не мог позволить себе ночлега. Денег на еду ему хватит на несколько дней. Зайти в банк и спросить, нашла ли его карточка? Но там попросят документы, и обнаружится, что он числится в списках ФБР, по крайней мере, он считал, что числится там.

Вечером он поел в местном торговом центре: гамбургер с жареной картошкой. На одном из столов стояла почти полная бутылка минеральной воды, которую Брам успел схватить прежде, чем ее заметил кто-то из бродяг, ошивавшихся здесь. Может быть, он найдет себе какую-нибудь работенку. Он выглядит прилично, способен произвести впечатление и мог бы, к примеру, работать охранником.

Бешеная пена вскипала на темных волнах, в которых отражался свет уличных фонарей. Позади него поднималось от побережья вверх Тихоокеанское скоростное шоссе. За поворотом оно называлось Автострада Санта-Моника, самое загруженное шоссе в мире. Но сейчас там царил покой. Отели и кондоминиумы стояли высоко вверх, вдоль длинного скалистого обрыва, который круто поднимался над пляжем сразу за шоссе. Сколько волн обрушилось на каменный холм и сколько лет они бились о его подножье, прежде чем возникла эта колоссальная отвесная стена? Брам не сомневался, что его отцу под силу это вычислить: учесть силу волн, сопротивление скалы и некоторые другие факторы, а потом придумать какой-нибудь особенный фортель и представить миру головокружительный ответ. Три с половиной миллиона, скажет он. Или одиннадцать, запятая, две десятых. Или пятьдесят тысяч.

Вдруг что-то сжало горло, у него перехватило дыхание. Он попытался освободиться от того, что его душило, хотел поднять вверх руки, но его схватили и за руки. Он рванулся изо всех сил, пытаясь высвободиться. Чужая рука сжимала ему горло. Чужие руки крепко держали его. Кто-то схватил его рюкзак. Брам заорал и, повалившись на спину, попытался пнуть этого типа ногой, но тот отскочил в сторону, и Брам не смог до него дотянуться. Парень быстро вытряхнул из рюкзака вещи Брами: четыре пары брюк, восемь рубашек, восемь пар носков, восемь пар трусов, дождевик, перочинный нож, бумажные полотенца, рулончик скотча, вилку с ложкой, пластиковую миску и тарелку, футляр с бритвенным прибором, бинт и пластырь, карандаши, наконец, в руках его оказалась тетрадка.

— Отдай! — крикнул Брам.

Он снова попытался дотянуться до парня, но тот стоял слишком далеко. Тетрадка не заинтересовала его, и он уронил ее на песок.

— Где деньги? — спросил он Брама.

Брам заорал и затряс головой, бешено извиваясь всем телом и пытаясь высвободить руки.

По крайней мере трое держали его сзади: один — зажав локтем шею, как в дзюдо, двое — схватив за руки. Тот, что стоял перед ним, вытащил нож и, подняв его вверх, выщелкнул лезвие. Много лет назад Брам удалось выйти без потерь из подобной ситуации, но сейчас у него не было оружия.

— У тебя есть деньги, я точно знаю, что есть. Не отдашь — вспорю брюхо и все равно заберу, — сказал тот, с ножом, и поманил его рукой, словно предлагая подойти поближе. — Давай-ка их сюда, как хороший мальчик. Где они? В брючном кармане?

Брам яростно завопил, но ясно было, что ему не победить превосходящие силы противника; он снова повалился на спину и вздохнул. Все кончено. Ничего не поделаешь. Они заберут его последние доллары.

— В брюках, — прошептал Брам, — в левом кармане.

Тот, что с ножом, сделал знак, и левую руку Брама освободили. Он вытащил бумажные деньги, оставив себе монеты. Тот, что стоял слева и сзади, — из положения лежа, лицом вверх, Брам мог как следует разглядеть только небритый подбородок, — выхватил банкноты из его руки.

— Сколько? — спросил тот, что с ножом.

Небритый отчитался:

— Двадцатка, две десятки, две пятерки, три по доллару — всего пятьдесят три.

— И все?

— Все.

— Повезло тебе.

Он неожиданно нагнулся и взмахнул ножом. Словно огнем обожгло левую ногу Брама. Мерзавец распорол ему и брюки, и ногу. Брам закусил губу и весь напрягся, но вытерпел боль и сумел подавить стон. Они оставили его и ушли, тяжело топая по песку, словно великаны, сотрясающие пляж своими каменными ножищами.

Было темно, развернувшись к далеким огням набережной и шоссе, он разглядел сквозь дыру в штанине длинный порез, из которого текла кровь. Бандиты растворились в тени под молотом. Нужно промыть и забинтовать рану. Когда он в конце концов найдет малыша, тому может понадобится помощь, и он носил с собой аптечку, где, кроме бинтов, лежали дезинфицирующие мази. Они должны помочь малышу быстрее поправиться. Пятьдесят три доллара. Нехорошее число. Правда, три плюс пять в сумме дают восемь, но так нельзя думать. Сорок восемь долларов было бы лучше. В крайнем случае сорок четыре.

2

На пятый день после ограбления пошел дождь. Брам уже приспособился к жизни бродяги: вечерами слонялся по набережной, которая тянулась до той части Третьей улицы, где было запрещено движение транспорта; а когда магазины, рестораны и кино закрывались, находил место для ночлега, но старался не засыпать как можно дольше, если удастся, до рассвета; потом занимал очередь к передвижной кухне на Океанской авеню, той самой верхней набережной, тянувшейся вдоль обрыва, застроенной отелями и кондоминиумами, а со стороны океана обсаженной рядами пальм.

У него оставались еще не потраченные монетки, два доллара тридцать пять центов. Их он припас на черный день. Важно было не выглядеть бродягой, и, пока ему не мешали заходить в туалеты торгового центра, он мог побриться, причесаться, вычистить грязь из-под ногтей. Одежда его начала подванивать, и важно было не слишком светиться в очереди за супом и подыскивать чистое место для ночлега: вонючая одежда — начало конца.

Его поиски начинались теперь днем, после того как он получал еду. То, что ему приходилось спать по утрам, было не столько его выбором, сколько необходимостью. Денег на завтрак у него не было, а заниматься поисками на голодный желудок было совершенно невозможно. Но сон выручал его; сон спасал от голода, а сновидения дарили встречи с малышом.

Накануне вечером он впервые залез в мусорный бачок — и не испытал никаких особенных ощущений, хотя в этой акции можно было усмотреть нечто символическое. Ничего особенного: девочка выбросила закрытый пластиковый стакан из «Макдоналдса» — почти полный, что за бессмысленная расточительность! А Брам случайно оказался возле бачка, и стакан достался ему. Это был спрайт или севен-ап. Довольный собой, он отошел в сторону, к спортивному магазину.

Набережная предлагала развлечения, удовольствия, иногда даже шоу. Каждый вечер тысячи туристов собирались в той ее части, что была отведена пешеходам, чтобы прогуляться вдоль витрин, мимо уличных певцов и актеров: в одной руке — коробка попкорна, в другой — закрытый стакан с соломинкой, а в нем кола или купленный в «Старбакс»³³ кофе. Перед кино томятся в очереди возбужденные подростки, бредящие очередным боевиком, на террасах ресторанов ловко лавируют меж столиками, где расселись солидные семейства и юные любовники, официантки в коротких юбочках, на огромных тяжелых подносах — еда и питье, и везде — музыканты, фокусники и певцы, некоторые даже талантливы, большинство — отвратительны, и все убеждены, что вот-вот встретят известного импресарио, который их оценит. Здесь Брам не чувствовал себя одиноким. Иногда, устав бродить, он присаживался на одну из железных скамеек, расставленных вдоль набережной. Чаще всего на скамейки садились бездомные, ожидавшие наступления

³³ Сеть кофеен, распространившаяся из Америки на многие европейские страны.

полночи, когда полиция перестает гонять тех, кто на них улегся. На землю Брам не садился никогда. Это было место безумных бродяг, потерявших надежду, отчаявшихся. Они садились на бетонную мостовую, выставив перед собой кусок картона, на котором было нацарабано неверной рукой: ГОЛОДЕН. ДАЙТЕ ПОЕСТЬ; или: ВЕТЕРАН ВОЙНЫ. СРАЖАЛСЯ ЗА ОТЕЧЕСТВО. ОБНИЩАЛ; или: ГОТОВ РАБОТАТЬ ЗА КОРМЕЖКУ.

Проливной дождь застиг его вместе с двумястами пятнадцатью прохожими — он подсчитал их! — и Брам накинул желтый нейлоновый плащ. Капюшон плаща скрывал лицо, и Брам чувствовал себя в безопасности. Через двадцать семь минут он оказался перед грязно-белым грузовиком с длинным кузовом. Грузовик стоял у пальмовой рощи, поднятая боковая стенка кузова образовывала навес над прилавком. Из трубы над навесом шел дым. Пятеро быстрых, вспотевших от усердия латиносов, маленьких, плечистых, похожих друг на друга (без сомнения, родственники) готовили, а двое белых американцев лет под пятьдесят, на вид добродушных и вежливых, раскладывали еду по пластиковым тарелкам. Сегодня давали пюре, вареную морковь и на выбор: сою или мясо. Вчера — жареную картошку, брокколи и рыбу (или сою). И всегда — бутылку воды.

— Мясо или вегетарианское?

— Вегетарианское, — ответил Брам.

Никто не спрашивал документов.

Заслоняя свою тарелку от дождя, Брам поспешил под сень пальм — он хотел есть в одиночестве; несмотря ни на что, он считал существенной разницу между собой и бродягами-профессионалами. Одноразовые приборы, тонкие и легкие, оказались довольно прочными. Дождь превращал еду в водянистую массу, но он считал, что еда нужна, чтобы насытиться. Вкус не имеет значения. Ему нужен был план: как добыть денег. Нужна была работа, чтобы за несколько недель накопить достаточно денег для своей миссии.

— Профессор Маннхайм?

Брам, поглощенный едой и планами на будущее, не заметил, как он подошел. Крупный, спортивный мужчина среднего возраста. Мускулистая шея, большие руки. Седые волосы коротко острижены, темно-синий спортивный костюм из чего-то блестящего, вроде шелка. И зонт громадного размера, вроде тех, что ставят на террасах. На ногах — белые спортивные туфли со свежими пятнами грязи.

— Как вы сказали? — изумился Брам.

— Профессор Маннхайм — разрешите мне представиться? Меня зовут Стивен Прессер. Я дед той девочки, что вы спасли на прошлой неделе.

Чего хочет от него этот человек? У него так много дел, столько всего надо обдумать, и исполнение миссии прервалось шесть дней назад. Этого он не мог себе позволить. Он не может так поступить с Бенни.

— Я... я не тот человек, я другой, вы ошиблись.

— Я нашел вас благодаря камерам, которые поставлены возле банка. На всех перекрестках города теперь, после теракта в Сизтле, стоят полицейские камеры. Я нанял людей, чтобы они нашли вас. Вот как я сюда попал.

Брам затряс головой. Он вовсе не хотел, чтобы его узнали. Он не желал уклоняться от ответственности, он занят восстановлением порядка вещей и прекратить свою работу сможет только тогда, когда она будет завершена, неужели неясно? Он произвел расчеты и вышел на след Бенни. Его формула, должно быть, потрясет даже Хартога. Она говорит сама за себя. 22.8.2008. Это должно быть сразу видно. Как только увидишь — все встанет на свои места.

— Нет, — сказал он. — Я другой человек... я... я не хочу.

Он покинул укрытие и вышел под дождь. Выбросил еду в мусорный ящик, потому что не мог есть, пока не обдумает то, что случилось. Его опознали, это может быть опасно. Дополнительные сложности, которые не были включены в план. Он не может оставаться тем, кем был когда-то. Он не может быть отцом, пока не найдет своего малыша. А раз невозможно быть отцом исчезнувшего ребенка, то, пока он в этом положении, он не может оставаться тем, кем он был, неужели неясно?

Дождь стучал по капюшону, укрывавшему голову и шею, как шлем. Рюкзак вдруг показался слишком тяжелым. Ему не хотелось поворачиваться, чтобы поглядеть, не преследуют ли его, но тот же голос прозвучал снова, совсем близко: видимо, этот тип стоял прямо за спиной.

— Вы брали деньги из банкомата, когда это случилось. Все зарегистрировано. Вы сразу бросились на помощь, не теряя ни секунды. Вы забыли в банкомате свою карточку. К счастью, кто-то отдал ее в банк.

Брам скосил глаза: крепкая мужская рука протягивала ему карточку. Он понимал: чтобы получить свою карточку, он должен предъявить документы. Но это невозможно. Он не мог быть Эйбом, Ави или Брамом Маннхаймом до тех пор, пока Бенни не спит в своей собственной постели.

— Я поставил подпись за вас. В том филиале банка у меня открыт счет, меня там знают. Прессер. Моя фирма — на Пятой авеню, за углом, неподалеку от перекрестка. Моя дочь была в тот день у меня и вышла за покупками. Нам невероятно повезло, что вы там оказались. Моя внучка — с ней практически все в порядке. Шрамик, они говорят, со временем исчезнет совсем.

Пятая. Неправильный номер.

— Нет-нет, уходите. Я не хочу. У меня... я очень занят.

Он пошел к грузовику. Боковую стенку уже закрыли, и повара готовились отправиться в путь.

— Я дам вам свою визитную карточку. Суну в ваш рюкзак, ладно? Тогда вы сможете меня найти. Я расспрашивал о вас, и как я понял...

У Брама не было времени на этого человека. Он побежал прочь по залитому водой газону. Рюкзак тяжело подпрыгивал, и он на ходу пытался восстановить баланс, подтягивая ремни, — все лучше, чем находиться рядом с этим человеком. Почему он должен позволить кому-то сбить себя с пути? Перед ним стоит задача, священная миссия! Сколько дней он потерял, заботясь о еде и ночлеге, когда должен был заботиться о малыше; может быть, не случись эта дерьмовая авария, он, черт побери, уже нашел бы Бенни. Конечно, он хочет получить назад свою карточку, но это связано с опасностью, с тем, что его вычислят и, может быть, арестуют, а если его арестуют, некому будет искать малыша.

Брам добежал до края обрыва. Там, в проеме белой изгороди, начиналась лестница, ведущая к узкому пешеходному мостику, по которому ему легко будет убраться отсюда. Мостик проходил над нижним шоссе и вел к пляжу, который лежал, пустой, под серым небом, зажатый между шоссе и бешеными волнами.

Брам спустился по скользким ступенькам, дошел до высшей точки изогнутого мостика, остановился и оглянулся, вцепившись руками в железную сетку. Сетка огораживала мостик с обеих сторон, чтобы помешать потенциальным самоубийцам прыгнуть с него. Внизу со свистом неслись по мокрой дороге машины. Лестница между мостиком и краем обрыва была пуста: тот человек не стал преследовать его. Так-то лучше. Он должен вернуться к своей миссии. Как только кончится дождь — завтрашний прогноз позволяет надеяться на лучшее, так было написано в оставленной кем-то на скамейке газете, — он возобновит свои поиски.

3

Следующим в плане Брама оказалось одно из худших мест Лос-Анджелеса. «Черное» гетто, район, где понастроили мечетей, в которых верующих призывали жить по законам ислама и вести священный джихад на улицах города. Проблема была в том, что здесь 82-я улица состояла из несоединенных между собой кусков, лежавших в северной части Уоттса,³⁴ самого опасного района гетто. Это означало, что ему не удастся взглянуть на всю

³⁴ Район в южной части Лос-Анджелеса, где расположено «черное» гетто.

улицу целиком, следовательно, работа предстояла более напряженная, чем обычно. Сейчас он находился к востоку от 110-й, — Один-Десять, как здесь говорят, — скоростного шоссе, соединяющего Пасадену на северо-востоке с лежащим к югу Лонг-Бич.

Прошло три недели с тех пор, как незнакомец пытался вернуть ему карточку, и Брам с удовольствием вспоминал о своем отказе. Его не сломили потеря карточки и пособия в сто шестьдесят долларов в неделю. Он продолжал идти к единственной — священной — цели своей жизни.

Прошлой ночью ему повезло. Он получил место для сна в Убежище Армии спасения, в *downtown*.³⁵ Он постирал вещи, вымылся и побрился. А утром, после завтрака, получил пакет еды на дорогу, и ему был обещан ночлег, если вечером он вернется назад. Что за счастье для человека, полностью погруженного в исполнение своей миссии! Рюкзак он оставил в комнате для хранения багажа, а с собой взял тетрадку и восемь остро очинённых карандашей. Он не понимал, отчего ему так повезло. Вчера утром с ним заговорила на улице маленькая кругленькая негритянка, состоявшая, казалось, из одной задницы. Она была солдатом Армии спасения и, видимо, специально занималась подобной работой: спросила, не голоден ли он, и дала ему брошюрку. Брам сперва не мог понять, почему она с ним заговорила, но, попав в Убежище и поглядев на себя в зеркало, понял, что теперь он выглядит, как заправский бродяга. Это было ему на руку. Безукоризненная маскировка. Никто и не заподозрит, что за такой внешностью скрывается мощный дух, вооруженный замечательным планом. Все-таки с утра пришлось побриться: кожа под бородой воспалилась и так зудела, что иногда он расчесывал себя до крови.

Теперь он передвигался по Уоттсу, вдоль запущенных бунгало черных бедняков; воспаленное, покрасневшее лицо он смазал кремом и теперь выглядел так, словно забыл умыться после бритья. Как всегда, он начал с того, что узнал, в котором часу кончаются занятия в местных школах. А потом выбрал дома с номерами из двоек и восьмерок. На длиннющих американских улицах это было нелегко. Он должен был осмотреть как можно больше кварталов, а это значило, что придется перемещаться между домами на предельной скорости. Разумеется, со стороны он выглядел по крайней мере странно, но Брам давно смирился с тем, что люди считают его малость чокнутым, его это устраивало. Никем не uznанный, продолжал он свою работу.

Иногда ему попадались стайки мальчишек, которые выкрикивали вслед насмешки и ругательства, но не мешали ему: какой смысл ставить этому психу подножку, если даже споткнется — спереть у него нечего.

Был солнечный апрельский полдень, чудесно было бежать вдоль улицы, чувствуя себя чистым и сытым. Полчаса назад он открыл пакет с едой: четыре бутерброда с сыром и салатом, яблоко и баночка йогурта — и почувствовал себя непобедимым. Сегодня это может случиться, безошибочно точная дата и время — по утрам он обычно был особенно внимателен в восемь часов и две минуты, восемь часов и восемь минут и так далее, днем выбирал два часа и две минуты, два часа и восемь минут, но теперь время было совсем точным, и он летел вдоль улицы, выкрикивая:

— Иннеб!

После каждого выкрика он должен был пробежать двадцать восемь шагов, прежде чем снова крикнуть:

— Иннеб!

Брам упорно продолжал свое дело, пробегая меж домами, которые были выбраны для поисков. Здесь, в Уоттсе, домики едва не разваливались, садики не было вовсе, калитки отломаны, а у дороги торчали остовы автомобилей, раскуроченные холодильники и стиральные машины. В канавах валялись бутылки, рекламные брошюрки, сор, никогда не выдавший мусорного ящика. Он приближался к 828-му дому на 82-й улице, когда с ним

³⁵ В Америке — деловой центр города.

поравнялся автомобиль. Это продолжалось всего минуту, он остановился, но не обратил на машину внимания, потому что был целиком погружен в работу.

Новенький белый «кадиллак», дорогой и в этом районе особенно престижный. Хозяин, скорее всего, главарь банды, наркобарон, криминальная личность, желающая продемонстрировать «шестеркам» свое богатство и бесстрашие. Брам однажды читал, что они могут застрелить прохожего — просто для смеха, словно идет сафари, охота на крупного дикого зверя. Но, точно зная, какое курьезное впечатление он производит на окружающих, Брам не мог себе представить, чтобы им доставило удовольствие прикончить городского сумасшедшего.

Затемненные стекла скрывали сидевших в машине. Брам на бегу несколько раз покосился в ее сторону — и сбился со счета шагов. Он замедлил бег, потом остановился. «Кадиллак» последней модели, самый большой из всех когда-либо созданных «кадиллаков». Да еще и гибрид,³⁶ использующий старые виды топлива, — Брам слышал комментарии специалистов несколько месяцев назад, когда эту модель впервые показали во время шоу в Детройте.

Автомобиль проехал мимо, значит, внимание пассажиров отвлеклось от прохожего.

Он снова крикнул:

— Иннеб!

Никакой реакции — он двинулся было дальше, но увидел, что «кадиллак» проехал не больше тридцати метров и остановился.

Задние двери распахнулись, из машины вышли трое. Средний, в костюме, — тот самый солидный бизнесмен, который пытался вернуть ему банковскую карточку. Остальные двое, атлетически сложенные, молодые, в спортивных башмаках и свободной одежде, позволяющей легко и быстро двигаться. Полиция. ФБР. Пришли его арестовать.

Брам мгновенно повернулся и побежал прочь. Он понятия не имел, что происходит позади, и не оглядывался, чтобы не потерять ни секунды преимущества; у него был единственный выход: свернуть на полной скорости в поперечную улицу и, может быть, — нырнуть в чей-то двор и поискать там укрытия.

Но тут он выронил тетрадку.

Она выскользнула из руки, отлетела в сторону, упала и раскрылась. И ему пришлось вернуться за тем единственным, что еще привязывало его к жизни: за методом, следуя которому он сможет найти Бенни.

Брам повернул назад, и двое парней, мчавшихся за ним, схватили его, едва он нагнулся, чтобы спасти тетрадь.

— Профессор, — сказал один, — профессор, не бойтесь, мы не причиним вам вреда.

Они выглядели более усталыми, чем он, что и неудивительно. Выполняя свою миссию, Брам сделался одним из лучших бегунов на длинные дистанции в этой стране. Он прижал тетрадь к груди, ожидая противодействия со стороны парней, но те спокойно стояли рядом, пока не подошел, мягко ступая по тротуару, их хозяин — дорогие башмаки, костюм, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом; запонки сверкают на солнце.

Тетрадка немного помялась, но Брам с облегчением убедился, что все листы на месте. Он разгладил ее и посмотрел на стоявшего перед ним человека.

— Профессор Маннхайм, — начал тот, протягивая Браму руку. — Вы меня помните? Я — Стивен Прессер.

Брам внимательно глядел на Прессера, пытаясь понять, чего ждать от него на этот раз, потом сказал:

— Та банковская карточка — она не моя.

— Как раз благодаря карточке я вас и разыскал. Вы утверждаете, что она не ваша, но я

³⁶ Высокоэкономичный автомобиль, движимый системой «электродвигатель — двигатель внутреннего сгорания».

хотел бы еще раз попытаться отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали.

— Я ничего не делал.

— У меня есть копии записей, сделанных камерами банка. Вне всякого сомнения, это вы. Вы можете гордиться своим поступком.

— Мне нечем гордиться, я ничего не сделал.

— Могу ли я чем-то помочь вам?

— У меня много работы, оставьте меня в покое.

— Могу ли я помочь в вашей работе?

— Нет.

— Я сделал больше денег, чем смогу потратить за всю свою жизнь. Я буду рад помочь вам, если вы скажете, чем.

— Ничем. Я спешу, у меня работа не сделана.

Брам хотел обойти этого Прессера, но тот взял его за плечо своей стальной рукой — не больно, но так крепко, что Брам даже не попытался вырваться.

— Подарите мне полчаса своего времени, — сказал Прессер, — всего полчаса. Может быть, мне удастся чем-то помочь вам. Если вам не понравится то, что я предлагаю, вы сможете уйти.

4

Такого шикарного автомобиля Брам никогда не видел. Внутри — шесть серых кожаных кресел; два впереди, а те четыре, что сзади, поставлены лицом друг к другу. Брам уселся спиной к Прессеровым бодигардам, занявшим передние места, и погладил кожаные подлокотники своего кресла, наслаждаясь чудесным запахом, какой бывает только внутри совершенно новой машины, и размышляя о том, верный ли выбор он сделал. Этот день оказался необычайно важным, Брам чувствовал это с утра, проснувшись после ночи, не принесшей, к его изумлению, ни одного сновидения. А он позволяет себе тратить драгоценные минуты, слушая соблазнительные речи этого типа. Неужели ему не хватит сил, чтобы продолжать поиски? Он может добиться успеха, только если будет предъявлять к себе высочайшие требования, полностью отдастся делу, не будет о себе заботиться; а он позволил кому-то прервать свой путь, завлечь себя в мягкое кресло автомобиля, где тихонько посвистывающий кондиционер гоняет прохладный воздух. Это не должно занять слишком много времени. Но собьет его с толку, ослабит — и совершенно ясно, кто от этого пострадает.

Автомобиль тронулся с места. Почувствовать его движение было почти невозможно — даже на разбитых дорогах Уоттса.

— У меня совсем нет времени, — напомнил Брам.

— Это не продлится долго, — отозвался Прессер. Он откинул верхнюю часть широкой консоли между двумя креслами. Там оказался маленький холодильник. — Могу я предложить вам выпить чего-нибудь?

— Воды.

Прессер протянул ему бутылочку минералки. Брам поднял ее повыше, чтобы проверить, не повреждено ли кольцо, запирающее крышечку. Потом исследовал саму крышечку на предмет наличия проколов: мало ли как мог неизвестный наркотик попасть внутрь. Но ничего подозрительного не разглядел.

Он чувствовал, что Прессер изумленно смотрит на него. Но Брама совершенно не интересовало, что этот тип думает о его подозрениях, он открутил крышечку и глотнул воды. День был жаркий. Потом спросил:

— Куда вы меня везете?

— Ко мне в контору. В Санта-Монику.

— Пятая улица, — отметил Брам.

— Если хотите, сможете там переодеться. Я позволил себе кое-что купить для вас.

Ничего особенного. Я подумал, что вы... что вам, может быть, захочется переодеться во что-то другое.

— Мне ничего не нужно.

Он вспомнил фильм — или это была книга? — в которой беглец получает в подарок куртку, посылающую сигналы о его местонахождении: в ее шов, оказывается, был вмонтирован передатчик. Интересно, слышал ли об этом Прессер?

— Я поддерживаю Израиль, — сказал между тем Прессер.

Что он хочет этим сказать? Неужели они знают, что он — гражданин Израиля?

— Я жертвую ежегодно очень серьезную сумму, — продолжал Прессер, — на некоторые проекты.

Брам был уверен, что теперь, когда Балин стал министром иностранных дел, в Израиле наконец наступит процветание.

— Чем вы занимаетесь? Я хочу сказать, кто вы по профессии?

— Недвижимостью. Я покупаю дома или сам строю. Тот дом, где расположена моя контора, тоже принадлежит мне.

— У вас есть дети?

— Трое — дочь, которую вы уже видели, и два сына. Пробовал жениться, даже два раза, но решил больше не экспериментировать. Мой темперамент не выдерживает такого испытания.

Он замолчал, словно давая Брам возможность рассказать, в свою очередь, о себе, но Брам был уверен, что рассказывать нет смысла: Прессер и так все знает. Он поглядел в окно. Они ехали по 110-й на север. Через несколько минут они свернут на 10-ю и по ней, двигаясь к западу, через двадцать минут доберутся до побережья Санта-Моники и свернут к северу по Прибрежному шоссе. Сто десять можно считать хорошим числом. Один плюс один — два, нуль — нейтрален. Десятка — пять раз по два.

Брам сидел молча, и вдруг Прессер сказал:

— Моя дочь — вдова.

Брам кивнул. Со стороны это, должно быть, выглядело глупо. Он не знал, что сказать. Если честно, Рахель тоже может считаться вдовой. Он спросил:

— Как ее зовут?

— Диана.

— Но так, кажется, зовут вашу внучку?

— О, я думал, вы ее имеете в виду. Мою дочь зовут Анна. А внучку — Диана. Ту, которой вы спасли жизнь. Я думаю, если б она не выжила, Анна тоже умерла бы. После того, что ей пришлось пережить в прошлом году.

Брам отпил еще глоток. Расползшийся по равнине город проплывал за окнами. Будь у него деньги, он изъездил бы на автобусе весь этот город вдоль и поперек. А после исходил бы его пешком. Он потратил целый день, добираясь из Санта-Моники в центр Лос-Анджелеса.

Те дома Санта-Моники, что лежали в зоне его интереса — с номерами, состоявшими из двоек и восьмерок, на улицах, имевших такие же номера, — он проверил.

Когда он начал свой поиск на Восточном берегу, то двинулся сперва по 202-му шоссе на юго-запад. Стоило огромного труда находить шоссе, имевшие в своем номере по крайней мере одну двойку или одну восьмерку, и, только используя те, где присутствовали четверка и шестерка — что было не вполне корректно, — ему удалось добраться до Брунсвика, штат Джорджия, где начиналось Восемьдесят второе шоссе. Восемьдесят второе привело его в Алабаму, Миссисипи, Арканзас, Техас, Нью-Мексико. Все попадавшиеся по дороге штаты подверглись тщательной проверке. В Аламогордо, Нью-Мексико, Восемьдесят второе закончилось. К северо-западу от этого города 16 июля 1945 года на ракетном полигоне «Белые пески», а точнее — в Тринити, была испытана первая в истории атомная бомба. Испытание пережили 38000 жителей Аламогордо, родины знаменитых бомбардировщиков-невидимок.

Покинуть этот город оказалось труднее, чем попасть в него. Главное шоссе, проходившее через Аламогордо, имело номер 54, и число это никак не разбивалось на двойки и восьмерки. К западу от города лежал знаменитый ракетный полигон, а к югу — военная база «Форт Блисс». Кроме 54-й, через город проходила еще одна дорога — к несчастью, 70-я. И он, развернувшись в обратном направлении, добрался по местным шоссе, 20-й и 80-й, до национального шоссе номер 40, начинавшегося в Уилмингтоне, Северная Каролина, которое привело его в калифорнийскую пустыню Мохаве, город Барстоу. Оттуда тоже оказалось довольно трудно выбраться. Наконец, по Десятому шоссе он въехал в Санта-Монику. Здесь Десятое превратилось в Тихоокеанское скоростное и обрело номер 101. Он мог, конечно, получить желанную двойку, сложив две единицы и выкинув ноль, но это было бы серьезным нарушением чистоты эксперимента. Если ему не удастся успешно завершить свой проект в Лос-Анджелесе, перед ним встанет тяжелая задача: добраться до одного из северных городов. Проблема состояла в том, что все шоссе, ведущие с юга на север, пронумерованы в Америке нечетными числами. Так что из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско пришлось бы добираться весьма сложным путем, используя шоссе с четными номерами, хоть немного загибающиеся к северу.

— Да, Сизтл... — сказал вдруг Прессер, — мой зять приехал туда за два часа до того, как взорвалась «грязная» бомба. Он работал у меня. Мы собирались купить там дом.

Четырнадцать месяцев назад... Брам тогда испугался, не случился ли теракт в Сизтле из-за его миссии, но даже думать не хотел о том, что малыш мог оказаться там во время взрыва. Никаких доказательств не было, только ощущения; и хотя теперь его жизнь была подчинена цифрам и расчетам, он не мог перестать доверять своей интуиции.

Прессер отвернулся к окну:

— Это был первый дом в Сизтле, построенный с применением новых технологий в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Двенадцать этажей по триста квадратных метров. Прочная конструкция, стальной каркас, мраморный вестибюль. Четыре лифта. Я сам должен был ехать, но пришлось бы отменить визит к зубному врачу, который я уже дважды откладывал. Я люблю сам проводить инспекции, но там я был не очень нужен. Так что вместо меня поехал Эдди. Меньше чем в ста метрах от дома они поставили контейнер с бомбой. Дом оказался в центре зоны. То, что от него осталось, свезли в Неваду и свалили в старую шахту. Там долго еще все будет радиоактивным.

Когда это случилось, Брам жил в мотеле рядом с Меридианом, штат Миссисипи. Он часами сидел перед телевизором в провонявшем вареной капустой холле мотеля, а тележурналисты и операторы, одетые в защитные костюмы, сообщали последние новости с места событий. По мнению экспертов, в этом несчастье был элемент удачи: не прошло и десяти минут после взрыва, как, при полном отсутствии ветра, хлынул ливень, что свело к минимуму выпадение радиоактивных осадков.

— Они снесли все кафе «Старбакс» в округе, — грустно заметил Прессер.

— Но понастроили новых в миле от места происшествия, — откликнулся Брам.

Иногда он проводил целые дни в каком-нибудь «Старбаксе». Кофе был дорогим, но, пока перед ним стояла недопитая чашка, его не трогали. За то время, что он был занят своей миссией, Брам пересидел в сотнях кафе.

— Эти совсем другие, — заметил Прессер.

— В магистрате прошло голосование, они решили восстановить все в первоначальном виде, — поделился Брам информацией, прочитанной несколько недель назад. Он сильно разволновался тогда из-за этого: почему бы кому-то не принять решение о восстановлении его жизни в первоначальном виде?

Прессер покачал головой:

— Никогда все не станет таким, как было.

— А мне нравится, что они хотят все восстановить.

— Все равно никого не вернешь, — заметил Прессер, — а разве не этого все хотят?

Брам растерялся: он не знал, что ответить. Бургомистр уверял, что разрушенный район

будет восстановлен целиком — до последней ободранной стены и проросшей сквозь асфальт травинки.

Брам спросил:

— На каком этаже ваша контора?

— На пятом.

— И какой номер?

— Пять ноль пять. Зачем вам?

— Просто так.

— Пятая улица, номер тысяча пятьсот пять, пятый этаж, офис пятьсот пять.

Пять нехорошее число. Так много пятерок сразу непременно принесут несчастье.

— Эдди, мой зять, Эдди Френкель, вам знакомо это имя? — спросил Прессер. — Вы просто не поверите, когда узнаете, кем был его отец!

Прессер внимательно поглядел на Брама, ожидая реакции, потом добавил:

— Я должен был сразу сказать вам об этом. Его отца звали Сол Френкель.

Имя было незнакомо Браму. Может быть, какая-нибудь американская знаменитость, но Брам, внимательно следивший за прессой, не смог его вспомнить.

— Это имя ничего вам не говорит?

— Нет.

— Сол Френкель, профессор Сол Френкель. По происхождению — немецкий еврей. В шестидесятых и семидесятых жил в Голландии, занимался научной работой в университете. Работал с профессором Хартогом Маннхаймом.

Прессер улыбнулся и покрутил головой, словно сам изумляясь тому, что только что сказал.

— Не правда ли, поразительно? Ваш отец и отец Эдди, работавшие вместе в Нидерландах, Нобелевская премия... Как тесен мир, не правда ли? Отец Эдди и ваш отец прекрасно знали друг друга. Не кажется ли вам многозначительным это совпадение? То, что вы, на другом краю света, спасли жизнь внучке Сола?

Этот тип знал прошлое Брама до мельчайших деталей. И чего пристал?

— Когда ваш отец уехал в Израиль, Сол Френкель перебрался в Калифорнийский Технологический, в Пасадену. Он умер два года назад, еще до того, как Эдди...

Прессер оборвал себя на полуслове.

Браму нельзя было оставаться с ним, само присутствие этого человека ставило миссию под угрозу.

— Я... я не хочу дальше ехать, — сказал Брам.

— Еще немного, вы не пожалеете об этом.

— Я не должен был ехать. Вы можете остановиться?

— Для этого надо съехать с шоссе. Мы почти приехали.

— Я хочу сойти у первого же съезда.

— Значит, у Линкольна. Через десять секунд мы будем на Пятой улице.

— Я хочу выйти, — повторил Брам решительно.

— Не смею вас удерживать, — сказал Прессер безнадежно. — Профессор Маннхайм, мне хотелось помочь...

— Не называйте меня так! Это не мое имя! Я хочу выйти!

Прессер наконец осознал безнадежность своих попыток, несколько секунд он смотрел на Брама отчаянным взглядом, но потом решил поступить так, как тот желает, и повернулся к водителю:

— Ты все слышал? Съедешь на Линкольна, остановишься возле «Олимпиака».

«Кадиллак» съехал с шоссе. Брам мысленно ругал себя за то, что в тот фатальный миг остановился у банкомата. Он проспал дольше, чем другие, он видел чудесный, лучший за все время сон, который оборвал с величайшим сожалением — трудно было решиться проснуться и продолжать выполнение своей миссии. Но то утро оказалось фатальным, что и подтвердилось впоследствии.

«Кадиллак» остановился. Прессер выпрямился и подобрал ноги, освобождая Брам дорогу, но вдруг, спохватившись, схватил его за руку:

— Ваша карточка...

Брам вырвался и, выходя из машины, бросил:

— Она не моя.

Один из бодигардов стоял снаружи, на тротуаре. Не взглянув на него, Брам пошел прочь. Он сытно поел и мог идти достаточно быстро, но было совершенно ясно, что к вечеру до Убежища Армии спасения ему не добраться.

В то утро, когда случилась авария, Брам совершил ошибку. Он воспользовался третьим банкоматом, в неподходящее время, и все это случилось из-за его сна. Он проявил легкомыслие, но именно легкомыслия он не мог себе позволить. Все дело в точности. Его нумерологические исследования требуют величайшей точности — и тут до Брама дошло, что он забыл свою тетрадку в «кадиллаке».

Через несколько дней после начала поисков он купил в канцелярском магазине тетрадь. Мягкая, в пластиковой обложке, она пережила путь в тысячи километров, ее можно было сворачивать в трубку, нитки, скреплявшие обложку с листами, были исключительно прочными, и он был уверен — настанет день, когда благодаря этой тетради он отыщет малыша.

Он выбежал на Линкольна, оживленную улицу, соединявшую Санта-Монику с Венецией и аэропортом. Нужные ему дома по Линкольна уже были проверены. Бульвар Линкольна находился между Седьмой и Девятой, то есть фактически некогда был Восьмой улицей. Такие улицы заслуживали особого внимания, поскольку были не тем, чем казались. Он прошел два блока, свернул на Пятую, оживленную торговую улицу, центр Санта-Моники, и всего за две минуты сумел добраться до номера 1555. «Кадиллака» перед входом не было.

Страшно подумать, что могло случиться, если Прессер заметил его тетрадку. Садясь в автомобиль, Брам положил тетрадку на кресло рядом с собой, как раз напротив этого типа, и, покидая его в спешке, на кресло не посмотрел. Легкомыслие, спешка — он должен перестроить свою жизнь, должен восстановить дисциплину, благодаря которой смог забраться так далеко.

Здание было новым, в пять этажей; натянутые вдоль фасада стальные тросы, скругленные углы и утопленные в глубокие ниши окна — украшения в стиле арт-деко — создавали впечатление, будто оно построено до войны (имеется в виду, конечно, Вторая мировая, а не та, перманентная, в которую Америка вступила после 11 сентября 2001 года и которой в будущем году исполнится десять лет).

Широкие двери зеркального стекла не позволяли увидеть, что происходит внутри. Брам открыл дверь и вошел в охлаждаемый кондиционерами вестибюль. Номер пятьсот пять. За стойкой черного мрамора сидел дежурный, у лифта стоял охранник, здоровенный негр, затянутый в форменную рубашку, купленную, очевидно, до того, как он сильно прибавил в весе.

Брам полагал, что не выглядит чересчур обтрепанным, однако он немедленно привлек к себе внимание персонала. Охранник сделал несколько неторопливых шагов в его направлении. Но у него не было выбора. Он преодолел десяток метров до стойки и обратился к дежурному, тоже негру, но не такому толстому, как охранник:

— Прессер, номер 505.

Дежурный кивнул и набрал номер.

— Вам нужна помощь? — спросил охранник, который успел бесшумно подойти и стоял теперь рядом с Брамом.

Дежурный кивнул ему, показывая, что контролирует ситуацию:

— Хелен? Это Чарли. Мистер Прессер у себя?

Он выслушал ответ, рассеянно глядя вниз, очевидно, на мониторы, спрятанные под стойкой.

— Да, я вижу, он идет к дверям. — Он посмотрел на Брама: — Вы договаривались о встрече?

— Я забыл кое-что в его машине. Хочу получить назад.

— Хелен? Тут стоит человек, который говорит, что забыл что-то в автомобиле мистера Прессера. — Он кивнул. — Я спрошу. — Он окинул Брама изучающим взглядом. Было ясно, что Брам вызывает у него нечто вроде сочувствия, потому что голос его звучал более приветливо:

— Вы — профессор Маннхайм?

Брам давно отвык от этого имени, ставшего ему чужим, но хотел получить назад тетрадку.

— Его тетрадка. Мне нужна его тетрадка.

— Я спросил вас: вы — профессор Маннхайм?

На этот вопрос он не мог ответить. И да, и нет. Раньше был им, но не теперь. Скоро снова им стану, когда завершу свою миссию.

— Я с ним знаком, — ответил Брам. — Я пришел, чтобы забрать его вещь.

— Хелен? — сказал дежурный в телефон. — Он не тот профессор, но он пришел что-то взять для него. — Потом кивнул и положил трубку.

— За вами придут. Подождите вон там. — Он указал в угол, где, в окружении трех черных кожаных диванов, стоял стеклянный столик на металлических ножках. Охранник не подходил от него.

Брам подошел к диванам, но садиться не стал. Он стоял и глядел сквозь высокие окна на улицу. Какую роль сыграла в том инциденте синяя машина? И зачем дочка Прессера в эдакую рань пришла к нему на работу? Магазины на набережной открываются только после десяти, тем не менее в полдевятого она шла со своей коляской в сторону набережной. Что она собиралась там делать? Рассматривать бездомных, просыпающихся у дверей магазинов и на скамейках, или грузовики, доставляющие в магазины товар? И еще один важный вопрос — кто сидел за рулем синей машины? Занимался ли Прессер установлением личности и прошлого этого водителя или его интересовал только Брам? Он все еще не разобрался со случившимся в то утро. И, главное, не разглядел номер автомобиля. Если бы он знал номер, все было бы ясно. А теперь он остался с пустыми руками и легко может стать игрушкой в руках Прессера.

— Брам?

С момента отъезда никто не называл Брама по имени. Он выдумывал себе имена; там, где ему приходилось ночевать, он назывался Петером, Джоном, Биллом, Нилом, Бобом, Ховардом, Крэгом, Руди, Флойдом.

Он был уверен, что слышит голос своего отца, но не мог повернуться, чтобы посмотреть на него.

— Брам?

Его отца не могло быть здесь потому, что его не должно быть здесь. Брам отказывался поверить в то, что это его отец, и повернуться к нему. Его отец жил очень далеко, в Тель-Авиве, где теракты — часть ежедневной жизни, там он и должен был спокойно ждать его.

— Мистер Прессер спросил меня, смогу ли я приехать. Я летел восемнадцать часов. Брам?

Ах, папа, хотелось ему сказать, милый папа, милый, милый, трудный, надоедливый папа, как могу я предстать перед твоими глазами теперь, когда я не справился со своими отцовскими обязанностями и мне стыдно в этом признаться? Ах, папа, позволь мне все исправить, я обещаю тебе, что все будет хорошо, но не смотри на меня, не говори со мной, уходи и жди, пока я закончу свое дело, я отлично справлюсь с ним сам.

— Брам, я не могу выразить словами, как я счастлив, что я тебя...

«Нет, я ничего не слышу, — думал Брам, — мне нельзя ничего слышать, потому что меня ждет работа, трудная работа, которая может продлиться годы, которая потребует всех моих сил, и никакие сомнения, или скорбь, или нерешительность не могут меня остановить.

Все поставлено на карту».

Брам услышал цоканье когтей по мраморному полу и почувствовал, как кто-то прижался к его ногам. «Черт побери, — подумал он, — так тебе удалось выжить, ты все равно что восстал из праха»...

Хендрикус заскулил. Значит, был жив.

— Брам, нам пора. Я приехал, чтобы забрать тебя. Я позабочусь о тебе. Довольно уже. Можно мне тебя обнять? Я очень хочу тебя обнять.

Брам стоял, замерев. Он услышал, как отец подошел ближе, положил руки ему на плечи, прижал его к себе, и Брам почувствовал, как тело отца сотрясают рыдания.

*Через два года
Декабрь 2012*

1

Брам вылетел в Лос-Анджелес в среду 12 декабря 2012 года — правда, дата была выбрана Прессером, но ему она казалась полной тайного смысла. В ответ на письмо, в котором Брам просил прислать фото Дианы, — из простого любопытства, чтобы поглядеть, как она теперь выглядит, — Прессер пригласил его в гости, приложив к приглашению билет бизнес-класса.

Брам жил теперь с Хартогом, в его тель-авивской квартире, в той самой комнате для гостей, где проводил каникулярные недели, когда школьником приезжал повидаться с отцом; та же узкая кровать, те же голые стены, та же плитка на полу. Брам принимал лекарства, предупреждающие возможность нервного срыва; у него не было сил возобновить научную деятельность, но время от времени он брался консультировать студентов-дипломников. От предложения читать лекции Брам отказался.

Связей со Стивеном Прессером он не порвал и после возвращения в Тель-Авив. Время от времени они перезванивались, обменивались мэйлами; Прессер приглашал Брама на свадьбу Анны, вышедшей замуж во второй раз, но он не поехал. Потом Брам получил открытку от Прессера с сообщением, что Анна и Рик счастливы известить всех о рождении сына Стивена. Прессер просил Брама непременно звонить, если ему что-либо понадобится.

В аэропорту Лос-Анджелеса Брама встретил шофер Прессера и на сверкающем черном «кадиллаке» доставил в отель «Мирамар», роскошный гостиничный комплекс в Санта-Монике на углу Вилширского бульвара и авеню Океан, окруженный высокой стеной. Оказывается, он помнил все: и набережную, обсаженную встрепанными от ветра пальмами, и узкий, длинный Паласидес-парк, вытянувшийся вдоль берега океана, дававший приют сотням бездомных. Из окна роскошного номера Брам видел мол Санта-Моника и походная кухня, у которой ежедневно кормились бродяги. Прессер не беспокоил его, давая передохнуть после долгого перелета, но Брам не чувствовал усталости. Он был свеж, силен и деятелен.

Он прошел по пешеходному мостику, перекинутому через заполненное машинами шоссе от авеню Океан к пляжу, и целый час просидел в одиночестве на песке, слушая рокот прибоя. После, у белой балюстрады Паласидес-парка, среди стариков и туристов, долго смотрел, шурясь, на огромное красное солнце, медленно погружающееся в океан, ни о чем не думая, ни в чем не сомневаясь.

На следующее утро, у бассейна в тропическом саду «Мирамара», Стивен Прессер ждал его к завтраку. Прессер, все такой же крупный, с короткими сильными пальцами и коротко, как у израильских солдат, подстриженными волосами, был в сером костюме и белой рубашке с расстегнутым воротом. На мизинце — кольцо с розовым бриллиантом. На запястье — «Патек Филип» на черном ремешке. Голубые глаза взирают на мир с детским любопытством.

Он пожал Брам у руку, расцеловал его в обе щеки и стал рассказывать о своей внучке, Диане.

С неподдельным интересом расспрашивал он Брама о его делах. И приготовил сюрприз: неожиданное появление Анны с Дианой и маленьким Стивеном. Анна немного посидела с ними, выпила апельсинового сока и ароматного кофе, изящная блондинка с умными глазами, в дорогих украшениях. Она ела хлеб, отламывая его по кусочкам, и рассказывала, наклоняясь над столом и время от времени глядя в сторону, как все чудесно изменилось. Раны, нанесенные ей жизнью, зажили. Диане исполнилось четыре, чудная девочка с темными кудрями и длинными ресницами, не избавившаяся еще от младенческой полноты. Анна пригласила Брама пообедать у нее дома, в Брентвуде, на холме над Санта-Моникой. Все шло отлично, Брам ощущал вокруг себя уют налаженной, спокойной жизни.

— Может быть, ты не хочешь говорить об этом, Эйб, но я вижу для тебя возможность снова заняться поисками исчезнувших.

— Мой поиск закончен, — сказал Брам, — эти два года я занимался тем, что читал и перечитывал сообщения полиции. Я проследил все возможные линии и до сих пор ничего не знаю. Это случилось больше четырех лет назад, что можно еще найти теперь, после стольких лет?

— В этом городе есть частные детективные бюро с прекрасными специалистами. Стоит недешево, но мне хотелось бы выяснить все, что можно.

— Боюсь, все уже и так известно, — ответил Брам.

Улицы в Брентвуде вились меж живыми изгородями, выкрашенными охрой вилами, белыми загородными домами и садами, где росли эвкалипты и уродливо подрезанные, беззащитные в своей обнаженности деревья. Семейная вечеринка с детьми в последний раз случилась в жизни Брама больше четырех лет назад, в Принстоне, перед тем, как Рахель уехала к отцу в Тель-Авив. Они пригласили нескольких коллег с семьями, Рахель наготовила своих неповторимых индийских блюд, а Брам потребовал добавить к ним барбекю. Воскресный день на посыпанной гравием площадке перед деревянным домом, который он в той, счастливой, жизни собирался приводить в порядок.

Дети играли, ссорились и мирились; мужчины стояли с ледяными бутылочками «Короны» в руках; разговоры о приближающихся выборах и ситуации в Ираке; Рахель смеялась, болтая с женщинами. Казалось, вечер не спешил наступать, медлящий и освобождающий; пластиковые тарелки с вегетарианским карри и гамбургерами, миски с салатами, обнаженные плечи женщин, растаявшее мороженое в ведерках, где плавали пустые банки из-под спрайта и колы, самые маленькие, засыпающие еще до того, как зажгли лампы в саду, — золотые часы прошлой жизни, легкой и надежной, полной счастливой уверенности, что так будет всегда.

В Брентвуде Брам провел вечер с Анной, ее детьми, мужем Риком, Стивеном Прессером и шестью друзьями в доме, почти таком же огромном, как тот, что он когда-то купил; только этот был приведен в порядок. На несколько секунд — то есть на то время, пока длился вечер, — он забыл, что остался один, что малыш никогда к нему не вернется, — очевидно, эту шутку сыграл с ним jetlag.³⁷

По утрам, едва рассветало, он бегал по бетонной дорожке вдоль океана в компании джоггеров, вооруженных iPods и одетых в шикарные спортивные костюмы. Он покупал книги у Барнс & Нобл³⁸ на углу Вилшира и Променада, пил кофе в кафе «Инфьюжн» на Третьей улице и концентрировался на своей цели. У него не было с собой ни распечаток, ни ноутбука, ничего, что могло бы выдать его планы.

³⁷ «Синдром смены часового пояса» — связан с перелетом на большие расстояния; сопровождается усталостью, бессонницей и т. д.

³⁸ Знаменитый книжный магазин, имеющий отделения в Нью-Йорке и многих других городах.

Из своей комнаты в «Мирамаре» он позвонил в банк в Принстоне, где в 2008 году, сразу после приезда из Тель-Авива, снял ячейку. В ячейке стоял ящик, а в нем, в кожаной кобуре, лежал Kel-Tec P-11, покрытый для сохранности маслом и специальным жиром. Ящик прибыл внутри контейнера с вещами из Тель-Авива в Принстон, и о его существовании никто не знал. Пакуя вещи в Израиле, Брам его просто не заметил и обнаружил случайно, разбирая на новом месте прибывший багаж. Получалось, что он дважды нарушил закон: нелегально ввез в страну оружие и нелегально владел им. Он знал, что Рахель рассердится, и ничего ей не сказал, просто снял в банке ячейку и спрятал в ней пистолет, считая, что в Америке вряд ли начнется интифада. Плату за ячейку — 140 долларов в год — банк автоматически списывал с его кредитки даже тогда, когда он ушел из дому, занявшись поисками малыша.

Пока его не было, вся почта пересылалась Хартогу, который из Тель-Авива следил за передвижениями Брами по адресам банкоматов и регулярно пополнял его счет. Брам понятия не имел, куда делся ключ от ячейки, — скорее всего, остался в ящике его письменного стола в доме, где давно живут посторонние люди. Но когда, готовясь к путешествию, Брам позвонил в банк из Тель-Авива, один из клерков объяснил ему, что открыть ячейку просто: надо будет заплатить три-четыре сотни слесарю, который взломает замок.

Он договорился, что приедет 20 декабря и ячейка будет взломана в его присутствии. Анна приглашала его еще два раза, и он все больше входил в ритм местной жизни.

19 декабря Прессер полетел в Нью-Йорк на собственном «челленджере»³⁹ и взял Брама с собой. Брам хотел повидаться со старыми друзьями, живущими на Манхэттене. В Лос-Анджелес они должны были вернуться двадцать первого, накануне возвращения Брами домой. «Челленджер» был комфортабельной двухмоторной машиной с кожаными креслами, полированными деревянными столами, сверкавшими, как надраенный рояль, двумя диванами, легко превращавшимися в кровати, и гигантским телевизором.

Прессер привез его в отель на 63-й улице, с трудом пробившись сквозь забитые транспортом магистрали под вопли сирен пожарных машин и тысяч неистовствующих клаксонов. Был канун Рождества, город сиял, украшенный миллионами огней, красными и зелеными лентами и хрустальными ангелочками. Он мог оставаться в отеле, сколько его душе угодно; прекрасное обслуживание, ресторан, такси — все счета оплачивал Прессер. Перед дверями отеля, на ледяном, пронизывающем ветру, оба по-калифорнийски легко одетые, они обнялись и расстались. В номере на двадцать третьем этаже — превосходное число! — Брам нашел конверт, в котором лежала черная мастер-карт от «Сакса»,⁴⁰ Пятая авеню, с запиской от Прессера: «Дорогой Эйб, порадуя меня и постарайся потратить все деньги с этой карточки, она — безлимитная. Твой друг Стивен».

«Сакс» был открыт допоздна; на всех этажах нарядные покупатели осторожно пробирались меж кашемировых жилеток, платиновых запонок и веджвутского фарфора. Брам купил себе черное зимнее пальто, черные горные ботинки, черные перчатки и черный шарф, все было запаковано в шикарную рождественскую бумагу, испещренную значками «Сакса».

Назавтра он прошелся с утра по южным аллеям Центрального парка до Бродвея и купил в каком-то магазине для спортсменов и туристов карманный фонарь «Мэглайт», такой же, как когда-то был у него дома, швейцарский нож, моток веревки и тяжелую бейсбольную битку. Потом, воспользовавшись кредитной карточкой «Сакса», снял в прокатной фирме «хонду». В полчетвертого у него назначена была встреча в Принстонском банке.

³⁹ Название самолетов канадского производства, от небольших спортивных до бомбардировщиков.

⁴⁰ Сеть дорогих магазинов, основанная Эндрю Саксом в 1867 году.

В Тель-Авиве, в тесной кладовке на первом этаже дома, где они жили с отцом, Брам в течение двух лет после возвращения из Америки занимался поисками «соображений, помогающих пролить свет на факты», — как он сам себе объяснял это. Под это дело он занял кладовку соседки снизу, поставил там компьютер «Эппл», холодильник с водой, водкой и колой, установил суперскоростной интернет и повесил на стену семь досок. Семь разных теорий. Работал он по ночам, ни слова не говоря отцу о своих изысканиях.

Кладовка была его храмом.

Семь досок, пятьдесят на пятьдесят сантиметров, заполненных карточками, заметками, распечатками, картами, фотографиями.

Первая: ушел из дому, вышел к дороге, попал к педофилу, потом убит?

Вторая: ушел из дому, на дороге был сбит автомобилем, водитель в панике увез тело и где-то спрятал?

Третья: ушел из дому и утонул?

Четвертая (вариант первой): умышленно похищен педофилом и убит?

Пятая: умышленно похищен педофилом и продан?

Шестая: украден профессиональным похитителем детей и продан бездетной паре?

Седьмая: похищен по неизвестной причине, возможно, ради денег?

Исчезновение могло произойти двумя возможными путями: ушел сам или кем-то украден. Две исходных концепции, которые можно было рассматривать отдельно.

Главная слабость гипотезы самостоятельного ухода состояла в следующем: мог ли Б. в те несколько минут, пока Брам разговаривал с Балином, пройти сквозь лес, окружавший дом? Брам всегда в этом сомневался. Он не мог представить себе, чтобы Б. не отозвался на его крики, хотя и предполагал, что Б. страдает легкой формой эпилепсии или, по крайней мере, рассеянностью, такой сильной, что она мешает ему реагировать на внешние раздражители. Лес, окружавший громадный дом, был дважды прочесан полицией с ищейками, но малыша они не нашли.

Брам сам, не обнаружив малыша в комнате, совершил непростительную ошибку, когда побежал искать его по дому. Надо было бежать на улицу и звать его. Он поступил неверно, потому что попал под влияние случившегося днем, потому что боялся, как бы малыш не забрался на чердак и не подошел к дыре в полу; таким образом, он потерял драгоценное время.

Брам был убежден: если бы он сразу побежал на улицу, малыш нашелся бы — в обоих случаях, так что винить во всем мог только себя.

План дома и леса он повесил над компьютером, рядом с картой окрестностей и картой штата Нью-Джерси. Количество вариантов семи основных моделей, базирующееся на двух концепциях, было колоссальным, но все строилось на железной логике: он должен был выйти на улицу и искать малыша, вместо того чтобы, стоя на чердаке, пялиться на дырку в полу.

На третий день после исчезновения малыша его допросили в полиции: они собирались искать тело в реке, а для этого нужны были аквалангисты, которые стоили бы штату несколько тысяч долларов. Он присутствовал при том, как собака унюхала следы Б. возле берега, но Брам сказал, что двумя неделями раньше они с малышом гуляли в лесу и стояли у реки. Даже теперь он все еще чувствовал стыд, когда вспоминал о допросе. Не только из-за абсурдности ситуации — он оказался подозреваемым, — но из-за мучительных воспоминаний о своем собственном идиотском поведении. Телефонный звонок. Он выходит на улицу. Чудесный вечер. Звонит старый приятель. Ицхак Балин. Будущий министр израильского правительства.

За то время, что он провел в кладовке дома в Тель-Авиве, он начал сомневаться в концепции самостоятельного ухода. Он не мог себе представить, чтобы Б. по собственной

инициативе покинул дом. Конечно, его увели, у малыша было богатое воображение, но он предпочитал не отходить далеко от родителей. Ключ к загадке — в ране, полученной Хендрикусом. Он был убежден, что пса кто-то ранил. Неделями он раздумывал над тем, не был ли Хендрикус сбит машиной. Он консультировался с ветеринарами и жалел только об одном: что не сфотографировал Хендрикуса, как только все это случилось. Много о чем он не подумал в тот момент. Каждой из семи моделей он уделил равное внимание, но одна из последних — пятая, шестая или седьмая — казались наиболее вероятными.

Его отец безмятежно спал наверху; город — замерший под тяжким покровом южной ночи лабиринт запертых домов и квартир — походил на ярко освещенную свалку старой мебели. А он разглядывал на экране компьютера фото своего дома в Принстоне. Папка с документами о покупке дома была упакована в один из ящиков, посланных морем назад, в Тель-Авив, — их брак предполагал равные права на собственность, и Рахель за время его долгого отсутствия продала дом и вывезла все вещи. Почему она оставила ему вещи и игрушки малыша? Не то чтобы Брам терял покой, когда время от времени натыкался на них, но приходил к заключению, что ничего из того, что было связано с Б., того, что Б. носил, того, чем он играл — оружие, куча оружия, — ничего не пропало, ничего не было выброшено. В Принстоне он сложил вещи в картонные коробки и оставил их в кладовке, а Рахель послала их на квартиру к Хартогу, как только Брам там объявился, — очевидно, чтобы он не забывал о потере. Она-то должна была понимать, что он никогда не сможет этого забыть. Попытка свести его с ума? А зачем — он и так не вполне адекватен.

Брам никогда не заглядывал в коробки — этого он не смог бы пережить. Ему больно было их видеть, но они помогали сохранить живое ощущение, что Б. на самом деле несколько лет провел в этом мире, что он не был вымыслом, абстракцией. Вид коробок он еще мог перенести. Под запретом были фотографии Б. Он не сможет жить, если не расследует причин исчезновения малыша. Так первый разумный человек, не в силах справиться с непознаваемостью Вселенной, выдумал, чтобы не сойти с ума, Бога и принялся молиться Ему. Вместо молитв Брам проводил время за компьютером, поддерживая в себе уверенность, что когда-нибудь он выяснит, что же произошло 28-8-2008 года в 18.18 на Гудхилл роад, # 282. Бесчисленное множество людей тратят свое время по вечерам и ночью на сетевые игры — он тратил время на священный поиск.

Он выяснил, какая в точности в тот день была погода — не только температуру воздуха, но и атмосферное давление, и изменения всех параметров в течение дня. Он знал все о положении солнца, о том, как располагались кусты, деревья, цветы в саду и окружающем лесу, и о состоянии почвы. Он знал теперь о доме больше, чем тогда, когда он жил в нем: из каких материалов и как он был построен, кто владел им раньше. Сотни раз он мысленно возвращался назад, в тот день. Двое из живших в доме погибли во время Гражданской войны; человек, призванный в армию во время войны во Вьетнаме, был ранен. С детьми, жившими там, насколько можно верить архивам, не происходило ничего экстраординарного.

Он запросил полицейское досье. Было известно, что занятые делом следователи, проверив территорию с ищейками, пришли к выводу, что малыш утонул в реке. Собаки проследили и кровавый след Хендрикуса, но остановились посреди леса, как если бы у пса сама по себе пошла кровь. Похищение членами семьи — чаще всего случающийся вид похищений, особенно при конфликтном разводе — в данном случае не могло иметь места. Брама и самого подозревали — он нашел список, составленный следователями: расследование поведения отца и матери в момент исчезновения занимало там важное место. Он сам усложнил ситуацию, уехав из Принстона еще до возвращения жены. Он исчез, и Рахель заявила об этом в полицию. Через десять дней его отыскивали в Мэриленде и продержали под арестом целый день. Он знал, что это случилось, но, как ни странно, совершенно ничего не помнил — наверное, он был взбешен? Они отпустили его под поручительство Рахель, об этом он тоже прочитал в досье. Они ненавидели его, но знали, что он непричастен к исчезновению Б. С юридической точки зрения он был невиновен, но и по

критериям Рахель, и по его собственным вина его была непростительна.

Он получил прямой доступ через интернет к архивам, содержащим статистику, имена, состояние дел. Каждый год пропадает около полутора миллионов детей. Большинство возвращается назад в течение суток. Это беглецы-подростки и те, кого забрал с собой один из родителей, в случае семейной ссоры или развода. Около шестидесяти тысяч детей относятся к группе украденных чужими людьми. Половина из них, то есть тридцать тысяч, попадают в руки педофилов и гибнут — это дает больше восьмидесяти детей в день. И каждый год несколько сотен детей исчезают бесследно. Эти исчезновения разрушают семьи.

Иногда он находил случайную деталь, дававшую ему надежду. Он перечитывал и перечитывал досье, анализируя ситуации, производя розыски в архивах, где хранились данные об исчезнувших. Иногда он, уставившись в экран компьютера или разглядывая висевшие на стене карты, выпивал рюмку водки. И делал заметки, тысячи заметок.

Через полтора года после того как отец привез его назад, в Тель-Авив, он послал запрос в канадский город Эдмонтон по поводу Джона О'Коннора, подрядчика.

О'Коннор — старинное ирландское имя, восходящее к военачальнику Конору из Конковара, погибшему, очевидно, около 970 года. Все О'Конноры считались потомками этого единственного уроженца Конковара, кельтское имя которого можно было приблизительно перевести как «обладающий силой» или «вождь».

Только теперь Брам установил, что Джон О'Коннор в семнадцать лет переехал из канадского города Эдмонта, штат Алберта, в Бостон. Никто этим не заинтересовался. А между тем Джон был последним, кто посетил его дом. Он сидел в кухне и видел, как Брам, обнаружив дверь открытой, помчался по всему дому искать Б. Брам послал мэйлы в две канадские организации, объединяющие родителей исчезнувших детей, так называемые Мэган-группы,⁴¹ и еще одной группе — в самом Эдмонтоне. В сети можно было найти все, что угодно, но получение информации о частных лицах из официальных банков данных ограничивалось многочисленными правилами, которые невозможно было обойти. Власти, конечно, заходили в банки данных, как в соседний супермаркет, но для Брама они оставались закрытыми.

Джон считался подрядчиком с хорошей репутацией. Он был доступен и надежен. Странно, однако, что никто не поинтересовался, чем он занимался в Канаде, пока ему не исполнилось семнадцать.

Брам понятия не имел, какой результат даст формальное расследование и рассылка мэйлов, но чувствовал, что он должен быть интересным, и от волнения не мог спать.

3

Служащий проводил Брама в подвал банка, вниз по мраморной лестнице. Миновав классическую решетку, они вошли в ярко освещенное помещение, стены которого состояли из сотен запертых дверок. Номер 817, самое обычное число, правда, сумма цифр давала две восьмерки. Брам и молодой служащий, типичный латинос в костюме-тройке, наблюдали за тем, как слесарь прорезал дыру в дверце; вся процедура заняла не больше шести минут. Потом служащий и слесарь покинули помещение, а Брам вытащил из ячейки ящичек и положил его в пластиковый пакет.

«Хонду» он взял напрокат из-за ее неприметности — одна из самых популярных в Штатах моделей, серебристо-серого цвета. Он ехал к дому Джона О'Коннора.

Джон жил, если считать по прямой, милях в трех от его бывшего владения. Белый, крашеный дом посреди огромного, в несколько гектаров сада. У подрядчиков, как и у

⁴¹ Неформальное название американского закона, обязывающего власти делать общедоступной информацию о лицах, совершавших преступления сексуального характера, особенно — педофилах.

маклеров, всегда есть на примете прекрасные, недорогие дома, в которых старики хозяева доживают последние денечки, если их не спровадили еще в дом престарелых. Похоже, свой дом О'Коннор прикупил именно у таких.

В конце длинной подъездной аллеи высился белый, без единого пятнышка, куб, крытый новенькой серой черепицей, с новыми окнами, — готовый к *flip*, как тут называется стандартная процедура: купить подешевле, подновить и «толкнуть» новым хозяевам. Брам дважды проехал мимо дома и повернул назад, в город.

Из Интернет-кафе он вышел на свой домашний компьютер, чтобы уточнить дорогу, которую придется пройти пешком от торгового центра, где он собирался оставить машину.

Он был слишком взволнован, чтобы поест, выпил немного воды и, подождав, пока стемнеет, поехал к торговому центру — сверкающему разноцветными огнями ряду магазинов, подковой охватывающему парковку. Взяв вещи и заперев машину, он прошел, прислушиваясь к веселым рождественским песенкам, мимо ярко освещенных витрин. За магазинами начиналась тьма — из-за того, что фонарей вдоль дороги практически не было — в этой огромной стране считается странным тратить деньги на никому не нужное освещение дорог.

Он вышел на широкую лесную тропу, начинавшуюся позади магазинов; очевидно, ею пользовались любители верховой езды. Тропа шла параллельно шоссе, в двадцати метрах от него; зимние голые деревья и заснеженные кусты скрывали Браму от проезжающих машин.

В последние несколько недель он ежедневно изучал этот путь, и, хотя картинки Google несколько устарели, реальный маршрут почти точно соответствовал плану, который он нашел в компьютере.

В восемь минут восьмого он добрался до места. Ни в одном окне не горел свет. Теперь он рассмотрел, что стены дома обшиты виниловыми плитами, — стандартный дешевый метод предохранения дерева от непогоды, когда-то они с О'Коннором обсуждали, какой сорт материала выбрать и что красивее: подделка под дерево или под кирпич.

Если бы О'Коннор был дома, он позвонил бы в дверь и наставил ему в лоб 9-миллиметровое дуло пистолета. Сколько раз он видел такое в кино? При необходимости он мог выстрелить сразу. Десять лет назад Рахель подарила ему этот пистолет, и Брам несколько раз стрелял из него в армейском тире — в армии он оценил пользу упражнений в стрельбе. Пистолеты и прочее компактное оружие применялись только во время тренировок. Лишь раз ему пришлось вытащить пистолет — когда его пытались ограбить в Тель-Авиве, — этот случай, как он теперь понимал, подтолкнул его к отъезду в Принстон. Здесь, в лесу, слишком опасно было проверять, в порядке ли его пистолет — Kel-Tec с черной, отливающей металлическим блеском пластиковой рукояткой, механизмом, как у «ругера» и «глока», и десятью патронами в обойме.

Покинув банк, он сел в машину, открыл ящичек и вытащил пистолет из кобуры. От него все еще пахло маслом. Брам выщелкнул обойму, проверил и протер пули и снова зарядил пистолет. Когда он начнет стрелять, лучше держать оружие двумя руками: отдача у него гораздо сильнее, чем можно ожидать от такого малыша.

Браму казалось совершенно естественным то, что в эту холодную ночь он поджидал О'Коннора, спрятавшись в тени дома. Немыслимо жить дальше, не разрешив проблему, а последствия вроде того, что его могли признать виновным в убийстве, Брама не волновали. Он был готов к пожизненному заключению, но надеялся на снисхождение присяжных: то, что он собирался сделать, делалось во имя восстановления справедливости.

Он знал, что случилось бы, обратись он к полиции: 14 декабря 2007 года, пять лет назад, смертная казнь в Нью-Джерси была отменена. Несмотря на то что именно в этом штате Мэган Канка была убита соседом, Джесси Тиммендекасом, отбывшим ранее срок за насилие и поселившимся в полном детей районе. Как и остальные сексуальные маньяки, которые, освободившись по истечении срока, селились, где хотели. «Закон Мэган», принятый после убийства Мэган Канка, положил этому конец, обязав сексуальных маньяков

и педофилов регистрироваться; это давало возможность следить за их передвижениями.

Из-за отмены смертной казни Тиммендекас получил пожизненное заключение — и О'Коннор получит пожизненное, будет слушать Моцарта на своем iPod и любоваться репродукциями Дега и Вермеера в книгах по искусству из тюремной библиотеки. О'Коннор, который лишил Б. всего этого, лишил его будущего. Брам должен сам восстановить справедливость, сбалансировать ситуацию на Веленском уровне. Совершенно не важно, родился ли О'Коннор таким и, может быть, с шестнадцати лет услаждал себя шестилетними мальчиками, или его извращенность развивалась постепенно, и он не мог с собой совладать. О'Коннор был чудовищем, оставлявшим за собой чудовищный след. С этим надо покончить.

4

Еще в Тель-Авиве Брам время от времени заходил на Google Earth или Live Local и отыскивал отреставрированную крышу и чудесный сад в Принстоне; два года назад он выяснил через интернет, что там живет молодая пара, ученые, разработавшие сложную компьютерную программу для Майкрософта. Оба — профессора. Трое детей. Сад окружен высоким забором. Видеокамеры спрятаны под крышей. Три автомобиля, все гибриды. Много чего можно найти в сети, главное — знать, где искать; только государственные архивы оставались закрытыми.

Он потратил уйму времени, составляя список водителей, превысивших скорость на дорогах 28 августа в радиусе десяти миль от его бывшего дома. Пять месяцев ушло на то, чтобы отследить всех нарушителей — он рассчитывал управиться за первую половину 2012 года, от такого числа можно было ждать многого. Он надеялся, что 28 августа этого года, в 2:28 ночи — он приготовился и сидел в этот час у компьютера, — сам собой явится ответ на его вопрос: что же произошло? Словно Бог должен был лично вмешаться в дело — но ничего не случилось. Он заплатил человеку за код доступа к сайту Департамента автомобилей и мотоциклов, и распечатал список. Расстояние в десять миль было выбрано произвольно, но он вообразил, что возможный похититель, скрываясь с места преступления, должен был ехать очень быстро.

Круг диаметром в двадцать миль, больше тридцати километров, включал Принстон, десятки пригородов и деревень. В тот день было выписано четыреста девятнадцать штрафов, среди которых сто три — по фотографиям камер-автоматов. Имена женщин-водителей он исключил, но тремя именами мужчин, которые встретились ему на сайтах местных групп, наблюдавших за передвижением педофилов, заинтересовался. Он долго следил за ними, вывесил их фотографии на стену, но дороги, по которым они ехали 28 августа 2008 года, не вели к его дому. Он не исключил их полностью, он держал их в отдельном файле, возвращаясь к ним время от времени в поисках новой информации.

Джон О'Коннор.

Полиция допросила его, как и всех мужчин, побывавших в доме в последние месяцы, по телефону. Тех, у кого не было прежде проблем с законом, и тех, кто не совершал сексуальных преступлений, вычеркнули из списка. Джона тоже — как не имевшего проблем с законом. Он выглядел добродушным здоровяком и в тот день сильно вспотел. Брам не замечал за ним ничего подозрительного — еще одно имя в досье, достойный доверия подрядчик (два утверждения, противоречившие друг другу), делавший только то, о чем договорились, и не менявший внезапно суммы гонорара. Вот только — почему он, рожденный в 1967 году в Канаде, в Эдмонтоне, в возрасте семнадцати лет, в 1984 году, переехал в Бостон? Удивительно, что Брам раньше не обратил на эту подробность внимания. Он поискал на новостных сайтах возможные преступления Джона О'Коннора в Бостоне и окрестностях начиная с 1984 и кончая 1995 годом, когда Джон обосновался в Принстоне в качестве подрядчика. Джон не был женат, и сидел на кухне, когда Брам в панике кинулся искать Б. по всему дому.

Когда Брам возвратился с чердака, оттащив малыша от дыры в полу, он застал Джона

перед телевизором с одним из игрушечных пистолетов Б. в руках. Джон целился в героя мультика.

— Извини, Джон, — сказал Брам, а Б. прижался к нему и обнял покрепче.

— «Люгер», — сказал Б.

— Это «люгер», — пояснил Брам, полагая, что Джон вряд ли разбирается в типах пистолетов.

— Пусти меня. — Б. стал сердито вырываться, высвобождаясь из рук Брама, и тот опустил его на пол.

Джон повернулся к ним и сказал Б.:

— Твой отец очень волновался, тебе туда нельзя ходить.

— Я хотел поглядеть на червяков, — сказал Б., подходя к Джону и озабоченно глядя на пистолет.

— На червяков? Там много червяков?

— Он думает, что там живут червяки, — сказал Брам.

— И пострелять их из «люгера», — продолжил свою мысль Б. — Такие огромные, как змеи. Возьми его.

— Видишь, Джон, ты можешь взять пистолет, это большая честь.

Джон кивнул:

— О'кей. Теперь мне будет гораздо спокойнее.

Когда Брам почти через четыре года после случившегося занялся Джоном, тот все еще не был женат и работал подрядчиком. За это время в окрестностях Принстона исчезли, включая Б., три мальчика, и только одного нашли. Изнасилованным и убитым. Ничто не указывало на то, что Джон О'Коннор — детоубийца; Брам должен был расследовать это дело, чтобы подтвердить или опровергнуть свои подозрения. Путь оказался долгим, но Брам верил, что пройдет его до конца.

Через десять дней он получил два ответа на мэйлы, посланные в Канаду, группе «Закон Мэган» в Эдмонтоне, следящей за городскими педофилами. Был конец сентября 2012 года.

В первом сообщалось, что у них имеется информация о человеке по имени Джон О'Коннор, рожденном 2-11-1967 года. На него был заведен *juvenile file*; ⁴² значит, что-то было не в порядке с Джоном, когда он был мальчишкой, что-то такое он сделал, что привело к судебному расследованию. Но посмотреть досье невозможно. По требованию самого Джона, процесс проходил в закрытом режиме. Брам сразу понял, что заглянуть в это досье вряд ли удастся, разве что дать кому-то взятку. Но он никого не знал в Эдмонтоне.

Неужели Джон?.. Неужели все эти три года разгадка была так близко? Он заново просмотрел распечатки досье, заведенного на Джона. Если он на верном пути, должна быть какая-то возможность приблизиться к истине. Истине, которая его успокоит.

Но тут он прочел второй мэйл, и сердце его замерло.

«Уважаемый господин Маннхайм, мы должны посмотреть свои архивы, но мы почти уверены, что ваш Джон О'Коннор в возрасте шестнадцати лет, в Эдмонтоне, работал волонтером в летнем лагере для детей и совершил развратные действия против шестилетнего мальчика. Тем летом, в 1984 году, об этом деле много говорили. Мы не можем быть стопроцентно уверены, так что просим вас не торопиться с выводами: вдруг наш О'Коннор — не тот человек, о котором вы спрашиваете. Мы немедленно сообщим вам подробности, как только соберем больше информации. Иногда известным нам лицам из числа судебных исполнителей удается по ошибке послать нам копию того или иного досье. Такого рода „ошибками“ мы с удовольствием пользуемся. Желаем вам всего самого хорошего».

Помощь пришла, как ни странно, из налогового управления. Один из членов группы по обузданию освободившихся из тюрем педофилов оказался сотрудником налогового управления в Коннектикуте. Здорово рискуя, он переслал Браму данные об уплаченных

⁴² Дело, заведенное против несовершеннолетнего.

О'Коннором налогах, откуда Брам выудил список всех работ, проведенных им. Разбираясь в сотнях больших и малых проектов, осуществленных в Коннектикуте и Нью-Джерси, Брам решил сравнить адреса клиентов О'Коннора с адресами, взятыми из статистики об убитых и исчезнувших детях.

Это оказались мальчики. Пяти, шести, семи лет. О'Коннор между 1984 и 1995 годами, когда он жил в Бостоне, и между 1995 и 2012 годами, когда он переехал в Принстон, работал, среди прочего, для девятнадцати семей, которые позже — в среднем примерно через год после того, как он завершал проект (малыш Брама был исключением), — пережили исчезновение ребенка или насилие над ним. Девятнадцать из почти трехсот пятидесяти случаев. Пятеро были убиты, двенадцать пережили насилие, двое исчезли, считая малыша. И у каждой из этих семей был ремонт. Брам обработал и другие имена, похоронил свою теорию и продолжил поиски, проводя долгие ночи в кладовке за компьютером, собирая новые материалы; его тошнило от напряжения, бросало в жар, ему становилось больно и страшно. Почему они не стали расследовать это дело по горячим следам? Базы данных налоговой инспекции не были страшной тайной, как полицейские досье или списки исчезнувших детей. Брам проделал тяжелую, тоскливую работу, прослеживая каждый из проектов, которыми занимался О'Коннор, и убедился, что нашел человека, который украл его малыша.

5

Сразу после восьми большой четырехдверный вэн подъехал к дому О'Коннора, фары ярко осветили пластиковые стены. Брам ждал у задней двери, рядом с двухместным гаражом, в конце посыпанной гравием дорожки. Ясно было, что О'Коннор подъедет именно сюда. Было холодно, но сухо, и, хотя Брам надвинул шарф на лицо, он видел облачко пара от своего дыхания. Он ощутил тяжесть биты в руке, сердце в груди забилось быстрее, он знал, что готов ко всему.

Мощный мотор затих. Фары погасли. Дверца машины отворилась, и он услышал голос О'Коннора:

— Конечно, мэм, эта плитка тоже вам подходит, только она вдвое дороже.

Щелкнул замок, запирающий дверцу, другая дверца открылась. Из динамика мобильного донесся женский голос:

— Думаю, что цена плитки роли не играет, мистер О'Коннор. Я поговорю с мужем, но вы уж позаботьтесь, чтобы плитку положили другую, ту, что в цветочек.

— Желание клиента — закон, миссис Путман. Хотите другую плитку в ванной — будет вам другая плитка в ванной.

Брам чуть-чуть выдвинулся из своего укрытия и увидел О'Коннора, озаренного светом лампочки, горящей в кабине вэна, — здоровенный мужик с детским, невинным лицом, одетый в толстую спортивную куртку, в такой не страшны даже самые сильные морозы. Продолжая говорить по телефону, О'Коннор одной рукой выволок с заднего сидения машины огромный пакет с покупками. Локтем он захлопнул дверцу, свет потух, и О'Коннор, тащивший громадный бумажный мешок к задней двери, превратился в темный силуэт.

С кем это он разговаривает? Как бы эта миссис Путман не сообщила в полицию, если разговор внезапно прервется. Или телефон все еще будет работать, когда пуля пройдет сквозь тело О'Коннора?

— Может быть, я слишком много говорю об этом, но мне придется смотреть на эту плитку годами, лучше один раз заплатить.

— Все будет в порядке, миссис Путман. Я приеду завтра днем.

— Замечательно, большое спасибо.

— Не стоит благодарности.

О'Коннор поставил мешок на землю у ног и отключил мобильник. Потом порылся в карманах, выудил солидную связку ключей и вставил нужный в замок.

Дверь медленно отворилась, и яркий фонарь вспыхнул под крышей, осветив выложенную плиткой террасу — сработал контактный выключатель. Опасно. Кто-нибудь, случайно проезжая мимо, может его увидеть, но уйти он уже не мог.

Брам сделал три шага вперед. У него вдруг закружилась голова и подогнулись колени; он чувствовал, как силы покидают его.

О'Коннор нагнулся, чтобы поднять мешок с покупками. Когда он распрямился, Брам саданул его битой, и сразу понял, что удар, пришедшийся на куртку, оказался слишком слабым. Звук был, как от плюхнувшегося в воду камня.

О'Коннор не пошатнулся. Он попытался оглянуться через плечо, сжимая обеими руками мешок, потому что боялся рассыпать его содержимое, и у Брама появилась возможность повторить удар прежде, чем О'Коннор успеет перехватить биту.

На мгновение Брам увидел испуганные глаза О'Коннора и понял, что победил собственную нерешительность. Перед ним — убийца его малыша, невозможная, сумасшедшая мысль. Брам замахнулся, сжимая зубы, и снова ударил, стараясь вложить в удар все свои силы.

Бита врезалась в плечо О'Коннора, Брам почудилось, что он услышал треск.

О'Коннор, казалось, захлебнулся воздухом. Секунду он стоял, потом упал на колени, уронив мешок.

Покупки вывалились и раскатились вокруг: банки супа, пачки печенья, апельсиновый сок, замороженные обеды, глянцевые пакетики M&M. Вид покупок — таких мирных и обычных — снова лишил Брама сил. Он должен был ударить еще раз, но не мог.

Брам уронил биту, вытащил из кармана пистолет и с изумлением услышал собственный голос, произнесший:

— Ползи в гараж. Попробуешь встать — убью.

Это говорил Абрахам Маннхайм, когда-то — многообещающий ученый, когда-то — профессор университета, человек со вкусом и недюжинными способностями, служитель искусств и науки — вот до чего довел его О'Коннор.

О'Коннор пополз на четвереньках, как младенец, и тихо заплакал.

— В гараж, — прошипел Брам, стараясь не поддаваться жалости. — Ползи. И без глупостей.

— Мои ноги...

О'Коннор дышал с трудом, ища сочувствия.

— Ползи!

О'Коннор выпрямился, издав звук, похожий на стон кита: долгий, жалобный крик испуганного животного, страдающего от боли.

Но двигался он не как кит, а как гигантская черепаха. Выставив широкую задницу в потертых джинсах, он тяжело полз на четвереньках по гравию к двери гаража, скуля жалобно, как младенец.

В гараже горел свет и было пусто. Контора О'Коннора со складом была в другой части города, там он держал грузовики, строительные машины и инструмент. Беспомощно распластавшись на чистом бетонном полу, О'Коннор боялся поднять глаза, чтобы не спровоцировать новых несчастий.

— Сюда, — указал Брам.

О'Коннор с трудом повернулся.

— Я пришел сюда... — начал Брам и не закончил фразы.

Зачем он здесь? Чтобы свершить возмездие. В современном обществе люди отказались от возмездия. Но он не сможет жить дальше, если не отомстит за гибель малыша. Так велит древний закон.

— Сколько детей у тебя было? Я знаю только о девятнадцати. Сколько всего?

О'Коннор лежал на животе. Он тихонько стонал от боли и оттого, что ему было тяжело дышать.

— У тебя нет выбора, О'Коннор. Сколько?

О'Коннор покачал головой.

— О чем ты? — спросил он тихо. — Я... я не понимаю, какие дети? Я не женат.

Брам пожалел, что оставил битую на улице. Сейчас она пригодилась бы, он должен заставить этого типа говорить. Несколько лет назад здесь, в Принстоне, и в средствах массовой информации шла оживленная дискуссия о том, что пытки не помогают установить истину. Пытки бесчеловечны и должны быть запрещены. Но где здесь человек? Этот тип — животное, и Брам хотел, прежде чем убить, услышать его покаяние. «Что за странный рефлекс, — подумал он, — эта жажда покаяния. Почему было не выстрелить сразу и спокойно вернуться к своему автомобилю?»

Брам нагнулся и стукнул О'Коннора рукояткой пистолета по тому плечу, куда раньше пришелся удар биты. О'Коннор взвизгнул.

Испытывая к самому себе отвращение, Брам выпрямился — он ненавидел этого типа, доведшего его до подобных зверств, — выскочил наружу, схватил битую и мгновенно вернулся.

О'Коннор не пошевелился. Быть может, удар биты повредил ему позвоночник, под толстой курткой не разглядишь.

Брам должен был сразу выстрелить, и все было бы кончено, — но ему потребовалось время, чтобы принять решение. Он чувствовал отвращение, но возмездие еще не свершилось.

Он спросил:

— Типы вроде тебя держат у себя фото, видео — не знаю, что еще, — где это?

О'Коннор лежал, сжав кулаки и тяжело дыша.

Брам несильно хлопнул его битой по спине, и О'Коннор вскрикнул громче, чем раньше.

Ближайшие соседи жили метрах в двухстах отсюда, и Брам надеялся, что стены гаража, кусты и деревья заглушат крик.

Он снова спросил:

— Где ты держишь фото? Хочешь, чтобы я тебя снова ударил?

— Нет, — завыл О'Коннор, — нет...

Браму пришлось снова ударить его — он уже не мог остановиться. Он должен дойти до конца, но до чего же ужасно делать такое, даже с мерзавцем О'Коннором.

Он еще раз ударил бейсбольной битой, сильнее, чем прежде, целясь в лопатку.

И этот тип заорал долгим, тяжким нутряным воем.

— Заткнись! — гаркнул Брам.

О'Коннор рыдал и прерывисто стонал, повторяя:

— Нет — нет — нет — нет — нет...

— Я хочу поглядеть на твои фото и видео, — сказал Брам.

— Я... нет... я... шкафчик над кроватью.

— Шкафчик?

— Сейф...

— Код?

— Два два — четыре четыре.

Теперь, решил Брам, этот тип для него не опасен. Он убрал пистолет, присел на корточки, заложил руки О'Коннора за спину и стянул веревкой. Тот остался лежать на животе.

Брам дернул за веревку и приказал:

— Вставай.

Но у здоровяка О'Коннора не было сил подняться без помощи рук, он мог только лежать, стонать и бессмысленно возить ногами по бетону. И Брам, схватив О'Коннора за плечи, поставил его на колени.

И смог наконец как следует разглядеть его лицо. Из ссадин, образовавшихся, пока он елозил по полу в гараже, текла кровь, смешиваясь со слезами, и пачкала щеки. Глаз О'Коннор не открывал, хотя теперь уж он мог бы поглядеть на Брама.

— Вставай, — повторил Брам.

И помог О'Коннору подняться, поддерживая его за локти теми самыми руками, которыми — уже скоро — вцепит в его тело несколько пуль, чтобы прикончить зверя, который прикидывается беспомощным человеком, соседом, нуждающимся в снисхождении. Снисхождения Брам не мог себе позволить — из-за малыша. Но он начал сомневаться в том, что сможет хладнокровно убить человека.

О'Коннор стоял, качаясь, морщась от боли, руки связаны за спиной, глаза закрыты.

— Покажи мне их, — сказал Брам. — Выходи.

О'Коннор вышел и, покачиваясь, побрел по тропинке к двери дома.

— Без глупостей, Джон, — услышал Брам свой собственный голос. Пистолет снова оказался у него в руке.

В воздухе пахло сыростью, дождем или снегом. Звезд не было видно в затянутом облаками ночном небе. Издалека доносился шум машин; кто-то подъезжал к торговому центру, чтобы купить еду и рождественские подарки, но здесь, у дома, царила тишина.

Они вошли в круг света, отбрасываемого фонарем под крышей, О'Коннор наступил на рассыпанные покупки, пакетик с M&M лопнул, и сладкие разноцветные пуговицы раскатились по плиткам пола.

— Света не зажигать, — сказал Брам.

Он шел вслед за едва передвигающим ноги человеком, слушая, как хрустят раздавленные конфетки. Они вошли в кухню, по-американски просторную, со столом для готовки посередине и огромным двухдверным холодильником. В полутьме, отражая свет уличного фонаря, блеснула кухонная раковина. Брам бросились в глаза цифры на дисплее магнетрона: 8:14. Пахло краской, свежей штукатуркой и ошкуренным деревом — запахами дома, готового к приему семьи, в которой будут расти дети и праздноваться дни рождения, и противень с печеньем будут вынимать из духовки и ставить на каменный стол, чтобы остыл.

Дверь в холл была открыта, лестница широким винтом закручивалась вверх, к спальням; здесь пахло паркетным лаком.

О'Коннор, едва переставляя ноги, опустив голову, шел вперед, ошеломленный тем, что делал с ним человек, распоряжавшийся сейчас его жизнью.

— Куда ты идешь? — спросил Брам.

И он, едва пошевелив головой в направлении двери, ответил:

— Туда.

— Я за тобой, — отозвался Брам.

Уличный фонарь остался далеко позади, но на газон за окном откуда-то падал свет, подчиняясь сложным законам отражения; коллегам его отца ничего не стоило бы мигом рассчитать и объяснить ему, как это вышло.

О'Коннор толкнул дверь и вошел в комнату, ступая по лежащему на полу толстому ковру. Потом остановился. Комната, очевидно, планировалась как кабинет, но О'Коннор поставил в ней кровать, телевизор с DVD-проигрывателем и торшер.

Брам обошел его, закрыл вертикальные жалюзи — ламели, без которых, кажется, не обходится ни один американский дом, и только потом включил свет.

— Садись на постель, — сказал Брам.

О'Коннор перешагнул через валявшиеся у постели журналы и повалился на кровать, разинув рот, словно от этого уменьшалась боль в связанных за спиной руках.

В стене над кроватью — встроенный сейф с электронным кодовым замком.

— Два два — четыре четыре? — спросил Брам.

О'Коннор кивнул.

— Ты помнишь меня?

— Нет.

— Я раньше жил на... Гудхилл роад.

О'Коннор молчал.

— Ты украл у меня малыша. Что ты сделал с ним?

— Я ничего не делал, — сказал О'Коннор хрипло.

Брам, продолжая держать О'Коннора на мушке, ногой придвинул к себе журналы. В основном там были фотографии юношей и мальчиков. Некоторые касались вопросов строительства, была и брошюра о сейфах. Под кроватью валялись неподписанные диски.

На ковре остались грязные следы от новых башмаков Брама, ясно, где он набрал грязи, — на лесной дороге. Не почистить ли ковер?

Он спросил:

— Где фотографии твоих жертв?

— У меня нет жертв, — прошептал О'Коннор.

— А что ты держишь в сейфе?

— Деньги.

— Сколько?

— Тридцать тысяч.

Брам взглянул на сейф, штукатурка вокруг дверцы еще не совсем высохла.

— Сейф новый?

— Да.

— Только что поставлен?

— Два дня назад.

— Открой.

— Код: два два — четыре четыре.

— Открой сам, — сказал Брам.

— Нет.

Брам взял карманный фонарь и ударил О'Коннора сбоку по голове, несильно, но фонарь был тяжелый, и от удара осталась рана. О'Коннор снова повалился на постель, на этот раз молча, одинокий и беззащитный, кровь потекла по щеке и из уха.

Брам был в бешенстве от происходящего. От неверно принятого решения, заставившего его проявить жестокость. Надо было просто убить его. Сразу. Рванув О'Коннора за веревку и понимая, что от резкого движения боль взорвется в его спине и плечах, он заставил его подняться. Прислонил О'Коннора к стене, возле четырехугольной стальной дверцы сейфа, врезанного в стену на высоте человеческого роста. Швейцарским ножом разрезал веревку и отошел на несколько шагов в сторону.

Руки О'Коннора бессильно повисли вдоль тела. Он стоял, безразличный и неподвижный, опустив голову.

— Открывай, — сказал Брам.

О'Коннор не пошевелился.

У Брама не оставалось выбора. Он вытащил пистолет и взвел курок. Его рука дернулась в сторону от отдачи, раздался выстрел, прозвучавший в небольшом помещении, как разрыв гранаты, и из стены вокруг сейфа посыпалась еще сырая штукатурка.

Запах пороха наполнил комнату, боль отдалась в плече — вот дурак, надо было стрелять с двух рук. Он стоял позади О'Коннора и не мог видеть его лицо, но часть обломков, несомненно, его задела.

Выстрел никак не повлиял на О'Коннора.

— Я хочу, чтобы ты открыл эту штуку.

О'Коннор молчал.

— Если ты выживешь, — сказал Брам, — если ты выживешь, то получишь пожизненное. Одно могу сказать точно: если не сделаешь того, что я сказал, мало тебе не покажется.

Абсурд, взрослые, нормальные люди так не разговаривают. Вот только «нормальный» — это понятие, которое четыре года назад выскользнуло у него из рук. Он не знал, что делать. Он не мог решиться убить этого типа. Но он назвал ему адрес — Гудхилл роад. Интересно, сдаст ли О'Коннор его полиции? Или будет молчать, чтобы не вызывать к себе чрезмерного интереса?

Что там такое с этим сейфом? О'Коннор дал ему код, и если он неверный, от этого у

Брама есть лекарство: пистолет с оставшимися девятью патронами, чтобы вытащить из него настоящий код.

Что-то показалось ему подозрительным — и внезапное воспоминание о случившемся четыре года назад заставило Бrama из-за широкой спины О'Коннора протянуть руку к дисплею сейфа. Два два... и прежде, чем он нажал следующую цифру, О'Коннор зашевелился.

В тот день, за два часа до катастрофы с исчезновением Б., О'Коннор привез им рекламы охранных систем, о которых просила Рахель, и сказал об одном из сейфов, что после набора определенной комбинации он взрывается. Пригнувшись, Брам ждал щелчка.

О'Коннор нажал на четверку и сказал:

— Мне нравятся эти цифры, вот и все.

И снова нажал на четверку. Ничего не случилось. Секунды текли. Взрыва не было. Брам выпрямился и увидел, что О'Коннор открыл дверцу сейфа и отступил в сторону, глаза его забегали. Этот сейф, значит, не взрывался. Но может быть, что-то случится, если Брам сунет в него руку?

— Я хочу посмотреть, что там лежит, — сказал Брам. — Доставай-ка все сюда.

И подумал: а что, если у него там оружие? И не этого ли добивался О'Коннор, устраивая здесь цирк, чтобы Брам велел ему лезть в сейф? В такой ситуации все было двойственно, каждый шаг мог оказаться неверным.

— Ладно, я сам, — сказал Брам.

Он повел дулом пистолета, показывая О'Коннору, что тот должен освободить место.

О'Коннор отошел в сторону, и Брам, протянув руку, ощупал кончиками пальцев гладкий металл дна. Никакого оружия. Несколько компакт-дисков и DVD. Зачем держать DVD в сейфе?

Брам на мгновение отвернулся от О'Коннора и заглянул в сейф. Штук семь DVD в прозрачных коробочках.

Повернуться он не успел, руки О'Коннора сжали его горло; доступ воздуха был перекрыт силой, с какой Брам никогда раньше не имел дела. Громадный человек позади него, человек, занимающийся физическим трудом, сжимал его глотку, не давал Бразу вздохнуть. О'Коннор был так силен, что смог даже немного приподнять его. У самого уха Брам слышал тяжелое дыхание, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы.

Брам попытался освободить свое горло от стальной хватки. Сердце, казалось, вот-вот разорвется. Нужно разжать его руки. И тут он вспомнил, что все еще держит в руке пистолет. Кислорода не хватало, он был близок к обмороку, голова горела; нащупав ногу О'Коннора, Брам прижал к ней дуло пистолета и выстрелил.

Отдача отбросила его руку в сторону, тело О'Коннора затряслось, словно по нему пропустили ток. Рука, сжимавшая горло Бrama, ослабла, и, развернувшись, Брам отступил, перехватил оружие обеими руками и увидел кровь, текущую по ноге противника.

О'Коннор посмотрел на кровь с ужасом, потом поднял глаза на Бrama и сказал:

— Нет...

Второй выстрел угодил О'Коннору в живот, прошив насквозь куртку. Крови не было видно, но О'Коннор зашатался, и взгляд его застыл, словно внутри выключили свет. Брам поднял пистолет повыше и выстрелил еще раз. Часть лица О'Коннора срезало, словно оно было из пенопласта, огромное тело повалилось наземь и застыло бесформенной грудой.

Но сердце продолжало гнать кровь, она текла из ран, заливая одежду и ковер, руки и ноги беспорядочно дергались.

Брам наклонился, ударил его по горлу, и О'Коннор перестал дышать. Вот и все. Мерзость какая. Неотвратимое возмездие.

Брам выпрямился, он чувствовал себя так, словно его отравили. В ушах шумело, руки и ноги болели. Ламели на окне раскачивались. Резкий запах пороха наполнил комнату; было дымно, словно здесь развлекалась компания любителей дорогих сигар «Cohiba».

Теперь Бразу нужны были объективные факты, окончательные доказательства его

правоты — чтобы он мог жить дальше. Он отвел взгляд от тела на полу и лужи крови, которая все увеличивалась, выхватил несколько DVD из сейфа и выбежал вон.

Брам неслся по лесу; в ушах шумело, ему чудился запах пороха. Он старательно вдыхал свежий холодный воздух, уговаривая себя успокоиться: все это скоро исчезнет из памяти, как дурной сон.

По парковке разъезжали автомобили, покупка рождественских подарков продолжалась. Бейсбольную битку, веревку, фонарь и пистолет он забрал с собой. Он подъехал к реке, протекавшей неподалеку, и бросил все это в ее глубокие воды. Вот о чем он хотел спросить О'Коннора: не здесь ли исчезло тело его малыша? Всего несколько минут быстрой езды отделяли его от того дома, но он полностью себя контролировал.

Он поехал, соблюдая ограничения скорости, и вспомнил, как по этим же дорогам когда-то отвозил Рахель в Нью-Аркский аэропорт — она накрывала рукой его руку или клала руку ему на плечо, — и они говорили о будущем, о доме, о пруде и о подрядчике, таком симпатичном и полезном человеке.

Брам заметил на своем пальто пятнышки крови и заплакал. Он плакал, проезжая Голландский туннель⁴³ и горделивые небоскребы Манхеттена, пока до него не дошло, что он отомстил наконец за малыша, за своего сына. Он забрал то, что было украдено у него: жизнь. Он остановился на углу возле своего отеля, но не стал выходить, пока совсем не успокоился, и, сняв пальто, отдал машину служащему, чтобы ее отогнали в гараж.

Вернувшись в номер, он просмотрел DVD — мерзкие картинки сексуальных извращений, как он и ожидал, маленькие мальчики. Он испугался, что увидит среди них малыша, разломал диски на мелкие кусочки и выкинул вместе с пальто в мусорный ящик на 62-й улице. Потом, в легком израильском пиджачке, прошел до угла Пятой авеню и юга Центрального парка. Было около полуночи, но пролетки, запряженные лошадьми, еще ждали пассажиров. Лошадей покрывали зимние попоны, пар вырывался из ноздрей, они косились на него своими огромными глазами. Один из кучеров окликнул Брама и дал несколько кусочков сахару — угостить лошадь, словно он был несчастным бездомным, ищущим сочувствия. Кучер с одного взгляда его разгадал. Мягкими теплыми губами лошадь брала с ладони сахар, не причиняя ему вреда.

Крошечные белые хлопья вились над ним — первый снег, который за ночь укроет город девственно-белым покрывалом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Тель-Авив

Двенадцатью годами позже

Апрель 2024

1

— Он уснул, — сказала Рита Кон, вставая с дивана в гостиной. Маленькая седая женщина, худенькая, как голодная художница. Очки, прицепленные к массивному шнуру червонного золота, который она называла своей «похоронной страховкой», болтались на тонкой шейке. Рита приходилась Икки теткой, сестрой его матери, это она их познакомила.

Икки был феноменально талантлив, и его без проблем взяли на отделение компьютерных технологий Массачусетского Технологического. Он учился на втором курсе, когда друг уговорил его поработать на рождественские каникулы в баре одного из

⁴³ Голландский туннель — прорыт под Гудзоном и связывает Нью-Джерси с Манхэттенем.

крупнейших отелей Арубы.⁴⁴ Щедрые чаевые, чудесная погода, роскошные девушки. Он стал одной из сотен жертв серии терактов-самоубийств, имевших место в среду, 25 декабря 2019 года; ему было девятнадцать. Рождественские каникулы, отели забиты народом, пострадало семь островов. Рита работала на Брама. У Брама были прекрасные связи в Америке. Икки срочно перевезли в Тель-Авив, полтора года лечили и восстанавливали. А потом он стал партнером Брама по «Банку».

— Сколько он выпил? — спросил Брам.

— Не меньше чем пол-литра.

— Как долго ты могла бы с ним побыть?

— Ты сегодня работаешь? Если надо, я могу остаться на всю ночь. Я сейчас дам тебе послушать его.

— Он что-то говорил?

— Я записала на мобильник.

— Ты чудо, Рита, — сказал Брам, надеясь, что она не заметит его скептицизма.

— Он просто говорил. На своем «старом» языке.

— Можно мне послушать?

Она взяла телефон со стола, нажала на кнопку. И зазвучал слабый голос Хартога. То, что он говорил, оказалось бессмыслицей; звуковой ряд напоминал какой-то германский язык. В бормотание вклинивались иногда узнаваемые голландские слова. Брам расслышал: *«En noten govesie gene, maar halsie van der maken en blagsen van de slas»*. Это продолжалось около трех минут, ничего не значащий набор звуков с редкими вкраплениями голландских слов. Лучше, чем полное молчание, но ни одной связной мысли он уловить не смог. Если даже голова работала, проблема могла состоять в способности верно произносить звуки.

— Что говорит профессор? — спросила Рита. — Что-то важное?

— Он говорит... — Брам помолчал. — Он рад, что ты с ним возишься. И он тебе за это благодарен.

— Это — голландский язык?

— Да. Староголландский.

Когда Брама не бывало дома, Рита ухаживала за его отцом. Она была вдовой-пенсионеркой, жила этажом ниже и подрабатывала, ухаживая за больными. Ее единственный сын погиб во время войны в Негеве. Муж был убит двадцать лет назад в местах, которые тогда назывались «Западным берегом», и Рита рассказывала, что они с Хартогом регулярно обсуждают «ситуацию». Соблазнительно было надеяться, что Хартог все еще существует в каких-то закоулках своего старого мозга, только не может внятно говорить. Но скорее всего, дух покинул его тело и потерян навсегда. А Рита бессознательно притворялась, выдавая за истину иллюзии одинокого человека, принимающего отголосок собственных слов за ответ воображаемого собеседника.

Когда Хартог заметил у себя первые симптомы Альцгеймера, он погрузился в изучение процесса болезни, которая неуклонно вела его к помрачению сознания. Он надеялся, что может поделиться своими знаниями с сыном, но Брам ничего не смыслил в химии и медицине. Пока главное достояние нобелевского лауреата — его мозг — обрастал непроницаемой корой, Брам рылся в популярных публикациях. Информация оказалась малоутешительной, но он получил представление о том, что происходит с отцом.

Симптомы того, что его мозг постепенно отключается, отец записывал на листке бумаги, прикрепленном к компьютеру:

1. многократные когнитивные⁴⁵ помехи.
2. провалы памяти.

⁴⁴ Один из островов в Нидерландских Антилах.

⁴⁵ Познавательные.

3. афазия,⁴⁶ апраксия⁴⁷ и агнозис.⁴⁸

4. постепенная дегенерация обычных функций.

Хартог рассказывал ему, что возраст — важнейший фактор риска для появления болезней типа Альцгеймера. Он считал, что человеческий организм, эволюционное развитие которого заняло миллионы лет, был запрограммирован максимум на пятьдесят лет жизни. Когда этот срок превышает, организм обставляет процесс угасания жуткими подробностями. Гигиена и медицина помогают людям дожить до гораздо более преклонных лет, чем было задумано природой, но и природа не желает сидеть сложа руки. Отец говорил: «Природа мстительна. Природа берет реванш при помощи старческих хворей».

Отцу сейчас было девяносто три. Он много спал, иногда, сидя перед включенным телевизором, издавал непонятные звуки и, вне всякого сомнения, радовался, когда Хендрикус лизал ему руки. Хендрикус постоянно был рядом, и перед телевизором, и в тенечке на балконе, где Хартог сидел, уставившись невидящим взглядом на улицу и окрестные дома.

Невозможно было предсказать, в какой момент вид отца выведет Брама из равновесия. Бывало, Хартог засыпал перед телевизором, голова его склонялась набок, и непонятно было, жив он или умер. В такие минуты Брам чувствовал, что с него довольно. Редкие «хорошие» дни перемежались с «плохими», когда Брам, кормя отца мелко нарезанными кусочками пищи, старался не глядеть ему в лицо, потому что Хартог сидел, тихо пережевывая еду и вовсе не замечал сына.

Дважды в день (или по мере необходимости) Брам менял отцу памперсы, но все-таки кожа у Хартога между ног часто воспалялась, ее надо было смазывать специальной мазью; первое время Брам тошнило от ее вида и запаха, но постепенно он привык и исполнял свой долг аккуратно и механически, не позволяя себе насмешливых замечаний.

Кожа на теле Хартога стала тонкой, сухой, морщинистой и такой прозрачной, что сквозь нее просвечивали вены. На ней было множество коричневых старческих пятен. У Хартога доставало сил, чтобы самому выбраться из постели или встать со стула, чтобы взять телевизионный пульт. Передвигаясь по дому, он опирался на специальную каталку. Порожков в квартире не было, так что он мог легко добираться до любого места.

Иногда он принимался плакать, уткнувшись в плечо сына, и Брам, крепко обнимая его, ждал, пока Хартог забудет, отчего он расплакался, и взгляд его снова станет бессмысленным.

Хартог получал лекарства, находившиеся в разработке. Был, так сказать, одним из «подопытных кроликов», на которых университет проверял новые препараты. За последние десять лет масса народу — молодежи и семей с детьми — перебралась в Австралию и Новую Зеландию, и средний возраст оставшихся поднялся до критического уровня. Не только в армии, даже в университете ощущался существенный недостаток самой молодой части населения. Если так пойдет дальше, число студентов упадет до того же уровня, до какого упало число тайландцев, прежде нанимавшихся для уборки. Все они вернулись домой, потому что экономическая ситуация в Таиланде давала им шанс зарабатывать намного больше, чем в Израиле. Но на исследования в области старческих хворей демографический кризис подействовал благотворно. Было совершенно необходимо поддерживать стариков как можно дольше в здоровом и активном состоянии. Те врачи, которые имели возможность получать субсидии на научные исследования, вкладывали их в гериатрию.⁴⁹ В результате

⁴⁶ Патологически беспорядочная речь.

⁴⁷ Постепенная утрата возможностей производить осознанные движения.

⁴⁸ Невозможность опознания объекта при помощи ощущений.

⁴⁹ Наука о старческих болезнях и их лечении.

появлялись новые лекарства. Пять месяцев назад Хартог начал принимать новые таблетки, и теперь у него все чаще случались просветления. Брам завел специальную тетрадку и записывал в нее дату, интенсивность и продолжительность таких светлых моментов. Интенсивность он обозначал по собственной методике: моторика, полные фразы, осмысленность взгляда, воспоминания. И хотя он не мог проконтролировать Ритины истории о дискуссиях с Хартогом, он и их записывал в специальном разделе — «Ритин список».

Как только Рита ушла, Брам усадил отца за кухонный стол и повязал на его морщинистую шею нагрудник; если этого не сделать, сразу после еды придется его переодевать. Хартог уставился взглядом в стол, спокойно дыша и неторопливо моргая глазами, словно полностью сконцентрировался на решении сложнейшей проблемы. Брам сел рядом и стал кормить отца маленькими кусочками хлеба с маслом.

— Папа, тебе привет от Джуди Розен. Она звонила вчера, когда я был на работе.

Джуди Розен была дочерью Джеффери Розена, американского филантропа, поддерживавшего лабораторию Хартога крупными суммами. С тех пор как Джеффери умер, Джуди продолжала заниматься благотворительностью и теперь, кроме всего прочего, субсидировала «Банк».

Быстро двигая челюстями, Хартог пережевывал кусочки хлеба, которые клал ему в рот Брам.

— У нее все хорошо, дети здоровы. Она продала свой дом в Нью-Йорке, говорит, что меры безопасности превратили город черт-те во что. Они перебираются в Нью-Мексико, в Санта-Фе. Ты никогда там не был?

Сам Брам побывал в Нью-Мексико, но ничего не мог об этом вспомнить.

— Мы не долго говорили, всего несколько минут, я вел машину, но я ей рассказал, что у тебя все хорошо, и она просила передавать привет от нее и ее мужа.

Он осторожно дал отцу попить чаю с молоком. Жидкость из уголков рта Хартога потекла по подбородку и закапала на нагрудник.

— Она спросила, не хотим ли мы уехать. Ты хотел бы? А что мы будем там делать? Здесь мы как-никак дома. Несмотря ни на что. Мы, пожалуй, останемся.

Отец издал нечленораздельный звук, сигнал интуитивно существующего организма, и Брам показалось, что он хочет еще хлеба. Но когда он поднес очередной кусочек ко рту отцу, тот сжал губы.

— Наелся? Больше не хочешь?

Из горла Хартога снова вырвался такой же звук, и Брам приготовился услышать нечто более осмысленное. Отец открыл рот и произнес что-то вроде «Вуг».

Что он хотел этим сказать? Сегодня Хартог находился в «светлой фазе», как называл это его доктор. Завтра или послезавтра все может поменяться; иногда из его рта доносятся звуки, напоминающие слова. Брам пытается на них реагировать, но до отца, кажется, это не доходит. В самом начале болезни Хартог время от времени выходил из своего кататонического⁵⁰ состояния — когда, по счастливой случайности, связи между нейронами временно восстанавливались и минут на пятнадцать, а иногда и на полчаса к Брам возвращался прежний Хартог. В эти чудесные моменты просветления Хартог сидел за столом с книгой или записывал что-то похожее на химическую формулу на полях газеты (бумажной газеты, просматривать электронные за утренняя кофе Брам так и не привык). А иногда, в течение нескольких минут, бубнил что-то монотонно, словно читал вслух статью на чужом языке, — но это было давно; теперь такого больше не случалось.

Уложив отца в постель, Брам побрился, принял душ и надел чистую рубашку. Конверт с фотографией умершей девочки он положил в ящик под телевизором. Прежде чем захлопнуть за собой дверь и предупредить Риту, что он уходит, Брам заглянул в комнату отца. Хартог лежал в кровати на спине, вытянув длинные тонкие руки вдоль тела. Рот

⁵⁰ Психопатологический синдром, проявляющийся в двигательных расстройствах.

приоткрыт, из него раздается храп; Хендрикус чутко дремлет на матрасике в ногах постели. А Брам уходил на работу — мотаться по городу шесть часов подряд в автомобиле «скорой помощи».

2

Станция «скорой помощи» — диспетчерская, рассылавшая машины по вызовам, буфет для шоферов, душевая и раздевалка с железными шкафчиками, в которых хранились одежда и вещи сотрудников, — обслуживала центр города и имела в своем распоряжении двенадцать машин. Она окружена была бетонной стеной с колючей проволокой, двор освещался установленными на высоких шестах прожекторами.

Брам отметил у Хадассы, начальницы диспетчерской. Крупная, белокожая, ярко-рыжая Хадасса подводила глаза голубыми теням, выщипывала брови в ниточку и румянила щеки; в прошлой, московской жизни ее звали Кристиной. Больше всего она напоминала хозяйку борделя, но никто не решился бы ей об этом сказать. Напряженный темп их работы, случалось, доводил сотрудников до истерик; но она, величественная, словно русская царица, продолжала отдавать приказы твердым голосом, в котором звучали стальные нотки. Двенадцать лет назад Хадасса приехала в страну вместе с братом — в числе небольшой группы евреев, променявших богатую, благополучную Россию на Тель-Авивское гетто.

— Сегодня твоя машина — тридцать — двадцать четыре, — сообщила она Брам на иврите, щедро сдобренном неистребимым русским акцентом.

— Да она медленная.

— Слишком много вас здесь, быстрых. Работаешь с Максом.

— С Максом? А почему не с Довом?

Дов Охайон был его постоянным напарником — болтливый, смуглый, как бедуин, и ухоженный, как кинозвезда, сефард.

Макс, брат Хадассы, синеглазый, рыжеволосый медведь, когда-то занимался добычей нефти в Сибири и при разных обстоятельствах потерял в общей сложности три пальца. В ту пору его звали Матвеем.

Давным-давно, из-за нехватки врачей, «скорой» пришлось ограничиться парой санитаров, которые могли водить автомобиль и оказывать первую помощь. Два года назад, когда, в состоянии крайней нужды, Министерство здравоохранения объявило набор желающих на краткие курсы для работы в «скорой», Брам на них записался. От службы в армии он был освобожден из-за нестабильности нервной системы, но в «скорую» его взяли с радостью. Он прошел курс первой помощи, включавший и помощь людям, находившимся в критическом состоянии, — с чем персонал «скорой» мог столкнуться в любой момент. Важнейшим был курс помощи пострадавшим от взрывов бомб.

В прессе шла дискуссия, должны ли мужчины служить в армии (при условии, что руки у них на месте и они способны управляться с оружием) в любом возрасте. До достижения пятидесяти пяти лет все мужчины Израиля должны были проходить каждый год резервистскую службу, но теперь возраст четверти наличного населения перевалил за шестьдесят пять, и процент стариков постоянно повышался. Ультра ортодоксы — «черные», которые, считая единственной священной целью изучение Талмуда, десятилетиями избегали обязательной военной службы, никого больше не раздражали своим видом. Почти все они перебрались в Иерусалим, доставшийся палестинцам. В том, что случилось с Израилем, они видели «Провидение Господне» и готовились ко встрече с Мессией, плодясь, подобно палестинцам, с удесятеренным усердием, ограничиваемым лишь репродуктивной способностью их несчастных жен. Когда Мессия явится, то, как известно, пробудит мертвых и навеки освободит людей от Греха, Хвори и Смерти; вера их сама по себе была не так уж плоха.

Брам расписался в списке присутствующих, переоделся в белую рубашу с эмблемой «скорой» — шестиконечной звездой Давида и надписью на иврите «Маген Давид адом» —

Красный щит Давида, надел башмаки на толстой резиновой подметке и отправился в буфет, прокуренный зал, лишенный окон. Там стоял длинный стол с желтой пластиковой доской, несущей на себе сотни следов от затушенных о нее окурков. У стола сидели с десятков парней, оставшихся, как и Макс с Брамом, в стране. Одни не получили виз по лени, другие — из-за тюремного прошлого, третьи были любопытны и желали лично наблюдать конец этой трагической авантюры. Брам приветствовал каждого жестом «high five»,⁵¹ ставшим привычным в их среде с тех пор, как Дов рассказал, что в середине прошлого века такое приветствие среди летчиков-испытателей НАСА считалось приносящим счастье. Они чувствовали себя отвязными ребятами, не хуже, чем те пилоты.

— Эй, парень, — спросил Макс, — ты в порядке?

У него был тяжелый, скрипучий голос, сигарета, зажата в губах, шевелилась в такт словам. На столе — пластиковые стаканы с черным кофе. Под столом — бумажные мешки, в каждом — бутылка. Водка. Руководство «Давидова щита» прекрасно знало, что сотрудники «скорых» выпивают на службе, но предпочитало смотреть на это сквозь пальцы.

— Слышал про Дова? — спросил Барух Перец. Он был менеджером по *food and beverage* ⁵² отеля «Тель-Авив Палас» (в прошлом — «Хилтон») и убежденным, заядлым курильщиком, державшим под контролем все застольные беседы. Улыбаясь, он смотрел на Брама.

— А что с ним?

— Как, ты не знаешь?

— Нет. Что случилось?

— Макс, ты расскажешь? Как свидетель события.

Макс кивнул, кашлянул в кулак и приступил к рассказу:

— Вчера вечером, точнее, без восьми минут одиннадцать получен вызов. Пожилая дама, затруднения с дыханием. Мы с Довом выезжаем. Квартирка на Ротшильда. У дверей встречает какая-то девка. Ведет нас вверх...

— Наверх, — поправил Барух.

— Наверх, мы берем кислород и все, что надо, и сразу видим — она удалилась от мира...

— Покинула сей мир, — снова поправил Барух.

Макс пожал плечами:

— Она лежала на кровати, упокоившись с миром. Ничего не поделаешь. Девка сказала, что она, наверное, умерла. Ну вот, старуха долго болела, девка — не красавица, но все при ней: сиськи, попка — за ней ухаживала. Ни слезинки. Мы говорим: ничего не поделаешь, вызывай похоронную службу. Девка рада, что бабка померла. Много забот, от бабки никакой жизни, все время в постели, боли и прочее, все время орала на девку, все не по ней. Она облегчилась...

— Облегчилась? Что ты имеешь в виду? — вмешался Барух. — Может быть, почувствовала облегчение?

— Точно, — обрадованно кивнул Макс. — Почувствовала облегчение, в кухне кофе, печенье, водка. Я забежал в туалет, назад в кухню, девка у стены, Дов на коленях, и его язык у нее...

Мужчины за столом радостными криками выразили смешанное с завистью одобрение действиям Дова.

— Пойдите! Еще нет конца! — Жестами призывая их к тишине, Макс оглянулся на дверь, ведущую в диспетчерскую, опасаясь, как бы сестра не явилась наводить порядок.

— Я что сделал? Я в гостиную, закурил, звонил в диспетчерскую, говорю: девка в

⁵¹ Знак приветствия, при котором двое хлопаются друг с другом поднятыми вверх ладонями.

⁵² Еда и напитки (англ.).

расстройстве, надо успокоить. Жду, пока Дов кончит со своим языком. Нет. Не кончает. Нет. Дов с девкой в комнату девки. Говорил мне, она должна отдыхать. Подмигивает. Пальцы колечком сделал и по ним постучал. Трахаются, кровать трясется. Бабка померла, неправильно. Девка орет: давай, давай, сильнее! Стонет, как слониха. Как труба. Правда-правда! Пятнадцать минут — туда-сюда, туда-сюда. И знаете, что девка говорит? Она и Дов назад в комнату. Оба красные. Девка говорит: бабка умерла, я виновата, ее отравила! Клянусь! Так сказала!

Мужчины застучали по столу, затопали ногами, заорали и засвистели.

Когда шум утих, Брам спросил:

— И где же Дов теперь?

— Поменялся со мной сменами. Еще у девки. Трахается.

Они выехали по вызову к восточной границе района, неподалеку от Рамат-Гана. Макс вел машину, Брам с помощью навигатора указывал ему дорогу и поддерживал связь с Хадассой. Они включили сирену, и транспорт встал, давая дорогу их старенькому «шевроле», давно ждавшему замены, но оставленному на службе из-за нехватки денег. Макс прихватил с собой водку, закуску и вел машину, мягко и точно огибая препятствия. Он был опытным шофером, предчувствующим паническую реакцию водителей на приближение воющей всеми сиренами «скорой».

Упираясь в переднюю панель обеими руками, не выпуская из поля зрения навигатор, Брам выкрикивал:

— Старик! Восемьдесят три года! Одинокий! Боль в груди! Пришлось самому звонить в «скорую»!

— Он один! — отозвался Макс. — Нехорошо один! Нехорошо старый и один инфаркт! Никто не обнимает! Никто не говорит ласково! Никто не говорит: будет хорошо! Все будет хорошо! Дыши глубже! Все хорошо!

Он обогнул замешкавшийся грузовик и выругался:

— *Fucking bastard!* Глазами смотреть надо!

У Брама в кармане завибрировал мобильник: Икки.

Он выхватил трубку, нажал кнопку и крикнул:

— Икки, я на вызове, перезвоню!

— А мы не должны сообщить маме Сары?..

— Нет, я перезвоню! — ответил Брам и отключился.

— Сука! — обругал Макс даму в желтом кабриолете, не уступившую ему дорогу. — Сука! Машину видел? «Форд мустанг»! Новенький! Деньги! Любишь деньги? Ничьи деньги! Банк грабить! Я тоже хочу «мустанг»!

Брам покосился на экран навигатора:

— Второй поворот направо!

Макс элегантно вписался в узкую улочку и, по указанию Брама, затормозил. Раньше здесь была оживленная торговая улица, пришедшая в упадок из-за отсутствия покупателей. За проржавевшими железными шторами закрытых магазинов скрывались пустые полки и облезлые торговые залы. Когда-то здесь принимали клиентов ювелиры и гранильщики алмазов, проверяли чистоту и вес камней, вставляли в оправу изумруды, оценивали стоимость коле. Брам вырубил сирену, но оставил включенным маячок. Раздвижная железная дверь магазина, у которого они остановились, была приоткрыта. Когда они подъезжали, их обычно встречали зеваки или члены семьи больного, но здесь тротуар был пуст. Брам захватил дефибриллятор, Макс — сумку со шприцами и ампулами эпинефрина.

Они протиснулись в полуоткрытую железную дверь, за которой обнаружилась незапертая стеклянная, и оказались в темном, пахнущем пылью помещении, полном пустых застекленных витрин и полок. Слабый свет сочился сквозь дверь молочного стекла, ведущую в глубь дома. Макс потянул ее — дверь была заперта. Он стукнул по ней кулаком:

— Кто-то там? Кто-то там? «Скорой» звонили?

За дверью что-то стукнуло. Макс отступил назад, уперся в косяк своей здоровенной ногой и изо всех сил рванул дверь. Косяк затрещал, куски дерева пролетели мимо них, и дверь сорвалась с петель. Макс отставил ее в сторону.

Стекло захрустело под ногами, когда они прошли внутрь. В тесном кабинете на полу сидел, прислонившись к комоду и тяжело дыша, старик в расстегнутой рубашке. Он хотел что-то сказать, но не смог. Брам и Макс наклонились над ним, приподняли и аккуратно положили на пол. Брам прикрепил к его руке тонометр, Макс прослушивал сердце. Брам спросил:

— Сколько?

— Сто восемьдесят.

Старик облизнул губы и снова попытался что-то сказать, но Макс остановил его:

— Все в порядке. Все хорошо. Мы тут, с вами.

Браму он сказал:

— Капельницу. Раствор. Шок, наверное.

Старик обладал поистине европейской сдержанностью — это слово, «сдержанность», шло ему необычайно: за ним стояла многовековая культура. Брам повидал их немало: рты, изрекавшие мудрые слова; глаза, излучавшие понимание; лбы, за которыми роились идеи.

Брам повернулся и выскочил вон, за капельницей и носилками.

На тротуаре дожидались, держась за руки, старик со старушкой. Маленькие, полные, с грустными лицами, они внимательно следили за действиями Брама.

— Как его зовут? — спросил он, быстро вытаскивая из машины сумку с капельницей и носилки.

— Янус! Янус Голдфарб! Он был ювелиром, настоящим художником!

— И поэтом! Большим поэтом! — добавила старушка.

Брам сдвинул железную дверь как можно дальше и потащил носилки внутрь.

Макс сидел на полу возле старика, контролируя пульс и давление. Он ловко приладил капельницу, и они положили старика на носилки.

Он почти ничего не весил. Они вывезли носилки наружу и под взглядами стариков погрузили в автомобиль.

Макс сел рядом с пациентом, Брам занял место водителя.

— Попросите кого-нибудь закрыть магазин! — крикнул Брам старикам, стоявшим на тротуаре, прижавшись друг к другу, и заметил, как оба вздрогнули, когда включилась сирена.

Брам и Макс надели наушники, чтобы сирена не мешала им переговариваться. Брам связался по мобильнику с Хадассой:

— Шок. Мы совсем рядом с «Шебой». Сообщи им, пожалуйста, что у нас пациент.

Тридцать лет назад медицинский центр «Шеба» был крупнейшей больницей на Ближнем Востоке, огромной, как город, — через нее проходил ежегодно миллион пациентов. Здесь работали шесть тысяч врачей и медсестер, проводились важнейшие научные исследования; ни в одной из соседних стран — вернее, почти нигде в мире — не было медицинского центра такого ранга.

Брам проезжал по этой дороге десятки раз, с пациентами, которые после выздоравливали или умирали, вели себя безразлично или надеялись на лучшее, сердились или боялись, или — все вместе.

Голос Макса раздался в наушниках Брама:

— Стабилизируется. Дыхание ровное. Сердце сто семьдесят, давление двадцать семь на двадцать.

— Еще три минуты, — откликнулся Брам.

— Открыл глаза, смотрит. Что-то говорит.

На экране перед собой Брам увидел: Макс, наклонившись, слушает, что говорит старик.

Наконец он услышал в наушниках голос Макса:

— Он говорит — двое астронавтов высадились на Марс. Что это значит, Брам?

— Представления не имею. Может быть, стихи?

Макс снова слушал:

— Миссия астронавтов — узнать, есть ли на Марсе кислород. Ты что-то про это слышал?

— На Марсе никогда не было никаких астронавтов.

Макс снова слушал и рассмеялся с облегчением:

— Один астронавт попросил другого спички, проверить: если спичка зажжется — кислород есть, нет — нету.

Он снова рассмеялся:

— Это анекдот, господин...

— Голдфарб, — подсказал Брам, — Янус Голдфарб.

— Господин Голдфарб? Анекдот?

Макс снова слушал, кивнул:

— Тут прибежали марсиане. Замахали руками, закричали: нет, нет, не надо! Астронавты не знали, что делать. Может быть, слишком много кислорода? Зажигать спички опасно?

Как вы сказали, господин Голдфарб? Да-да, но астронавты должны проверить, есть ли там кислород, это была цель полета. Астронавт взял спичку и хотел зажечь. Марсиане стали хватать за руки, кричали: нет, нет, нет!

Но астронавт чиркнул спичкой, и она загорелась. Есть кислород! Никакой опасности. И астронавт спросил марсиан: почему вы не позволяли зажечь спичку?

И один марсианин ответил: «Сегодня *шабес*, идиот!»

Брам услышал, как смеется Макс.

Возле приемного покоя больницы ожидавшая их группа со специальной аппаратурой бросилась к машине. Брам кратко рассказал, как они нашли Голдфарба и какие действия предприняли.

Медсестры переложили Голдфарба на больничную каталку и повезли внутрь. Брам тем временем заполнял формы: их имена, время, замечания о состоянии пациента. Прежде чем отдать бумаги, он показал их Макс, который тоже должен был поставить свою подпись.

— Ты забыл, Брам: пациент рассказал анекдот! Есть важно!

— Речь идет о медицинских показаниях.

— Дай перо, я пишу.

— Ладно, я сам напишу.

Брам приписал историю про шутку, и Макс, улыбаясь, поставил свою подпись.

Солнце над городом двигалось к закату. Комплекс зданий «Шебы» выглядел ухоженным и аккуратным. Поливальные установки, торчавшие из земли, разбрызгивали капли драгоценной воды на газоны. У Хадассы не было новых вызовов, и они курили, прислонясь к стене приемного покоя. «Шеба» состояла из десятков зданий, целая медицинская деревня с отелями, ресторанами и супермаркетом для тех, кто верил еще в науку. Половина зданий пустовала. Врачи разъехались: кто — в Сидней, кто — в Калгари, кто — в Одессу или Краков.

Время, потраченное на вызов, оставалось в пределах нормы. Обычно, даже при наличии заторов, оно не должно составлять больше получаса. Как правило, они добирались до больного за десять минут, на оказание первой помощи — еще десять, и за десять минут полагалось отвезти пациента в больницу. Потом — прибраться внутри автомобиля, особенно после перевозки жертв автокатастроф, когда мытье машины могло занять целый час. Раньше машины мыли волонтеры, но этого Брам уже не застал: команда, которая работала на машине, теперь мыла ее сама. Иногда на мытье машины времени уходило больше, чем на доставку пациента.

Они уселись на нагретую солнцем бетонную скамью у парковки, и Макс протянул

Браму бумажный пакет с водкой. Брам отпил глоток. Дома «Шебы» купались в лучах заходящего солнца. За широким газоном на вертолетной площадке стояли три вертолета *Agusta-Bell*, роскошные остроносые насекомые с четырехлопастными винтами. Машины были старые, полученные в подарок от голландской армии и специально переоборудованные для срочной перевозки тяжелых больных. Красные звезды Давида сияли на белых фюзеляжах.

— Как твоя работа? — спросил Макс.

— Херово, — ответил Брам. — Последнее время нам не везет.

— Если тебе нужен кто-то, я помогаю.

— Нам не надо прорываться по городу сквозь заторы, включив сирену.

— Находить детей. Хорошая работа. Красивая работа.

— Печальная работа.

— Печальная тоже, да. Я делать детей. Хороших детей. Я хочу детей.

— У тебя есть девушка?

— Да. Девушка. В Москве была жена. После года: жена псих. Картины в голове. Голоса. Не хорошо. В больнице. Таблетки. Три месяца не говорит. Я каждый день еду. Жена на меня не смотрит, не говорит. Три месяца ни слова. Я каждый день два часа еду. Красивая жена. Красивое тело. Черные глаза. Родители из Туркменистан. Красивая жена, да. Три месяца в больнице. Прыгнула в лестничный пролет. Пять этажей. Голоса в голове. Жена на кладбище. Я каждую неделю говорю там, с камнем, три года подряд. Я сам немножко псих стал. Уезжаю. Теперь детей делаю. С девушкой.

Макс попытался сунуть ему бутылку, но Брам отказался, и Макс снова глотнул водки.

— Где ты ее встретил?

— Здесь, в приемном покое.

— Она сейчас работает?

— Нет. Сегодня свободна. Сегодня у родителей. Милая такая.

— Она тоже хочет детей?

— Нет.

Где-то на краю света Рахель родила троих детей. Откуда взялись у нее для этого силы? У Рахель было свое объяснение исчезновения малыша: он, ее муж, должен был охранять ребенка, стеречь его. Она могла жить дальше, потому что вся вина лежала на нем. Да так оно и было.

Макс в третий раз глотнул из бутылки, и Брам хотел было напомнить ему, что их вечерняя смена только начинается, но решил подождать, пока Макс не потянется к бутылке снова. На Макса, двухметрового гиганта весом в сто пятьдесят кило, водка заметного действия не оказывала. Светлые волосы Макса, освещенные солнцем, казались золотистыми.

— Долго без детей. Палестинцы много детей. Дети — это будущее. Нет детей, все кончается. — Он покосился на Брама. — Мы все делать детей. Все женщины должны беременеть. Должен закон прийти. Нет детей — штраф. Запретить предохраняться. Десять детей все! Двенадцать!

— Как у хасидов, — поддержал Брам.

— Да, как хасиды. Мы трахаться, как хасиды! Женщины всегда беременеть! Или как мусульмане! Четыре жены! Двадцать детей!

— Четыре жены? — поразился Брам. — Макс, ты только представь себе: четыре жены-еврейки?

Макс рассмеялся:

— Да, трудность. Четыре мусульманки легко. Четыре еврейки трудно. О'кей, одна! Но много беременная! Выпьем за это!

Макс схватил пакет и присосался к бутылке.

— Ты тоже пить. — Он протянул бутылку Браму, но тут из их машины послышался голос Хадассы. Макс поднялся, потянулся в открытое окно за микрофоном, откликнулся на зов сестры и стал, кивая, слушать. Потом подозвал Брама поближе и вдруг, сказав по-русски:

«*тотчас*», бросил микрофон и обежал вокруг машины.

— Я веду! — крикнул он Брам, открывая водительскую дверь.

Брам влетел в машину с другой стороны и увидел сквозь ветровое стекло людей, бегущих к вертолету.

— Что значит «*тотчас*» ?

— Русский. Значит «немедленно», «сразу», — ответил Макс, запуская мотор. — Вызывают все службы.

— Где?

— Блокпост Яффа.

3

— Аялон? — спросил Макс.

— Сперва по Бегина, в сторону Эйлата.

Работали все каналы связи «Давидова щита». Хадасса посылала на блокпост все свободные машины. Миллионы евреев сбежали из страны, но пробки в Тель-Авиве в конце дня не стали меньше. Макс с трудом пробирался на «скорой» между автобусами и легковыми автомобилями. Сирена выла, красные фонари мигали на крыше, отражаясь в окнах и блестящих кузовах машин.

Брам позвонил Икки.

— Слыхал? — крикнул он.

— Мы едем туда! Я не могу говорить!

— Я это чувствовал! Я чувствовал!

— Этого никто не может чувствовать! — заорал Брам в ответ.

— Ты не можешь, а я могу!

— У меня нет времени! — повторил Брам и отключил голос Икки.

Над крышами пролетел первый вертолет. Сообщение о взрыве было передано по радио, чтобы сидящие в машинах люди поняли, что надо съехать в сторону и освободить дороги для «скорых». Макс мчался со скоростью около ста. Если кто-то, не слыша вой сирен, выехал бы под зеленый свет на перекресток, его разнесло бы на куски либо, по крайней мере, перевернуло вверх тормашками.

В динамике прозвучал голос Хадассы:

— Тридцать-двадцать четыре?

— Тридцать-двадцать четыре, — подтвердил Брам.

— Мне видно вас на навигаторе. Все боковые улицы свободны, площадь перед автобусной станцией пуста. Вы доберетесь за три минуты.

— Другие машины?..

— У нас только две осталось. Я посылаю все, что у нас есть.

— Твой брат — лучше всех.

— Я знаю. Конец связи, тридцать-двадцать четыре.

— Конец связи, — откликнулся Брам.

— Плохо? — спросил Макс.

— Видимо, да.

Через освобожденный от машин центр города Макс погнал восьмицилиндровый «шевроле» на предельной скорости. Дома, магазины, офисы проносились мимо. Они миновали автобусную станцию, в прошлом — нервный узел страны. Но хотя автобусы в Хайфу и Эйлат больше не отправлялись отсюда, площадь оставалась оживленной: здесь был рынок, открытые кафе; автобусы привозили из пригородов тех, кто не имел автомобилей, и они толпились здесь либо спешили на работу. «Непостижимо, — подумал Брам, — люди продолжают влюбляться, ходить на работу и за покупками. Все как у всех. В обычной жизни. А рядом с ними целый народ планирует, как бы половчее скинуть их всех в море».

Обычно в это время бухгалтеры, продавцы и ремонтники возвращались домой, но

сегодня дорога была свободна. На навигаторе цепочка светящихся точек указывала кратчайший путь к блокпосту Яффа. По крайней мере тридцать «скорых» спешили туда.

— Ракета? — спросил Макс, не отрывая глаз от дороги.

— Понятия не имею.

— Надо было этих палестинцев перебить, всех! — выкрикнул Макс и стукнул кулаком по рулю.

Брам промолчал. В этом-то и состояла трагедия: мечта евреев о возвращении в страну предков породила в точности такую же мечту в сердцах палестинских арабов. Брам когда-то писал об этом, где-то до сих пор валяется толстая рукопись о том, как создавалась эта страна. Арабы называли это «накба» — катастрофа. Однажды, в старом немецком районе, эту рукопись у него едва не отобрали. Его пронзила мысль: вот с чего все началось. Если бы те мальчишки не попытались его ограбить, ему не пришлось бы вытаскивать оружие, и он не согласился бы на предложение этого — Эриксона? Йохансона? — забыл имя... «Память, молчи», — подумал он.

Макс свернул направо, на шоссе Рехов-Яффо — Тель-Авив, через пару сотен метров менявшее свое название на Рехов-Эйлат. В конце дороги, за толстой стеной, утыканной камерами и датчиками, лежала Яффа. К югу от Яффы была еще одна граница, официальная, где бетонная стена поднималась на двадцать метров в высоту — как на самых высоких участках Великой Китайской стены. Количество проникавших сквозь нее сильно снизилось за последние годы, но до сих пор время от времени появлялись мальчишки — всегда мальчишки, — просачивавшиеся внутрь страны. Находили хитрые способы, отключали камеры и датчики, перебирались через стену и подрывали себя, чтобы убить как можно больше евреев.

«Скорая» ехала мимо пустырей вдоль стены, где два года назад были снесены — после длительных судебных тяжб — принадлежавшие яффским арабам дома. Солнце быстро погружалось в море, и небо на западе приобрело темно-красный, почти фиолетовый оттенок, что предвещало восхитительный рассвет над палестинскими городами и их столицей, Иерусалимом.

Макс вел машину в сторону моря, и на углу профессора Иезекиля Кауфмана резко свернул направо, притормозив, чтобы не вылететь с дороги. Теперь они ехали параллельно пляжу, под бесшумно появившейся и зависшей над ними «крылатой курочкой», туда, где кончалась набережная и где над дорогой в Яффу подымались клубы черного и белого дыма, со свистом разгоняемого винтами двух вертолетов, садившихся на специальную площадку. Полный сбор. Еще одна «скорая» ехала впереди них. Десятки красных и синих огней перемигивались у блокпоста. Полиция, армейские грузовики, пожарные машины, пять... нет, шесть «скорых». Та, что шла перед ними, была седьмой, они, значит, восьмыми.

— Ракета, — предположил Макс.

Они подъехали ближе и теперь могли разглядеть детали. Шлюз исчез, словно вырванный могучей рукой. В здании зала ожидания вылетели все окна, и одна из пожарных машин заливала белой пеной два дымящихся армейских грузовика. Запах горящего дерева, одежды, пластика и еще чего-то, горький запах, вызывавший в памяти древние табу, проникал внутрь машины. Макс резко снизил скорость и пристроился в хвост очереди. Когда шум мотора смолк, они услышали сверху стрекот вертолетов, заглушаемый ревом мощных дизелей пожарных машин, армейскими командами, стонами раненых. И запах едкого, до слез, дыма. Брам почувствовал, как кислота из желудка поднимается к горлу, вызывая изжогу.

Все было организовано, как всегда. Том Брандис, один из руководителей «Давидова щита», подбежал к ним. Руководители всегда прибывали на место первыми, потому что ездили на мотоциклах.

Брандис выкрикнул:

— Двое раненых справа!

Брам почувствовал, как бешено заколотилось сердце, и спросил:

— Чем тут у вас воняет?

— Как раз это мы сейчас выясняем!

Брандис метнулся к следующей «скорой», а Брам и Макс взяли сумки с перевязочными материалами и инструментом и побежали в указанном направлении. Пожарники покрывали простынями обожженные тела, санитары из других «скорых» возились с ранеными, которые, замерев, смотрели перед собой или громко стонали, глядя на то, что осталось от их ног. Женщина-солдат, чье лицо, казалось, съехало на сторону, дергалась в конвульсиях. Они шагали по камням, железкам и деревяшкам, старательно обходя валявшиеся на земле части тел: оторванную руку, голову, ногу в солдатском ботинке, куски обгорелого мяса и кровь, много крови, оставлявшей следы на их башмаках. Ортодоксальные евреи из «Зака»⁵³ собирали все эти куски плоти, вплоть до мельчайших, среди мусора, в трещинах, образовавшихся на дороге, и складывали в пластиковые мешки, чтобы после похоронить в безымянной могиле. Крупные части плоти можно было идентифицировать, проверив ДНК.

Вертолеты стали взлетать, поднимая ветер; рев их двигателей на время заглушил все остальные звуки.

Макс наклонился над не старым еще человеком, резервистом, с огромной раной в животе. Он был пока в сознании и стонал. В нескольких метрах от него лежал другой солдат, с лицом, залитым кровью; кровь пузырилась на его губах. Внутреннее кровотечение — может захлебнуться. Руки Брама дрожали, пока он открывал сумку и доставал дезинфицирующие салфетки. Он промокнул кровь с губ и разжал специальным инструментом стиснутые челюсти. Кровь потекла изо рта. Брам повернул раненого на бок, приладил кислородную маску. И услышал, как ругается Макс:

— *Shi-it! Shi-it!* Упустил его! Упустил!

Брам, обернувшись, взглянул на него через плечо. Макс поднимался с колен, пошатываясь, и безумными глазами смотрел на своего раненого.

— Мой может выжить! — крикнул Брам. — Тащи носилки!

Макс повернулся и побежал. Брам ножом срезал с солдата рубаху. Под ней была широкая рана, от плеча через всю грудь, нанесенная либо осколком ракеты, либо какой-то частью взорванного шлюза. Он продезинфицировал рану, залил ее целебной пеной и затянул большим куском искусственной кожи. Прибыл Макс и положил носилки рядом с раненым.

— Ад, — сказал он. — Такой бывает ад. Мы проиграли. Выиграли сумасшедшие.

На «крылатой курочке», висевшей над ними, включили прожектора, и все вокруг озарил мертвенно-белый свет. Кровь казалась теперь черной.

Они не могли использовать тележку на неровной поверхности и понесли носилки с раненым в руках. Позади их автомобиля успело выстроиться девять новых «скорых», неподалеку сел вертолет, взметнув над дорогой песчаный смерч. Брам занял место рядом с раненым, а Макс вывел «шевроле» к дороге, аккуратно лавируя меж санитарями с носилками, и полетел по набережной мимо «скорых», в которые еще не успели загрузить пациентов, мимо первых фургончиков телевидения в «тарелками» на крышах. Включившись, взвыли сирены. Их раненый потерял много крови, но не чувствовал тревожных сигналов, подаваемых мозгу, потому что Брам вколол ему лошадиную дозу обезболивающего. Очень осторожно Брам стал очищать его залитое кровью лицо. Это оказался Хаим Плоцке, Хаим, только что рассказывавший Брам о сыне, талантливом футболисте. «Пока мальчишки играют в футбол, надежда остается...» Кто сказал это? Хаим? Или сам Брам?

— Макс, езжай быстрее! Еще быстрее! Лети! — крикнул Брам в микрофон переговорного устройства.

⁵³ Идентификация и спасение — Истинная доброта, организация, основанная в 1990-х, ее члены помогают службе «скорой», а также идентифицируют жертв терактов и несчастных случаев, помогают при поиске пропавших людей и захоронении неопознанных останков.

В буфете висело плотное облако дыма от десятков крепких сигарет. После того как они вымыли машины — сперва вытаскивается вся аппаратура, потом — мытье и дезинфекция, потом аппаратура устанавливается на место, — была организована выпивка. Между переполненными пепельницами стояли три пустые бутылки из-под водки. Все машины их округа и соседних округов были в деле, и все пациенты были доставлены в больницы в течение четверти часа. Персонал «скорых», потрудившись на славу, напивался, а хирурги тем временем боролись в операционных за жизнь тяжелораненых.

Хирурги и сестры ждали машину Макса и Брам на улице, и Плоцке был немедленно отправлен в операционную. Брам хотел было спросить, есть ли у него шанс выжить, но не стал — вместо ответа они пожмут плечами и вернутся к своим делам.

Одиннадцать убитых, семнадцать тяжело раненных, тридцать один — легко. В этих числах Брам чудился некий скрытый смысл. Все они были простыми. Разница между семнадцатью и тридцатью одним составляла четырнадцать, то есть дважды семь, тоже простое число. А разница между одиннадцатью и семнадцатью — шесть, получающееся удвоением простой тройки. Почему простые числа?

Шоферы, успевшие поговорить с легко ранеными, ничего особенного не узнали. Два армейских грузовика с резервистами, возвращавшимися с учений на южной границе, между Яффой и Ашдодом, едва успели миновать шлюз, когда произошел взрыв. Восемь убитых, остальные ранены. Трое солдат с блокпоста погибли, троих ранило тяжело, пятерых — легко. Все числа — простые.

Обычно после теракта или другого крупного несчастья в диспетчерской стоит тишина, длящаяся иногда по несколько часов. Ни самоубийств, ни сердечных приступов, ни автомобильных аварий — словно смерть собрала свою дань и, довольная, отправилась отдохнуть. Сейчас станцию смело можно было закрывать: все напились, большинство — в зюзю. В полночь явилась очередная смена, рассчитывая на то, что до тех пор, пока город пребывает в параличе от шока, вызванного терактом, им не придется выезжать.

— Ракета была, — заявил Макс. — Палестинцы пустили ракету. Рассказал резервист. Видел вспышку.

— Или кто-то из Яффы взорвался, — возразил Ронни Кац, архитектор, которому пришлось переквалифицироваться в мастера-ремонтника, потому что никто больше ничего не строил.

— В шлюзе не могли, — возразил Макс. — Шлюз против арабов. Арабская ДНК. Шлюз не пропускает. Ракета.

— Что-то могло случиться с аппаратурой. Или у него оказался еврейский дедушка, — предположил Кац.

— Заткнись, — крикнул Макс, — в палестинце нет еврейская кровь!

— Миномет? — спросил Барух Перец, человек, работавший в том, что раньше называлось «Хилтоном».

— Точно нельзя сказать, — ответил Тэд Иоффе, учитель английского.

— Сильный хлопок. Много взрывчатки. Ракета, — повторил Макс.

— Они только что установили новый радар. Он сразу показывает, ракета это или нет, — сказал Зев Миран, торговец подержанными компьютерами.

— Была ракета, — упрямо повторил Макс.

— Если ракета, то кто ее запустил? — спросил Рувен Баумел. Он держал закусочную, в которой шоферов «скорой» кормили за полцены.

— Как кто? Арабы, — ответил Тэд Иоффе.

— Да это-то понятно, — откликнулся Рувен, — вопрос: которые из них?

— Может, она вообще из Афганистана прилетела, — предположил Барух Перец. — Я что хочу сказать, при теперешней технике она откуда угодно могла прилететь. Из любого места в мире можно шарахнуть по нам ракетой.

— Точно, — согласился Макс. — Ты что думаешь, Брам?

— Ракета. Но не из Афганистана. С близкого расстояния. Радары ее, конечно, засекли, но выстрелить не успели. Слишком близко.

— Точно, — одобрил Макс, поднимая вверх большой палец. Он только что в одиночку прикончил бутылку водки.

— Я вот думаю, должны ли мы открывать ответный огонь, — задумчиво произнес Барух Перец.

— Мы действовать, — сказал Макс. — Арабы понимать действие. Отодвигать границу. Ашкелон — бум! — к чертям!

— В Ашкелоне есть дома, которые я строил, — заметил Ронни Кац.

— Кто в них живет? — спросил Макс.

— Да какая мне разница?

— Такая разница! Такая разница! — заорал Макс. — Вы не понимаете! Поэтому страна теперь маленькая. Где Галилея? Где Негев? Где Иерусалим? Учитесь у Владимира Владимировича Путина! Ему семьдесят два. Великий лидер. Понимает власть. Восемь лет президент, четыре года премьер. Потом: восемь лет президент, четыре года премьер. Теперь снова президент. Где теперь Чечня? Где Азербайджан?

— Но Казахстан ему захватить не удалось, — вмешался Перец.

После землетрясения, разрушившего русский ракетодом Байконур, власть на юге Казахстана захватили мусульмане-фундаменталисты. Путину пришлось довольствоваться севером Казахстана, на юг он соваться опасался, чтобы не получить новый Афганистан.

— Будет! Пара лет! И Казахстан тоже Россия! Путин делает Россия великая империя. Люди восхищаются им. Люди гордятся. Врагов уничтожать. Если нет, враги уничтожать тебя! Путин понимает власть. Вы нет. — Макс размахивал выставленным вверх пальцем из стороны в сторону. — Почему нет? Почему вы не понимаете власть? — Он огляделся: теперь он был в центре внимания. Все молчали. — Я сказать вам. Вы евреи из Европы. Европа! Вы думаете: силы больше нет. Сила не существует! Я смеюсь! Сила везде! — выкрикнул он и замолчал на секунду, переводя дыхание. — Сила важна. Сила ушла в Негев. Сила ушла в Эйлат. Сила ушла в Иерусалим. Вы не понимаете. Врагов надо уничтожать. Всегда. Врагов — уничтожать. Тогда будет жизнь. Будет земля. Все будет!

Макс закурил и уставился в пространство.

— В Ашкелоне стоит самый красивый из моих домов, — сказал Ронни Кац извиняющимся тоном.

— Прекрасно, — кивнул Макс.

Ронни встал и отошел к компьютеру. Пробежался пальцами по кнопкам, и на экране появился гигантский многоугольный шар, составленный из сотен стеклянных панелей.

— Это твой проект? — изумился Перец, служащий отеля, в котором не было постояльцев. — Я бывал в этом доме.

Тэд Иоффе, учитель, у которого в классе не набиралось и половины учеников, сказал:

— И я там бывал. Кто не бывал? Когда его построили, это была сенсация.

— Искусство, — пробормотал Макс. — Прекрасно. Мое сердце плачет. — Он поднялся, пошатнулся и, чтобы удержаться на ногах, схватился огромной рукой за плечо Каца. — Я извиняться. Прекрасно. Ты художник. Ронни, ты изумительный. Я кланяюсь. Прекрасно.

Перец заметил:

— Мой племянник отмечал там бар мицву. Большой праздник. Чудесное здание.

— Была синагога? — спросил Макс.

— Да, — кивнул Кац.

— И теперь синагога?

Кац убрал картинку, сел к столу и, нахмурясь, налил себе водки.

— Что теперь там? — спросил Макс у остальных. Пошатываясь, он тоже подошел к столу и хлопнулся на стул. — Все молчат? — спросил он, театрально простирая вперед руки. — Все молчат, — повторил он тихо. — Я думаю. Я догадаюсь. Я глубоко, очень

глубоко думаю. Я рискну. Я думаю: мечеть. Мечеть! — Он рассмеялся и ткнул себя пальцем в грудь. — Я рискнул, я угадал. Мечеть! Была синагога! Теперь мечеть! Ронни строил. Красиво строил, Ронни. Ты мастер, настоящий. Я плачу в сердце.

Хадасса вошла в буфет и сердито взмахнула рукой, как бы разгоняя дым:

— Вам что, трудно было догадаться двери открыть? — Она распахнула широкую дверь во двор, где ровным рядом стояли, готовые к выезду, машины. Потом вернулась к столу: — Армия провела расследование. Это ракета.

— Проклятье, — откликнулся Кац.

— И что мы будем делать? — спросил Перец. Макс стукнул кулаком по столу. Рюмки зазвенели.

— Не будем делать! Будем болтать! Официальный протест!

— Хорошо выпендриваться, пьяная морда, — сказала Хадасса.

Брам заметил:

— Это самый кровавый теракт — за последние два года, кажется?

— Последний раз была атака на пляже, два года и три недели назад, — откликнулся Перец. — Они зашли прямо к нам в отель. После этого-то «Хилтон» от нас и отказался.

Рувен Баумел, уверявший, что он делает лучший фалафель в городе, предложил:

— Долбануть ракетой по Восточному Иерусалиму. Нет, лучше десятью ракетами.

Зев Миран, компьютерщик, откликнулся:

— Ладно тебе, Рувен, ты и сам понимаешь, что они этого не сделают. Мировое общественное мнение не допустит.

— Насрать на мировое общественное мнение! — предложил Макс.

— Так, парни, мне есть чем заняться, сами вырабатывайте решение, что делать правительству, — сказала Хадасса, направляясь к двери в диспетчерскую.

Неизвестно почему, но в «Давидовом щите» все шоферы были мужчинами, зато диспетчерская служба находилась исключительно в женских руках.

Миран сказал:

— Справедливое возмездие. Взорвать все их правительство.

— Да-да, представляю себе реакцию Совета Безопасности, — отозвался Ронни.

— Но ведь неизвестно, откуда она прилетела? Может быть, из Парагвая, — вздохнул Брам. — Мы ничего не можем сделать. Только ждать.

— Немедленно нанести ответный удар! — проявил решительность Баумел.

— Привет, трепачи! — послышалось от двери.

Дов Охайон, герой-любовник, входил в буфет, неся в каждой руке по увесистой сумке.

— Я подумал, у вас от жажды все внутри должно пересохнуть. И закуски кой-какой прихватил. Хумус, фалафель, колбаску...

— Горжусь тобой, мой мальчик! — крикнул Макс. — Мы — работать, ты — трахаться.

— Это все правда, что он рассказал? — спросил Баумел, кивнув на Макса.

— Что он рассказал? — Дов поставил на стол сумки. В одной звякнули бутылки, из другой высунулись пластиковые кюветки с едой.

— Насчет той девки и бабки.

— И что именно?

— Что ты трахался с ней в ее комнате, а в соседней бабка еще не остыла.

— Это Макс рассказывал?

— Да, — проворчал Макс.

— Все наврал.

— Все правда, — возразил Макс.

— Нет, неправда.

— Как же так! — заорал Макс.

— Почему же? — спросил Баумел. — Звучит вполне правдоподобно.

— Потому что, — вздохнул Дов, — я трахался с ней не в спальне, а на кухне.

Свежее утро, не пахнет ни гниющими водорослями с моря, ни прорвавшейся канализацией — такое нечасто бывает. Прохладный утренний воздух приглушает похмельный звон в голове Брама, плетущегося вслед за Хендрикусом к собачьему писсуару.

Он ожидает звонка — обычного в это время.

— Я не слишком рано? — осведомился Икки.

— Я выгуливаю Хендрикуса.

— Ты вчера дежурил, да?

— Да, а если б не дежурил, меня бы вызвали. Народу не хватало.

— Мы тоже могли там оказаться, ты это понимаешь?

— Но мы не оказались.

— Если бы это случилось на несколько часов раньше...

— Что за хрень ты несешь? Это не случилось раньше. Ракета...

— Я не уверен, что это ракета, — перебил его Икки.

— Ты слышал какое-то другое объяснение? — сердито спросил Брам.

— Я руководствуюсь своими ощущениями.

— Икки, заткнись, а! Достал!

— Брам, мне не хотелось повторять, я не хотел этого говорить, но теперь придется: я знал об этом! И если бы ты был честным человеком, ты сказал бы: Икки, ты был прав, у тебя потрясающая интуиция.

— Ты плохо себя чувствовал или просто испугался. Хватит размазывать дерьмо по столу.

— Нет, — сказал Икки.

— Послушай: это поразительно, я согласен, но разве надо быть гением или провидцем, чтобы предугадать, что на блокпост, охраняемый евреями, в один прекрасный день нападут арабы?

— Мне кажется, я предчувствовал именно это. Надо было их предупредить.

— Они не поверили бы.

— Все-таки я должен был.

— Сделаешь это, когда у тебя будет истинное предчувствие, ладно? — предложил Брам.

— Когда ты пойдешь к Саринной маме?

Брам вздохнул:

— Скоро. Я позвоню тебе.

— Мне пойти с тобой?

— Нет. Послушай, я стою у собачьего писсуара, воняет нестерпимо, но мне приходится стоять на месте, пока я с тобой разговариваю, так что увидимся в «Банке».

У тела существует своя память, в которой сознание не участвует, — там хранятся ритм и автоматизм движений. Хартог стоял, взявшись руками за стальную трубу, прикрепленную к стене ванной комнаты. А Брам, надев пластиковые перчатки и осторожно стаскивая с него памперсы, глядел на длинные тощие ноги отца, долгие годы не суетливо, но быстро несшие Хартога по земле. Они приводили его на лекции и в лаборатории; они подняли его со стула в стокгольмском «Гранд-отеле» и привели на сцену, где он получил премию. Они поднимали его в кузов грузовика и спускали на землю, когда нацисты погнались уцелевших евреев из лагерей уничтожения в длинное голодное путешествие, уводя от наступавшей сталинской армии. В ту пору легче было невысоким. Хартога наказывали в лагере чаще, чем остальных. «Я всегда вставал, — рассказывал Хартог сыну, — но не сразу. Потому что тех, кто вскочит раньше времени, сбивали на землю. Палкой, прикладом винтовки или плетью. Так что лучше не суетиться, полежать, пока он не успокоится. И только после вставать. Если, конечно, тебе не прикажут встать. Тогда встаешь».

Сняв памперс, Брам протер бедра отца влажным полотенцем — обычно он не позволял себе пускаться в воспоминания, но почему-то сегодня ему никак не удавалось отключиться. Он смазал воспаленные места восстанавливающим кремом и надел на отца новый памперс. Медленно, мелкими шажками он повел отца обратно в спальню. Хартог дрожал всем телом; мышцам под бледной, морщинистой кожей едва хватало сил, чтобы держать его на ногах, голова мелко тряслась. «Надо это записать», — подумал Брам. Он помог отцу лечь в постель, накрыл его простыней и поцеловал в лоб, за которым некогда скрывался гениальный мозг. Потом налил воды Хендрикусу.

У Риты был ключ от их квартиры, но она звонила в дверь, если знала, что Брам дома. Она втащила в гостиную полную провизии сумку и подушку. Сумку поставила на пол у дивана, подушку старательно взбила.

— На случай, если ты поздно вернешься — я плохо сплю на чужих подушках.

— Я пока не знаю, когда вернусь, постараюсь добраться до дома к концу дня, ладно?

— Профессор, я у вас на почасовой оплате, чем дольше вас не бывает, тем богаче я становлюсь. Я хочу вам кое-что показать. Он спит?

— Да.

Рита достала из сумки мобильник и, отодвинув подальше, внимательно взгляделась в него.

— Минутку, вы должны это послушать.

Она покопалась в сумке и выудила очки. Потом нажала на кнопку и протянула телефон Браму.

Голос Хартога резко зазвучал из аппарата: «*Kap gaza oemma deninzin tezuister. Auwjek, rauw. Rauw, rauw, rauw. Auwjek. Godverdomme*».⁵⁴

Сияющая Рита смотрела на Брама, ожидая благодарности.

Брам спросил:

— Это все?

— Да. Что он сказал?

— Он сказал — он сказал — он рад, что ты за ним ухаживаешь. Можно мне послушать еще раз?

Она повернула мобильник к себе и снова нажала на кнопку.

«*Kap gaza oemma deninzin tezuister. Auwjek, rauw. Rauw, rauw, rauw. Auwjek. Godverdomme*».

Ему не показалось. Хартог заговорил. Он сказал: «*Godverdomme*». Из всех слов, которые он мог бы найти на девяносто третьем году жизни, Хартог выбрал это, единственное, и потрудился его произнести. Может быть, и другие звуки что-то означали для самого Хартога, но именно это слово он произнес особенно четко. И что значит «*rauw, rauw, rauw*»?

— А где он был, когда говорил это?

— Он сидел здесь, за столом. Я села напротив. И стала рассказывать. О том о сем. И тогда он это сказал.

— Он смотрел на тебя, когда говорил?

— Нет, он говорил как бы самому себе, глядя перед собой.

Если у Хартога наступил светлый миг и до него дошло, что он сидит и слушает бесконечные сплетни, то его реакция вполне понятна.

Брам взял тетрадочку, в которой отмечал состояние отца, прослушал запись в третий раз и записал: «*Kap gaza oemma deninzin tezuister. Auwjek, rauw. Rauw, rauw, rauw. Auwjek. Godverdomme*».

Он понятия не имел, что хотел сказать Хартог. Вполне возможно — ничего. Брам

⁵⁴ Бессмысленный набор ничего не значащих слов, кроме *rauw* (свежесть) и *Godverdomme* — крепкое голландское ругательство, дословно — «разрази меня гром».

поставил число. Потом взял конверт с фотографией и отправился к матери Сары.

6

Батья Лапински жила на узкой, без единого дерева, улице к югу от площади Рабина в обшарпанном многоквартирном доме. На крошечных балкончиках сушилось белье — штаны, майки, трусики. Ветра не было, и все эти вещи застыли в неподвижности. В нескольких квартирах окна были загорожены стальными жалюзи, в других светились — среди бела дня — лампы и неумоимо мелькали картинки на экранах телевизоров. Он слышал голоса, отрывки из фильмов и дискуссионных программ, классическую музыку. Солнце освещало обшарпанный, растрескавшийся бетон фасада. Входная дверь была заперта. Он просмотрел список жильцов, нашел в одном из прямоугольных окошечек фамилию Лапински, нажал на кнопку звонка и наклонился к решетке интеркома, ожидая ответа. Квартира 608. Шестой этаж, последний, одна из восьми квартир, как и на остальных этажах. Хорошее число. Чудесно разбивается на двойки, чудесно умножается. Из соседнего дома вышли, громко разговаривая, какие-то люди; Брам не разобрал ни слова. На них были глаженные рубашки с короткими рукавами, джинсы, над которыми нависали объемистые животы, плотно облегали бедра; им явно казалось, что жизнь удалась. Они хохотали — отчего? Может, могли уехать из страны? Они свернули за угол, эхо их разговора замерло. Брам снова позвонил. Странно: он ничего не ощущал. Он — посланец судьбы и должен сообщить Батье Лапински неотвратимый приговор. Ее дочка умерла. Она заболела, и болезнь оборвала ее жизнь. Девочки умирали с начала существования рода человеческого, одинокие и беззащитные, лишенные отца и матери, которые погладили бы их по щеке или по лбу и шепнули бы, что все будет хорошо. Девочек отдавали на сторону замуж, продавали, крали, брали в плен; сто лет назад, когда Брам читал лекции по истории Ближнего Востока, он многое понял в культурных традициях семитов, арабов, турок, персов и совершенно не удивлялся тому, что среди пропавших детей, зарегистрированных в его компьютере, большинство составляли девочки. Девочки могли рожать — а сыновей рождалось больше. Палестинская победа зарождалась в матке палестинской женщины. Мощнейшее оружие израильтян оказывалось бессильным перед мириадами палестинских сперматозоидов, выстреливающих в плодоносную яйцеклетку. И яйцеклетки евреек вполне годились для того, чтобы производить на свет новых мусульман. Иногда девочки исчезали в море, иногда их забирали у женщин, отказавшихся от ребенка, но большинство переправили «на ту сторону» с помощью евреев, которые знали, как обойти электронную защиту и возведенные на границах стены. Он в третий раз нажал на кнопку звонка, но и так было ясно: мамы Сары Лапински нет дома. Она работает в аптеке и, наверное, сейчас на работе. Он мог позвонить Икки и спросить адрес аптеки, но ему не хотелось встречаться с ней на людях: как скажет он ей при посторонних о гибели ее ребенка? Важно было вот что: имеет ли он право оставить мать еще на одну ночь в неведении после сотен ночей, проведенных ею без сна, в ожидании восхода, несущего с собой необходимость жить дальше.

Он постоял еще немного — и тут до него дошло, что доказательства, подтверждающие Сарину смерть, на самом деле доказательствами не являются. Фото мертвой девочки? Как и евреи, мусульмане никогда не фотографируют покойников. Кто он такой, этот Джонни, бешеный фанат баскетбола? Кто он такой, этот трепач, чтобы верить ему на слово? Так, может быть, и фото — подделка, а Сару прячут в какой-нибудь горной арабской деревушке в ожидании дня, когда она созреет для брака. Глупо спешить, отыскивать Батью Лапински и сообщать ей о смерти дочери.

Бюро «Банк» находилось в бывшем филиале банка, на углу Бен Иегуды и Фришмана. Вдоль наружной стены, рядом с входными дверями цельного стекла, торчала четверка отключенных банкоматов — испорченных, покарябанных ножами, разрисованных фломастерами. Двери вели в операционный зал с полами кремового мрамора, где некогда

сотни беспечных людей ожидали, когда освободится клерк за одним из десяти отделанных дубом окошечек. Позади перегородки, среди лабиринта столов, за которыми когда-то подсчитывались чужие миллионные барыши, они устроили маленькое бюро, развернув два стола лицом друг к другу и вооружившись «Эппл»-компьютерами с мощными внешними дисками для дублирования информации. Иногда они проводили за компьютерами целые дни — ища, звоня, ссорясь. Иногда — по нескольку дней там не появлялись. Название бюро — «Банк», — кроме иронической ссылки на здание, в котором оно находилось, несло в себе смысл: они создали колоссальный банк данных, добавив туда сведения из всех подобных бюро Америки и Европы. Здание пустовало несколько лет, поэтому им удалось, договорившись с банком, снять помещение за символическую плату: евро в год. Они сами повыкидывали мусор и лишнюю мебель, но ни разу не прибирались; тени прохожих скользили по пыльному, много лет не мытому стеклу, словно снаружи всегда был туман.

Икки запасся кофе и маффинами. Газеты лежали на столе, на экране компьютера светилась страничка с последними новостями.

— Ракета, — сказал Икки, едва Брам уселся. — Радар слишком поздно ее заметил. Не успели обезвредить вовремя. — Он подтолкнул поближе к Браму номер «Хаареца».

— И откуда она летела?

— Они не знают. Издалека. Откуда угодно. Может быть, с корабля в Индийском океане. Мы, конечно, должны ответить. Только кому?

— Может быть, мы узнаем больше, когда они получают результаты исследований и поймут, что это была за ракета. Тот парень, что служил там...

— Плочке, — вспомнил Икки.

— Он был в дневной смене. Состояние тяжелое.

— Надо надеяться, когда они найдут тех сволочей, что сделали это, то сперва распорют им брюхо и выпустят кишки и только после казнят.

— *Dream on*,⁵⁵ — отозвался Брам.

— Поговорил с мамой Сары?

Всякий раз, когда поиски оканчивались неудачей, Икки начинал проявлять нездоровый интерес к реакции родственников жертвы, как теперь — к реакции Сарининой мамы. Сперва Брама пугало его возбужденное любопытство, но скоро ему стало ясно, что для Икки это был единственный способ закрыть дело — ему нужен был ритуал. Он плакал, и после этого дело считалось закрытым.

— Ее не было дома.

— Конечно, она была на работе. Большая аптека, угол Бен Гуриона. Ты там не был?

— Я подожду, пока она будет дома.

Икки сердито поглядел на него.

— Раньше ты всегда говорил, что мы обязаны сразу же сообщать родителям.

— Если честно, мы ведь пока ничего точно не узнали. Мы доверились какому-то отморожку, фанату Тарзана, притворявшемуся, что он заключил пари и ждет результата игры, которая давным-давно была сыграна. Ты говорил с Самиром?

— Мне не удалось его поймать. А что ты имеешь в виду, что мы, в конце концов, знаем? Ты думаешь, этот Джонни мог позволить таким деньжищам уплыть у себя из-под носа?

— Сперва он мог надеяться, что получит деньги, едва намекнув, что знает что-то. Нарыл информацию о еврейской девочке, которую кто-то прячет, и в нем проснулось то, что он считает совестью. А потом он испугался, что выдает кому-то информацию, через которую можно отследить его связи, и, значит, в один прекрасный день его подвешат за какое-нибудь чувствительное место на собственном балконе. Очнись, Икки, разве у нас прибавилось информации? Мы собираемся совершить чудовищную глупость. — Он протянул Икки

⁵⁵ Здесь: Надейся-надейся (англ.).

конверт. — Погляди на фото. Не подделка ли это?

Икки придвинулся, не вставая со стула, поближе, вытащил фото из конверта и положил перед собой.

— Так сразу и не скажешь, — задумчиво произнес он. — Вполне возможно, что подделка. На современном компьютере что угодно можно состряпать. Даже экспертам понадобится время, чтобы отличить настоящее фото от подделки. Но — зачем тогда было Джонни приглашать нас? И это фото — они что, взяли девочку и велели ей позировать? И положили вокруг цветочки?

— Ты когда-нибудь видел мусульманские похороны, которые так выглядят? — спросил Брам. — Это напоминает скорее католическую процедуру. Как мы могли поверить в такую чушь?

Икки кивал, глядя на фото, зажатое в его руке.

— *Shi-it ...*

— Итак, — сказал Брам, — Самир дал тебе наводку?

Икки снова поглядел на фото.

— Да. Вернее, его племянник дал наводку.

— И эта наводка касалась именно Сары Лапински?

— Да, — кивнул Икки. — Имя, адрес, по которому она жила, дата рождения. Я сказал Самиру: пускай Джонни позвонит мне. И он позвонил.

— И сказал, что может ее выкупить?

— Он сказал, что за хорошие деньги люди, которые за ней присматривают...

— Это Джонни так сказал: которые за ней присматривают?

— Да. Что он думает, они могут ее отпустить. У них проблемы с деньгами.

— О'кей. История, значит, такая: девочка была кем-то украдена, продана людям, живущим за стеной, у которых теперь проблемы с деньгами и они хотят продать ее, чтобы поправить свои дела.

— Неплохая история, разве нет? — спросил Икки, стараясь не глядеть Брам в глаза.

— Да, вполне правдоподобная. Но зачем тогда Джонни сказал нам, что она умерла?

— Ты когда-нибудь раньше видел такие фото?

Брам удивленно поглядел на него:

— Видел ли я такие фото с тех пор, как существует «Банк»?

Икки кивнул.

— Нет, — сказал Брам.

— Почему мы не должны верить Джонни?

— Я не понимаю, почему мы должны верить любому из них, даже если его звать Джонни, и я никогда не простил бы себе, если бы пришел с этой дерьмовой историей к Батье Лапински.

— И все-таки мне кажется, что она умерла, — сказал Икки виновато.

— Я тоже так думаю, но у нас нет никаких доказательств, кроме этой католической фотографии и истории о Тарзане.

— О Тарзане?

— Ты что, забыл его историю о Джонни Вайсмюллере?

— Палестинцы-католики, — сказал Икки.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Брам, хотя сразу понял, что Икки, скорее всего, прав.

— Те люди, «которые за ней присматривали», — палестинцы-католики.

— Скорее ортодоксы, — уточнил Брам. — Греки или православные русские. Их немного. Они живут в основном в Иерусалиме. И несколько семей — в Вифлееме.

Они смотрели друг на друга, понимая, что напали на верный след.

— Тарзан, значит, дал нам ключ к разгадке, — сказал наконец Брам. — И, заметь, совершенно бесплатно.

Икки повернулся к своему компьютеру:

— Сколько девочек такого возраста было похоронено в Палестине по греческому или православному обряду за последний год?

— На общину из двадцати — тридцати тысяч человек восьмилетних девочек не больше трех... Или больше? — сказал Брам. — Я не знаю точных данных по детской смертности среди ортодоксов.

Икки кивнул и вышел на список палестинских баз данных.

На экране Брамова мобильного появился незнакомый номер, и он нажал на кнопку.

— Алло?

— Больница «Шеба», — ответил женский голос. — Профессор Маннхайм?

— Да.

— Я звоню по поручению Хаима Плоцке.

— По поручению?

— Да. Он просил меня позвонить вам и поблагодарить.

— Как я рад. — Брам покосился на Икки, который сидел, напряженно выпрямившись, и выжидательно глядел на него. — Он был в тяжелом состоянии, правда? — Брам показал Икки большой палец.

— Да. В очень тяжелом. Но благодаря вам, как я поняла, он вовремя попал сюда.

Икки, радостно улыбаясь, повернулся к своему компьютеру.

— Мы старались изо всех сил, — сказал Брам.

— Господина Плоцке должны вот-вот, я думаю, в течение часа, перевести из интенсивной терапии в обычную палату, он сказал, что сразу позвонит вам.

— Вот это действительно здорово, — восхитился Брам. — Ах да, я хотел спросить у вас еще об одном больном. Голдфарб, Януш Голдфарб, как он себя чувствует? Мы его привезли вчера днем, машина тридцать-двадцать четыре.

— Голдфарб, «б» на конце? — Да.

— Голдфарб. Его выписали, уехал домой. Голдфарб, Хенрик.

— Нет-нет, Голдфарб Януш.

— Януш, — повторила она. — Извините. Это было вчера?

— Да.

— Голдфарб, Януш. Да, вчера. В шестнадцать тридцать одну. *Death on arrival*.⁵⁶

— Он был жив, когда мы его доставили.

— Возможно, это случилось, пока его везли в интенсивную терапию. У нас зарегистрировано: *DOA*.

— О, — сказал Брам, и глубокая печаль охватила его. Он не был знаком с Голдфарбом, но расстроился очень сильно — верно, потому, что носил в себе бесконечный запас печали.

— Мне очень жаль, — сказала девушка.

— Спасибо за новость о Плоцке.

— Пожалуйста. — И она отключилась.

— Что случилось? В чем дело? — спросил Икки.

— Старик, которого мы привезли вчера. Его не удалось спасти.

— Раненый во время теракта?

— Нет, просто старик. Он был очень старый. Пока мы его везли, он рассказал анекдот.

— Анекдот?

— Да. Про астронавтов, которые хотели зажечь спичку, чтобы проверить, есть ли на Марсе кислород. Но марсиане не позволяли им это сделать. Потому что у них был *шабес* и нельзя было зажигать огонь.

— Я нашел ее, — сказал Икки, глядя на экран компьютера, и заплакал.

⁵⁶ Умер в момент прибытия (англ.).

The Rainbow Room ⁵⁷ — бар, где много лет назад собирались сливки израильской гламурной тусовки и «общались», растянувшись на белых кожаных диванах, которые в ту пору именовались «*longen*». ⁵⁸ Теперь здесь коротали время отошедшие по возрасту от дел грабители и угонщики автомобилей, обсуждая письма, полученные от покинувших страну детей, и рассказывая друг другу, каким образом они, несмотря на преступное прошлое, приспособились заниматься профессиональной деятельностью, которая в будущем позволит им присоединиться к своим потомкам. Никто из них так и не уехал. Никто не получил визу. Но болтовня о том, как они хитростью «справятся с ситуацией», помогала им выстоять. Всем им предстояло умереть в этой стране, не проведя ни часа в желанном, спасительном зарубежье.

Белая кожа диванов сделалась желтовато-серой, разноцветная краска поблекла и осыпалась со стен. Повсюду сидели немолодые типы вроде Брами: курили, уставясь в пространство, или болтали. Звучала негромкая джазовая музыка, он прислушался: Майлс Дэвис. Брам надеялся, что она придет, — так и случилось: Эва вошла в кафе, когда он допивал вторую порцию водки.

Почему-то он никогда не спрашивал Эву, сколько ей лет: на вид казалось, что она лет на десять моложе него. Она положила на стойку красную кожаную сумочку и села на высокий стул рядом с ним. Джо, бармен и хозяин заведения, не задавая лишних вопросов, сдвинул сумочку в сторону, поставил перед ней рюмку и наполнил ее водкой из бутылки с металлическим носиком. Потом налил Брам — всклянь, так что водка возвышалась над краем рюмки выпуклым мениском. Брам помнил из школьного курса слова про поверхностное натяжение, но никак не мог понять, какая же сила держит водку, не давая ей перелиться через край. Рюмка Эвы была такой же полной. Иногда — не чаще чем в одном случае из пятидесяти, как полагал Брам, — Джо ошибался; одной лишней капли было достаточно, чтобы нарушить равновесие, и водка проливалась на стойку.

— Лехаим, — сказала Эва.

Обеими руками она придержала свои светлые волосы, наклонилась к рюмке и, не поднимая ее, отпила первый глоток. Ее ярко-красные губы блеснули под светом, падавшим на стойку сверху, сквозь молочное стекло длинной лампы. След от помады остался на краешке рюмки, там, где нижняя губа коснулась стекла.

— Лехаим, — отозвался Брам и последовал ее примеру.

Она заправила прядь волос за ухо. У нее были темные ресницы и темно-карие глаза; волосы, насколько Брам было известно, она обесцвечивала. Просторное черное платье с глубоким декольте открывало полукружья грудей. Несколько раз она появлялась в платье, облегающем, словно перчатка, и любой мог убедиться, что, хотя Эве и было за сорок, не всякая девушка могла похвастаться таким телом.

— Ты ведь работал вчера? — спросила Эва.

— Да.

— Я видела весь этот ужас по телевизору. Смотреть невозможно, а они все повторяют и повторяют. Не понимаю, чего они хотят этим добиться.

— Зато под картинку дают комментарии, а эта болтовня иногда помогает. Шок, во всяком случае, проходит. И здорово, когда кто-то может разъяснить нам, как ему видится ситуация.

— Ты, что ли, веришь этим комментаторам?

— Нет. Почти никогда. Но если люди изо всех сил стараются объяснить необъяснимые вещи, это как-то успокаивает.

⁵⁷ Радужная комната (англ.).

⁵⁸ Очевидно, имея в виду chaise longue — длинный стул (фр.).

— Я свободна, — сказала она. — А ты?

Брам понял, куда ей хотелось пойти.

— Да, — ответил он. — Я жутко устал, но я свободен.

Он подумал о Саринной маме. Скоро, может быть завтра, он должен будет сказать ей, что ее дочка умерла. Не лучше ли было продолжать надеяться, что она жива?

Эва сказала:

— Видок у тебя — словно под бульдозер попал.

— Я так жутко выгляжу?

— Я всегда говорю правду, — сухо констатировала она. — Бывали дни, когда ты выглядел лучше.

— Зато ты всегда выглядишь прекрасно.

Она сказала «спасибо», но приняла комплимент холодно. Должно быть, целыми днями выслушивает комплименты. Именно за это ей платят.

Брам любил запах ее кожи и шальной блеск в глазах, ее гладкую шею и мягкий, чуть выпуклый живот. Он оставлял деньги на столе, покидая ее, но чувствовал, что она дарит ему себя бескорыстно. Когда у него не бывало денег, он договаривался, что заплатит в следующий раз. Она готова была заниматься любовью почти всегда, но иногда говорила, что ей не хочется, предлагала ему полежать рядом, и просто ласкала его.

Она спросила:

— У тебя есть кому приглядеть за отцом?

— Я сейчас позвоню ей.

Он взял мобильник и, глядя, как Эва, вытянув губы, подносит зажигалку к сигарете, позвонил Рите; язычок пламени взметнулся вверх. На фильтре остался след от помады, и он представил себе, на каких частях его тела останется такой же округлый след, если ей захочется его побаловать.

Рита сказала, что все в порядке. Да, Хартог сидит перед телевизором и непрерывно болтает. Брам не стал просить, чтобы она сменила отца памперсы: она и сама это сделает. Он поблагодарил ее и отключился.

— Все в порядке? — спросила Эва.

— Да.

— Чудесно.

Она быстро взглянула на него, но он не понял, что означал ее взгляд.

— У меня был дерьмовый день.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось.

— Просто херовый день?

— Херовый день, — эхом повторила она и залпом допила остаток водки.

Джо сидел в стороне от них, облокотясь на стойку; длинная стильная лампа молочного стекла, подвешенная над ней, ярко освещала его.

Брам попал сюда впервые, когда был еще жив, приглашенный вместе с женой на открытие. Вокруг роилась возбужденная толпа художников, писателей и политиков, получивших такие же специальные приглашения и гордых этим, самоуверенно позирующих перед камерами папарацци, сверкая улыбками, переливчатыми платьями и костюмами. Здесь, у этого бара, стояли они плечом к плечу с интеллектуальной элитой, известнейшими актерами и знаменитейшими звездами, говорить было невозможно, все заглушала громкая музыка и солидарный шум сотен голосов, и они писали друг другу записочки. Здесь было положено начало тому, что тогда называлось *Le Club Medit?rran?e*.⁵⁹ За раздвижными дверями в конце бара находился огромный танцзал. Тель-Авив в ту пору ни в чем не хотел уступать Нью-Йорку, а наличие подобного клуба окончательно подтверждало

⁵⁹ Средиземноморский клуб (фр.).

принадлежность Израиля к изнеженно-декадентскому Западу; казалось, за дверями клуба раскатывают желтые такси, а острые шпили Крайслера и Эмпайр стейт-билдинг светятся в ночном небе. А Башни-близнецы?⁶⁰ О, к тому времени их уже не было.

Подошел Джо и снова налил обоим. С тех пор как Брам стал сюда ходить, он ни разу не видел, чтобы двери в танцзал открывались. Может быть, там теперь склад. Или они просто сломались? На открытии клуба Брам танцевал. Рахель взяла его за руку, потащила за собой и заставила двигаться в ритме музыки. Мелодия была ему незнакома, но через несколько секунд он покорился ей. Сколько лет прошло... Сейчас он бы и сам пошел танцевать. С Эвой. Для нее он был никто. Не надо ничего из себя изображать. Она ничего не ожидает. И ему нечего терять. С нею он не боится показаться неуклюжим, ни одной мысли в голове, он — простой смертный, движущийся в доисторическом ритме музыки. В тот вечер они оставили малыша дома. У них был целый список студенток, юных женщин, обожавших сидеть с детьми.

Эва спросила:

— Что ты на меня так смотришь?

— Это запрещено?

— Просто я сегодня плохо выгляжу.

— У тебя был херовый день, я помню.

— По-настоящему херовый. Ночью ни на секунду не сомкнула глаз. И мне совсем не хотелось — не хотелось работать сегодня.

— Чем же ты занималась?

— Ничем. Пробовала читать, но не смогла сосредоточиться. Решила побегать там, где я обычно бегаю, в городе. Но везде воняло какой-то дрянью и было жутко жарко. Я сегодня трижды принимала душ. Как бы меня не оштрафовали за перерасход воды.

— Почему ты не бегаешь по пляжу?

— Потому.

— Почему тебе не спалось?

Эва смотрела на Джо, наполнявшего ее рюмку. Она подождала, пока он вернется на свой стул, и сказала:

— У меня в Москве живет племянница. Мы с ней время от времени обмениваемся мэйлами. Она написала, что мне могут дать визу.

Эва давала ему понять, как важны и для нее их отношения, и он был благодарен ей. Он платил ей за это, а может быть, еще и за то, что ей удалось пробудить в нем благодарность. Она смогла оживить его чувства, за это он готов был простить ей все, даже испытывал к ней уважение, несмотря на ее профессию. Деловитая краткость их свиданий не смущала его, и он волновался, как мальчишка, когда входил в номер отеля, где она принимала своих клиентов. Он был единственным, с кем она целовалась, говорила она, и он верил ей. В постели она становилась на коленки, и он входил в нее, глядя поверх гладкой спины и светлых волос на море, раскинувшееся внизу, за легкими занавесками некогда шикарного отеля «Бич Плаза», рекламировавшегося всего двадцать лет назад всеми туристическими компаниями как «комфортабельный семейный отель, имеющий бассейн с подогревом воды, а к завтраку — буфет с широким ассортиментом закусок». Он сжимал в ладонях ее бедра и раскачивался, словно хасид у Стены, полностью погруженный в свою молитву, ритмично прижимая к себе ее попку, пока не падал, чтобы, обессилев, закрыть глаза и забыться.

— И это не давало тебе заснуть?

Она кивнула:

— Да.

— Твоя племянница — она может тебе помочь?

— Говорит, что да.

⁶⁰ Знаменитые небоскребы в Нью-Йорке.

— Русские больше не дают виз.

Эва пожала плечами:

— Я тоже так думала, но она сказала, что по знакомству все можно.

— Сколько? — спросил Брам.

— Много.

— Много — это сорок? Пятьдесят?

— Семьдесят тысяч.

Конечно, она заговорила об этом, потому что надеялась, что он даст денег. Но таких денег ему негде добыть. Уставным капиталом «Банка» управляли через интернет американские менеджеры, и потратить такую огромную сумму он мог только на расследование конкретных дел, за которые полагалось отчитаться. Конечно, он мог бы в ближайшие месяцы сочинить несколько фальшивых досье, но не мог и не хотел обманывать доверие людей, которые поддерживали его все эти годы.

— На такие деньги можно купить не меньше дюжины русских, — сказал наконец Брам.

— Она говорит, что деньги пойдут адвокату. Я имею право на российское гражданство, моя бабушка была русской.

— А разве у русских это работает?

— Если у евреев работает, почему не сработает у русских?

Брам кивнул:

— Почему бы нет? Ты права, вряд ли евреи — единственные, кто страдает этой формой безумия.

— Ты считаешь это безумием?

— А что общего у тебя с русской культурой?

— Я без ума от водки. — Она наклонилась к своей рюмке и отхлебнула «вершок».

— Я тоже, и тем не менее я — голландский крестьянин.

Она раскрыла сумочку, выудила из пачки сигаретку и спросила Брама:

— Будешь?

Брам кивнул. Он стал курить, чтобы составить ей компанию. Теперь здесь все курили, как раньше в России и Китае. Она дала ему прикурить. Иногда в ней просыпалось разнузданное сладострастие, словно она ждала его всю жизнь, с трудом сдерживаясь; она толкала его на кровать, набрасывалась на него, как бешеная, и делала с ним все, что хотела, пока сама не выдыхалась, а после отодвигалась, поворачивалась спиной и молча курила, подложив под голову три подушки, уставясь невидящим взором в окно, выходящее на пляж, словно его вовсе не было рядом.

— У меня есть деньги, — сказала она, — я тебе все это рассказала не для того, чтобы попросить денег. Я просто хотела сказать: может быть, я уеду.

— Рад за тебя, — кивнул Брам.

— Я не знаю, могу ли я быть счастлива здесь. Иногда очень удобно не иметь выбора. Остаться здесь теперь, когда есть шанс уехать, — безумие, но я уверена, что не стану там счастливее.

Брам удивился: до сих пор он считал, что женщины, занятые такой работой, должны быть счастливы; ему казалось, они никогда не сожалеют о своей судьбе.

— Так что я давно уже примериваюсь к тому, чтобы возвратиться назад.

Браму вспомнился эвфемизм, которым пользовались родители, когда говорили о погибших от рук нацистов родственниках: они «никогда не вернутся назад». Быть может, человеческой природе свойственно защищаться словами от чудовищной реальности, чтобы смягчить удар. Те, кто «не вернутся», все еще в пути. Но и тех, кто «возвратился назад», тоже не вернешь. И почему бы не «возвратиться назад» всему народу?

— Когда ты последний раз выезжала из страны? — спросил Брам.

Эва задумчиво покачала головой:

— Я не хочу об этом вспоминать.

— Тебе было неприятно?

- Нет. Я была счастлива.
- Но ты и здесь счастлива.
- Нет. Здесь все причиняет мне боль.

Только тут до Брама дошло, что он ничего о ней не знает, кроме имени, которое она ему назвала, и ее тела. Может быть, этого было достаточно.

— Хочешь знать, почему мне все причиняет боль? — спросила Эва.

— Почему?

— Потому.

— Теперь все понятно, — заключил Брам. «Пожалуй, — подумал он, — надо идти». Он поднялся и затушил сигарету.

— Ты ведь устал? — спросила Эва. — Тебе не обязательно идти со мной, если не хочешь.

— Я хочу, но я страшно устал. Вчера, в Яффе, мне рассказали жуткую историю.

— Ты вчера проезжал блокпост перед тем, как он был взорван?

Он кивнул.

— Я был в Яффе. И теперь должен кое-кому рассказать ужасную новость.

— Кому?

— Матери.

Она знала, чем он занимается, но никогда не расспрашивала его об этом.

— Это тебя расстроило?

— Да.

Она глубоко затаилась и спросила, выдохнув облако дыма:

— Очень плохая новость?

— Хуже не бывает.

— Ты ведь не один работаешь. Почему именно ты должен это делать?

— Я старший.

— Расскажи мне, — попросила она.

Чувства, которые Брам испытывал к жене, были порождены желанием. Когда он встретил Рахель, она носила дурацкую, соблазнительно облегающую тело, форму военного врача. Желание принесло с собою любовь, ревность, собственнические инстинкты и обязанность заботиться о ней и малыше — в последнем он не преуспел. Жена давным-давно исчезла из его жизни. Но после брака, закончившегося провалом, понадобилось довольно много времени, чтобы желание вернулось к нему. Почти полгода назад в этот бар вошла Эва и села рядом с ним. Она была почти не накрашена, в простой блузке и скромной плиссированной юбке. «Я знаю, кто ты, — сказала она, — я о тебе читала». Вечерний сумрак пал на землю, когда они дошли до отеля, где для него разделась она и для него раскрыла свои объятия. У Брама было с собой немного денег, и, выйдя из отеля, он отдал их ей, как само собой разумеющуюся плату. Она ничего не сказала, молча поглядела на банкноты, оказавшиеся в ее руке, сунула их в сумочку и ушла, не оборачиваясь. С тех пор они виделись еженедельно. Он не знал, со сколькими еще мужчинами она встречается. Он не имел права винить ее за это, а то, что он теперь к ней чувствовал, давало ему еще меньше прав.

Широко раскрыв глаза, напрягшись, она недоверчиво глядела на него, словно знала, о чем он собирается ей рассказать.

— Можно, я тебя поцелую? — спросил Брам.

Она кивнула и отложила сигарету; он наклонился к ней, она приоткрыла рот, и он почувствовал вкус табака и вкус ее помады. Она обняла его крепко, как будто тонула и нуждалась в помощи. Потом отодвинула от себя обеими руками и поглядела прямо в глаза, словно хотела поделиться с ним силой. Потом спросила:

— Что же такого ужасного случилось?

Брам поднял рюмку ко рту, отхлебнул и почувствовал, как огненная жидкость, согревая горло, стекает в желудок.

— Девочка. Пропала три года назад. На пляже, тут неподалеку.

Эва смотрела на него, словно умирая от сочувствия.

— Ей было пять, никаких следов. Ее мама год назад обратилась к Икки Пейсману, моему партнеру. Ничего не удавалось найти, пока на прошлой неделе мы не получили сигнал. Она должна была быть жива. Но люди, у которых она прожила эти три года...

— Что за люди?

— Насколько мы знаем, они сами потеряли дочь. И не могли больше иметь детей, даже через искусственное оплодотворение. Они купили девочку у торговцев. Ей хорошо жилось у них, мы уверены.

— Потеряли дочь? Как?

— Она заболела.

— И тогда они забрали себе чужого ребенка?

— Скорее всего, они считали, что удочеряют сироту. Там полный бардак со свидетельствами о рождении. Любой документ можно подделать. Так что, наверное, они не знали, что у девочки был дом, что ее украли у кого-то.

— Но кто-то сообщил об этом?

— Брат приемной матери. Он обанкротился. И, ничего не сказав родственникам, стал искать возможности срубить денег.

— То есть он знал, что девочку украли?

— Думаю, что да. И сыграл роль в возвращении девочки.

— Ты называешь это «возвращением»? — прошептала Эва, пытаясь отыскать в его лице хоть что-то человеческое. Он чувствовал себя садистом, ему не хотелось больше об этом говорить.

— Они хорошо с ней обращались?

— Думаю, да. Я даже уверен.

— Но она...

— Она заболела. И у нее обнаружили опухоль мозга. Ее нельзя было оперировать.

— Нельзя? — спросила Эва, опустив глаза. Она больше не смотрела на него.

— Я не доктор, это та информация, которую я получил.

— Так эти люди — во второй раз, да?

— Да, — подтвердил Брам.

— Им, должно быть, было очень больно?

— Эва — я не знаю этого.

— И ее похоронили?

— Да. В Вифлееме.

— Как ее звали?

— Сара, — сказал он.

Она отвернувшись, взяла свою сумочку и вышла. Он удивленно поглядел ей вслед и увидел, что она пошла не в сторону туалета, а к входной двери. Он соскочил было с высокой табуретки, чтобы бежать за ней, но передумал и уселся на место.

Подошел Джо, держа бутылку наготове; они с Брамом обменялись понимающими взглядами. Заметив исчезновение Эвы, он пожал плечами, словно говоря: и так бывает, и снова показал класс, наполнив его рюмку «всклянь».

— Ты вчера работал?

Брам кивнул.

— И мы будем продолжать позволять им это?

— Как постоянно позволяем уже две тысячи лет, — отозвался Брам. — Сигаретки у тебя не найдется?

Джо подтолкнул ему пачку.

— Ави, ты когда-то был профессором, ученым человеком.

Брам кивнул:

— Я много чего прочел, но ничему не научился, Джо.

— Что нам делать с этими подонками?

- С которыми? — спросил Брам, взял зажигалку Джо, прикурил и глубоко затянулся.
- С этими вонючими ублюдками, с бородатыми обезьянами.
- Которыми бородатыми обезьянами?
- С нашими и с ихними.

Брам покачал головой:

- Дыши носом, Джо, дыши носом.

— Всех потравить. В Иерусалиме и в Мекке, — предложил Джо. — Потом все это хозяйство снести к чертовой матери. И на Храмовой горе, и эту кучу камней в Мекке. И на их месте построить изумительные торговые центры. С хорошо налаженной системой кондиционеров. Замечательные магазины. Что-нибудь вроде «Секретов Виктории»,⁶¹ «Старбакса». Как тебе такая идея?

Брам кивнул:

- В этом что-то есть. Но тут или там могут возникнуть небольшие трудности.

Джо кивнул головой в сторону двери.

Там стояла Эва, глаза ее были скрыты темными очками. Губы зашевелились, и он прочитал: «Пойдешь со мной?»

8

Его разбудила сирена проезжавшей под окнами «скорой». Они всегда брали один и тот же номер на самом верхнем этаже. Он выкурил сигарету на балконе и теперь ждал, когда проснется Эва. Из тьмы, начинавшейся за пустым предраассветным пляжем, до половины освещенным фонарями набережной, выкатывались волны, на секунду попадая в освещенную полосу, прежде чем уйти в песок. Машин совсем мало, и почти нет пешеходов. Большинство ночных клубов и дискотек давно закрылись, потому что их стало невыгодно держать, из дома по вечерам выходили, чтобы прогуляться после скандала с женой или — за лекарством в ближайшую аптеку. Те времена, когда молодежь, следуя сложным ритуалам соблазнения, фланировала по набережной, остались за гранью времен.

Эва очень давно не бывала на пляже. Она могла смотреть на пляж, сказала она Браму, но не могла заставить себя ступить на него.

- Почему? — спросил Брам.

- Потому что я могу совсем свихнуться, — ответила Эва. — Я боюсь пляжа.

Он услышал, что Эва пошевелилась, и подошел к ней поближе, но она не просыпалась. Простыни сдвинулись, когда она повернулась, и он увидел ее грудь. Раньше, до знакомства с Эвой, он посещал ее коллег и знал, что дамы, занимающиеся этой профессией, придерживаются определенных правил. Они допускают мужчин до самых интимных частей своего тела, а за дополнительную плату предоставляют им и свои рты. Однако языком они работать не обязаны, поцелуи выходят за рамки профессиональных канонов, а прикосновения к их груди строго регламентированы. Но Эва целовала его. И позволяла ласкать свои груди. А сегодня она разрешила ему даже не использовать презерватив. Она вела себя с ним, как официальная любовница, и он не знал, ведет ли она себя так же с другими мужчинами. Очень возможно, что она — проститутка высокого класса (они, конечно, никогда не говорили об этом) и способна полностью отдаваться каждому клиенту так, словно он — ее единственный возлюбленный; она мало зарабатывает, но, кажется, совершенно не озабочена этим. До сих пор мысли о том, что она так же ласково принимает других мужчин или — что она с такой же готовностью распахивает свои колени для других, не трогали его; теперь он понял, что чувствует ревность, когда представляет себе, что завтра, на этой же самой кровати, она будет точно так же отдаваться другому. Но у него не было монополии на ее тело, никаких исключительных прав.

⁶¹ Американская фирма по производству и продаже женского белья.

Этой ночью они ни о чем не разговаривали. Она немного поплакала, но это случилось с ней часто, а потом они молча слушали рокот прибоя и еле доносящийся снизу, далекий шум города.

Брам оставил ей достаточно денег, чтобы расплатиться за номер.

Он не спеша шел через притихший город. Ни одного прохожего. Ни одного автомобиля, торопящегося на позднюю вечеринку. Здания, построенные эмигрантами в начале прошлого века, все еще стояли, притворяясь кому-то нужными, вдоль улиц. Символы новой жизни. Обычной страны для обычных евреев. Где можно позволить застать себя врасплох. Где подростки будут целоваться, прячась в кустах; где на пляже можно будет играть в *маткот*, — игру вроде тенниса с деревянными ракетками и маленьким резиновым мячиком; где вечером пасхального седера дети будут спрашивать, почему этот вечер так отличается от других. Что они сделали не так? Хартог бы ответил на это: мы не уничтожили своих врагов, поэтому они уничтожают нас.

Вдруг Брам показалось, что откуда-то доносятся странные звуки. Он остановился посреди тихой улицы и прислушался: больше всего этот шум напоминал разнузданную оргию. Интересно, кто-то развлекается сам или смотрит порнофильм?

Было уже одиннадцать, но он все-таки позвонил в дверь Батьи Лапински. Нет дома. Или не хочет открывать.

9

Брам явился в больницу слишком рано, но его пропустили, когда он показал значок «Давидова щита».

Хаим Плоцке лежал в палате на шесть человек, их отделяли друг от друга плотные белые шторы. У кровати стояла многэтажная конструкция, напичканная аппаратурой, присоединенной к Плоцке шлангами и кабелями. Одна из машин, похожая на игровой автомат, непрерывно подмигивала множеством красных и зеленых лампочек. Плоцке выглядел ужасно: бледный, темные круги под глазами, но он попытался улыбнуться, когда увидел Брама.

— Профессор, — прошептал он.

Брам вытащил из-под кровати пластиковую табуретку и сел рядом с ним.

— Сира, моя жена, только что ушла, — с трудом проговорил Плоцке.

Брам наклонился поближе, чтобы лучше слышать его.

— Жалко, я с удовольствием познакомился бы с ней.

— Профессор — вы спасли мне жизнь.

— Тебе просто почудилось.

— Если бы вы появились пятью минутами позже, я бы помер. Все к тому шло.

— Тебя спасли врачи, здесь, в «Шебе». Мы — только шоферы.

— Вчера доктор сказал мне, что вы сделали в точности то, что должны были. Вы каждый день дежурите?

— Два раза в неделю. Им нужны люди. Когда выздоровеешь, приходи к нам работать.

— Я так и сделаю. А сегодня вы тоже дежурите?

— Сегодня я привез своего отца на обследование. Каждые три месяца — осмотр и новые лекарства, а сегодня ему сканируют мозг в отделении гериатрии. Я сбежал оттуда, чтобы навестить тебя.

— Я рад, что вы пришли.

— Тебе больно?

— Нет. Честно, нет. Они меня держат на обезболивающих.

— Год назад мы с тобой тоже встретились в больнице, кажется, твой сын тогда растянул связки.

Плоцке кивнул.

— Наши встречи в больнице становятся традицией, пора кончать с этим, — сказал Брам.

Плоцке устало улыбнулся.

— А как дела у твоего сына? Лонни, да?

— Лонни. Он в Польше.

— Ты говорил, какой-то тип из-за него сюда приезжал?

— Жена только что рассказала — они заключили с ним контракт. Будет играть в «Легии», пока — во втором составе. Начнет в следующем сезоне.

— Здорово как.

Плоцке кивнул.

— Мой другой сын тоже в порядке. Проходит испытания. Я думаю, оба смогут зацепиться в Европе. В принципе они уже сейчас должны там остаться.

— Ты тоже был хорошим футболистом?

— Неплохим, но не лучшим. Не то что Лонни и Тонни.

— Лонни и Тонни, — повторил Брам с улыбкой.

— Легко запомнить, — заметил Плоцке, и глаза его блеснули. — Когда меня выпишут, вы должны прийти к нам на обед. Вы нам окажете *кавод* ?⁶²

— Конечно, я с удовольствием приду.

Плоцке пожал руку Брам, потянув за собой с полдюжины шлангов и шнуров.

— Спасибо.

— Благодарю не меня, врачей.

Плоцке кивнул:

— Что нового слышно?

— Пока ничего, они не знают, откуда прилетела ракета. Сигнал получили слишком поздно, должно быть, она шла на очень большой высоте.

— Я не видел никакой ракеты, — удивился Плоцке.

— В газете опубликован рисунок ее траектории. Она должна была спикировать сверху.

— Со спутника?

— Я в этом ничего не понимаю, я видел картинку, вот и все.

— Это был мальчишка, — прошептал Плоцке.

— Мальчишка?

Плоцке кивнул.

— Лет двадцати. Я едва успел пропустить его через шлюз.

— Пропустить? — спросил Брам, с изумлением глядя на Плоцке и повторил: — Пропустить?

— Он был чистый.

— Откуда он взялся?

— Сказал, что из Иерусалима. Виза была в порядке. Канадец. Даниел Леви.

— Даниел Леви? Он так представился?

— Нет. Я сидел внутри, за пультом. Он рассказывал это Микки, а Микки... Когда подъехали грузовики с резервистами, я вышел наружу. Мальчишка был еще там. Я видел, как он взял свою сумку и взорвался. Меня не разнесло на куски только потому, что между нами оказалась стенка.

Плоцке выжидательно смотрел на него, словно Брам мог спасти его от дурацких воспоминаний.

— Он прошел проверку? — спросил Брам.

— Да. Я видел все на экране. ДНК в полном порядке. Y-хромосома соответствует норме. Еврейская Y-хромосома.

⁶² Уважение (*идиш*).

— Он — еврей?
 Плоцке кивнул.
 — Почему тогда они говорят, что это ракета?
 Плоцке слегка покачал головой.
 — Ты ошибся.
 — Нет, профессор.
 — Тебе это привиделось, когда ты был под наркозом.
 — Я отличаю сон от яви.
 — А вода в контрольный шлюз не могла попасть? — спросил Брам. — По крайней мере, я много раз про это читал. И тысячу раз слышал: ДНК не может лгать. Еврей, подрывающий себя на блокпосту, где служат евреи?
 — Может быть, он из *харедим*? — спросил Плоцке.
Харедим были, как и хасиды, религиозными фанатиками из Иерусалима, точно так же примирившимися с переходом города под юрисдикцию палестинцев и отличавшиеся от хасидов в основном тем, что брили бороды.
 — А разве *харедим* на это способны? — спросил Брам. — Раньше такого не бывало.
 — Нет.
 — У него была борода? Пейсы? Он выглядел, как хасид?
 — Нет. Он выглядел, как человек светский. Блондин.
 — Это была ракета, — сказал Брам. — Все так говорят.
 — Может быть.
 — Тебе все это почудилось, — повторил Брам убежденно.
 — Да, может быть, — кивнул Плоцке. — И вот что еще...
 — Что?
 — Я видел, он пошевелил губами. Я знаю, что он шептал. Я видел.
 — Что?
 — Он прошептал: «АллахАкбар» .
 — Другие тоже это слышали?
 — Не знаю. Он просто пошевелил губами.
 — Ты умеешь читать по губам?
 — Нет. Но я совершенно уверен.
 — Хаим, ты ошибся.
 — Я пропустил его, профессор, я точно знаю.
 — Ты не мог его пропустить. Если у него была чужая ДНК...
 — Нет. Вы правы. Еврейская Y-хромосома. Наши себя не взрывают.

10

Корпус отделения гериатрии — гигантский куб голубого бетона с пуленепробиваемыми стеклами и повышенной защитой от терактов — построили на деньги американского филантропа, поэтому он назывался «Центр Сэмюэля В. Беренстайна для изучения гериатрии и помощи пациентам». Лет пятнадцать назад, когда его строили, никто не мог предсказать массового исхода молодежи, создавшего избыток свободных мест в больнице.

Контроль, состоявший в исследовании воздействия новых лекарств, которые принимал Хартог, проводил восьмидесятилетний профессор Айзмунд, — горбун, передвигавшийся при помощи двух палок и игнорировавший возможности, которые он предоставлял своим пациентам: новые ноги, усиленные мышцы, пластическую хирургию. Когда он, опираясь на палки, ковылял по коридору, то напоминал Брам, двумя годами раньше запоем смотревшему репортажи с зимней Олимпиады в Норвегии, пьяного лыжника. Пока шел процесс сканирования мозга, Айзмунд стоял у монитора, зажав под мышкой свои старинные палки; ему трудно было стоять, и иногда, как заметил Брам, он присаживался.

Айзмунд указал Брам на интенсификацию активности в речевом центре. Хартог несколько минут говорил, и Айзмунд показал Брам видеозапись его монолога.

— Ничего узнаваемого, — сообщил Брам.

— То есть это не голландский язык?

— Нет.

— Мы не можем сделать заключение, что прогресс в его речи отстает от мыслительного прогресса.

— Вы думаете, его умственные способности возвращаются?

— Честно говоря, понятия не имею. Левое полушарие доминирует. В нижней части левой лобной доли находится центр речи. Если левая лобная доля повреждена, то вашему отцу трудно правильно произносить слова, даже если мышцы рта и голосовые связки в полном порядке. Но понять, что он имеет в виду, в принципе можно.

— То есть, может быть, он способен мыслить и понимать то, что слышит, только не может говорить?

— Очень возможно. Но точно мы не знаем.

— А как можно узнать?

— Продолжать наблюдения.

— То есть продолжать давать ему лекарство?

— Именно так. У нас было несколько по-настоящему обнадеживающих случаев.

— А если восстановление произойдет, оно будет постоянным?

— Мы пока не знаем. Это ведь новое средство.

— Мне показалось, что он — по крайней мере, так это выглядело, — выругался. По-голландски.

— Вполне возможно: если он действительно заговорит, то будет беспрестанно ругаться. Чаше всего так и бывает.

— Почему?

— Понятия не имею. Но продолжайте за ним записывать. Это очень поможет нам.

Хартог тихо сидел в приемной, в кресле на колесах. Он взглянул на Брама, и тот застыл на месте: именно таким взглядом в течение многих лет отец демонстрировал крайнюю степень недовольства, когда Брам нарушал его дурацкие правила своим опозданием.

— Извини, папа, я должен был кое-что обсудить с Айзмундом.

Хартог не отреагировал на его слова, осуждающий взгляд расплылся и потускнел. Брам выкатил кресло из зала, более всего напоминавшего зал ожидания крупного аэропорта: длинные ряды прикрепленных к полу стульев, со всех четырех сторон — пронумерованные двери, ведущие в процедурные кабинеты, и безжалостный, подчеркивающий каждую морщинку свет люминесцентных ламп. Зал был полон стариков, отданных под опеку другим, менее беспомощным старикам.

— Динамика положительная, — сказал Брам на ухо Хартогу. — Я буду исходить из того, что ты меня понимаешь. Может быть, ты меня понимал все время. Мне жаль, что пока я не могу понять того, что ты говоришь. Возможно, ты еще не можешь полностью контролировать свою речь. И я слышу какую-то тарабарщину, когда ты обращаешься ко мне. Будет чудесно, когда мы снова сможем с тобой по-настоящему побороться.

Была половина десятого утра, погода прекрасная, не хуже, чем вчера. Он договорился обсудить с Икки накопившиеся дела, а потом собирался увидеться с Эвой. В шесть, в «Бич Плаза». Брам отвез отца на парковку между Центром Беренштейна и интенсивной терапией, где лежал Плоцке. Становилось слишком жарко для Хартога. Безоблачное небо глубокого синего цвета и резкие тени обещали сухой солнечный день, которого ему не увидеть из-за грязных окон кисло пахнущего зала банка или из-за мягко колышущихся штор сырого номера в отеле.

— Эй, Маннхайм! — неожиданно услышал он и увидел метрах в тридцати от себя, у входа в интенсивную терапию, людей в черной полевой форме и темных очках — морских

пехотинцев, вооруженных фантастическим «оружием XXI века» — автоматами «тавор».⁶³ И среди них — человека небольшого роста в аккуратном сером костюме, белой рубашке с галстуком и сверкающих коричневых башмаках «brogues».⁶⁴ Он махал Брам рукою, и, вдетая в манжет рубашки, сверкала на солнце запонка. Ицхак Балин.

— Балин? — откликнулся Брам.

— Привет, Ави!

Брам покати́л отца в сторону Балина, двинувшегося им навстречу в сопровождении своего эскорта и на ходу протягивавшего ему руку:

— Ави! Давно не виделись!

— Давно, Ицхак!

Балин с энтузиазмом тряс его руку, пока эскорт, сформировав вокруг них кольцо, внимательно оглядывал окрестности. Балин не терял времени — регулярно выступал в прямом эфире, давал интервью газетам. Но «живьем» Брам видел его в последний раз давно, перед отъездом в Америку, когда, под руководством Балина, «мирная инициатива» устроила ему отвальную. Тогда пятидесятилетний Балин, выглядевший, как мальчишка, которому не везет в любви, и в любую погоду носивший костюм и галстук, интеллигент и профессиональный политик с контактами на высочайшем уровне в Европейском союзе и Соединенных Штатах, считался иконой мирного движения и леваком-оптимистом. Позже, «сбитый с ног реальностью» (Брам прочитал это в одном из его интервью), создал собственную крайне правую партию. А теперь возглавлял контрразведку страны. Балин выглядел постаревшим. Морщины появились на лбу, вокруг рта, в уголках глаз. Но одежда в изумительном состоянии, а жемчужно-белая рубашка с высоким воротом, несомненно, заказывалась в Неаполе.

— Я знал, что ты вернулся после — после того, — сказал Балин. — Я должен был позвонить тебе много лет назад! Как дела?

— Неплохо, — ответил Брам.

— Это наш старый ястреб? — Он наклонился к Хартогу. — Профессор Маннхайм?

Хартог даже не взглянул на него, и Брам объяснил:

— Отца трудно расшевелить, у него Альцгеймер.

— Жаль, — откликнулся Балин, — я бы с удовольствием с ним поговорил. Он оказался прав. Не прав был я. Мы должны хоть раз обсудить это. Надо бы нам встретиться, поговорить.

— Да, надо бы.

Они стояли, обмениваясь улыбками, подыскивая верные слова. Наконец Балин сказал:

— Я тогда понял — понял, что это случилось, пока мы с тобой разговаривали, правда?

Брам кивнул, не позволяя себе восстанавливать в памяти картины прошлого.

— Как все это ужасно, — сказал Балин, приобнимая его рукой. — Я тогда не смог до тебя добраться, понимаешь? Я попробовал, я собирался поехать, мы ведь с тобой договаривались, но — это было трудно, я был так занят, потом вернулся домой, не понимая, что случилось. Я только после узнал и подумал: не позвони я тогда — ты понимаешь, о чем я?

Брам кивнул. Он многие годы думал о том же. Если бы Балин тогда не позвонил...

— Однако я здесь по делу. — Балин, кивнув головой в направлении интенсивной терапии, снова дружески сжал руку Брама: — Я обязательно с тобой свяжусь, Ави. — И пошел прочь; свита, развернувшись разом, наподобие кордебалета, поспешила за ним.

⁶³ Новейший автомат, принятый на вооружение в Армии Обороны Израиля, название — от горы Тавор (в русской транскрипции — Фавор) на севере Израиля.

⁶⁴ Обувь, которую английские джентльмены носят в деревне. Автор забавляется: костюм не соответствует башмакам.

— У тебя есть мой телефон? — крикнул Брам ему вслед.

— У меня есть все телефоны, — не сбавляя хода, откликнулся Балин, прощально взмахнув рукой, на которой вновь сверкнула дорогая запонка, и скрылся за спинами охранников.

11

В последний раз Брам заходил в аптеку, когда малыш был еще младенцем. Он собирался съездить по делу в город, и Рахель составила список необходимых ей вещей: влажные салфетки, чтобы вытирать попку, мази, памперсы, баночки с детским питанием. Они уже собрали вещи, и квартира была забита картонными ящиками. Брам заехал в ресторан, чтобы купить хлеба и салатов, потому что Рахель некогда было готовить. Она кормила малыша, и он помнит, как подумал тогда: смотри внимательно, запоминай и помни об этом всегда; смотри, как твоя жена кормит ребенка, какая забота в ее глазах, какой любовью наполнены ее прикосновения; как доверчиво смотрит на нее малыш, как радостно он открывает ротик... Иногда ему казалось, что картины всего, что случилось на земле, навечно запечатлеваются где-то во Вселенной, и так будет до скончания времен: битва красоты против сумерек забвения.

Вооруженный охранник кивнул ему, когда он вошел в аптеку. Обогнув полки с освежающими напитками и кое-какой едой — аптеки обычно исполняли роль мини-супермаркетов, — он увидел небольшую очередь, все — пожилые мужчины; за прилавком, делившим помещение пополам, работали три женщины. В свете люминесцентных ламп их халаты сияли неестественной белизной. Одна из женщин показалась ему старше, чем должна была быть Сарина мама, выходит, ему придется навеки испортить жизнь какой-то из двух оставшихся, занятых приготовлением болеутоляющего для одного из стариков. Которой из них?

Этой, с короткой стрижкой, тонкими руками и круглым лицом? Или той, узкобедрой, со спортивной фигурой?

— Да, он от всего избавился, — сказал, ни на кого не глядя, один из мужчин. Тот, что стоял рядом, был очень на него похож: оба маленькие, широкоплечие, с обветренными рабочими руками и тяжелыми, плоскими, широкоскулистыми лицами, выдававшими российское или центрально-азиатское происхождение. Родственники, может быть, даже братья. Они внимательно следили за работой аптекарш.

— Он не должен был покупать этот бизнес, — кивнул другой.

— Известные люди, с хорошей репутацией, он им доверился.

— Вот эти-то, с репутацией, хуже всех. Известные еврейские семьи там, в Брисбане.

Изумительные *идн* ...⁶⁵

Они обернулись к двери, услышав, что в аптеку кто-то вошел. Брам тоже оглянулся.

Эва, не замечая его, шла вдоль полок и уже собиралась зайти за прилавок, когда он окликнул ее:

— Эва?

Видно было, что она плакала, глаза опухли и покраснели. Она испуганно смотрела на него. Оба замерли, словно ожидая, что ситуация разрешится сама собой.

Аптекарьша со спортивной фигурой потянулась через прилавок к Эве и сказала:

— Я все сделала, ты его сейчас заберешь?

Только теперь до Брама дошло, что Эва здесь работает. Как и Батья Лапински. Может быть, они знакомы?

— Ты здесь работаешь? — спросил он удивленно.

И по глазам увидел, что она растерялась, — замерла, положив руку на прилавок, глядя

⁶⁵ Евреи (*идиш*).

на него испуганно, словно ей хотелось убежать прочь. Но она быстро справилась с собой и выпрямилась.

— Погоди минуточку, Эва, — сказала она аптекарше, взяла Брама под руку и повела его вон из аптеки и в сторону, вдоль улицы, чтобы охранник не мог их слышать.

— Обними меня, — сказала она.

Брам обнял ее, и она прижалась к нему. Он чувствовал, как тяжело она дышит, словно после быстрого бега, словно внутри у нее что-то горит и пламя требует все больше кислорода. Брам крепко держал ее, боясь, чтобы она не упала, он чувствовал, что ноги не держат ее, но у него хватало сил на двоих.

— Брам? Держи меня крепче, пожалуйста. Держишь?

— Эва, — сказал он, просто чтобы назвать ее по имени.

Но она прошептала:

— Брам, Брам, меня зовут Батья. Я — мама Сары. Только для тебя я Эва. На самом деле я... я была мамой Сары...

Она заплакала и не могла больше говорить, а Брам не знал, что ему делать, что ему думать и что он должен чувствовать. Он понимал одно: надо обнимать ее покрепче, иначе она упадет.

Машины остановились у светофора, и он заметил, что на них смотрят, но лица за окошками выглядели безразличными, у всех были свои проблемы, свое собственное безумие.

Браму вдруг показалось, что он сходит с ума. Существовала ли на самом деле эта девочка, Сара Лапински? Случалось, что женщины объявляли о пропаже ребенка, которого на самом деле никогда не имели, и ребенок-фантом вызывал фантомное горе. Но он видел ее досье, Тарзан из Яффы тоже о ней знал, Икки говорил с полицией, с теми, кто долго занимался этим делом. И информация о людях из Вифлеема, и сообщение о похоронах — Сара существовала на самом деле. Батья — или Эва? — действительно вела себя странно. Но разве не странный мир вокруг нас, если в обычный день, начавшийся с приготовления завтрака, подогревания молока, душа и чистки зубов, твой ребенок внезапно исчезает с пляжа? Что здесь нормального? И как теперь вести себя?

Охранник, тощий, как скелет, йеменец в слишком просторной форме, не спускал с них глаз, словно боялся, что они ограбят аптеку.

Продолжая обнимать ее, Брам заговорил:

— Эва, или Батья, или как ты хочешь, чтобы я тебя называл, — ты немножко не в себе, да? Немножко чокнутая?

Она успокоилась и глубоко вздохнула, прижавшись лицом к его плечу. Потом сказала:

— Да, я — чокнутая. Я и сама это знаю. Мне хотелось стать какой-нибудь Эвой. Потому что нет ничего хуже, чем быть Батьей и вечно ждать возвращения своего ребенка. Ты и сам знаешь, каково это.

— Нет, — сказал Брам, — не знаю.

Он осторожно высвободился из ее рук, отвел волосы с ее заплаканного лица. Ему не хотелось здесь оставаться. Ему нужно было время. Или что-то другое. Что? Возможность вести ту жизнь, которую он вел, жизнь без прошлого?

— Ты ничего не рассказала мне о своей жизни, — сказал он.

— Но я никогда не врала тебе. Я только назвалась чужим именем. Вот и все.

— Почему?

— Я не могла жить дальше, как «мама Сары».

Двенадцать лет он не заходил в свою кладовку. Ключ с трудом повернулся в замке; чтобы открыть дверь, пришлось налечь на нее изо всех сил. Стол и компьютер, успевший превратиться в металлолом-перестарок, покрылись толстым слоем пыли, но чувствовалось, как все эти годы его кладовка терпеливо ждала возвращения хозяина. Тряпка, несколько

минут работы пылесосом — и все снова чисто.

«Соображения, помогающие пролить свет на факты» — такое объяснение нашел он тогда своим занятиям. Семь досок висели на своих местах, коробки с игрушками Б. и его одежкой были составлены в углу.

Семь досок пятьдесят на пятьдесят, карточки, заметки, карты, распечатки, фото.

Он поглядел на первую. Ушел, по дороге встретил педофила, который забрал его с собой и убил? На вторую: ушел, и на дороге был сбит автомобилем или грузовиком, тело шофер в панике увез с собой? Доска номер три: ушел и утонул? Четвертая ставила верный вопрос: был похищен педофилом и убит?

Зачем вернулся он сюда теперь, после двенадцати лет пустой, потерявшей прошлое жизни? Он закрыл дело еще тогда. Странная реакция на то, что он узнал: Эва была мамой исчезнувшей девочки. Почему ему захотелось спрятаться здесь? Наверное, потому, что здесь он был хоть чуть-чуть ближе к своему малышу.

Через час он поднялся наверх и лег на раскладную кровать в своей комнате, голой и неудобной; он спал на ней еще мальчиком, когда приезжал из Амстердама в гости к отцу. И магазинная вешалка на колесиках, заменявшая шкаф, осталась от тех времен. Он поднялся и, взяв с собой фотографию мертвой Сары, вышел из комнаты. Немыслимо было отдать ее Эве. И он уничтожил фото.

13

В «Банке» его с утра поджидал Икки, приготовив стопку досье. Пять случаев: две девочки, три мальчика, пропали давно, *cold cases*.⁶⁶ Шансов, что кто-то из них еще жив, почти не оставалось, но родители просили еще раз проверить обстоятельства их исчезновения.

Стоило Брам усесться за стол, как Икки спросил:

— Ты виделся с мамой Сары?

— Да. Оказывается, я был с ней знаком.

— Как? Ты когда-то видел ее здесь?

— Я знал ее, но под другим именем. Я знал ее, как Эву.

— Эва? Кто такая Эва? Ее зовут Батья, разве не так? Слушай, я ни хрена не врубаюсь.

— Если честно, я тоже не врубаюсь.

— Ты не мог бы выражаться точнее?

Брам колебался. Даже если они с Эвой вели себя как идиоты, ему не хотелось выглядеть идиотом в глазах Икки.

— Нет. Я не хочу об этом говорить. Может быть, позже. Что это тут у тебя?

— Я думаю, что имею право на то, чтобы мне все объяснили, — сказал Икки резко.

— Да. Право ты имеешь. Но ты его не получишь. Что у тебя здесь?..

Икки несколько секунд грустно смотрел на него, но Брам не собирался больше обсуждать эту тему.

— Давай посмотрим, что ты приготовил.

Икки деланно-громко фыркнул и взял из стопки верхнее досье. Старый случай. Случай шестилетнего мальчика Йорама, который во время хаотической эвакуации Эйлата не вернулся домой из школы. «Грязная» бомба взорвалась утром, в пол-одиннадцатого. Взыли сирены, дети выбежали из классов, и все население попыталось покинуть город. Старшие сестры Йорама вернулись домой. А Йорама не было. Его отец сел в автомобиль и прочесывал зараженный город до тех пор, пока его не остановили бойцы специальных армейских частей, сброшенные с вертолета. Они были последними покинувшими город, после них остались только старики, не имевшие машин, бедняки и больные, ждавшие

⁶⁶ «Остывшие» дела (англ.) — дела, которые за давностью невозможно раскрыть.

специального транспорта, опоздавшего на двадцать часов. Двести шестьдесят восемь погибших. Йорам не был найден. Восемь лет прошло. Случай, можно сказать, древний. Почему они занимаются этим теперь? Потому что его папка случайно оказалась сверху?

— Все, у кого были лодки, вышли в море, — рассказывал Икки, подготовивший досье. — Большинство из них взяли на борт столько людей, сколько смогли. Ветер все время дул с юга, и на море был очень небольшой шанс облучиться, потому что все сдувалось к северу, то есть в направлении, куда уехали те, кто был на автомобилях. Их зараза настигла в дороге. Но почти всех этих людей вовремя собрали, и они получили помощь.

— А те, что на лодках? — спросил Брам. Они сидели друг против друга, Икки — склонившись над листками досье, Брам — откинувшись на спинку стула, с кружкой кофе в руке.

— Сколько-то людей пропало. Их просто можно было видеть, те лодки, которые потонули. Двести шестьдесят восемь погибших, известная цифра. Но семьдесят три пропавших без вести?

— Там ведь были и военные корабли?

— Они были посланы для эвакуации.

— Куда направились те, что ехали на машинах?

— В Табу, ближайший город в Египте. В нескольких километрах. Но большинство поехали дальше, через всю страну, пока не почувствовали себя в безопасности. Египтяне позаботились о них, хотя одну из лодок все-таки расстреляли. Семнадцать человек. Но об этом случае стало известно позже, и он прошел незамеченным, потому что египтяне приняли пять тысяч человек, обеспечили их едой, питьем и пристанищем.

— Бедуины?

— Которые расстреляли лодку? Скорее всего. Некоторые из племен стали довольно радикальными и все еще пытаются создать собственное исламское государство на Синае. Тем, в лодке, просто не повезло: они причалили к берегу в том месте, где раскинули свои шатры такие вот радикалы. Большие участки берега там превратились в пустыню.

— Тела идентифицированы?

— Да. Йорама среди них не было.

— Бедуины забрали?

— Да. Или утонул. Может быть, лодка, в которой он был, перевернулась.

— Почему он не побежал домой?

— В этом безумии не все дети добрались до дому. Их забирали с собою другие. Но остальные потом вернулись к родителям.

— И все, кто погиб в городе, известны?

— Да.

Тут Брам заметил, что Икки глядит мимо него, в сторону входа. Брам сел прямо и развернулся вместе с креслом, чтобы посмотреть, что его так заинтересовало.

Ицхак Балин, окруженный охранниками, входил в двери. За окнами Брам различил темные силуэты двух джипов, на которых передвигался шеф Шабак.

Пока охранники бесшумно занимали свои места, Балин, поскрипывая по мраморному полу подметками дорогих башмаков, направился в их сторону.

— Прошу прощения, господи, за то, что прервал вас.

Икки узнал Балина и бросил на Брама смущенный взгляд. Брам приветственно помахал рукой:

— Ицхак, мы не видались столько лет, а теперь встречаемся по два раза в день!

Балин остановился у одной из касс, положив локти на прилавок — цельную плиту черного мрамора, перегораживавшую все помещение и названную президентом банка в речи, посвященной открытию филиала, «уникальным символом успеха проекта» (в одном из ящиков своего стола Брам нашел эту речь).

Небрежно опершись на символ успеха, Балин кивнул и ехидно спросил:

— Какую сумму я мог бы получить у вас, господи?

— Это зависит от состояния твоего счета, — ответил Брам, занимая у окошечка место кассира.

— Состояние моего счета, Ави? — Балин улыбнулся. — На моем счету уже много лет отрицательный баланс.

— Тогда придется платить высокую ренту, плюс процент за риск.

— Что возьмешь в залог?

— Твой галстук. Ты его не здесь покупал.

— Галстуки — мое хобби. Один я получил от тебя, когда ты уезжал в Принстон.

— *Herm?s*.⁶⁷ Стоил целое состояние. Его покупала Рахель.

Балин сделал вид, что не замечает растерянности Брама:

— Как человек экономный, я ношу его до сих пор. Но только в особых случаях.

— Синий шелковый галстук, с тоненькими голубыми полосками сверху вниз, так? — спросил Брам, холодея от воспоминаний, ведущих в глубокие подвалы памяти.

— Точно, — подтвердил Балин, — и по всему галстуку вытканы буквы «Н». *Hermes* всегда не прочь поведать миру, что ты носишь их галстук. Но я всем говорю, что «Н» означает *Natikva*.⁶⁸

— Многие годы надежда была твоей профессией.

— Я знаю. В каком-то смысле все осталось по-старому.

— Но времена изменились.

— Ты стал циником, Ави?

— Ты ведь знаешь, что цинизм чужд мне.

— Я знаю, — кивнул Балин, на этот раз с серьезным видом. — Мы не могли бы потолковать? Наедине?

Зачем он пришел, Балин, директор Шабак — *Ширут Бетахон Клали* — Общей службы безопасности? Что-то не так с Эвой? Или с Икки? Или его внимание привлекла их идиотская поездка в Яффу, к Джонни Вайсмюллеру? Или они допрашивают всех, проходивших в эти дни через блокпост?

Брам обернулся к Икки:

— Оставь нас, пожалуйста, одних. Ненадолго.

— На пять минут, — встрял Балин.

— Можно, я пойду прогуляюсь? — спросил Икки.

— Мы живем в свободной стране, — напомнил Балин.

Икки, с трудом скрывая изумление, поднялся, обогнул перегородку и направился к выходу:

— Принести тебе чего-нибудь, Брам?

— Капучино. А тебе, Ицхак?

Балин отрицательно покачал головой.

— Среднюю или большую?

— Среднюю.

Один из охранников распахнул перед ним дверь, и Брам увидел за стеклом размытый силуэт Икки, поспешно направляющегося в сторону кафе.

— Брам, да, — заметил Балин. — Это твое голландское имя.

— Эйб в Америке, — отозвался Брам.

— Абрахам.

— Полное имя по голландским документам — Абрахам. А в Яффе — Ибрагим.

— Ты хорошо справляешься с работой здесь. Жаль, что бросил преподавать.

— Я специализировался в неверном направлении, — ответил Брам.

⁶⁷ Парижская фирма, цена галстука доходит до \$200, дамская косынка может стоить \$700 и т. д.

⁶⁸ Надежда (*иврит*), название национального гимна Израиля.

— По истории Ближнего Востока. Здорово тут у тебя.

— Можно усадить еще человек пятьдесят.

— У вас так много дел?

— Чем дольше работаешь, тем больше их становится.

— И ты работаешь волонтером в «Давидовом шите».

— Да.

Они замолчали, глядя друг на друга.

— Чем я могу быть тебе полезен? — спросил Брам.

— Ничем особенно. Я хотел спросить тебя о Хаиме Плоцке.

— Плоцке?

— Утром я навещал раненых, тех, кто мог говорить. И Плоцке, конечно.

— Он дежурил, когда я проезжал в Яффу. Ты хочешь знать, для чего я туда ездил?

— Зачем? Я и так знаю.

— Я должен радоваться этому? — сердито спросил Брам.

— Да. Гораздо хуже будет, если я не буду знать цвета трусов, которые на тебе надеты.

Если мы не будем делать свою работу как следует, можно закрывать лавочку.

— Это-то понятно.

Балин усмехнулся, пытаясь показать Брам, что пришел с самыми дружескими намерениями.

— Какие-то проблемы с Плоцке?

— Никаких, но он вбил себе в голову странные вещи, которые меня беспокоят.

— Ты хочешь сказать: он считает, что никакой ракеты не было?

— Именно. Он сказал мне, что обсуждал с тобой свою, так сказать, теорию.

Они помолчали.

— И что ты хотел услышать от меня?

— Что ты уверен: он несет чушь.

— Я так ему и сказал.

Балин кивнул:

— Я знаю.

— Ракета — она ракета и есть, — сказал Брам, и подумал — интересно, зачем шеф Шабак лично принимает меры к замалчиванию рассказа Плоцке?

— Подобная история, — небрежно уронил Балин, — может вызвать беспокойство, если заживет, так сказать, своей жизнью. Мы не можем себе этого позволить.

— Я ни с кем не собирался ее обсуждать.

— Ты меня успокоил, — откликнулся Балин, протягивая Брам, руку. — Договорились?

— Договорились.

И они пожали друг другу руки, скрепляя договор.

— Да, еще кое-что, — сказал Балин.

Брам выжидательно смотрел на него. Балин никогда не заходил с единственной карты, но, подобно фокуснику, выхватывал все новые и новые буквально из воздуха.

— У тебя ведь есть собственный банк данных?

— Да. Мы завели его четырнадцать лет назад.

— И есть доступ к другим банкам данных?

— Ты имеешь в виду такие же бюро в других странах?

— Да или нет?

— Мы можем официально войти в большинство банков данных. И они к нам. Такова договоренность.

— У них такие брандмауэры настроены, надо убить несколько дней, чтобы только туда забраться.

Брам понял, что они пытались кракнуть какой-то банк данных. Какое это имеет отношение к истории Плоцке?

— Вы не могли бы нам помочь? — продолжил Балин.

— Мы? Помочь вам? Потрясающе! Ты хочешь сказать, мы круче Шабака?

— Вы заняты, черт побери, целыми днями этим дерьмом, правда же? У вас есть свои методы, свои контакты.

— За компом сидит Икки, он этому учился. Я его дел почти не касаюсь.

— Окажи нам *кавод*, — попросил Балин.

— Всегда, если смогу, но у нас уговор со всеми подобными клубами: вся информация конфиденциальна.

— Конфиденциальность — мое ремесло, Ави.

— Конечно. Но я могу действовать ровно до тех пор, пока это не опасно для моих контактов.

— Я тоже, Ави, но иногда приходится вести опасную игру, чтобы предупредить более серьезные потери.

— Ты точно знаешь, чего добиваешься?

— Точнее не бывает. Ну?

Брам пожал плечами:

— Что мы должны сделать?

— Поискать кое-что в ваших банках данных, вот и все.

Ни следа угрозы не проскользнуло в его позе, ни в голосе, но не имело смысла торговаться с Шабаком: Балин всегда ухитрялся получить то, что просил.

— Полная конфиденциальность, да, Брам?

— Зачем мне с тобой ссориться, Ицхак?

— Затем, что я надел не тот галстук.

На Балине был темно-красный галстук в черную точку.

— Сколько их у тебя?

— Я думаю, сотни четыре.

— И как ты в них не путаешься?

— Раскладываю по спектру: красный, оранжевый... и так далее, до фиолетового.

— Ицхак, — сказал Брам, — зачем я тебе понадобился? Неужели я могу сделать что-то такое, чего не можешь ты?

Балин прошелся по залу, гордо поскрипывая дорогими английскими башмаками ручной работы. Потом, глядя в пол, словно боялся свалиться в яму, вернулся к окошечку кассы и, перегнувшись через барьер, придвинулся поближе к Брам.

— Начинай искать в ваших файлах, банках данных, не знаю, как вы их там называете. Четыре имени: Аделман, Броди, Френкель, Колберг. Мы ищем юношу, возраст от двадцати до двадцати четырех. Еврея. Я получил разработку от наших профайлеров⁶⁹ — девять к десяти, что все это полная херня, тем не менее: мы ищем юношу, пережившего в детстве катастрофу. Возможно, он потерял родителей, ушел из дома или что-то в этом роде. Существует высокая вероятность того, говорят наши гении, что его когда-то объявляли в розыск, но потом перестали искать. Что мы знаем? Очень мало. Аделман, Броди, Френкель или Колберг. Мальчик, из которого легко может получиться радикал. Возможно, он ушел из дома, когда был маленьким, и его родители обращались в полицию. Он ненавидел отца — все они ненавидят своих отцов, любой хулиган, любой начинающий преступник. *Big deal*.⁷⁰

— Балин замолчал.

— И что? — спросил Брам. — Теперь, значит, мы должны...

— Да, — кивнул Балин. — Мы не можем найти его в своих банках данных.

— Вы ищете Даниела Леви? Который взорвался на блокпосту?

⁶⁹ Специальная группа, помогающая следователям составить психологический портрет неизвестного следствию преступника.

⁷⁰ Тоже мне проблема (англ.).

Балин скептически посмотрел на него, потом во взгляде его мелькнула досада, словно он пожалел, что доверился Брам.

И он сказал:

— Аделман, Броди, Френкель, Колберг. Результаты сообщишь.

Он хлопнул на прощанье ладонью по барьеру и медленно направился к выходу, а эскорт устремился следом, привычно ощупывая взглядами пустые стены и потолок бывшего банка, словно за ними притаились снайперы.

14

Икки входил в «Банк» с двумя кружками кофе, когда Брам позвонила Эва.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отозвалась она.

Икки поставил кофе перед Брамом и уселся за свой компьютер.

— Я сегодня свободна, и я слышала прогноз, — сказала Эва, — сегодня должно быть очень тепло. Ты занят?

— Я сейчас в «Банке». Мы должны кое-что обсудить.

Он отвернулся от Икки, встал и пошел, прижимая телефон к уху, вдоль касс к одному из пыльных окон, сквозь которое просвечивал бесцветный, расплывчатый силуэт перекрестка.

— Я очень странно себя чувствую, — сказала она. — Как-то пусто внутри. Напряжение, в котором я жила все эти годы, исчезло. Осталась пустота, и мне от этого больно. Странно, да? И еще, я хотела поблагодарить тебя.

— За что?

— Теперь я могу по-настоящему освободиться, я ведь и раньше знала, что ничего не выйдет, но — против всякой логики, где-то в глубине, остается дурацкая надежда.

— Ты обманывала меня, — сказал он.

— Мне очень жаль, мне хотелось бы, чтобы все было по-другому.

В чем он ее, собственно, винит? Она подарила ему многие часы нормальных человеческих чувств. Тепло своего тела. Притворяясь, что продает свою любовь, она возвратила ему то, что он утратил, — возможность жить и любить женщину.

— Брам, слушай, что мне пришло в голову. Странная фантазия, но... Пошли на пляж? Я думаю, теперь я смогу. Пошли? Нет, я должна сказать это по-другому. Брам, если ты пойдешь, я пойду с тобой. Я думаю, что сегодня я смогу пойти. С того самого дня я ни разу не была на пляже. Помоги мне, Брам. Пожалуйста, если ты не очень занят, пойдем вместе, а? Мне кажется, это было бы хорошо. Пожалуйста, Брам, не говори, что это странно.

— Нет, — сказал Брам, — я не считаю это странным.

— Тогда увидимся? В три перед отелем, ладно?

— Ладно, — согласился он.

— Я захвачу чего-нибудь поесть. Устроим пикник.

— Почему бы нет?

— Знаешь что? Захвати с собой Икки Пейсмана. И твоего отца. Я хочу с ним познакомиться.

— Я попробую, — сказал он. — Пока.

Он отключился и подумал: у нее что, биполярное расстройство? Раньше это называлось маниакально-депрессивный синдром. Ему показалось, что она чересчур возбуждена. Он связался с маниакально-депрессивной дамой, которая, едва узнав о смерти дочери, собралась на пляж. Впрочем, разные люди скорбят по-разному. Не ему, после всех своих психозов, осуждать других.

Он вернулся к Икки.

— Шеф Шабака забежал, чтобы тебя поприветствовать? — спросил тот.

— Да.

— Я и не знал, что вы знакомы.

— Это было давно. «Мирная инициатива».

— Ты тоже в этом участвовал? Славно вы потрудились. Никогда еще мир не был таким прочным, как теперь.

— Благодарю за комплимент.

— Как он поживает? Кажется, в стране нет никого влиятельнее, чем он?

— Что бы ты ни говорил, он никогда не искал легких путей. Сперва, за столом переговоров о мире, он всегда подталкивал процесс, всегда искал компромиссов. Он ведь одно время преподавал в Шанхае, но вернулся назад.

— Он, значит, приходил поздороваться? — сделал Икки вторую попытку.

— Он ни к кому не приходит, чтобы поздороваться. Он приходит по делу. Он невероятно функционален, наш Ицхак Балин. Так что ты угадал. Он просил нашей помощи.

— *No shit ...*⁷¹ — Икки изумленно уставился на Брам. — Что за херня, Брам, да ему ничего не стоит прошибить любую *wall*.⁷²

— В конце концов, это один из путей.

— Чудненько, мы будем помогать Шабаку. И каким образом?

— Аделман, Броди, Френкель, Колберг.

— Кто такие?

— Шабак ищет одного из них.

— Их, может быть, тысячи. Почему бы ему было не попросить нас найти человека по имени Джон Смит? Что у него еще есть, кроме имен?

— Ничего. Родился — между двухтысячным и две тысячи четвертым годами. И имена.

— Херовая работенка. Я начну с банка данных Американского центра пропавших детей. Речь идет о сбежавшем из дому ребенке, так?

— Да.

— Аделман, Броди, Френкель, Колберг, — сказал Икки задумчиво. — И что мы такое можем, чего не могут люди Балина?

— Это трудно — влезать в банки данных, если у тебя нет на это разрешения?

— Для крутого хакера вроде меня? Вопрос времени и везения.

— Может быть, Балин знает, что у тебя это хорошо выходит.

— Херню несет твой Балин. Если не повезет, это может занять несколько дней, но имея хороший комп и софт...

— Может быть, ты им понравился.

— Так и запишем: я им понравился, — ехидно произнес Икки. — Аделман, Броди, Френкель, Колберг?

— Да.

Икки настучал имена в окошке поиска Национального центра. Где-то в Америке лазерный луч деловито побежал по хард-диску.

— Бинго — Колберг, — сказал Икки. Брам придвинулся поближе.

— Юдит Колберг. Ушла из дому. Заявитель: Йозеф Колберг. Двадцать третье сентября две тысячи семнадцатого года. Вернулась через два дня. Болталась где-то с бойфрендом.

— И это все?

— Больше ничего. По крайней мере, в Америке. Что, Шабаку было не под силу это проделать, и они обратились ко мне? Если да, так у нас в стране большие проблемы.

— Ты хочешь сказать, у нас в стране нет проблем?

— Конечно, есть, — кивнул Икки.

— Мы идем на пляж, — сказал Брам.

⁷¹ Здесь: Не может быть (англ.).

⁷² Здесь: Компьютерная защита (англ.).

— На пляж?

15

Отец почти ничего не весил. Он все еще был очень высоким, хотя сильно горбился, но Брам приспособился поднимать его так же, как иногда поднимал пациентов. Поворачивался к отцу спиной, опускался на колени, закидывал его руки себе на плечи и поднимался, наклоняясь вперед, пока не чувствовал, что ноги отца оторвались от земли и отец, как ребенок, повис у него на спине. Таким образом он мог снести его с пятого этажа. Икки нес легкое складное кресло на колесах и сумку с памперсами, салфетками и сменой одежды.

— Blistut nasja, — пробормотал Хартог.

— Ты в порядке? — спросил Икки.

Ноги Хартога задевали ступеньки, но он, казалось, не замечал этого, продолжая что-то бормотать. «Мне лифт не нужен, — постоянно повторял он. — Лифт нужен дерьмовым бездельникам. Из-за него слабеют мышцы и сердце». Надо было перебраться в дом с лифтом, как только отцу стало трудно ходить, но в ту пору мозг Хартога работал отлично, и он воспротивился переезду: «Когда я не смогу подниматься по лестнице, отнесешь меня в пустыню и оставишь там, как делали эскимосы: они оставляли своих стариков в ледяной пустыне. Нечего тянуть, конец он и есть конец».

Рита ждала внизу, с Хендрикусом на руках. Рядом стояла полная сумка. Она улыбалась:

— Чудесная идея, профессор!

Брам усадил отца в кресло, положил его руки на рукоятки, и Хартог, как робот, пришел в движение, слепо стремясь к неведомой цели. Брам оставалось только направлять коляску в сторону «ровера» Икки.

— Он болтает без остановки, — радостно сообщила Рита.

Пораженный новостью, Икки воскликнул:

— Брам! Вот здорово! Это результат нового лекарства?

— Возможно, — сказал Брам, который не слышал от отца ничего по-настоящему сенсационного, кроме *Godverdomme*. Но и это могло быть всего лишь игрой воображения. Говорят, что толпа обезьян, вооруженных компьютерами, может случайно напечатать полное собрание пьес Шекспира — через несколько миллионов, или через миллиард, или через пять миллиардов лет — вопрос времени и везения. Шарик размером с кончик отточенного карандаша, сгусток вещества и космической энергии взрывается — и появляется человек, — Чингисхан или Вольфганг Амадей Моцарт, Батья Лапински или Хартог Маннхайм. *Godverdomme* — слово, порожденное гениальным мозгом Хартога Маннхайма, которое он довел до сведения остальных.

Брам помог отцу усесться в машину и усадил Хендрикуса на колени Рите. Вещи сложили в багажник, и Икки повез их на пляж.

— Когда я была молода, я не пропускала ни одного погожего дня, — сообщила Рита, сидя рядом с Икки и смеясь, как девочка, и Брам вдруг увидел, как сквозь маску старухи проступает ее юное, семнадцатилетнее лицо. — Вы не поверите, мальчики, но я привлекала к себе всеобщее внимание.

— Rosjnasj, — пробормотал Хартог.

— Что говорит ваш отец, профессор?

— Тетя Рита, он говорит, что вы до сих пор привлекательны, — «перевел» Икки.

Она, смеясь, затрясла головой и, не глядя на Хартога, сказала:

— Старый льстец.

Перебирая пальцами шерсть Хендрикуса, она задумчиво смотрела вдаль, словно мысленно листая альбом со старыми фотографиями.

— Я была упитанной девушкой. То есть я была стройной, но не тощей. Мужчинам это очень нравится. Должна сказать: я не была застенчивой. Моя мама провела множество ночей без сна из-за меня. И в армии — ах, как давно это было, мальчики, теперь никто на меня

больше не смотрит.

— Izganizizo, — пробормотал Хартог.

— Он сказал: неправда, я смотрю, — быстро «перевел» Брам.

— Когда я остаюсь с ним, он иногда подолгу говорит без остановки, — сказала Рита. — Я ни о чем не жалею, может быть, только о том, что у меня было не так много бойфрендов. Хотя и тех, что были, оказалось достаточно. Но что считать достаточным в моем возрасте? Вы знаете, когда я с ним познакомилась?

— Нет, — сказал Брам. — Когда?

— Когда мне было тридцать. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году.

Она уже рассказывала об этом, он несколько раз слушал ее рассказы. Но ей нравилось снова и снова повторять свою историю. А может быть, она забывала, что уже говорила об этом.

— Там, куда мы сейчас едем. На пляже. Я видела его раньше. У меня уже был бойфренд, лет тридцати, кажется. Нет, я не была трусихой. Тогда в моде были крошечные бикини. Мой был белый с черными полосочками. Очень мне шел, у меня был красивый, ровный загар. А Мау — Мау был хорош собой и мускулист. С красивой фигурой. Я и тогда очень много читала. А он лежал на песке, метрах в десяти от меня. На бордовом купальном полотенце. В какой-то момент, когда он повернулся на живот, я тоже оказалась на животе. И мы бросали друг на друга такие... шаловливые взгляды. Как обычно смотрят друг на друга молодые. Провоцирующие. А потом мы оба взяли в руки свои книги, и оказалось, что мы читаем одно и то же.

— И что это была за книга? — спросил Икки, он тоже знал ее историю наизусть.

— «Жизни Дьюбина». Бернарда Маламуда.⁷³ Он давно забыт.

— Кто? — спросил Икки.

— Маламуд. Бернارد. Будь он жив, ему исполнилось бы в этом году сто десять лет. Я читала его рассказы, а тут выпустили «Жизни Дьюбина» в твердой обложке. Мау он тоже очень нравился. Мау не был интеллектуалом. Я изучала музыковедение, а Мау был электриком. Но он много читал. И он тоже знал Маламуда. Обожал его рассказ «Еврейская птица». Это я должна вам рассказать, история просто поразительная.

— «Еврейская птица»? — удивился Брам, этой истории он еще не слышал.

— История ворона, которого зовут Шварц и который считает себя евреем. Он говорит на идише. Бежал от антисемитизма и ищет безопасного убежища в квартире, где живут евреи по фамилии Коэн. Но у Шварца не сложились отношения с отцом семейства Коэн. И в конце концов этот самый Коэн убивает еврейскую птицу.

— Что-то в этом есть очень израильское, — сказал Икки.

— Мау первым заметил. Он щелкнул по обложке своей книги и указал на мою. Тогда и я заметила. Мы расхохотались. Он подошел и сел рядом со мной. Оказалось, он прочитал дальше, чем я. Когда наступил вечер, мы пошли вместе обедать, а после я поехала к нему. Я уже знала, что Мау создан для меня. Навсегда. В первую ночь мы по очереди читали друг другу «Жизни Дьюбина».

Икки вел автомобиль к улице Айаркон, где стояли в ряд, глядя слепыми окнами на море, опустевшие отели.

— Я до сих пор много читаю, — продолжала Рита. — Они убили Мау двадцать лет назад. Возле Хеброна. — Время от времени она должна была повторять свои рассказы, словно боялась, что иначе они забудутся. — Он отвозил какому-то знакомому всякие электрические штуки. И у него лопнула шина. Они вытащили моего Мау из машины и переехали его. Потом бросили его в канаву и подожгли машину. Через несколько лет их накрыли в Дженине. Кроме них, погибло еще трое; те не были ни в чем замешаны. Но мне их

⁷³ Б. Маламуд (1914–1986) — известный американский писатель, еврей, его родители — эмигранты из России.

не жалко. Подумать только — из-за лопнувшей шины. Смотрите, пляж!

Она знала, как должны были знать Икки и Брам, что широкая безлюдная полоса песка, вдоль которой они ехали, называется этим словом.

— Почти никого, — констатировала Рита, глядя на пляж. — Так что места много, мальчишки! Те книги я до сих пор храню. Они стоят у меня в шкафу: «Жизни Дьюбина» и рядом еще раз «Жизни Дьюбина». Разве ты их не видел, Икки?

— Видел, — откликнулся Икки. — Только я всегда думал, что тебе подарили две одинаковые книги.

Эва — или Баття — ждала их перед дверями «Бич Плаза», у ног ее стояла картонная коробка. Брам вышел из машины, она не спеша поцеловала его в губы, потом он познакомил ее с Ритой. Икки, сидя за рулем, несколько секунд не сводил с Эвы глаз, словно подыскивая благовидный предлог, чтобы смыться.

Брам поднял коробку. Там были бутерброды, фрукты и две бутылки вина. Взяв Эву за руку, он подвел ее к полосе песка. Опершись на его руку, она разулась — очень по-женски, как показалось Браму: стоя прямо, сгибала ногу в колене, отведенной назад рукой сдвигала с пятки ремешок сандалии и позволяла ей соскользнуть. Он смотрел, как она ставит босые ноги в песок, как двигаются ее пальцы; она пошла вперед, оставляя за собой следы. Вместе они расстелили и расправили плед, рядом Икки воткнул в песок большой пляжный зонт и установил под ним кресло Хартога. Брам помог отцу выйти из машины, принес его на руках под зонт и усадил в кресло. Хартог, удовлетворенно бормоча, уставился на море. Рита нахлобучила ему на голову поношенную полотняную шляпу камуфляжной раскраски с широкими полями, отбрасывавшую тень на лицо.

В разных концах пляжа на песке сидели небольшие группы людей — ничего похожего на толпы, заполнявшие пляжи на пороге нового тысячелетия. Брам рассматривал отели: некоторые из них были превращены в жилые дома, в остальных персонал, заперев большую часть этажей, проводил время в курилках.

Эва обвила руками его шею.

— Оставайся со мной, — шепнула она ему на ухо, — даже если ты думаешь, что у меня не все дома.

Он кивнул и прижал ее к себе.

Она сделала бутерброды и разрежала их наискось, треугольниками. Семга с огурцом, клубника (где она это купила?), белое вино («один глоточек», — сказала она), и Брам задремал, лежа на теплом пледе, положив голову ей на плечо. Он проснулся минут через тридцать и увидел, что Эва сидит на песке, обняв руками колени, рядом с Ритой и кивает задумчиво, слушая ее рассказы. «Здесь мы встретились с Мау», — донеслось до него.

Он оперся на локоть. Икки стоял, облитый светом склонявшегося к закату солнца, и у ног его плескались волны; Хартог дремал в кресле, под которым лежал Хендрикус; Рита дошла до истории с проколотой шиной Мау, и Эва взяла ее за руку. Эва пока ничего не объяснила, но, если даже она и была немного не в себе, — какая разница, это-то, скорее всего, он сможет пережить.

Когда солнце зашло, Брам отвез отца домой. Он заказал обед по телефону, потом помыл Хартога и уложил его в постель. Рите он пообещал, что завтра приведет для нее в порядок свою спальню, потому что теперь она проводила у него больше времени, чем в собственной квартире.

В «Бич Плаза» Эва ждала его, стоя на балконе, прижавшись животом к перилам и сложив на груди руки. Легкий ветерок с моря шевелил шторы. Платье вызывающе облегало ее тело, на ногах — туфли на острых высоких каблукках, губы накрашены ярко, как у проститутки. Его личной проститутки.

— Эва? — спросил Брам.

Она кивнула.

— Ложись. Я хочу устроить стриптиз для тебя. Я захватила записи такой,

специфически-сексуальной, музыки.

Она подвела его к кровати.

— Ты должен курить и смотреть на меня, — велела она. — Потом можешь сделать со мной все, что захочешь.

Она погасила свет, оставив только ночничок в углу.

Звуки саксофона из старенького СД-проигрывателя, встроенного в тумбочку у кровати, наполнили комнату: «Алабама» Джона Колтрейна.⁷⁴ Эва и раньше включала музыку, но это никогда не сопровождалось раздеванием. Она дала ему прикурить и повернулась спиной, чтобы он расстегнул молнию на платье. Под первую часть «Алабамы», пока фортепьяно нервно перебивало меланхолично нащупывающий мелодию саксофон Колтрейна, Эва, как настоящая стриптизерша, едва сдвинувшись с места, позволила платью упасть к ее ногам. И, вслушиваясь в молящие пассажи Колтрейна, он понял, почему она взялась играть эту роль, почему здесь она не хотела быть матерью Сары, почему отказалась от своего имени. Она перешагнула через платье, оставшись в черном кружевном лифчике и черных стрингах — в точности как на рекламе шикарного нижнего белья, много лет назад украшавшей улицы города. Колтрейн нашел наконец нужный ритм, и оркестр радостно потянулся за ним; Эва разомкнула лифчик и позволила ему увидеть свои груди. Облизав подушечки пальцев, она смочила соски, наклоняясь к нему, даря ему свои груди. Он понял, что совершается некий ритуал, это возбуждало, и, отложив сигарету, положил ладони на ее бедра. А она, распахнув колени, придвигалась все ближе и ближе к его лицу.

— Ты и правда считаешь, что я не в себе? — спросила она, когда ночью они вышли в город.

— Да, — отозвался Брам.

Они шли под руку, она опиралась на него. На ней были спортивные туфли — такие же она носила на работе, в аптеке. В три часа ночи Тель-Авив был пуст: ни машин, ни пешеходов. Они шли по мощеной дорожке в сторону ее дома, словно дело было днем и они вышли прогуляться до библиотеки или собрались в кино.

— Ты понял, почему я почувствовала себя свободной?

— Нет.

— Надежда разрушает жизнь. У меня не было надежды. И все равно она напоминала о себе. Время от времени. Жутко, да?

— Да, — сказал Брам, но он не знал, так оно или нет. Он никогда не думал о малыше. Хотя — в каком-то смысле — постоянно думал о нем. Малыш всегда был с ним, словно руки или ноги, — но разве кто-то думает о них специально?

Она сказала:

— Я с самого начала знала...

Брам глядел на нее сбоку — они шли быстрым шагом, это успокаивало — и ждал продолжения.

— Через двое суток. Через сорок восемь часов. Собственно, я точно знала через два часа или даже через час. Правда же? Ведь так и бывает, а, Брам? Ты ведь тоже сразу все понял? Почувствовал в одну секунду. Что все переменялось навсегда. Что никогда не вернется прежняя жизнь.

— Да, — сказал он.

— Все это время я была в трауре, — продолжала она. — Я все еще в трауре, — но с тобой я начала новую жизнь, под другим именем. Это случайно вышло. Я не собиралась. Я просто хотела знать, кто ты такой, как ты можешь спокойно делать такую работу. Я могла просто назвать свое имя, когда мы впервые встретились в «Радуге». Я рада, что этого не случилось. Гораздо лучше быть Эвой. Для тебя. И для меня.

⁷⁴ Песня из альбома Live at Birdland, написана в память о взрыве в баптистской церкви в Алабаме.

Голос Эвы дрогнул, но она справилась с собой.

— Брам, самое страшное, что мне пришлось пережить, уже случилось. И я так рада, что познакомилась с тобой. После самого ужасного может случиться только хорошее. Я верю, что теперь сама смогу справляться с непереносимым. Справиться — не значит ли это: начать снова жить, а, Брам?

— Может быть... — отозвался он. Он не справлялся. И тем не менее — кажется, Эва собирается предложить ему начать сначала? Об этом он не думал никогда.

— И — знаешь, я беременна.

Он попробовал прочесть ответ в ее глазах, она смело смотрела на него.

— Беременна? — пробормотал он.

— От тебя, — шепнула она.

— Что ты имеешь в виду?

— Что мне нельзя больше ни пить, ни курить.

Он кивнул, хотя не получил ответа на свой вопрос.

— Я поняла это сразу. Позавчера. Я проснулась и поняла: что-то случилось. И сразу поняла, что: я забеременела. Я почувствовала. Иногда знаешь сразу. Меня словно кто-то коснулся. Что-то изменилось. Трудно объяснить. Но я знала совершенно точно. У меня будет ребенок.

В ночь после теракта? После того как он рассказал ей о ее дочери? Может ли женщина сразу понять, что беременна? Кажется, должно пройти несколько недель прежде, чем она сможет убедиться в этом? Должны прекратиться месячные? Или что там происходит?

— Ты беременна?

— Да.

— И ты можешь сказать об этом через несколько часов?

Она кивнула:

— Да. Могу.

— Как можно почувствовать беременность через двое суток?

— Ты совсем ничего не знаешь о том, что чувствуют женщины, Брам.

Поцеловав, она повлекла его за собой, в ночь, и они снова пошли по притихшему городу, ступая в едином ритме, словно за много лет совместных прогулок научились соразмерять свои шаги. Он покорно шел за ней, думая лишь о том, с кем, собственно, свела его судьба.

— Почему ты тогда, в первый раз, заплатил мне? — спросила Эва.

— Я думал — я не знаю, что я думал, — пробормотал Брам.

Она сказала:

— Ты думал, что никто, кроме платной шлюхи, не захочет спать с тобой. Так?

— Может быть. А почему ты взяла деньги?

— Я была сбита с толку. Я не понимала, что случилось. Потом это было... в этом было что-то волнующее. А после — я не могла уже ничего изменить... Нет, я не собираюсь больше делать ошибок, — сказала она совсем другим тоном. — Я купила другую одежду, хотя у меня было что носить, сохранились даже детские вещи, я никогда их не отдавала, но у нашего ребенка будет все новое. Только для нее. Она не будет заменять собою никого. Она будет новой и начнет с самого начала. Она будет девочкой, я знаю это наверняка. Правда же, Брам, мы должны купить для нее все новое?

— Конечно, — сказал он, понятия не имея, как надо поступить, не зная, существует ли крохотное нечто, о котором она говорит, но точно зная, что ответить надо именно это. Больше всего на свете он боялся показаться безответственным. И ему страшно нравилось слушать ее.

— Я не хочу, чтобы она когда-нибудь подумала, что должна заменить мне погибшего ребенка. Это было бы ужасно. В мире достаточно зла. И я собираюсь защищать ее. Я собираюсь читать ей вслух. Я не допущу в дом ни газет, ни телевидения. Пусть она видит только прекрасное. Я покажу ей Лувр — если мы получим визу, может быть, нам удастся —

через знакомых.

— Всегда можно попробовать, — сказал Брам.

— Пусть растет здесь? Или лучше уехать?

— Ты можешь уехать.

— А ты?

— Я никогда не получу разрешения.

— Может быть, нам удастся сделать так, чтобы и ты смог уехать?

— Может быть, — откликнулся он.

— А Эрмитаж в Петербурге! Ты знаешь, что там одного Рембрандта двадцать полотен? Больше, чем в Амстердаме! Ты их когда-нибудь видел?

— Да.

— И как?

— Как? — спросил он. — Можно мне обнять тебя?

Она кивнула и повернулась к нему. Брам обнял ее, прижал к себе и зарылся лицом в светлые волосы.

Он ничего не услышал, только почувствовал, что изменилось освещение улицы: сверху вспыхнул ослепительно-синий свет, они подняли головы и разом зажмурились. «Крылатая курочка» застыла над ними, чтобы оценить, насколько они опасны для страны. Какая же информация со скоростью света извлекается из компьютера и появляется на экране? Ни в чем не замешаны. Потрепаны жизнью. Пережили несчастье. Оба потеряли детей. Степень угрозы ноль целых хрен десятых.

Эва подняла руку и весело помахала тем, наверху. А «Крылатая курочка» дружелюбно библикнула в ответ хриплым голосом старинного автомобиля. Свет потух, и черное насекомое, раскручивая огромные лопасти пропеллера, поднялось повыше, кокетливо развернулось и исчезло.

Эва взяла его под руку и повела вперед.

— Я не хочу ничего знать о том, что случилось позавчера, — сказала она. — Я все видела по телевизору. Но я больше не собираюсь терпеть. С меня довольно. Мне надоело ходить в заложниках. Вот так. Это не мой мир. Может, нам уехать, Брам? Как ты думаешь?

— Мне... мне хотелось бы, чтобы ты осталась. Что же касается...

Он искоса поглядел на Эву и увидел, что она кивнула. И крепче прижалась к нему.

— Ради ребенка, — сказала она, — мы должны уехать. Может быть, это и есть лучшее решение. Москва. Или Санкт-Петербург. Девочкой я мечтала стать балериной и танцевать в Большом. А оркестр Московской филармонии! Там снова, как раньше, много евреев. И в Национальном оркестре России. Говорят, Путин уговорил их вернуться. Мы будем чувствовать себя там почти как дома. Русские и евреи имеют много общего, разве нет?

Он кивнул, чувствуя, что после всего случившегося в последние дни снова обрел способность держаться прямо. Он освободился от воспоминаний — благодаря ее близости, ее удивительной способности радоваться жизни. Он проводил ее до дома, но они распрощались у дверей: она не хотела, чтобы его принимала Батья. Она была фантазеркой, но именно это ему в ней нравилось.

— У меня новость. Чудесная новость, папа, — рассказывал Брам, пока мыл отца в ванной. Хартог сидел, раздетый, на табуретке, а Хендрикус, устроившись на пороге, внимательно следил за происходящим. — Я знаю, что тебе трудно отвечать мне, но я надеюсь, что ты понимаешь, о чем я говорю. Та женщина, которая была с нами на пляже. Ее зовут Эва. Правда, у нее есть и другое имя. Она немного странная, но ведь и сам я не вполне... Кажется, я люблю ее. Кажется, я снова влюбился. Есть и более важная новость. Она ждет ребенка. И я — отец этого ребенка. Это немножко *мешугас*, но я подумал: мне не хочется скрывать это от тебя. Она удивительная. Она безо всяких проверок знает, что

беременна, она это чувствует. Наверное, она могла бы стать интересным объектом исследования для тебя, папа.

Он помог отцу встать и положил его ладони на металлический поручень, чтобы тот мог держаться.

— Значит, я скоро снова стану отцом. После всего, что случилось. А ты — дедушкой. Тебе придется постараться жить подольше, чтобы познакомиться с внучкой. Обещаешь?

Хартог молча стоял лицом к стене, крепко вцепившись в поручень.

— Эва забеременела всего три или четыре дня назад, так что ты должен продержаться, по крайней мере, девять месяцев. А лучше — лет шесть. Она говорит, что это — девочка. Не понимаю, как это можно узнать в две секунды, я думал, что все начинается с кучки крошечных клеток или не знаю с чего, но Эва говорит, что это возможно, вернее, что она умеет узнавать это сразу. Замечательно. У тебя будет внучка. Эва, конечно, уже придумала имя. Но ты тоже должен подумать. Мы не сможем назвать ее Хартог. По-моему, у твоего имени нет женского варианта.

Брам вытер его, чувствуя сквозь полотенце свободно висящую кожу на ногах, — там, где у Хартога раньше были мышцы. Потом распрямился, разжал вцепившиеся в поручень пальцы и заметил, как на миг осмысленное выражение мелькнуло в глазах отца. Словно свет зажегся: он осознал, где находится, он узнал сына, и во взгляде появилась та внутренняя сила, которая была ему свойственна. Но вместе с ней и тоска — он понял, что сделало с ним время.

Брам схватил Хартога за плечи, взгляделся в его глаза.

— Папа? Папа?

Всего две секунды смотрели они друг на друга, но теперь Брам был уверен, что отец узнал его и понял, о чем он говорил. Потом Хартог снова отвел взгляд и уставился в стену.

Отец засыпал в своей постели, а Брам, держа его за руку, рассказывал анекдот Голдфарба, разворачивающийся бесконечной сказкой, как рассказывал бы его ребенку перед сном.

17

Вечер еще не наступил, когда он вошел в номер отеля, где, спокойная и умиротворенная, спала Эва. Икки он предупредил, что не придет. Брам поцеловал ее — тихонько, чтобы не разбудить, осторожно положил книгу, которую она читала, на тумбочку и растянулся на постели возле нее. Где-то в здании раздавались голоса, он услышал, как загудел и поехал вниз лифт — казалось, в отель снова съезжаются постояльцы, туристы из Европы, и сейчас, пересекая улицу Дизенгофа, поведут своих детей на пляж, делать куличики из песка, а по утрам в буфете бесечно положат на тарелки ананасы, персики, гранаты, лепешки-пита и по большому куску яичницы с копченой семгой, продремлют до полудня в шезлонге, после ланча займутся любовью — не так, как дома, а словно только что познакомились и потому должны вести себя бесстыдно, — это поможет им снова заснуть, а к вечеру, взявшись за руки, пойдут гулять в полосе прилива, глядя, как уходит в море солнце. Вот здорово, подумал Брам, положил руку на плечо Эвы и заснул.

Оказывается, Эва запаслась вином, хлебом и сыром. Она сидела возле него на постели, скрестив ноги, простыня, в которую она завернулась, чтобы скрыть от него грудь и живот, разошлась, и он мог видеть все. За окном плескалось море, и с вечерней набережной — это поражаало его — доносился чей-то смех. Брам, опершись на локоть, не спеша рассматривал ее, проститутку, оказавшуюся его любовницей или, вернее сказать, — женой, которая распространяла вокруг себя аромат секса; на верхней губе и на плечах у нее выступали бисеринки пота, блестящие в свете ночника. Чувство безвозвратной утраты, жившее все эти годы глубоко в груди и раздиравшее его сердце, чувство, ставшее почти привычным, все еще оставалось в нем, но теперь, благодаря ей, он мог с ним справляться. Он страстно желал ее

тела, ему хотелось разгадать секрет ее нынешнего, особого состояния. И он понимал, что никогда не раскрыть ему этого секрета, что так оно и должно быть. Раньше, с Рахель, ему неприятно было, что в животе ее растет, внимательно следя за ним, постороннее существо, что он как бы касается его, когда занимается с ней любовью. Но с Эвой та же картина становилась символом плодородия и необходимой для этого тесной близости.

Где вырастет его новый ребенок? Эва может уехать в богатый русский город; она будет надевать на девочку платьице и завязывать ей банты; осенью они пойдут гулять по шуршащим под ногами листьям, а когда придет зима, Эва наденет ей шубку; они будут бродить по ГУМу, возле Красной площади; она будет держать ее ручки, чтобы было не так больно, когда ей станут прокалывать ушки, чтобы вдеть серьги.

— Но только вместе с тобой, без тебя я никуда не поеду.

— Я поеду с тобой, — кивнул Брам.

Она взяла его руки и прижала к своей груди.

— Без тебя — я не смогу без тебя, Брам. Правда-правда. — Она поцеловала его руку. — Я знаю, что говорю, как глупая девчонка, но это правда. — Она еще раз поцеловала его руку.

— Милая, милая, не надо. — Он осторожно взял ее руку и поднес к губам. — Это полагается делать наоборот, вот так.

Эва накинула простыню на плечи, а он спустил поднос на пол. Она прижалась к нему, положила голову ему на грудь и спросила:

— Кого мы возьмем с собой?

— Куда? — Он погладил ее по плечу.

— В Москву.

— Мы можем кого-то взять с собой?

— Это вопрос денег, как я понимаю. С русскими всегда можно договориться.

— Я не такой богатый, Эва.

— У меня есть деньги. Не слишком много, но нам хватит. Твой отец — ему можно лететь?

Идея приобретала конкретность — она говорила то, что думала. Сможет ли он перевезти Хартога? А Хендрикуса? Позволят ли русские въехать в страну такой старой собаке? Или это просто игра, болтовня?

Он спросил:

— Когда ты собираешься ехать?

— До родов. И не хочу тянуть с отъездом.

— Значит, месяца через четыре? Или пять?

— Да.

— На что ты собираешься там жить?

— Как здесь. Фармакология везде фармакология. Химия везде химия. Ты мог бы преподавать.

— По-русски?

— Там живет двести тысяч израильтян! Есть школы, где преподавание ведется на иврите.

— Ив них изучают историю Ближнего Востока?

— Вполне возможно.

— Нет. Я знаю, что я должен делать. То же самое, что здесь. Я пойду работать на «скорую». Буду водить машину. Наверное, придется пройти курс русского языка.

Она выпрямилась и с нежностью посмотрела на него.

— Профессор, это прекрасная идея.

— Да?

— Да.

— И спасти зимой русских пьянчуг.

— Им придется поставить тебе памятник, — улыбнулась Эва.

— А Икки?

— И его заберем. Заберем всех, кого любим. Прочь отсюда. — Она поцеловала его в подбородок, потом в щеки и в лоб.

— А кто же здесь останется?

— Никого не останется, — сказала она и уселась на него верхом.

Они заснули обнявшись; проснувшись, он почувствовал, что отлежал руку. Разбудил его звонок мобильного, и он сразу отключил телефон, чтобы не беспокоить Эву. Звонил Икки.

Бесшумно встав, Брам затворился в ванной и перезвонил. Было одиннадцать вечера.

— Что случилось? — спросил он негромко.

— Извини, если помешал, но я кое-что нашел.

— Я не знаю, что ты искал.

— Я искал имена, которые дал нам Балин.

— Господи, Икки, я не знаю, хорошо ли будет, если ты...

— Ты можешь приехать прямо сейчас?

— Это так важно?

— Если б не было важно, я тебе не позвонил бы!

— Тихо, тихо!

— Извини, Брам, я несколько перевозбудился. Слишком долго просидел за компом, какие-то архивы, банки данных... Господи, даже не знаю, сколько законов я нарушил.

— И наследил?

— Понятия не имею. Меня это уже не интересует.

— А меня, напротив, интересует, — сердито заметил Брам.

— Вот приедешь сюда, заговоришь по-другому.

— Где ты?

— В «Банке».

18

Сквозь грязные стекла виден был свет, но, даже придвинувшись вплотную к окну, можно было разглядеть только неясный силуэт Икки и нечто расплывчатое на экране. Икки запер двери, и Брам пришлось стучать.

— Ты хоть принес чего-нибудь?

Вместо ответа Брам высоко поднял пластиковую сумку. Он купил по дороге гамбургер и бутылку колы. Икки снова запер дверь, и они прошли сквозь сумрачный зал к своим столам, к компьютеру.

— Я с полудня ничего не ел, — сказал Икки. Он забрал сумку у Брама и сел. — Решил попробовать порыться, эта штука не шла у меня из головы. То, что он нам подсунул, выглядело, как бесконечная работа. Поди-ка поищи. Одни имена чего стоят: Аделман, Броди, Френкель, Колберг. Ни малейшей зацепки. Найти где-то в мире еврея, родившегося между двухтысячным и две тысячи четвертым годом. С одним из этих имен. Или, по-другому: ему должно быть от двадцати до двадцати четырех лет. Замечательная задача.

Он вскрыл коробочку и отхватил от гамбургера изрядный кусок, наклоняясь над столом, чтобы не капнуть кетчупом на одежду.

— Но ты ее решил? — спросил Брам, садясь за стол против Икки и закуривая.

— Прошелся по всем банкам данных. Чудовищно. Напоролся на какие-то жуткие дела. Насильники гнались за мной по пятам. Сколько же дерьма в мире, Брам!

— Никогда бы не подумал.

— Но я имел свой *маззл*.⁷⁵ Я с самого начала чувствовал.

⁷⁵ Удача (*идиш*).

— Твоя способность к предчувствиям в один прекрасный день станет легендарной.

— Уйми свой сарказм, Брам. У меня голова кружится от напряжения, в глаза словно песок насыпали, и вот-вот начнется изжога от твоей дерьмовой котлеты.

— Икра в продаже еще была, но блины и сметана кончились, а я знаю, что ты ешь икру только с блинами и обязательно со сметанкой.

— Ты успел хорошо меня изучить за это время, — насмешливо протянул Икки. — Я нашел то, что искал твой Балин.

— Ты нашел его?

— Думаю, что да.

— Что ты, собственно, нашел?

— Я думаю, что узнал то, о чем ты мне не хотел рассказывать. Тот теракт. Какая, на хрен, ракета? Никакой ракеты не было. Кто-то взорвался там. Это был еврей, иначе он не прошел бы шлюз. И он нес с собой какую-то необычную взрывчатку, чтобы и химикам Шабака было чем заняться. Еврейский террорист. — Икки снова откусил от гамбургера и принялся жевать.

— Ну-ну, продолжай, — поторопил его Брам.

— Во время проверки ДНК они выделили его Y-хромосому. Они исследовали еврейское дерево, выяснили, чьи Y-хромосомы нужно отследить, и передали информацию Шабаку. Вот откуда эти четыре имени. Мне повторить их?

— Я их помню, — ответил Брам.

— Но это тоже полное безумие, — продолжал Икки. Он положил полгамбургера назад в коробку, открутил крышечку бутылки и глотнул колы.

— Благородная отрыжка, — объявил он.

— Безумие? — спросил Брам.

— Безумие, да.

— Рассказывай дальше.

— Я наткнулся на имя Френкеля в голландском банке данных.

— В голландском?

— На твоей родине.

— Френкель голландец?

— Американец.

Откуда Браму было известно это имя?

Икки продолжал:

— Вначале был Сол Френкель. Родился в Германии, после войны учился в Нью-Йорке, получил гражданство. Нашел работу в Амстердаме, женился, у него было два сына. В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году вернулся в Америку с младшим сыном, у которого позднее родилась дочь. Линия Y-хромосомы здесь прерывается, потому что она передается от отца к сыну, дочери ее не получают, мы можем исследовать только мужскую линию.

Сол уехал, а его старший сын Михель оставался в Голландии до две тысячи второго года. Женился на голландке, у них родились две девочки, развелся с женой в тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Через четыре года, уже после смерти Сола, Михель тоже уехал в Америку. Все аккуратно записано в сети, в открытом доступе, ничего особенного. Но — кто бы мог подумать? — в Голландии от Михеля кое-что осталось.

— Ну?

— Герлфренд. И она была беременна. Еврейская девушка. Юдит де Фрис. Де Фрис. В Голландии это имя часто встречается?

— Да. И не только среди евреев. Де Фрис. Откуда ты узнал о герлфренд? Михель писал об этом в своем блоге? Или поместил объявление в газете?

— Погоди, — сказал Икки. — Герлфренд с ним в Америку не поехала. Понятия не имею, почему. В октябре две тысячи второго года родила мальчика. Назвала его по имени своего отца Якобом. В досье фигурируют еще имена Яап и Яппи, Яппи де Фрис.

— Яппи — это уменьшительное от Яап, как Джон и Джонни. «Маленький» Яап.

Дальше?

Икки отпил еще глоток колы и протянул бутылку Брам, но тот покачал головой.

— Ну?

— Яап, таким образом, получил Y-хромосому отца, но другое имя: он носит фамилию матери. И этот самый Яап пропал второго сентября две тысячи восьмого года. С закрытого школьного двора в Амстердаме. Ему не было шести лет.

Малыш Брама исчез за несколько дней до этого. Ему было четыре. Воспоминание причинило боль. Амстердамский мальчик исчез примерно тогда же, когда его малыш. Ничего особенного. Десятки детей исчезли в тот же день, а во всем мире, может быть, даже сотни.

— Теперь — внимание. Его мать заявила в полицию. В прессе эта история широко освещалась, я нашел вырезки в архивных папках газет. Но мальчика не нашли. Никогда больше никто его не видел. В одном досье я нашел отметку о том, что человек, имевший непосредственное отношение к появлению Яапа на свет, Михель Френкель, тоже контактировал с полицией. Это была удача, о которой я мечтал, я получил возможность реконструировать всю историю. В одном из голландских банков данных нашелся Михель Френкель: он возвращался в Голландию, жил по нескольку дней. Они завели сайт: те, у кого пропадают дети, часто так поступают. И тут я понял, что нашел его. Дело идет о пропавшем ребенке, Брам! Который появился здесь, у блокпоста, и взорвался! Еврей, взорвавший себя!

Икки тяжело дышал от возбуждения. Он наклонился к Брам и прошептал:

— И еще кое-что. Сол Френкель, дед этого мальчика, работал с профессором Хартогом Маннхаймом — это ведь твой отец? — в Амстердаме. Сол Френкель был медиком, химиком, физиком, имел целый букет титулов: доктор, доктор, доктор Сол Френкель, великий ученый, в точности как твой старик.

Брам молча кивнул. Внуки двух ученых, когда-то работавших вместе в Амстердаме, исчезли в разных концах мира с разницей в несколько дней. А через шестнадцать лет один из этих мальчиков вынырнул из небытия в Тель-Авиве и взорвался. Апрельским днем 2024 года.

Слышал ли он это имя раньше? Если отец работал с Френкелем, он должен был говорить о нем; может быть, Френкель бывал у них дома. Или он все это придумывает? Френкель вернулся в Америку в 1984 году, через год после того, как Хартог получил Нобелевку, Брам тогда было тринадцать.

Икки ухватился за колени Брама и посмотрел на него взглядом безумного фанатика.

— И что мне с этим делать? — спросил Брам.

— Я предлагаю тебе обдумать это, — прошептал Икки.

«Почему он шепчет? — подумал Брам. — Нас что, подслушивают?»

— Я хочу, чтобы ты как следует подумал и понял, что это может означать, Брам. Я хочу, чтобы ты рассказал Балину то, что сейчас от меня услышал. Я хочу, чтобы до тебя дошло: это не может быть случайностью.

Он сжал колени Брама и потряс их, как бы сбрасывая избыток энергии.

Брам оттолкнул его руки и поднялся. Он шел к двери вдоль пустых касс, по обшарпанному мраморному полу, через пустой зал банка, в котором больше никогда не появится ни единого вкладчика, пока не подумал, что не может оставить Икки наедине с этим дурацким делом. Хотя он-то не верит во все эти глупости — и тут ему пришлось зажать уши, потому что в зале взорвалась музыка «Queen».

Брам обернулся и увидел Икки, прыгавшего и оравшего:

— *Bicycle! Bicycle! Bicycle! I want to ride my bicycle, I want to ride my bike, I want to ride my bicycle, I want to ride it where Hike!*

Почему, собственно, Икки не мог ошибиться? Более чем вероятно, что за сотни лет у любого из мужчин, имевших специфическую еврейскую Y-хромосому, могло быть некоторое количество внебрачных связей. Можно ли проследить все эти неучтенные случаи? И как? Бесчисленные поколения рождались и умирали, сотни мужчин влюблялись и, когда

накатывала слепая страсть, тайно или открыто вступали в связь с соседкой, крестьянкой, служанкой или племянницей, или с женой приятеля, и, возможно, у них появлялись внебрачные дети. Почему Икки решил, что Яппи де Фрис был тем самым самоубийцей с блокпоста на Яффской дороге? Почему еврейская Y-хромосома не могла оказаться у мусульманина, христианина, атеиста — у любого антисемита?

Брам крепко схватил Икки за руку:

— Расскажи мне все это еще раз! И я хочу видеть документы! Выведи мне на экран все твои досье!

Покачиваясь в ритме музыки, полужакрыв глаза, Икки пел:

— *You say black, I say white, you say bark, I say bite...*

Брам схватил его теперь уже за обе руки и встряхнул:

— Дай мне посмотреть на эти документы!

Икки открыл глаза и кивнул, он был совершенно измучен.

— У этого мальчика был велосипед, их там, в Голландии, прямо из колыбели сажают на велосипед, велосипед лежал на углу...

— Кончай со своим мелодраматическим дерьмом! Покажи мне досье! — рявкнул Брам.

19

Ясное звездное небо над городом. Торговцы закрывают двери и окна магазинов решетчатыми жалюзи. Теплая ночь, позволяющая тому, кто ночует на террасе, выбраться из спального мешка. Обязанные веревками, едва держащиеся в стенах балконы; кабели, проложенные поверх фасадов. С балконов свисает сохнувшее белье. Тощая кошка вспрыгивает на край переполненного мусорного ящика, стоящего у магазина, и идет, осторожно ступая меж гниющих отбросов. Бродяга уселся в темноте под козырьком подъезда, пристроив для сохранности за спину пластиковые сумки с барахлом. Вдали «скорая», нервно мигая огнями, форсирует перекресток; сирены выключены, а номер отсюда не разглядеть. Они подходили к ночной закуской, оба слишком усталые, чтобы заснуть.

Икки что-то напевал себе под нос.

Брам узнал мелодию:

— *Bohemian Rhapsody*? ⁷⁶ — спросил он.

— Музыка вашего поколения.

— Но не моя. Я в ту пору не понимал, насколько они хороши. Я был так занят всякой интеллектуальной чушью, что почти совсем не слушал рок.

— Много потерял, — констатировал Икки и запел: — *Mama — just killed a man, put a gun against his head, pulled my trigger, now he is dead.*

— Сопливая мелодрама, — сказал Брам. — Но все равно здорово.

Икки весь вытянулся вверх, раскинув руки, — совсем как Фредди Меркюри, прислонился к выщербленным плиткам фасада Бен Иегуды и запел: *Mama — life had just begun, but now I've gone and thrown it all away. Mama...*

Они засмеялись вместе — Брам поразился тому, что у него хватило сил рассмеяться.

— Когда ты слушаешь музыку? — спросил Икки.

— Никогда. — Музыка нарушала вакуум, в котором Браму нравилось находиться. Все эти годы он предпочитал жить, словно отгородившись от мира толстым полупрозрачным стеклом, не различая четких контуров, не слыша ясных звуков.

— Я скачаю тебе то, что тебе понравится. И мы должны пойти на дискотеку. Даже я туда хожу, несмотря на мою титановую ногу.

— А что, у нас до сих пор танцуют?

— Ты где, собственно, живешь? Это Тель-Авив, парень! Нигде и никогда так не

⁷⁶ Одна из самых успешных песен Фредди Меркюри из альбома «A Night at the Opera» (1975).

оттягивались, как здесь! Нет ничего веселее, чем танцевать рядом с жерлом вулкана или на тонущем корабле!

Открыв дверь закуской, они вошли в небольшое помещение, перегороденное решеткой: словно прямо с улицы попали в тюрьму. Пахло горелым маслом и пролитым пивом. Толстый сефард — кожа его блестела от пота после длинного рабочего дня, проведенного у плиты, — просунул меж прутьев решетки их заказ. Они вышли на улицу, сели на пластиковые стульчики у пластикового столика и, склонившись над открытыми пакетами, занялись своей швармой, лепешками-пита, хумусом и пивом.

Набив полный рот, Икки заговорил:

— Я собираюсь прямо сейчас обработать фотографию новой программой.

В банке данных одного из голландских фондов, где регистрировались пропавшие дети, они нашли снимки Яапа де Фриса, прелестного светловолосого мальчишки с большими голубыми глазами. Программа, о которой говорил Икки, обрабатывала фотографии и давала примерное представление о том, как изображенные на них лица могли измениться со временем.

— Завтра, прямо с утра, надо будет заехать к Плокке, — медленно произнес Брам, словно он был электриком, собиравшимся с утра начать работу у заказчика. Он не желал поддаваться панике. Или, может быть, чувствовал, что дошел до края, что достаточно малейшего толчка, чтобы соскользнуть в безумие. Этого никак нельзя было допускать. Он не мог позволить себе никаких чувств.

— А как же Балин?

— Я позвоню туда, — сказал Брам, — он оставил мне карточку.

— Как ты думаешь, он нас подслушивал?

— Если бы подслушивал, то давно уже примчался бы.

— А как быть с матерью этого мальчика?

— Это дела Балина. Хотя, может быть, лучше мне позвонить... Нет. Пускай звонит Балин.

— Не забудь об отце, Михеле Френкеле.

— Можешь найти его номер?

— В две тысячи восьмом году он жил в Бостоне. Профессорствовал в Гарварде. Читал физику. На ней и трахался, — отрапортовал Икки.

— Во всяком случае, однажды точно на ней, — сказал Брам, пластиковой вилкой намазывая на питу хумус.

— Думаешь, мама Яапа была его студенткой? — оживился Икки.

— Сколько ей было, когда она родила?

— Двадцать три.

— А Михелю?

— В две тысячи втором году? Сорок три. Сейчас ему шестьдесят пять.

Они переглянулись.

— Точно, студентка, — кивнул Икки и набил рот швармой. — Я нашел на одном из сайтов брата Михеля, — добавил он, облизывая губы. — Он тоже был известным ученым. Погиб при взрыве «грязной» бомбы в Сизтле.

Диана! — вспомнил Брам. Перед его глазами встал перекресток в Санта-Монике и девочка, которую он спас. Та самая Диана. Синяя машина, задевшая коляску...

— Эдди Френкель, — медленно произнес он. — У него была дочка, Диана. Сейчас ей, должно быть, пятнадцать. Или шестнадцать?

Икки, изумленно застыв с вилкой в руке, глядел на него:

— Диана? Дочь Эдди Френкеля? Ты ее знаешь?

Брам поднялся со стула, повернулся и медленно пошел прочь, глядя вверх, на крыши и сухие деревья вдоль дороги, ища успокоительную картину, которая поможет унять бешено заколотившемуся сердцу. Сверхидея создает почву для безумия? Или — наоборот — безумие возникает на почве сверхидеи?

После несчастья, которое приключилось с ними, он занялся поисками нумерологических закономерностей, и это он, книжный червь, ведомый нумерологией, проехал через всю Америку, чтобы в один прекрасный день на каком-то перекрестке спасти незнакомую девочку. Чепуха, трагическая нелепость. Которая почему-то случилась с ним, добившимся — из страха, что он может потерять все: малыша, жену, дом — полного самоконтроля! Одна ошибка, но сколько времени потеряно! И сколько всего позабыто — фатальная забывчивость... Икки и он позволили играть с собой, как со слепыми котятками: ученые, полиция, ортодоксы вышли вперед и заставили их искать связь между случайными инцидентами.

Он почувствовал, как Икки коснулся его плеча:

— Что случилось, Брам?

Он обернулся и встретил озабоченный взгляд Икки. На трех скутерах промчались мимо, перекликаясь между собой, юноши; теплый ветер омывал их щеки, ерошил волосы.

— Брам, — спросил Икки, — что, к чертям собачьим, происходит? Как это связано с Дианой? Я совсем запутался...

Брам схватил Икки за руки и поглядел ему в глаза:

— Икки, я не знаю, что случилось, я ничего не понимаю, только мы — я знаю, вернее — думаю, что мы не там ищем; мой малыш — он давным-давно пропал, шестнадцать лет назад, ему должно быть сейчас двадцать, и тот мальчик, Яап, тоже пропал, но каждый год в мире происходят тысячи подобных случаев, и я боюсь сойти с ума, понимаешь?

Икки, вцепившись в руки Брама и быстро кивая, глядел на него, раскрыв рот.

— В этом совпадении что-то есть, Брам. Я пока не знаю что. Но решение совсем рядом, я чувствую это, я всегда чувствую такие вещи — что-то, чего мы пока не можем понять. Что-то есть, я точно знаю!

Брам покачал головой:

— Ничего. Абсолютная бессмыслица. Нечего этим заниматься.

— Но, Брам, — этот Яап исчез тогда же, когда исчез твой сын — почему? Должно же быть какое-то объяснение? И если твой сын исчез так же, как Яап, что случилось с ним?

Брам беспомощно смотрел на него.

— Пошли, — сказал Икки, взял Брама за руку и повел к столу, словно он не мог двигаться сам или превратился в инвалида, которого надо поддерживать. Но внезапно заорал:

— Ты, мешок дерьма!

И бродяга метнулся от стола, унося с собой его тарелку, а Икки попытался рвануться вдогонку, но Брам удержал его:

— Оставь этого попрошайку. Пойди закажи себе еще.

— Вонючий засранец! — проорал Икки вслед бродяге, в хорошем темпе заворачивавшему за угол, и сердито высвободил свою руку.

— Закажи себе новую порцию, — повторил Брам.

— Да я наелся, — отозвался Икки, усаживаясь.

Брам схватил бутылку пива и стал жадно пить. Господи, если это правда и есть связь между исчезновением Яапа де Фриса и его малыша, то теоретически существует вероятность... Но может быть, ни он, ни Икки не заметили, как у них разом съехала крыша? Не он ли только что серьезно думал о системе и числах, не он ли вспоминал потерянные формулы и мечтал о сухих аргументах псевдологических построений?

— Сядь-ка, — сказал Икки, — и расскажи мне про Диану.

— Очень странная история, — пробормотал Брам.

— Это мы уже слышали. Теперь мне хотелось бы узнать подробности.

Хозяин закусочной окликнул их:

— Заказывать чего будете? Я закрываюсь!

— Ты что-то хочешь, Брам?

— Нет.

— Мне пива! — крикнул Икки, обернувшись к дверям.

Брам сел, облокотясь о стол, и поглядел на напряженно ожидающего его рассказа Икки.

— Ладно, слушай: несколько лет назад я был безумен, как мартовский заяц.

— Был? — спросил Икки.

— Много хуже, чем сейчас.

— Я знаю, Брам.

Брам внимательно поглядел на него. Не слишком ли много знает Икки?

— Мы с тобой конченные люди, Икки, нас просто не существует!

Икки откинулся на стуле и отрицательно покачал головой:

— Нас просто сбросили со счетов, вот что. Поэтому я и не чувствую себя уверенно. Но информация, которую я нашел, абсолютно истинна! Все так и было на самом деле! Внуки двух стариков, больше сорока лет назад работавших вместе в амстердамской лаборатории, исчезли почти одновременно — от этого просто жуть берет.

Брам беспокойно кивнул. Чужь несусветная. Лоснящийся от пота хозяин поставил на стол бутылочку пива. Икки полез в карман за деньгами.

— Понравилась моя шварма? — спросил его хозяин.

— Первый класс! А ты как считаешь, Брам?

— Хорошая.

— Скажете об этом своим друзьям, о'кей? — попросил хозяин, разглядывая монеты, которые Икки выложил ему на ладонь. — Слишком много, — констатировал он и попытался вернуть Икки сдачу.

— Это тебе на чай, — сказал Икки.

— Я не беру чаевых, я беру только то, что заработал. — Он вернул Икки лишние монетки и гордо удалился.

— Слушай, — сказал Брам, — после того, как малыш исчез, я стал бродягой. Я был совсем болен, не воспринимал происходящего. Чистый псих. Типичные симптомы. Палилалая, глоссолалая.

— Это еще что?

— Непроизвольное повторение слов — палилалая, а глоссолалая — это когда говоришь вроде бы на своем языке, но употребляешь слова, которые никто не понимает. Когда я более-менее пришел в себя, меня несколько лет лечили. Я до сих пор пью лекарства.

— Я заметил.

— Сперва я бродяжничал в Америке. Я отправился на запад, как многие бездомные. Остановился в Санта-Монике, на берегу океана, и там в один прекрасный день — вернее, в восемь тридцать три, восьмого апреля две тысячи десятого года — на моих глазах автомобиль проехал на красный свет и сбил детскую коляску. Я оказал ребенку помощь. Девочку звали Диана. Потом я встретил ее деда, отца матери. Он рассказал мне, что отец Дианы погиб. При взрыве бомбы в Сиэтле. Отца звали Эдди Френкель, он был братом Михеля, отца Яапа де Фриса, который тут у нас взорвался, — слишком густо все замешано, ты не находишь?

Икки прикрыл глаза и сказал:

— Собственно, да. Много. Густо. — Потом открыл глаза, в которых плескалось непонимание: — Так ты встречался с кем-то из Френкелей? С дочерью Эдди?

— Да, и еще раз — через два года, когда приезжал к ним в гости.

— Понимаешь, Брам, эта девочка — двоюродная сестра Яапа, нашего самоубийцы.

Тут Брам пересказал ему историю, которую слышал от Плоцке, о последних словах Яапа: «Аллах Акбар».

Икки долго, внимательно смотрел в лицо Брама, словно ища объяснения тому, что только что услышал, потом пробормотал:

— Господи...

— Что — Господи?

— Как мог еврей сделать это, Брам? Такого никогда еще не случалось. Еврей,

взрывающий себя в толпе евреев?

Брам взмахнул рукой, словно показывая, что справляется со своим безумием:

— Нам чудятся совершенно абсурдные связи там, где их не существует. Может быть, этот мальчик, Де Фрис, и тот, что взорвался, — вообще разные люди.

— Еврейский мусульманин, — сказал Икки. — Все так просто, как это я до сих пор не понимал! Засранец-еврей, который стал мусульманином! Каким-то образом стал мусульманином за эти шестнадцать лет. И не таким, как те, которым достаточно молиться пять раз в день, поносить на всех перекрестках евреев и христиан, регулярно трахать своих жен и мечтать о средневековом священном халифате, — нет, мусульманин, для которого высшая цель жизни — взорваться, забрав с собой как можно больше евреев.

— Господи... — Брам снова поднялся со стула, его трясло.

— Брам, ты должен показать Плоцке компьютерную обработку фото Яапа. Эти программы очень хорошо работают. Ты ведь знаешь. Но у нас остался еще один неучтенный факт: у двух человек, работавших когда-то вместе, осенью две тысячи восьмого года, почти одновременно исчезли внуки. Это — невероятно для случайного совпадения.

— А какое отношение имеет к этому Диана? Что говорит твоя хваленая интуиция?

Икки смущенно помотал головой:

— Знаешь ли, Брам, моя интуиция устала. Сейчас — три ночи.

— А как обстоят дела у остальных, работавших с моим отцом? У них не исчезали внуки?

Икки тоже поднялся, оттолкнув стул в сторону:

— Ты знаешь их имена?

— Без понятия.

— Найди хоть несколько. Тогда я пройду по сайтам.

— Я поищу. В его архиве. Или, может быть, в архивах газет сохранились статьи об исследованиях, за которые он получил Нобелевку. Там должны быть имена.

— Я проглочу несколько пилюль и вернусь в «Банк», — сказал Икки.

Он раскинул руки, они обнялись, и Брам хлопнул Икки по спине:

— Давно хотелось врезать тебе как следует.

— Все равно ничего не добьешься.

Они разжали объятия, и Брам сказал:

— Ты такой же псих, как я.

— Буду считать это признание знаком искренней дружбы.

Они стояли друг против друга, не решаясь расстаться.

— Брам, — сказал Икки, — если и в самом деле исчезновение Яапа как-то связано с исчезновением твоего малыша, то есть шанс, большой шанс: то, что случилось с твоим ребенком, — не простая случайность. Если мы найдем связь — сколько времени у нас будет?

— Даже думать об этом не хочу, — сказал Брам, боясь возврата в прошлое, в нумерологию, систему, безумие. — Давай-ка сперва покажем фотографию Плоцке. А сейчас я должен освободить бедную Риту. Она спит у нас на диване.

Когда он вошел, Рита не проснулась. Брам тихонько прошел мимо нее в спальню отца. Хартог лежал на спине, до половины прикрытый простыней. Он был в майке и памперсах, которые еще не протекли. Можно было не будить отца, пока сам не проснется. Что может сниться человеку в таком состоянии? Что он может видеть, что переживает? Может быть, ничего, ни знакомых лиц, ни воспоминаний, ни страхов? Брам присел к нему на кровать и легонько провел пальцами по лбу старика. Если бы он остался самим собой, если бы Брам мог обсудить с ним то, что произошло, Хартог, со своей магической прозорливостью, мгновенно нашел бы все связи и восстановил покой и порядок, потому что прозорливость нужна как раз для этого. Брам всегда с восторгом наблюдал за тем, с какой легкостью Хартог

входил в суть любой проблемы. Неужели его интеллект исчез навсегда? Неужели отец все еще дышит и сердце его бьется лишь благодаря упрямому, трудному, неподатливому характеру? Хартог передал ему свою Y-хромосому, а Брам передал ту же хромосому своему сыну. Он вдруг подумал, что и его ждет такая же старость, и вздрогнул. Кто будет за ним ухаживать?

Когда были сданы школьные экзамены и настал день получения дипломов, амстердамские приемные родители Брама, Йос и Хермина Фермёлен, пришли с ним на торжественный вечер в школу. Отец должен был вести в Тель-Авиве какой-то семинар и не смог прилететь. Брам никогда не признался бы даже себе в том, каким одиноким он чувствовал себя, особенно потому, что отца давно уже не интересовали ни его способности, ни успехи. У него были хорошие отметки, но точные науки в дипломе отсутствовали.⁷⁷ Назвали его имя, он прошел вперед, принял из рук ректора свой диплом, а на обратном пути увидел у входных дверей своего высоченного отца в плохо сшитом израильском костюме. Хартог стоял, заложив руки за спину; он издал кивнул сыну, и сердце Брама подскочило от радости. Когда все кончилось, отец пожал ему руку, но, видимо, сообразил, что этого недостаточно, и, на секунду замешкавшись, неловко обнял его. Хартог никогда не был щедр — экономный и аккуратный, он не бросал денег на ветер и многое находил чрезмерным, — но на этот раз решил угостить Брама ланчем в «Европе», одном из самых дорогих отелей в центре Старого города. После первой перемены блюд — Брам заказал самое дешевое, что нашлось в меню, тарелку супа (здесь его называли «консуме») — Хартог выложил перед сыном на белоснежную дамастовую скатерть конверт с тремя тысячами гульденов. Этих денег должно было хватить на билеты: Брам собрался в кругосветное путешествие со школьным приятелем. Хартог не умел зримо выражать свою любовь — никаких неожиданных объятий, поцелуев и прочих нежностей, — но он хотел показать сыну, как сильно любит его.

Было ли это назавтра после теракта 6 июля или недель позже? Брам уже не помнил, какого точно числа получил диплом, помнил только, что было это в пятницу. Но во время еды отец заговорил о теракте, совершенном в набитом людьми автобусе номер 405, Тель-Авив — Иерусалим.

Шестое июля 1989 года, четверг. Через тридцать пять лет, сидя на краю отцовской кровати, Брам вспомнил дату, потому что в специальной литературе эта акция палестинцев упоминалась, как самый первый теракт-самоубийство. Часть пути автобус проезжал над обрывом, и пассажир-палестинец, напав на шофера, вывернул руль. Автобус упал в пропасть, результат: двадцать семь раненых, шестнадцать убитых. Сам террорист выжил, его вовремя доставили в израильскую больницу.

— Так всегда бывает, — сказал отец, — когда недостаточно жестко отвечаешь на нападения.

— Что же Израиль должен был делать? — спросил Брам, восемнадцатилетний пацифист, уверенный в том, что рано или поздно соглашение должно быть заключено. Мирные соглашения ведь заключают не с друзьями, а с врагами — он верил тогда в подобные сентенции. Он знал, что отец стоит на точке зрения ястребов, но не хотел его провоцировать.

— Израиль должен уничтожать их, потому что иначе они уничтожат Израиль, — заявил Хартог.

— Папа, но нельзя же перерезать целый народ? Как ты можешь такое говорить?

— А я и не говорил: «перерезать народ», — передразнил его Хартог, сердито оглядывая аляповато-шикарный зал «Экселсиора» — так на самом деле назывался ресторан отеля. — Я говорил о том, что их надо было выгнать. О том, чего мы не сделали, не довели до конца, и

⁷⁷ В голландских школах ученики сами выбирают предметы, по которым будут сдавать выпускные экзамены.

за это палестинские арабы нам всем поотрезают головы. Мы должны были позволить им в тысяча девятьсот сорок восьмом году переправиться на тот берег Иордана. Там у них была своя собственная страна, Иордания, а река образовывала естественную границу. И если они причиняют нам боль, мы должны причинять им боль в десятикратном размере. Если они планомерно убивают наших граждан, мы должны убивать в десять раз больше на их стороне. Такова логика Востока. Так у нас заключают союзы. Следуя европейским правилам заключения союзов — оглянись вокруг! — там не продержишься и недели. Ты сражаешься против брата, а вместе с братом — против племянника, а вместе с братом и племянником — против троюродных братьев, а вместе с братом, племянником и троюродными братьями — против остального мира. Такова *bottom line*,⁷⁸ остальное — комментарии.

— Но, папа, ведь те люди хотят того же, что и мы, разве не так? Крышу над головой, работу, школу для своих детей?

— Ты собрался в кругосветку?

— Да, спасибо тебе.

— Ну так по дороге ты убедишься, что люди в разных местах думают по-разному. Почему ты считаешь, что арабы понимают политику так же, как европейцы? Да для них Коран намного важнее любого закона. Так и с автобусом: тот араб был готов умереть вместе с евреями, потому что был уверен, что отправит евреев в ад, а сам попадет в рай. Тем, кто в этом уверен, ничего не стоит умереть. И нам ничем их не остановить. Кроме одного: брать их семьи и отдавать насильникам их матерей и сестер. Тогда все разом переменялось бы. Но Шамир на это не способен. Когда-то был нестигаемым бойцом-подпольщиком, теперь только и ищет компромиссов. Может быть, Рабин был бы лучше, он, похоже, потверже, но все равно никто не посмеет взглянуть правде в глаза.

— Пап, ты сам-то слышишь, что говоришь?

— Надеюсь, что *ты* слышишь меня.

— Таким путем... — как бы это так сказать, чтобы не обидеть его? — Таким путем мира не добьешься.

— Почему мы должны желать мира? — Хартог надменно смотрел на него, сильный, как всякий, кто отбросил беспочвенные надежды. — Если хочешь выжить, нечего умолять врагов о мире.

— Это по-другому называется.

— Ты совсем ничего не понимаешь, Брам. — Хартог сделал знак официанту и указал на их опустевшие бокалы.

— Я понимаю одно: с врагами нужно заключать мир, — сказал Брам, наклоняясь к нему. — Израиль имеет право на безопасность, но нельзя же вечно оккупировать палестинские территории!

— Нонсенс. С врагами не заключают мир. Их разбивают наголову. Так поступают с врагами. Откуда у тебя эта безумная идея, что с арабами можно заключить мир? Мир с арабами — не что иное, как отсрочка смертной казни.

— А о неграх ты что думаешь? — спросил Брам, полагая, что настал час показать отцу степень его экстремизма.

— А какое отношение к этому имеют негры?

— Ты что, расист? — спросил Брам резко. Он понимал, что бросает отцу вызов.

— Арабы — не раса, это негры — раса. У меня бывали сотрудники-негры. Работали прекрасно. Против тех арабов, которые выросли на Западе, я ничего не имею. Так что своими обвинениями в расизме тебе не загнать меня в угол, мальчик. Надо поумнее выстраивать линию защиты. Так называемые «палестинские территории» называются Иудея и Самария. Звучит очень по-арабски, не так ли? А какое отношение к истории арабов имеет Хеврон? Зато в Танахе город Хеврон упоминается очень часто.

⁷⁸ Основа (англ.).

— Так какие планы у будущего премьера Израйля Хартога Маннхайма? — спросил Брам с максимально возможным ехидством.

— Столкнуть в пропасть десяток автобусов с арабами, — отвечал Хартог, жестом показывая официанту, что ему достаточно вина. — И все прекратится само собой. — Он поднял свой бокал, чтобы еще раз выпить за здоровье Брама. — Сегодня, в первый раз за много лет, я пью во время ланча, так что, Брам, лови момент.

Брам смотрел в сторону, он был зол до тошноты.

— Что случилось? — спросил Хартог.

Брам помотал головой, пораженный тем, что отец даже не подозревает, насколько отвратительны его взгляды.

— Расслабься, — сказал Хартог, — оставь то, что тебя напрягает, погляди на меня. Ты сидишь тут, у тебя все замечательно, об этом я позаботился, но ты не имеешь права критиковать евреев, которые там голыми руками таскают из огня горячие уголья.

— Каштаны, папа. Таскают из огня каштаны. На горячих угольях сидят.

Брам увидел, как в глазах отца на мгновение вспыхнул адский огонь бешенства. Хартог поставил бокал, не сделав и глотка вина, прикрыл глаза и сказал:

— В последнее время я совсем не говорю по-голландски. Иврит, иногда английский. Поэтому мне легко ошибиться. Но когда я поднимаю бокал, чтобы поздравить тебя с окончанием школы, специально прилетев, черт бы тебя побрал, из Тель-Авива, ты мог бы вести себя повежливее, понял?

Браму не хотелось выводить отца из себя, но он не мог так просто сдать свои позиции:

— Пап, ты заходишь слишком далеко и, основываясь на том, что ты сам пережил, рубишь, так сказать, сплеча. Я жутко рад, что ты приехал, правда, но твои политические идеи, они несколько... чересчур крутые.

Хартог глядел в свой бокал, сжимая пальцами тонкий хрусталь. Брам знал, что он запросто может раздавить его. Хартог заводился легко и под настроение начинал крушить все вокруг себя.

Но на этот раз он сдержался.

— Я полагаю, имя Самира Кунтара ничего тебе не говорит?

— Нет, — пробормотал Брам, поняв, что отец вот-вот его обыграет. Хартог выставил свое самое сильное оружие — эрудицию.

— Кунтар, Самир. Друз. Член ООП.⁷⁹ Это случилось двадцать второго апреля тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Тебе было восемь, так что ты вполне можешь не знать этого имени. Я тогда бывал в Израиле наездами: Технион в Хайфе, институт Вейцмана в Реховоте. В тот день я как раз там был. Ты, верно, думаешь, что я всегда был таким, как сейчас?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Брам, гадая, на чем отец собирается его подловить.

— Я был почти таким же, как ты. До того самого дня. Не совсем таким же, потому что ты наивнее, чем я был тогда, но, в общем, похоже.

— Я, значит, наивный?

— А как же? Но теперь слушай внимательно, ладно?

Брам сердито кивнул.

— Этот друг Самир Кунтар принадлежал к группе из четырех человек, приплывшей на лодке из Ливана. По собственной воле? В тот раз — абсолютно. Надувная лодка с пятидесяти сильным подвесным мотором, скорость пятьдесят восемь километров в час, — быстрая лодка, видишь, я знаю даже такие детали. Они добрались до Нагари, местечка между ливанской границей и Акко. Около полуночи причалили к берегу и сразу застрелили полицейского, случайно там оказавшегося. В Нагари они разбились на пары. Наш приятель

⁷⁹ Организация освобождения Палестины.

Кунтар вошел в дом семьи Харан. Они были дома: отец Денни, мама Смадар и две дочурки: четырехлетняя Эйнат и двухлетняя Яэль. Смадар схватила Яэль и спряталась на антресолях в спальне, за чемоданами. Она боялась, что девочка заплачет, и рукой зажала ей рот. А наш приятель Самир выгнал Денни с Эйнат на пляж. На глазах дочери прострелил голову отцу и долго держал его под водой, чтобы убедиться, что он погиб. А потом забросал камнями, валявшимися на пляже, Эйнат и разбил ей голову прикладом винтовки. А Смадар, спрятавшись с младшей дочкой, со страху так сильно зажимала ей рот, что девочка задохнулась...

Хартог смотрел в окно, на изумительную башню Мюнт⁸⁰ семнадцатого века. Часы на башне пробили три.

— Из четырех террористов евреи поймали двоих: Самира Кунтара и Ахмеда ал-Абраса. Каждого приговорили к нескольким пожизненным срокам, да, их судили, как людей. Я помню, в какой-то газете было интервью со Смадар. Она рассказала, как пряталась с девочкой на антресолях и как думала тогда: в точности как моя мама во время Холокоста. Четыре года назад Ахмед ал-Абрас был обменян вместе с другими на трех израильских солдат, сидевших в тюрьме в Ливане. Тысячу сто пятьдесят арабов поменяли на трех евреев. Ал-Абрас получил возможность начать новую жизнь. Зачем я об этом рассказываю?

Он поглядел на Брама и продолжал:

— Потому что Самира Кунтара многие арабы считают героем. Человека, который на глазах девочки убил ее отца, а после проломил ей голову. В глазах арабов он — герой. Этого зашоренного, абсолютно аморального психопата в ливанских и палестинских городах считают борцом за справедливость. Это случилось, когда я там был, в тысяча девятьсот семьдесят девятом году. Так что не хрена рассуждать о мире и «переговорах с врагом». Твой враг — чудовище. Он выпустит тебе кишки, едва ему представится возможность. И пока сам ты не живешь там, пока у тебя нет собственного опыта, вся твоя болтовня не стоит выеденного яйца.

Брам прервал его:

— Я круглые сутки только об этом и читаю. Я знаю, о чем говорю.

— Ты даже не представляешь себе.

— Чего ты хочешь? Чтобы я переехал в Израиль?

— Ты где собираешься учиться?

— В Тель-Авиве, — брякнул Брам, в неясной надежде, что эта новость выбьет Хартога из колеи. — Я поеду учиться в Тель-Авив. И буду жить с тобой.

— Со мной?

— Постараюсь не попадаться тебе на глаза.

— Кровать всегда к твоим услугам, — сухо отозвался Хартог.

Брам собирался устроить отцу провокацию, он полагал, что отец посчитает приемлемым сохранение некоторой дистанции между ними. Так что он не поехал вокруг света, а снял студию в дешевом районе Тель-Авива и начал, вопреки себе самому, вопреки собственному критицизму и ожиданиям, влюбляться в страну, в ее рассветы и сумерки, в дома и названия улиц, в критически смотрящий на мир талантливый народ с его мучительными мечтами и естественными страхами. Был ли прав отец? Брам отказывался согласиться с его мнением. И даже через тридцать с лишним лет отказывался жить в соответствии с его горькими, лишенными иллюзий идеями.

Сильное, крепкое тело Хартога продолжало функционировать. Брам сжал старческую руку отца, руку, выводившую то авторучкой, то мелом на школьной доске химические формулы элементарных процессов жизни, подносящую ко рту корку хлеба или полкартошки, когда он, ребенком, остался один. Исхудалую руку. С бледной кожей, сквозь которую просвечивали темные вены. Со старческими пятнами. Руку, которую он проклинал

⁸⁰ Название означает «монета», в этой башне раньше чеканили деньги.

мальчишкой, потому что не получал от нее ласки. Тяжелый характер. А с некоторых пор — одиночество.

— Ах, папа, — прошептал Брам, задыхаясь от жалости и невозможности утешить отца, и погладил его руку.

В половине четвертого утра Брам открыл дверь своей кладовки на первом этаже, пятую по счету от той, что принадлежала Рите. У Хартога никогда не было лишней мебели, которую он мог бы сюда составить; лампы зажглись, и Брам увидел помещение, забитое картонными коробками, составленными друг на друга стопками, достигавшими потолка. На каждой приклеена этикетка с надписью — не на иврите, а по-голландски, элегантным, выработанным в довоенной школе почерком отца. Отчеты об исследованиях, эксперименты, годовые подписки специальных журналов. Через несколько минут Брам добрался до коробки, помеченной этикеткой: PRIV?⁸¹

Он откинул крышку и нашел папки с газетными вырезками. Брам не мог себе представить, чтобы Хартог сам собирал их. Наверное, этим занималась мама, а после ее смерти — какая-нибудь секретарша. Сообщения об исследованиях, интервью, а после известия о присуждении Нобелевской премии — десятки фотографий в журналах и научных приложениях к газетам, сопровождаемые статьями о лаборатории Хартога, и даже фотография, на которой юный, двенадцатилетний Брам стоит рядом с отцом, вытянувшись в струнку от гордости, в том самом костюме, который он носил после, когда жил в приемной семье. Статьи в иностранной прессе. Рассказы сотрудников о нем. Сол Френкель. Брам быстро просматривал статьи: «сильный», «упорный», «знает, чего хочет», «неустанно», «знания и интуиция», «справляющийся со всем», «выживший», «требовательный, но в первую очередь к себе самому», «добросовестный», «четко мыслящий», «с самого начала приучал» — эвфемизмы для описания характера человека, приучавшего своих сотрудников — как и своего сына — к трудностям.

Брам выписал имена основных сотрудников лаборатории Хартога, их оказалось семеро. Сол Френкель был содиректором — о нем у них было достаточно информации. Два молодых голландца, Фриц де Граф и Иоланда Смитс, рабочие лошадки лаборатории, как понял Брам. Британский исследователь Джозеф Льюис, попавший в группу поздно, всего за год до публикации исследования, принесшего Нобелевскую премию. Русский Досай Израилов, дневавший и ночевавший в лаборатории, которого тоже считали своевольным одиночкой. Француз Андре Бернар, верный вассал Хартога. И австралиец Генри Шарп по прозвищу Кенгуру, которого Хартог считал своим наследником, — в научных лабораториях даже крупные ученые часто получают самые хулиганские прозвища. Интересно, какое прозвище было у отца? И что делать Брам, если обнаружится, что не только сын Сола Френкеля, но и еще чей-то сын обращался в полицию с заявлением о пропаже ребенка?

Пройдя по темному бетонному коридору, он зажег свет в тесной камере, где когда-то занимался своими «изысканиями». Слабая лампочка едва светила, но целых два года ему это не мешало. Удобное кресло, в которое уселся Брам, подарила ему Рахель, когда он получил статус профессора. Кресло съездило в Принстон, а после продажи дома вернулось в Тель-Авив. Долгие часы посвятил он составлению тщательного плана действий. Он готовился к тому, что найдет *predator*,⁸² как называли подобных монстров американские сайты. *Child predator. Sexual predator*. Сидя в крошечной комнатенке, кладовке, принадлежащей квартире, где жила Рита Кон, он никогда не думал о сотрудниках Хартога — зачем? И все-таки с одним из внуков Сола случилось то, что случилось с внуком Хартога. Пока что ему

⁸¹ Здесь: Личное.

⁸² Буквально: хищник (англ.), термины «*Child predator*» и «*Sexual predator*» переводятся соответственно как «педофил» и «насильник».

известно только одно такое совпадение. И еще: он спас внуку Сола. Синий автомобиль. Неверно выбранный банкомат. Может, надо было тогда еще заняться этим инцидентом? Возможно. Исчезновение Бенни 28 августа 2008 года в Принстоне могло быть никак не связано с исчезновением Яапа де Фриса (какое чудесное голландское имя) 2 сентября 2008 года. Факт знакомства и совместной работы их дедов, имевшей место за четверть века до того, ничего не значит, доказательства найдены им еще в 2012 году. Джон О'Коннор убил его малыша. За это он убил Джона О'Коннора.

Настало время выкинуть к чертям все эти доски, распечатки, статьи, документы. Пора закрывать дело.

21

— Я заснул, извини, — стал оправдываться Икки, когда Брам заехал за ним в полдевятого утра. Брам и сам ненадолго прикорнул в своей комнате. Рита прочно обосновалась на диване в гостиной и спала на спине, в точности как Хартог, раскрыв рот и похрапывая.

— Я все-таки думаю, что мы ошибаемся, — сказал Брам. Он вел машину к больнице «Шеба».

— А я думаю, что мы правы, абсолютно. Я выпил таблетку, но она не подействовала.

— Надо было выпить две.

— Не могу понять, как это меня сморило. Наверное, переутомился. Не забывай, что лучшая моя половина сделана из титана.

— Никогда не думал, что титан может устать.

— Устает не титан, а то, что осталось от моего организма. Но картинку я сделал, нам ведь сейчас это нужно?

— Да.

— Ты звонил Балину? — спросил Икки. — Мы сделали такое открытие: еврейский мусульманин из Голландии взорвался на блокпосту. Охренеть можно. Еврей, взрывающий других евреев, Господи, — мы это раскопали, но, я думаю, Балин должен испытывать смешанные чувства.

— Почему? Мы помогли ему.

— Это должны были сделать его люди. Не мы. И теперь мы, уж точно, должны будем заткнуться.

— А кому мы могли бы про это рассказать? Газетам? Нам придется играть с Балином в открытую. Я позвоню ему, как только мы повидаемся с Плоцке.

— За такую историю можно получить кучу денег, — сказал Икки.

— Хочешь поспорить с Шабакком — валяй. Они тебя за яйца подвешат.

— За одно, второго у меня нет. Если это правда, им придется переоборудовать блокпосты. Проверка ДНК больше не работает. Как мы сможем вычислить евреев, перешедших в мусульманство?

— Это была случайность, — сказал Брам.

Но ведь он и сам пошел в неверном направлении, когда занялся О'Коннором. Избирательность сознания, от которой не избавишься, пытаешься отыскать логику и порядок там, где царит хаос.

— Случайность? — переспросил Икки. — Два одновременно исчезнувших мальчика, примерно одного возраста, оказались внуками ученых, много лет назад работавших вместе, — где тут случайность?

— Понятия не имею, — ответил Брам. Он с самого начала знал, что исчезновение малыша в 2008 году не было случайностью.

— О чем задумался? — спросил Икки.

— Ни о чем, — глухо ответил Брам.

Ему казалось: он видит свой дом в Принстоне — лабиринт коридоров, который должен

превратиться в замок; слышит ужас и боль в своем голосе, чувствует, как вскипает в крови адреналин. Балин позвонил ему в неудачный день. Рахель только что уехала в Тель-Авив, он впервые говорил с психоаналитиком насчет своей бессонницы, было жарко, и солнце склонялось к закату, он стоял, болтая с Балином, перед домом, а малыш остался без присмотра и ушел с О'Коннором, который никуда не уезжал, просто запарковал свой вэн чуть дальше и вернулся, пробравшись сквозь кусты. Весь вечер и всю ночь метался Брам по своему участку, дважды менял батарейки в фонаре. Горло саднило от крика, глаза болели, и снова и снова он думал о том, что скажет Рахель. Он не мог сказать ей ничего. Ничего радующего, обнадеживающего, предсказуемого; он хотел осчастливить ее, потакая ее желаниям, и разделить с нею чудесное приключение — жизнь в Америке. Он плохо спал, потому что не был уверен, что поступил правильно, купив огромный дом в лесу — жилье для миллионеров, а не для профессора истории и врача.

Она послала ему эсэмэску, когда приземлилась в Тель-Авиве. Он ответил эсэмэской, наврал, что телефонная линия не в порядке, а по мобильнику он может только посылать эсэмэски. Потом позвонил в полицию. Не прошло и десяти минут, как две патрульных машины появились у дома. Он был спокоен, рассказал, что случилось, и поехал на одной из машин в местное отделение полиции. Дал показания, поставил свою подпись, согласился на публикацию одной из фотографий Бенни и продолжал лгать Рахель, славшей ему эсэмэски. Через трое суток его начали допрашивать и искать тело в реке. Ему пришлось принять успокоительное, когда они поволокли что-то баграми из воды. На четвертый день Рахель послала эсэмэску: она получила странное сообщение от подруги, та вроде бы видела фото их ребенка и сообщение о том, что он пропал, по местному телевидению. Что, собственно, случилось? Почему подруга смогла позвонить ей, а Брам не может? Он не знал, что отвечать. Она снова послала эсэмэску, что вылетает в Америку ближайшим рейсом. У него оставалось не больше пятнадцати часов на решение задачи. На карте штата Нью-Джерси он нарисовал крестик там, где стоял их дом. Он не мог примириться с тем, что это — слепой удар судьбы. Всему должна быть причина.

Пока он искал малыша по всей Америке, Рахель развелась с ним и вернулась в Израиль. Получила роль в индийском фильме, стала кинозвездой в Мумбаи, и индийский бизнесмен сделал ей предложение, от которого невозможно было отказаться. Теперь у нее трое детей, она живет во дворцах и шикарных апартаментах то в Москве, то в Париже, то в Лондоне, то в Нью-Йорке, у нее слуги, шоферы; краткий эпизод жизни с Брамом надежно похоронен в подвалах памяти. Иногда он отыскивал в сети ее имя и разглядывал на экране фото из светской хроники. Иногда, забывшись, мечтал о том, как позвонит ей и скажет, что нашел сына, пока до него не доходило: этого никогда не случится. Их сын давно мертв.

22

Когда Брам и Икки появились у его кровати, Плоцке чуть приподнял руку в знак приветствия. Он проделал это с видимым усилием. Рядом с ним на табуретке сидела жена, опершись на локоть, подперев ладонью щеку. Она была из эфиопских евреев, темнокожая и кудрявая. Шланги и кабели все еще соединяли Плоцке с башней, напичканной высокой технологией. Не похоже было, чтоб ему стало намного лучше с тех пор, как Брам навещал его в прошлый раз.

— Профессор, — произнес Плоцке едва слышно.

Его жена встала и поздоровалась:

— Привет, меня зовут Сира.

— Садитесь, — сказал ей Брам.

Но она осталась стоять:

— Вы подросли как раз вовремя, не иначе как Ашем, Предвечный, привел вас туда.

— Не знаю, нашлось ли время у Предвечного заняться нами особо, Вселенная — довольно-таки обширная штука.

— Ему нравится возиться с нами, — уверенно заявила Сира.

— Вы все-таки садитесь, — сказал Брам. — Я постою.

Он улыбнулся ей и облокотился на высокую стальную спинку кровати. Сира снова села и взяла Хаима за руку.

— Хаим, — спросил Брам, — как ты?

— Все хорошо. Через некоторое время меня отпустят.

Он говорил еле слышно, и Брам приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова.

— Когда Хаим вернется домой, — вмешалась Сира, — вы должны прийти к нам обедать.

— С удовольствием, непременно. Можно, я захвачу свою девушку?

— Конечно! — ответила Сира, едва ли не возмущенно. — Можете взять с собой всех, кого хотите.

— Только мою девушку.

— А это ваш сослуживец?

— Икки? Нет... то есть Икки работает со мной в «Банке», занимается розыском детей. Но не на «скорой». В тот вечер со мной был Макс Ронек.

— Пригласите и его от нашего имени, ладно? — попросила Сира. — И он тоже пусть приводит всех, кого хочет. Недели через три. Мы дадим знать когда. У нас есть ваш телефон?

— Я оставлю номер Хаиму.

— Без разницы, — согласилась Сира.

— Надо говорить: как вам будет удобнее, — поправил ее Хаим.

— А как дела у... — Брам на секунду запнулся, припоминая имена, — у Лонни? Лонни и Тонни!

— Через полчаса у нас связь с Лонни по скайпу, — отозвалась Сира. — Все в порядке. И похоже на то, что нашей семье позволят воссоединиться.

— Отваливаете? — поинтересовался Брам.

— Завтра у меня разговор с директором «Легии», — ответила Сира. — Он уверен, что все будет в порядке. Он хочет, чтобы Тонни тоже у них играл.

— Здоровенные парни, оба, — вмешался Хаим. — Полуевреи, полуафриканцы — невероятная комбинация, зато какой результат!

— Я везде ищу информацию о Варшаве. Ну и холодина там зимой! — сказала Сира. — Надо будет потеплее одеваться. Снег лежит по несколько месяцев, представляете?

— Представляю, — улыбнулся Брам.

— Родители приехали за мной сюда, а теперь я уезжаю, — вздохнула Сира. — Почти наверняка.

— А вы остаетесь, профессор? — спросил Плоцке.

— Да, я остаюсь. Наверное. Пока еще не знаю.

— И вы придете к нам обедать, когда Хаима выпишут.

— С удовольствием, сударыня.

— Хаим, — Брам помедлил, собираясь с мыслями. — Хаим, мы хотели тебе кое-что показать.

Плоцке кивнул, но при этом нерешительно покосился на жену, которая немедленно пришла ему на помощь:

— Он еще очень слаб, профессор.

— Это совсем нетрудно, Хаим.

— Я ничего не знаю, — прошептал Хаим почти беззвучно.

— Мы хотим показать тебе один портрет. Может быть, ты...

— Я ничего не видел. Ничего.

— Похоже, мы знаем, кто это был...

— Ракета, — сказала Сира, — было официальное сообщение.

— Хаим?

Плоцке прикрыл глаза, а жена склонилась над ним, словно собираясь защитить мужа от Брама и Икки.

— Ему нужен покой, профессор. Поговорите с ним через несколько недель, когда он окрепнет.

Она была некрупная, но мускулистая и спортивная женщина, ясно было: такая вполне может дать сдачи.

— Хаим? — снова спросил Брам.

Плоцке взглянул на него и покачал головой.

— Я был в шоке, профессор. Извините, я был не вполне...

Брам переглянулся с Икки, тот напряженно кивнул, и Брам понял: Икки не намерен отступать.

Развернув компьютерную обработку детской фотографии Яапа де Фриса, Икки поднял листок повыше. Красивого юношу лет двадцати, светловолосого и голубоглазого, с волевым подбородком легко было принять за выходца из Норвегии или Швеции, только Y-хромосома в его крови указывала на длинную череду предков — пугливых евреев из восточноевропейских гетто; он мог бы быть честлюбивым молодым банкиром или профессиональным теннисистом.

Плоцке закрыл глаза и отвернулся.

— Он хочет спать, его нельзя беспокоить, — сказала Сира.

— Хаим? — включился Икки. — Хаим, если ты сейчас не откроешь глаза, значит, ты ответил «да», ладно? Ты не откроешь глаза?

Хаим лежал неподвижно, прислонившись к жене, делая вид, что ничего не слышит. И не открывал глаз.

Сира склонилась над ним, словно пытаясь отгородить мужа от надоедливых посетителей.

— Вам пора уходить. Недели через три я сготовлю для вас дыню с куриными крылышками — коронное блюдо нашей семьи. А сейчас Хаиму надо поспать.

В коридоре Икки шепнул:

— Он ведь так и не открыл глаз, а?

— Похоже на то, — устало отозвался Брам.

Они пошли к выходу.

— Это точно он! Яап де Фрис!

— Скорее всего, да.

— Черт побери, Брам! Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Понятия не имею, — ответил Брам. Ему надо было увидеть Эву. Лечь с ней рядом, заснуть и проспать несколько лет.

— Нечего изображать из себя идиота. — Икки схватил Брама за руку и заставил остановиться. — Брам, тот, кто взорвался на блокпосту, был в две тысячи восьмом году зарегистрирован как пропавший ребенок. В ту же группу входит еще один пропавший ребенок, твой сын. Вероятность того, что это случайное совпадение, равна вероятности того, что мне в голову сию минуту врежется метеорит!

— Мы должны сообщить Балину, что смогли идентифицировать того парня. А все остальное...

— Твой сын жив, Брам. Это — это мое предчувствие, оно появилось у меня после того, как мне сделали протезы. Я думаю, такие металлические штуки могут принимать какие-нибудь волны или черт его знает что. Я — человек-антенна. И я думаю, что твой сын...

— Ты симпатичный *мешугинер*, Икки, но всему есть предел, есть вещи, которых нельзя говорить людям.

— Почему ты не хочешь этого видеть?

Брам в бешенстве схватил Икки за руки и, наклонившись поближе, прошептал:

— Моего малыша убили шестнадцать лет назад! Такова истина! Истина, с которой я не могу примириться! И о которой ничего не хочу знать! Которая медленно-медленно вползает в мое тело и мозг и которой я не могу посмотреть в глаза! Не своди меня с ума! Я знаю, как это бывает! Оставь меня в покое!

— Господи, Брам...

Брам повернулся к нему спиной и быстро пошел по коридору к выходу. Пациенты в халатах и тапочках, наблюдавшие Брамовы безумства, расступались, давая ему дорогу. Охранники появились в дверях дежурки.

У австралийского «ровера» Брам закурил. Ему казалось, что вокруг поют птицы. В небе над его головой медленно набирал высоту аэробус.

— Извини, — услышал он позади себя голос Икки. — Я никогда не буду делать того, что причиняет тебе боль.

Брам повернулся к нему, он знал, что вел себя совершенно неприлично:

— Это ты меня извини. Я не должен был так...

— Иногда во мне просыпается необоримый энтузиазм, — виновато пробормотал Икки.

— Энтузиазм — это замечательно. Ты — неугомонное сердце «Банка», Икки.

— Я только хотел тебе помочь.

— Я знаю.

— Ты нашел какие-то имена?

Брам положил ему руку на плечо:

— Слово «остановись» тебе незнакомо?

— Нет.

— Я не нашел имен, — соврал Брам.

— Ладно, я так и думал.

Икки явно расстроился. Потом пожал плечами:

— Поехали в «Банк»?

— Поезжай один. Мне надо еще кое с кем поговорить.

23

Браму пришлось ждать, пока Айзмунду удастся, потеснив пациентов, выкроить несколько минут свободного времени. В зале было тепло, несмотря на кондиционеры, а народу набилось столько, что Браму вспомнился Бен Гурион в прошлые, счастливые времена, полный пассажиров, ожидающих рейсов на Нью-Йорк или Париж. Правда, в Корпусе Беренштейна не было туристов с чемоданами, резвящихся детишек и мамаш, баюкающих младенцев, — только старики в сопровождении своих состарившихся потомков. Зато посетителей оказалось больше, чем стульев. Старики приходили в основном сюда, и потому «Беренштейн» сделался самым оживленным местом во всем комплексе «Шеба». А в детской больнице пустовали целые отделения. Макс прав: надо рожать больше детей, из любви друг к другу и ради страны. Но способен ли кто-то возродить свои мечты и передать их детям? Что сделали евреи для того, чтобы повернуть ход Истории? Брам десятки раз объяснял это студентам. В 70-м году Новой эры римляне разрушили Храм. Прошло шестьдесят два года, и Бар-Кохба поднял восстание против римлян, подавленное через три года. Римский историк и сенатор Дион Кассий Кокцеан, написавший в третьем веке «Историю Рима», сообщил о пятистах восьмидесяти тысячах погибших евреев, добавив, что иудеи все еще почитают свои ценности. Тора была символически сожжена на развалинах Храма. А имя «Иудея» — страна иудеев — заменили именем «Сирийская Палестина», словно евреи никогда не побеждали филистимлян. Иерусалим переименовали в Элию

Капитолину,⁸³ и евреям запретили там появляться. 1816 лет евреи мечтали о возвращении. Как долго смогут они выносить эту жизнь? Брам предполагал, что процесс должен завершиться к 2048 или к 2070 году, когда исполнится ровно два тысячелетия после разрушения Храма. Все, кто мог уехать, — уехали; почему он остался? Они с отцом давным-давно могли свалить в Австралию. Отец был крупным ученым, активно работавшим до тех пор, пока — пять лет назад — болезнь не лишила его разума. Университет в Брисбене, где жило много израильтян, десять лет назад послал Хартогу приглашение, но он не захотел уезжать, желая досмотреть этот смертельный забег до конца. В ту пору Брам не мог существовать самостоятельно — призрачный остов, не тонущий лишь благодаря железному режиму Хартога. В те годы он утешался лишь мыслью о том, что всегда может нырнуть в последний раз и пойти на дно. Но Хартог непрестанно подстегивал его: поднимал в определенное время и отправлял выгуливать Хендрикуса, заставил устроиться на работу в университет (Брам сперва работал консьержем, а после, когда смог нормально читать, консультировал нескольких соискателей). Брам плавал в бассейне университетского спорткомплекса и принимал лекарства, много разных лекарств.

— В лекарствах — спасение человечества, — говорил Хартог. — Надо только знать, сколько принимать и когда. Мозги — это необыкновенные электрохимические лаборатории, и при помощи правильных лекарств ими можно управлять.

— А душа? — спросил его однажды Брам.

— На ней ты сидишь, — отвечал Хартог. — На твоём *тохесе*.⁸⁴

Брам улыбался своим мыслям, пока ждал очереди среди стариков, пришедших за новым сердцем, почкой, искусственной костью. Грубость Хартога часто бывала остроумной, и нередко благодаря этому усиливался эффект высказанной им точки зрения. Но в то же время он мог жестко, безжалостно высказываться по самым незначительным поводам. Брам хотел бы спросить его про Сола Френкеля.

Через тридцать пять минут прогудел бипер, который Брам получил в регистратуре, когда записывался в очередь. Айзмунд, маленький и сгорбленный, ожидал его в своем кабинете стоя, чуть покачиваясь, опершись на палки.

— Садитесь, господин Маннхайм. Что-то случилось?

— Ничего особенного, отец чувствует себя прилично, так же, как в последние месяцы.

Порядок на столе у Айзмунда был отменный. Бумаги разложены ровными стопками, стаканчик с остро очиненными карандашами, графин с водой и три стакана.

— Что привело вас сюда?

— Много ли больных принимают то же лекарство, что и мой отец?

— У нас — восемьдесят человек.

— И какая дозировка?

— Для каждого пациента разная.

— Что случится, если удвоить дозу?

— Что вы имеете в виду?

— Есть ли вероятность, что у моего отца благодаря этому наступит просветление?

— Это может привести к его смерти, — ответил Айзмунд и поглядел на Брама с подозрением. — Зачем вам это?

— Я хочу поговорить с ним.

— Весьма велика вероятность того, господин Маннхайм, что вам это никогда уже не удастся. — Он окинул Брама изучающим взглядом, словно искал в нем скрытые изъяны. — Вашему отцу сейчас — сколько? Девяносто три?

⁸³ Элий — родовое имя императора Адриана, Капитолина — в честь Юпитера Капитолийского, которому римляне построили святилище на развалинах Храма.

⁸⁴ Задница (*идиши*).

Брам кивнул.

— Настанет день, когда мы сможем прочищать кровеносные сосуды в мозгу чем-то вроде пылесосов размером с молекулу, но пока нам это еще не под силу. Пока что мы палим по цели вслепую, надеясь получить результат случайно. Мы можем заменять органы и части тела, но мозг остается загадкой. Может быть, к концу столетия — стоит подумать об этом, и я прихожу в восторг. Я до этого не доживу, но наши дети могут ожидать чудес от медицины. Подумайте об этом, господин Маннхайм. У вас есть дети?

— Нет, но моя жена... я хотел сказать, моя любовница, она беременна. И у меня когда-то давно уже был ребенок...

— Вы оставите ребенка здесь?

— Что вы хотите сказать?

— Ребенок, ваш и вашей любовницы, будет расти здесь или вы тоже уедете?

— Мы пока не приняли окончательного решения. — Ответ Брама был полуправдой, он не хотел, чтобы малышка оставалась здесь. Он мечтал о каминах и крышах, покрытых толстым слоем снега. О долгих зимних вечерах, посвященных чтению «Доктора Живаго». О стране, раскинувшейся от горизонта до горизонта, вечной и безграничной.

— Оставайтесь здесь, — сказал Айзмунд и, опираясь на палки, направился к двери, из чего Брам заключил, что разговор окончен.

24

Он возвращался на автобусе в центр Тель-Авива. Снова старики в поношенной одежде и стоптанной обуви. Седые женщины в бесформенных спортивных штанах — неужели так было всегда? Брам вспоминал полных дам с сиреневыми и серебристыми прическами, старательно накрашенных, с выщипанными в ниточку бровями, эффектных и трогательных, наряженных для дневного выхода в кондитерскую, где с русскими или французскими подружками можно обсуждать животрепещущие проблемы: невесток и мировой антиеврейский заговор. Умерли все они, что ли? Или для их существования нужна другая, беззаботная жизнь, в которой нарядные дамы появляются, словно на театральных подмостках, демонстрируя всем, как они заботятся о себе, своих серьгах и кольцах, историях о внуках и отдыхе на пляжах Майами? Их нет здесь больше. Все они теперь там, в Москве, на Тверской, роскошной торговой улице, не уступающей Парижу или Лондону. В чудесных норковых шубках, пальцы унизаны золотыми кольцами с драгоценными камнями; счастливые, они болтают о чепухе: о качествах льняного постельного белья и смешных ценах в новом ресторане на Арбате, где невозможно заказать столик и где племянница знакомой выпала из лопнувшего по шву платья, — какое счастье, что есть еще страна, где подобные дамы могут болтать о пустяках, поедая *petit-fours*!⁸⁵

Он сошел на улице Бен Иегуда, миновал пьяного, обнимавшегося с фонарным столбом, и пошел в сторону «Банка», обдумывая, трудно ли будет заработать на жизнь в Москве пятидесятилетнему санитару «скорой». Вполне возможно, что Эве легче будет найти работу, но и ей придется переучиваться и получать российский диплом. В их возрасте эмигрировать непросто. А через некоторое время появится ребенок, и тогда на его плечи ляжет ответственность, — надо будет заботиться о тепле, о еде, о безопасности. Девочка. Дочь. Ему пришлось остановиться из-за переполнявших его мыслей; голова шла кругом от любви к этой, еще не родившейся, девочке. Он сможет любить ее, не предавая воспоминаний о другом ребенке, — забота о новой девочке не станет предательством по отношению к малышу. Но вдруг он понял — словно с глаз упала завеса и солнце хлынуло внутрь, — что пора оставить малыша в покое. Пора освободить место для девочки, а это возможно, только если Брам отпустит малыша. В сердце своем найдет он укромное местечко, где малыш

⁸⁵ Маленькие пирожные, пти-фуры (*фр.*).

сможет удобно расположиться, где ему будет хорошо, где никакой О'Коннор не сможет нанести ему вреда. Нужно скрыть малыша от чужих глаз и самому спрятаться от его взгляда.

Глубокий бас гремел внутри так, что слышно было на улице. Он открыл стеклянную дверь банка и вступил во врубленную на полную мощность «Killer Queen»: *She's a killer queen, Gunpowder, gelatine, Dynamite with a laser beam, Guaranteed to blow your mind, Anytime!*

Он подошел к своему столу позади касс. Икки, сидевший за его «Эпплом», молча поднял правую руку в знак приветствия, а левой быстро убрал громкость.

— Принес чего-нибудь? — спросил Икки.

— Ничего. Хочешь кофе? Я принесу.

— Да, пожалуйста. И бутербродик или что-то вроде.

Брам повернул назад, к двери. И услышал голос Икки:

— Новости тебя не интересуют?

Брам остановился:

— Что ты имеешь в виду?

Икки обернулся к нему, глаза его были полны слез из-за долгой, напряженной работы у экрана.

— Я тут кракнул несколько дерьмовых банков данных. — Он потер глаза, поморгал, снова поглядел на Брама — глаза его постепенно возвращались в нормальное состояние. — Я нашел имена людей, которые работали с твоим отцом. Набрел, блуждая по сети, на три десятка имен. И среди них один русский, Досай Исраилов. Исраилов: смотришь и думаешь, перед тобой — *айд*.⁸⁶ Ничего подобного: это имя часто встречается в Центральной Азии. Мусульманское имя. Наш Исраилов прибыл из Казахстана, эдакий доморощенный гений, когда-то попросивший политического убежища в Лондоне и оттуда попавший к твоему отцу. Потом уехал в Саудовскую Аравию, оттуда попал в Афганистан. Примкнул к талибам, оказался экстремистом-фанатиком, был личным врачом Муллы Омара, — помнишь такого, приятеля Осамы Великого? Брам? Когда американцы после девятого-одиннадцатого прищучили талибов, Исраилов убрался на родину, в Казахстан. До тебя доходит, о чем я?

Брам должен оставить малыша в покое. Они оба заслужили это.

— Зачем ты все это делал? — проворчал он.

— Я думал... Я еще не закончил! Господи, Брам, да что с тобой?

— Извини, Икки, — так что ты нашел?

— По-моему, — сказал Икки, едва ли не виновато, — по-моему, и Яап, и твой мальчик, и другие были просто украдены. Раньше такое случалось. Мамелюки в Египте, каста рабов, купленных или украденных мальчиков, мальчиков-христиан, из которых выращивали воинов ислама. И оттоманы занимались этим веками: крали христианских мальчиков, обучали их и превращали в воинов ислама, смотри-ка, сколько я всего разыскал: янычары, мальчишки, которых насильно вывозили с Балкан и в специальных лагерях воспитывали из них воинов ислама. Брам, ты же историк, ты знаешь об этом! Почему они не могли повторить это теперь? Похищать еврейских детей и воспитывать из них самоубийц! Это тоже метод борьбы с врагом! При помощи вражьих детей!

Брам придвинул стул, сел и устало поглядел на Икки.

— Икки, милый, ты ошибся. Бессмысленное занятие. Безумные поиски мировой закулисы! Исраилов превратился в религиозного фанатика — о'кей, замечательно. Что случилось с Яапом — я не представляю. Но мой малыш, мой Бенни, был изнасилован и убит педофилом. Чем бы ты там ни занимался — заткнись-ка, а? Я не могу больше это переносить. Я... я должен оставить своего сына в покое. Я не могу снова начать искать его. Я покончил с этим двенадцать лет назад.

⁸⁶ Еврей (*идиш*).

Офис Балина помещался в сером бетонном строении возле старого порта. Двадцать лет назад район этот пережил расцвет, тысячи молодых людей, беспечно слонявшихся между кафе и клубами, еще не понимали тогда, что непрерывные ракетные обстрелы из пограничных деревень — всего в нескольких километрах отсюда — скоро заставят их покинуть страну. И район снова станет таким, каким он был в восьмидесятых-девяностых годах прошлого века: безлюдным, продуваемым всеми ветрами, наводящим уныние.

Вывески над входом не было, но все знали, что здесь находится Шабак, служба, которая поддерживала страну с ампутированными конечностями в стоячем положении и охраняла ее жизненные интересы при помощи строжайших правил безопасности.

Брам назвал свое имя охране, и юная девушка в форме, классическая сефардская красотка с собранными в высокую прическу волосами и не накрашенная, проводила его до кабинета Балина. Самая умная и самая толковая молодежь страны работала на Шабак, страна, собственно, существовала благодаря им. Девушка, которая шла рядом с Брамом, стала бы в другое время и в другом месте талантливой студенткой-физиком или многообещающей художницей. Здесь и сейчас она была бойцом.

Без стука раскрыв дверь, девушка пропустила Брама в кабинет. Балин сидел за столом по-рабочему, без пиджака; он взмахнул рукой, указывая Брамму на длинный стол, за которым уместилось бы человек тридцать, и поднялся.

Просторное помещение, светло-серые стены, в углу — шкафы с аппаратурой и экраны, единственное окно выходит на глухую стену. Рабочее место современного монаха.

— Привет, Ави.

— Привет, Ицхак.

— Садись.

Брам выдвинул один из стульев и сел. Балин надел пиджак — невозможно представить себе Балина, беседующего с кем-либо без пиджака, — переложил с места на место несколько досье, вытащил тонкую красную папочку и сел против Брама, положив ее перед собой. На нем был синий галстук, тот самый, подаренный Брамом.

— Будешь что-нибудь пить?

— Нет, спасибо. Красивый галстук у тебя.

Балин улыбнулся:

— Я подумал — дай-ка надену его. Цена на них, на те, что от Herm?s, сейчас просто запредельная.

— Они и тогда так стоили, Ицхак.

— Тогда ты меня любил.

— Я всегда тобой восхищался, да. Энергией, с которой ты гонялся за своей мечтой, — за миром на Ближнем Востоке.

— Ты, кажется, тоже об этом мечтал?

— Я — жертва самообмана.

— Не ты один, Ави.

Они грустно смотрели друг на друга, обоим было неприятно вспоминать прошлое и вдребезги разлетевшиеся иллюзии, связанные с ним.

— Казахстан, — сказал наконец Балин. — Там есть чудесные места для отдыха. Страна разрушена землетрясением. Русские забрали себе север, но на юге фанатикам удалось построить священный исламский халифат. Помнишь фильм, который снял этот *аудише*⁸⁷ комик, как его, кстати, звали?

⁸⁷ Еврейский (*идиш*).

— Барон Коэн. Фильм назывался «Борат». Ты нашел кого-то, кто хочет туда поехать?

— Нет. Мы точно никого не пошлем. А Моссад — они просто дети по сравнению с нами.

— Так что, получается, я могу ехать.

Балин постучал пальцем по красной папчке:

— Это выглядит, как отчет больных на всю голову заговорщиков. Вы просто обязаны поступить к нам на работу, я не шучу, Ави.

— Только если ты предложишь нечто такое, от чего мы не сможем отказаться.

— Вы получите неограниченные возможности для розыска пропавших детей. В конце концов, именно это занятие позволило нам понять, что происходит.

— Отпусти меня в Казахстан.

— Как ты собираешься это сделать?

— Достань мне голландский паспорт, у тебя ведь везде связи, разве нет?

Балин, казалось, не отреагировал на идею Брама.

— А дальше что?

— Дальше я обращусь к истинной вере. Стану мусульманином. В городе, где родился Исраилов, в Алма-Ате, или как она там теперь называется, они устроили что-то вроде музея. Исраилов у них — великий человек, казахский Эйнштейн. К ним со всего мира съезжаются волонтеры, помогают восстанавливать страну. Из Европы тоже. Я хочу туда попасть.

— Мы не знаем в точности, какими банками данных они пользуются для контроля документов.

— Да ладно, Ицхак, ничего у них нету. После землетрясения все линии связи или оборваны вовсе, или серьезно повреждены. Страна лежит в развалинах. Они рады всякому, кто готов на них вкалывать.

— Послушай, Ави. Даниел Леви, без сомнения, был Япом де Фрисом. Мы безгранично благодарны вам. Работа действительно была проделана первоклассно...

— Благодарите не «нас», а Икки Пейсмана.

— Да, поразительный парнишка, придется нам забрать его, Ави, мое сочувствие к тебе безгранично, но придется тебе справляться самому или тоже поступать к нам.

— Продолжай, — бросил Брам.

— Только какое отношение это имеет к твоему сыну? В группе, работавшей с твоим отцом, было три еврея: Френкель, Бернар и этот австралиец Шарп. Вместе с твоим отцом — четыре. У двоих пропали внуки, оба осенью две тысячи восьмого года. И один мусульманин, который тогда не стал еще верующим, а пока не сбежал на Запад, состоял в КПСС...

— Такова была плата за то, чтобы работать в серьезной науке и выезжать за границу.

— Точно. Этот мусульманин неожиданно вернулся к вере отцов...

— Ты называешь это «вернулся к вере»? Стал радикалом, уехал в Афганистан и примкнул к талибам!

— Который сделался радикалом и, как вы предполагаете, стал воровать детей у евреев. Боже мой, Ави, — ты хоть подумал, какие у него могли быть мотивы?

— Мотивов нет. Здесь у нас слабое место. Я думаю, он ненавидел моего отца. Возможно, классическая схема: узнал, что отец должен получить Нобелевку. Зависть — страшная сила.

— Но он и сам, кажется, был невероятно успешен в Англии? Со всеми своими патентами он превратился в мультимиллионера.

— Он возненавидел евреев. После того как поработал с ними в Амстердаме. Сол Френкель, Бернар, Шарп, мой отец.

— И подумал так: я увезу с собой их внуков?

Брам понял — защиту Балина будет трудно преодолеть:

— Что еще вам удалось выяснить о Япе де Фрисе?

— Мы узнали, что он явился из Индии.

— Из Индии?

— Откуда попал туда — неизвестно.
— В Казахстане не искали?
— Мы не Моссад, мы Шабак. И занимаемся внутренними делами.
— То есть своим друзьям из Моссада ты даже не звонил?
— Там, насколько я понимаю, никого нет, кроме секретарши на полставки, которая отвечает на звонки.

— Яап де Фрис провел свою юность в Казахстане.
— Это ваши догадки, но доказательств-то нет.
— Их и не может быть на этом этапе, Ицхак. Кто-то должен поехать в Казахстан.
— Послушай, дружок, вы притащили мне фантастическую историю об ученом, ворующем внуков у своих бывших коллег. Теперь ты хочешь, чтобы я помог тебе проверить эту гипотезу: дал денег и задействовал свои связи?

Брам не мог сдержать улыбку:

— У тебя нет выбора, Ицхак. Тебе придется согласиться, но сперва ты желаешь убедиться, что я действительно хочу туда поехать. Да, я действительно хочу туда поехать. Так что кончай размазывать дерьмо по столу. Ты не хуже меня знаешь: мы не можем просто так отбросить эту гипотезу. Представляешь, а вдруг мы правы? Вдруг этот Исраилов на самом деле вывозил детей в Казахстан? Это не так сложно. Моего малыша он мог запросто взять с собой в Мексику, а оттуда — что два пальца об асфальт — вывезти куда угодно. А Яаппи де Фрис? Увезти на юг Испании, там сесть на паром — и в Марокко. Тогда, в две тысячи восьмом году, это было проще простого. Мне тебя тоже хочется кое о чем спросить. И я уверен, что у тебя есть ответ на мой вопрос. У тебя есть ответы на все вопросы, это твоя профессия, вернее, ты таким родился.

Балин глупо ухмыльнулся и пожал плечами.

— Какой ты, право, комплиментщик, Ави.
— Я точно знаю, когда должен похвалить тебя, Ицхак.
— Может, выпьешь чего-нибудь?
— Воды.
— Стакан воды, и мне тоже, — распорядился Балин, глядя в пространство; ясно, кто-то подслушивал весь их разговор. Может быть, еще и снимали скрытой камерой.

— Покинув Европу, — продолжал между тем Брам, — он вынырнул в Саудовской Аравии, но очень скоро уехал в Афганистан. Это было в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, Исраилову был пятьдесят один год. Стал личным врачом Муллы Омара в *Харакат-и инкилаб-и ислами*,⁸⁸ дрался против советских. В тысяча девятьсот девяносто шестом году организовал в Шах-Вали-Кот медицинскую лабораторию. *In the middle of nowhere*,⁸⁹ где-то в Афганистане. В сентябре двухтысячного года лаборатория взорвалась. Восемнадцать убитых, среди которых двое детей самого Исраилова. Может, в этом все дело?

— В том, что взорвалась его лаборатория?

— Да ладно тебе, Ицхак, хватит придуриваться. Я еду в Казахстан, расскажи мне все, что знаешь.

Дверь открылась, и красавица сефардка поставила перед каждым из них по бутылочке воды.

Балин медленно открутил крышечку, глотнул прямо из бутылки и утер губы тыльной стороной ладони. Потом сказал:

— В сентябре двухтысячного года все это было чистой фантастикой. Впрочем, не все. Эти штуки с ДНК именно тогда и начались. Мои предшественники постоянно этим занимались. Исследования генетики евреев, все это дерьмо, в которое мы теперь вляпались,

⁸⁸ Исламское революционное движение.

⁸⁹ Черт-те где (англ.).

было жутко модно. А тут еще и коммерческие интересы страховых компаний, которые хотели знать о генетической предрасположенности своих клиентов к болезням, когда вычисляли страховые взносы, и так далее. Мы знали, что в Европе и в Америке проводятся и другие исследования ДНК. Поиски биологического оружия, воздействующего только на людей со специфическим генотипом. Моссад очень волновала лаборатория Исраилова в Шах-Вали-Кот. Они понятия не имели, что там происходило. И они решили не рисковать. Досай Исраилов был гением. У него были мозги, а может быть, и возможности. Может, он искал оружие против евреев, а может — лекарство от рака, никто не знает. Моссад не хотел рисковать.

— Двое его сыновей погибли.

— *Shit happens*.⁹⁰

— Одному было три, другому шесть.

— Моссад не хотел рисковать.

— И тогда он забрал двух сыновей у своих прежних коллег.

— Ну, это ваша теория.

— Яап де Фрис просидел все это время в Казахстане. Без вариантов, — сказал Брам. — Исраилов содержал там сиротский дом.

— Что ж, очень благородно с его стороны.

— Ты должен мне помочь.

Балин кивнул, отхлебнул воды из бутылочки, оперся локтями о стол и посмотрел на Брама.

— Сперва они отрежут тебе пальцы на руках, когда поймут, кто ты такой на самом деле, спешить им будет некуда; потом — пальцы на ногах. Потом перейдут к более крупным частям тела. Ты пройдешь через чудовищные пытки и не скоро потеряешь сознание.

— Заткнись, Ицхак.

— А твой сын? Представь себе, что он все еще жив. И из него сделали убежденного мусульманина, радикала, который, как Яап де Фрис, видит перед собой только одну цель: как можно быстрее вознестись на небо, прихватив с собою как можно больше жертв. Евреев.

— Он — мой сын. Я должен попробовать с ним... с ним поговорить.

— С религиозным фанатиком?

— С моим сыном...

— Ави, Брам, Эйб, Ибрагим — мы сидим, черт побери, в дерьме по самые уши. Жаль, что твой отец больше не... слишком стар. Сейчас я с удовольствием обсудил бы с ним эти проблемы.

— Обсуди со мной.

— Почему? В этом весь вопрос, Ави: почему Исраилов сделал это?

— Почему? — повторил Брам.

Они улыбнулись друг другу.

— Может быть, через тысячу лет ты узнаешь почему, — сказал Брам.

— У меня есть теория.

— Я без ума от теорий.

— Мы не должны были сюда приезжать, Брам.

— И это говоришь ты, Ицхак? Ты — едва ли не самый могущественный человек в стране, говоришь, что нам не надо было сюда приезжать?

— Мы прибыли в неверное место, населенное враждебным, завистливым народом. Их религия полна неистовой злобы, основатели ее — мстительные кочевые племена, поклоняющиеся черному камню, их святилище — в Мекке. Добавлять к этому коктейлю монотеизм с мечтой о Храме в Святой земле было ошибкой.

— С нами так тоже было, — возразил Брам.

⁹⁰ И так бывает (англ.).

— Римляне выдрали нас отсюда с корнями, когда мы захотели отобрать у них свой Храм и защитить от них свой клочок земли. Мы годами рассказывали детям героические эпосы о Массаре. А на самом деле это было всего-навсего массовое самоубийство в знак протеста против победы римлян! Господи, Массара оказалась вовсе не героическим эпосом, а историей поражения! А наша религия, которая соткана была из святого для нас клочка земли, истории исхода из Египта и завоевания Ханаана по соизволению Господа нашего, *Акадош баруху* ?⁹¹ Древние евреи готовы были за это умирать. Но вот что случилось: римляне уничтожили нашу религию. И мы ушли в диаспору, в новую религию: без страны, без Храма. А потом мы, народ без страны, вернулись на этот древний клочок земли, и они нас ненавидят. Но мы могли бы точно так же жить, где угодно, — в Канаде, Америке, Австралии...

— Ты пропустил историю *Шоа* ,⁹² — напомнил Брам.

— Из-за *Шоа* ситуация усложнилась еще больше. Сперва мир ненавидел нас за то, что у нас не было страны; теперь они ненавидят нас за то, что у нас появилась страна. А еще они ненавидят нас за то, что из-за *Шоа* им пришлось испытать по отношению к нам чувство вины. Чувство вины — что за абсурд! Европейцы просто мечтали от нас избавиться. Я думаю, они с тысяча девятьсот сорок восьмого года надеются, что арабы завершат работу.

— Работу?

— *Шоа* .

— Зачем тогда ты сидишь здесь? — спросил Брам.

— Из упрямства. И еще — я надеюсь на чудо.

— На чудо?

— Может быть, мы отыщем средство, чтобы удалить их отсюда.

— Боже мой... — Брам с ужасом посмотрел на него, вдруг поняв, что Балин имеет в виду.

— Казахстан, — прервал сам себя Балин, не глядя на Брама.

— Нам надо заключить с ними мир.

— С Казахстаном?

— С палестинцами.

— Они на это не пойдут. Им это не нужно. Они думают, что время работает на них. В чем-то они правы. А может — не правы.

— Как мы это организуем, с Казахстаном? — спросил Брам.

— Поедешь через Китай. В Китае пройдешь начальный курс чтения Корана — ты вообще-то к языкам способен?

— Когда-то давно был способен. Я постараюсь.

— Достаточно хоть чуть-чуть уметь читать. Получишь голландский паспорт. И денег столько, сколько понадобится.

— А как с моим отцом?..

— О нем мы позаботимся.

— Хорошо, — сказал Брам. — И вот еще что...

Балин перебил его:

— Ты будешь там совсем один, Ави. У тебя не будет никакой поддержки. И никто не будет вытаскивать тебя из этого дерьма.

— Ицхак, — спросил Брам. — Зачем тебе понадобились эти игры? У тебя ведь была полная информация о Френкеле, о моем отце, о Яапе де Фрисе и Исраилове. Твои люди могли за пару часов сделать то, что сделал Пейсман. Почему ты мне об этом не сказал?

Глядя ему в глаза, Балин поднял брови и покачал головой:

⁹¹ Всеблагого, да будет Он благословен.

⁹² Холокост (*иврит*).

— Откуда ты это взял?

— Ты так ловко нас провел. Ты уже обо всем знал, когда пришел к нам в «Банк». Но хотел, чтобы мы сами все нашли, правда? Ты знал, что я сам приду. Дело идет о моем малыше. О моем сыне.

Балин смотрел на красную карту, расстеленную на его столе.

— Почему? — повторил Брам.

Балин шмыгнул носом, облизал губы и посмотрел на Брама.

— Почему? — Он поднялся с места, обогнул стол, и Брам пошел за ним к двери и спросил на ходу:

— А что бы ты делал, если б мы ничего не нашли? Остановившись у двери, Балин оглянулся:

— Наверное, ничего. Я бы ничего не сказал.

— Рискую тем, что ситуация вроде той, с Япом де Фрисом, может повториться?

— У нас есть твоя ДНК. Мы бы его так и так отследили.

— После того, как его разорвало бы в клочья.

Балин опустил глаза и уставился на башмаки Брама.

— У меня есть для тебя еще кое-что, — сказал он. — Двенадцать лет назад, декабрь две тысячи двенадцатого года. — Теперь он смотрел Брамму прямо в глаза. — Я случайно нашел старые мэйлы: из Америки запрашивали информацию о тебе в связи со смертью некоего О'Коннора.

— О'Коннора? — повторил Брам.

— Джона О'Коннора. Никогда о таком не слышал? Известный властям педофил, чья гибель пришлась как раз на те несколько дней, что ты провел в Америке. В доме О'Коннора нашли следы башмаков, купленных тобою в «Саксе».

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Дело было закрыто. Им не хотелось с тобой начинаться. Вряд ли удалось бы найти присяжных, которые осудили бы тебя за убийство этого чудовища.

— Почему ты не рассказал мне о том, что знал? — спросил Брам.

Балин снова шмыгнул носом:

— Почему? Я не мог бы попросить тебя об этом. О совершенно безнадежном деле. О безумном деле. Двое детей, пропавших много лет назад, внуков *идн*, которые давным-давно работали вместе. Совершенно абсурдная история. И из-за нее просить кого-то отправиться в исламский халифат, в район, разрушенный землетрясением? Ты должен был сам попросить меня об этом. Только так.

*Столица халифата
Через шесть месяцев
Октябрь 2024*

На Площади халифата в центре разрушенного города слепой мальчик схватил его за край *джеллабы*.⁹³ Брам кинул монетку в пластиковую мисочку, и тотчас ручки потянулись к его одежде и вцепились в нее. Брамму нетрудно было бы освободиться, чтобы идти дальше, вряд ли маленький попрошайка был сильным, но он остался стоять, глядя вниз, на немытую голову, грязную повязку на глазах, черные пальцы.

Мальчик сидел, подстелив под себя картонку, скрестив ноги, обутые в изношенные сандалии; перед ним стояла пластиковая мисочка с монетками. Грязные лохмотья едва прикрывали тело. Чего хотел от него этот ребенок? Откуда он знал, что именно Брам каждый день дает ему монету? По запаху?

Брам стоял, ожидая, что мальчик отпустит его или что-то скажет, впрочем, он все равно

⁹³ Длинное широкое одеяние типа халата, которое мужчины-мусульмане носят вне дома.

ничего бы не понял. Но тот молчал. И Брам стоял посреди площади, между аккуратных песчаных холмов, под которыми были погребены развалины.

Каждый вечер на Площади халифата он давал монетку слепому мальчику с завязанными красной тряпкой глазами, чей возраст так и не смог определить. Ребенок сидел у памятника без вести пропавшим, две недели Брам проходил здесь каждый день и, выбрав почему-то именно этого нищего, всякий раз давал ему денег, чтобы он мог купить хлеба. В столице полно было бездомных детей. «Надзирающий», помогавший Браму освоиться, рассказал ему, что существуют специальные центры, где их кормят и дают ночлег, но детей было так много, что городской совет ежевечерне поручал их заботам щедрых верующих.

Сквозь разрывы в облаках светило солнце, его теплые лучи скользили по посыпанной песком площади, по тюрбану на голове Брама, по лицу ребенка, сидевшего у его ног. Двое попрошайек подошли поближе и что-то сказали, но он их не понял. Мимо проходил мужчина в снежно-белом тюрбане, кокетливо приподнимая, чтобы не запачкать в грязи, свою *джеллабу*; он спросил по-английски, не нужна ли Браму помощь.

— *No*, — ответил Брам, — *I am fine*.⁹⁴

Дети-попрошайки заговорили с человеком в тюрбане.

— Они говорят, что могут увести его, если он вам докучает. Они знают его.

— Как его зовут?

— Атал.

— Атал, — повторил Брам. — Что это значит?

— Дар Аллаха Милосердного, да будет благословенно и прославляемо имя Его.

Мальчишки снова заговорили.

— Они говорят, что он еще и глухой. Слепой и глухой.

— О нем кто-то заботится?

Мужчина перевел его вопрос.

— Они забирают его с собой перед заходом солнца. Он ходит хорошо. Они живут в разрушенном доме. — Он еще о чем-то спросил мальчишек и перевел: — Их каждый день кормит арабская благотворительная организация. Они осиротели во время землетрясения.

Брам дал им денег, мальчишки ушли, а он поблагодарил мужчину и поглядел на ребенка, неподвижно сидевшего на земле.

Потом наклонился, осторожно высвободил край одежды из его пальцев и пошел дальше.

После разрушительного землетрясения некоторые здания с усиленными фундаментами и специальной конструкцией, способной держать удар — отели, офисы, — которые еще в советские времена возводили западные архитекторы, остались неповрежденными. Постройки же, созданные по канонам современной эстетики — со стеклянными стенами и открытыми пространствами, — рухнули и позже были засыпаны песком, привезенным в город на грузовиках. Оплаченные западными инвесторами дворцы из стекла, дававшие правителям возможность смотреть вдаль, поверх городских крыш, превратились в уродливые песчаные холмы, на которых ничего не росло. Пережившие землетрясение памятники — по большей части солидные, возведенные при прежнем начальстве, — были снесены и валялись с обрубленными ногами, засыпанные песком; протянутые вперед руки, которыми они самоуверенно указывали народу светлый путь, иногда торчали из-под земли. Они оказались дерьмовыми начальниками, это Брам понимал, и было нечто символическое в том, что новые правители сбросили их с пьедесталов. Чаши фонтанов, которыми некогда славился город, высохли, их постепенно заносило песком. Скульптуры, по которым долгими летними днями струилась вода, неся с собою прохладу, разбились на куски, а знаменитый фонтан «Знаки зодиака» снесли и уничтожили бульдозерами. Тысячи барельефов, скульптур,

⁹⁴ Нет, все в порядке (англ.).

мозаик были разрушены. Страна освобождалась от всего, в чем содержался малейший намек на красоту.

Зато восстановили Центральную мечеть, купол ее выкрасили голубым, мозаики подновили; это было самое высокое здание в районе. Десятки несчастных, осиротевших детей попрошайничали в тени минаретов. Целые кварталы на окраинах, человеческие муравейники еще советской постройки, рухнули во время полуночного землетрясения, но в центре уцелело множество старых, невысоких домов. Город окружали кладбища, где упокоились десятки тысяч погибших. А на Площади халифата, раньше называвшейся Площадью Республики, стоял единственный знак памяти тысячам тех, чьи тела не смогли найти. Страна столкнулась с катастрофой, объявленной учеными муллами карой Аллаха за то, что потомки кочевников обожествляли принадлежащие им степи и горы. И ветер, несущий их молитвы в Мекку. Добыча нефти замерла, иностранные бизнесмены больше не показывались в стране, но Брам поразило, сколько мусульман-европейцев встретилось ему, и не только потомков эмигрантов-мусульман, но и светловолосых новообращенных, потрясенных триумфальным шествием ислама по Афганистану и Центральной Азии.

Он перешел границу Китая в Хоргосе, проведя сутки среди вооруженных до зубов исламских боевиков и таможенников, бравших взятки; потом его посадили в автобус с юными новообращенными европейцами, чьи сияющие, восторженные глаза были красны от усталости и перевозбуждения. К поездке Брам готовился в китайском городе Урумчи. Он слушал лекции, изучал Коран и жизнь пророка и ждал приглашения, чтобы ехать дальше в качестве помощника-волонтера. Граница с Россией пересекала страну и была наглухо закрыта, это и заставило его ехать через Китай — в Урумчи он мог передвигаться совершенно свободно, мог связываться и с Москвой, и с Тель-Авивом по телефону и из интернет-кафе. Пока они ехали, останавливаясь в положенное для молитвы время, Брам преклонял колени у придорожной канавы рядом с кем-нибудь из юных, серьезных неофитов, одетых по-дорожному: в джинсы и модную теплую куртку с написанным на спине названием известной фирмы или американского баскетбольного клуба. Они произносили слова молитвы, ветерок играл их новообращенными бородами. Странно, но Брам чувствовал нечто общее между собой и этими юнцами, скорчившимися на молитвенных ковриках на пути к спасению.

Цепи высоких островерхих гор с вечными снегами на вершинах виднелись вдали, по берегам рек росли кусты и деревья, и ободранные серые стебли каких-то растений торчали над голой, покинутой землей. В день поездки — с шести утра до одиннадцати вечера, по кое-как подлатанной дороге — небо было бесцветным, земля — серой, а деревни, попадавшиеся на пути, состояли из полуразрушенных глинобитных домишек и торчащих там и сям обугленных балок: во время землетрясения, из-за непотушенного огня в печах, случались пожары. Иногда он видел издали клубы дыма, поднимавшиеся над селениями; иногда, прямо у дороги, — группу ожидающих чего-то узкоглазых мужчин с обветренными, невозмутимыми лицами воинов, ждущих сигнала, верхом на низеньких, нервных лошадках. Они проехали мимо палаток, возле которых дети, играя, равнодушно поглядывали на то, как рядом режут корову; труп собаки валялся в канаве; у поворота дороги рядом с тремя тощими козами стоял, опираясь на палку, закутанный в тряпье человек и внимательно смотрел вслед автобусу.

Земля вздрогнула от ужаса перед Аллахом Милосердным и дрожала девятью шестью секунд. Даже в полутора тысячах километров от эпицентра землетрясения трескались стены, крысы кричали от страха в подвалах домов, летели с полок и разбивались об пол в кухнях банки с персиковым и вишневым компотом. Брам до сих пор помнил ту ночь, хотя прошло больше трех лет. В Тель-Авиве был вечер, едва минуло восемь, когда он внезапно почувствовал легкую дрожь, словно где-то в доме сильным порывом ветра захлопнуло дверь.

Старые районы остались почти неповрежденными, эти дома — деревянные, не выше двух этажей — сохранились с той поры, когда город восстанавливали после разрушительного землетрясения 1887 года. Брам жил в центре для иностранных волонтеров

вместе с американцами, латиносами, европейцами. Бороду он начал отращивать за четыре месяца до отъезда, чтобы всякому издали был виден его недавно обретенный фанатизм. С момента приезда он носил тюрбан, длинный кусок материи, который, с помощью одного из «надзирающих», научился оборачивать вокруг головы. Волонтеры работали по утрам в разных частях города: убрали мусор, водили грузовики, а тех, кто имел соответствующую квалификацию, использовали на строительстве новых домов. После полуденной молитвы они изучали Коран. Брам подготовился: он мог немного читать по-арабски, что было не очень трудно человеку, говорившему на иврите. Женщины-волонтеры жили в отдельном палаточном лагере за чертой города, на ровной площадке у подножья гор.

Ночевал он в огромном зале вместе с десятками мужчин своего возраста — пятидесятилетних, — которым обрыдла жизнь в бездуховной, потребительской Европе. Они бежали оттуда, чтобы начать жизнь заново, и теперь принимали истерический накал страстей за новый смысл их новой веры. После занятий они ели за длинными столами. А потом он шел прогуляться по улицам, подобно тысячам других мужчин в белых *джеллабах*, мимо чайных, где из репродукторов неслись слова молитв, а с телеэкранов ученые-муллы разъясняли смысл сутр Корана; мимо мастерских, где продавали оружие: пусковые установки для ракет, минометы, старые русские и китайские мины. Он шел и слушал, на каких языках разговаривают прохожие: французский, английский, немецкий, арабский, что-то скандинавское, русский. И каждый вечер он давал монетку слепому мальчику на Площади халифата.

Брам был опытным шофером, и ему поручили водить грузовик. Надо было разбирать руины, в которые превратились жилые районы. Тысячи волонтеров из исламских стран поделили на команды, каждая команда отвечала за очистку определенного сектора. Брам оказался самым старшим в команде из двадцати человек, во время работы распевавших молитвы и без труда наполнявших кузов мусором. Через несколько дней он знал всех по именам, а они звали его Седым Ибрагимом: теперь, когда он перестал бриться, оказалось, что борода у него поседела, хотя волосы оставались темными.

Во время вечерних прогулок он часто проходил мимо музея, но не торопился заглянуть внутрь, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание. На семнадцатый день, еще до вечерней молитвы, он вошел в музей — деревянный дом неподалеку от железнодорожной станции, с которой после землетрясения не отправилось ни одного поезда. Дом оказался просторным, двухэтажным; длинный балкон во всю ширину фасада украшала искусно выкованная решетка, не тронутая маньяками-аскетами. Солнце, склонявшееся к закату, окрасило вершины гор и крышу дома в огненно-красный цвет.

Он отворил дверь и вошел в холл; пол был выложен синей и белой плиткой. У стола сидел коротко остриженный парнишка в белой *джеллабе* и очках в черной старомодной оправе; он читал какую-то книгу. Борода едва начала пробиваться на его юном лице. Волосы были темные, глаза карие, но на казаха или араба он не походил. Может быть, приехал из Северной Африки.

Брам поприветствовал его:

— *Kajirli kiun*.

И юноша ответил:

— *Kajirli kiun*.

Брам знал на этом языке всего несколько слов, но в его команде, где были люди из восьми разных стран, они общались по-английски. Он спросил по-английски:

— Можно мне посмотреть?..

— Пожалуйста. Если будут вопросы, я отвечу.

— Спасибо. С чего начать?

Юноша указал направо.

Пустая, обшитая деревянными панелями комната, когда-то здесь была столовая или

гостиная состоятельной семьи; стены увешаны фотографиями и текстами по-арабски, по-казахски и по-английски.

Досай Исраилов родился здесь в 1937 году, отец — Нуржан, хирург, мать — Сагида, учительница. То было время сталинского террора, когда погибла четверть четырехмиллионного населения Казахстана. Брам внимательно прочитал тексты, посмотрел исторические фотографии и прошел в следующее помещение, обшитое точно такими же панелями.

Здесь посетителя информировали о Второй мировой войне и ошеломляющем росте советской индустрии после победы над фашистами, рассказывалось также об испытаниях первой советской атомной бомбы.

Боковая дверь привела его обратно в холл.

— Есть вопросы? — спросил юноша.

— Пока нет, — улыбнулся Брам.

Комната по другую сторону холла оказалась кабинетом с книжными шкафами, забитыми научной литературой на русском, немецком и английском языках. В рамках помещались фотографии и тексты.

Досай Исраилов поражал своими успехами с юности, семнадцати лет он отправился в Московский университет, изучать физику и химию. Окончил учебу за три года и прошел специализацию по фармакологии в Праге. На фото Брам увидел интеллигентного казаха, черноволосого, с любознательным взглядом; на другом фото — он же в белом лабораторном халате; еще на одном — в спортивном костюме, на стадионе; еще на одном — в горах, с друзьями-студентами.

В 1963 году, когда ему было двадцать шесть, он получил звание профессора в Ленинградском университете. Как человек известный и пользующийся доверием член партии, он имел возможность выезжать за границу, читал лекции в Массачусетсе, в Лейденском университете, в Сорбонне, а в Германии, среди прочего — в Министерском филиале Института Макса Планка, где занимаются биомедицинскими исследованиями.

В 1975 году (ему было тридцать восемь), во время поездки в Англию, Исраилов попросил политического убежища. Британская международная фармацевтическая фирма предоставила ему лабораторию и долю в доходах, получаемых при реализации лекарств по его патентам.

За несколько лет он приобрел финансовую независимость и перебрался в Амстердам. Брам был готов к этому, но все равно испытал шок, увидев фото амстердамской команды: Исраилов, Хартог, Сол Френкель, австралиец — Кенгуру — Шарп, француз Бернар, британец Льюис. И двое голландцев: Фриц де Грааф и Йоланда Смитс, тогда — молодые сотрудники, постдоки; теперь им, должно быть, под семьдесят, в живых от всей команды, кроме Хартога, остались только они; оба живут в Голландии, Брам говорил с ними по телефону.

Фото Исраилова у мечети в Амстердаме, среди работяг-марокканцев: в глазах этих неграмотных парней светится уважение к его учености. Подпись под фотографией сообщает, что в Амстердаме Исраилов вернулся к вере своих дедов, кочевников-мусульман из Казахстана.

После того как Хартог получил Нобелевскую премию, Исраилов покинул Голландию. Фотографии в традиционной арабской одежде, текст: открытие центра для медицинских исследований в Саудовской Аравии.

В 1988 году — Исраилову пятьдесят один год — он примыкает к *Харакат-и инкилаб-и ислами*, мусульманскому движению, сражавшемуся в Афганистане против советских. Исраилов лечил Муллу Омара, когда тот был ранен в глаз во время битвы при Джелалабаде, в 1989 году участвовал в освобождении Кандагара и Герата, а в 1996 году основал медицинский центр — неподалеку от Кандагара, в районе Шах-Вали-Кот.

Не было ни одной фотографии его жены (или жен), но под фотографией сожженного здания лаборатории в Шах-Вали-Кот имелось сообщение, что в сентябре 2000 года взрыв,

организованный сионистскими врагами, прервал важнейшие исследования. Во время взрыва погибли не только шестнадцать сотрудников Ибраилова, но и его маленькие сыновья, трех и шести лет.

В следующей за кабинетом комнате висели самые последние фотографии — с 2010 года до смерти Ибраилова в 2016 году.

После падения режима Муллы Омара в 2001 году Ибраилов, как видный член талибской элиты, мог бежать вместе с остальными в Пакистан. Но знаменитый ученый вообще исчез до 2010 года, когда, судя по фотографиям, он вернулся на родину. Огромное состояние позволило Ибраилову организовать приют для сирот со всего мира. Он поселил их вдали от города, в покоем на монастырь комплексе зданий; в них воспитывали благочестие и преданность исламу, а также развивали их интеллект.

На фотографии, сделанной в 2011 году, снята была целая группа этих весело смеющихся сирот в традиционной долгополой одежде, совершенно не сочетающейся с их европейскими лицами. Брам узнал одного из них, и у него перехватило дыхание. Самый высокий из всех, девятилетний красавец блондин, голландец Яппи де Фрис, внук Сола Френкеля. Яппи, назвавшийся Даниелом Леви и взорвавший себя. Его малыша на фото не было.

В тупичке за домом Ибраилова Брам просидел не менее получаса. Никто не должен был видеть его заплаканное лицо: что ответит он тому, кто спросит?.. У него не было ответов — одни вопросы. Был ли его малыш частью этой группы? Есть ли еще какие-то фотографии? Ничто в глазах внука Френкеля не наводило на мысль о трагедии, о том, что он был похищен. Какой была юность Яппи? А какой была юность его малыша? Обняв руками колени, Брам сидел в сумрачном тупичке позади ряда деревянных домов, выстоявших во время землетрясения, и ему хотелось рассказать Эве о том, что он увидел, хотелось обнять ее, а потом упасть на колени и положить ладони на ее бедра. Звонить ей было опасно: в столице контролировались все телефонные пункты и интернет, а ему, очевидно, предстояло прожить здесь несколько недель, может быть, даже месяцев, прежде чем он сможет вернуться.

Куда делся его малыш? Был ли он убит О'Коннором? «Мой малыш, — подумал он, — где он, мой малыш?» Надо подождать несколько дней, снова зайти в дом Ибраилова и расспросить хранителя музея. Что произошло с приютом? Существует ли он до сих пор? А если нет, то куда послали мальчиков? В Афганистан, сражаться против западных армий? Или все они уже погибли? Взорвали себя, как внук Френкеля, затесавшись в гущу врагов?

Он пошел назад и на людных центральных улицах столицы затерялся в море тюрбанов; некоторые гуляли, придерживая рукой висевшее на плече оружие. Как же он завидовал верующим, обращающимся напрямую к Аллаху, умоляя его явить свою милость. Голода он не испытывал, но ему очень хотелось пить. На Площади халифата, проходя мимо слепого мальчика, он, как всегда, дал ему монету.

В эту ночь он не мог заснуть; прислушиваясь к храпу соседей и к биению своего измученного сердца, он пытался понять мотивы поступков Ибраилова. Вдохновлялся ли тот рассказами о мамелюках и янычарах? Как любой образованный человек, Ибраилов, без сомнения, знал эти истории. Но принял ли он решение изменить свою жизнь только ради мести за смерть детей? Моссад в сентябре 2000 года взорвал его лабораторию в афганском районе Шах-Вали-Кот, были убиты его дети. Возможно, Ибраилов хотел отомстить сионистам и вообще евреям; он был гениальным ученым и нашел оптимальное решение для осуществления своего плана.

Через три дня Брам снова наведлся в музей. Шел дождь, а в дождь работы прекращались. Улицы были пусты, дороги превратились в грязные взбаламученные лужи. Юный хранитель музея приветствовал его радостно, как старого знакомого, и дал полотенце, чтобы вытереть лицо; Брам размотал намокший тюрбан, а плащ повесил у входной двери. Он

снова осмотрел музей, прочел все пояснения и испытал такой же шок при виде фотографий, изображавших его отца и Яапа, как и в первый раз.

Когда Брам вернулся в холл, юноша спросил, не хочет ли он чаю.

Только теперь Брам заметил, что хранитель музея сидит в старом-престаром инвалидном кресле: на Западе их давно заменили на новые, легкие и маневренные модели. Юноша выехал из холла и вернулся, держа чайник и управляясь с креслом одной рукой. стакан, лежавший у него на коленях, он подал Брам и налил чаю ему и себе.

— Спасибо большое, — поблагодарил Брам.

— Редко бывает, чтобы кто-то заходил сюда во второй раз, — сказал юноша. — Да и один раз мало кто заходит. Вы ученый?

— Нет... Впрочем, когда-то был. Я занимался историей. Мой отец был ученым, он встречался в Европе с профессором Исраиловым. — Он осторожно отхлебнул ослепительно-горячего чаю. Дождь барабанил в окна.

— Потрясающе! Теперь я понимаю, почему вы пришли во второй раз. Вы сами-то откуда?

— Из Голландии. — Тут Брам почти не наврал.

— И давно вы стали мусульманином?

— Да — вернее, я только теперь понял, что многие годы ощущал себя мусульманином.

Я шел путем, указанным пророком, *sallallahu alaihi wa sallam*.⁹⁵

— Вы — волонтер?

— Да.

— Я хотел задать вам странный вопрос.

— Задавай.

— Вы знаете, что шахматы запрещены?

— Как так — шахматы запрещены?

— Игра запрещена. Шахматы. Шестьдесят четыре клетки.

— Нет, я не знал.

Юноша доверительно наклонился к нему и, заговорщицки подмигнув, прошептал:

— А вы в шахматы играете?

И Брам вдруг показалось, что на лице юноши появилось типичное, свойственное только еврейским подросткам выражение: смесь иронии, любопытства и лукавства. Он видел такие лица сотни раз, когда преподавал в Тель-Авиве. А может, ему почудилось?

— Раньше играл, с отцом...

— У меня есть доска, — сообщил юноша, не спуская глаз с входной двери. — Наверху, в одной из комнат, спрятаны доска и фигурки, кроме одной: я потерял черную башню.

— Ее можно заменить чем угодно: кусочком дерева, камушком, — посоветовал Брам.

— Когда вы сможете прийти?

— Завтра... Или послезавтра?

— Послезавтра. Но вам придется отнести меня наверх. Сам я туда не заберусь.

— А что там, наверху?

— Ничего. Пустые комнаты. Правда, есть стол и два стула. И в тайнике спрятаны доска и мешочек с фигурками.

— Я приду, — сказал Брам.

— Это запрещено, — напомнил юноша, протягивая ему руку, и назвал свое имя: — Эркин.

— Ибрагим, — ответил Брам, пожимая его руку. — Я очень давно не играл в шахматы.

— Я тоже играл нечасто, — успокоил его Эркин. — Но мы все вспомним, пока будем играть.

⁹⁵ Выражение, употребляемое мусульманами при упоминании пророка (Мохаммеда): «Да пребудет с ним благословение Аллаха».

— Если это запрещено, где ты научился играть?

— В приюте.

— В каком приюте?

— В приюте у профессора.

Сколько ему могло быть лет? Двадцать? Не объявляли ли когда-нибудь этого парнишку в розыск? Волосы у него черные, но слишком светлая кожа; интересно, был ли он знаком с малышом? И не знает ли, где может быть малыш сейчас? Брам спокойно кивнул, сердце его бешено колотилось где-то у горла.

— А приют существует до сих пор?

— Он разрушен землетрясением. Такова была воля Аллаха Милосердного, да будет благословенно и прославляемо имя Его.

— Ты был там, когда это случилось?

— Да. Я угодил под падающую балку, и меня парализовало — все, что ниже пояса.

— Какой ужас, — посочувствовал Брам.

— Тем выше ценится мой путь к Аллаху Милосердному, да будет благословенно и прославляемо имя Его.

— А остальные, те, кто жили в приюте?

— Мне повезло. Почти все погибли.

Брам умирал от желания расспросить его обо всем, но надо было сдерживаться. Шансов, что малыш все еще жив, оставалось немного.

— Кто научил тебя играть в шахматы?

— Мой друг Хайуд.

— Чем вы занимались в приюте?

— Мы изучали Коран, *хадисы* и *сунну*.⁹⁶ И много тренировались. Мы все очень метко стреляли и владели ножом, могли убить врага голыми руками. Мы мечтали стать мучениками, умереть во имя Аллаха Милосердного, да будет благословенно и прославляемо имя Его. И до сих пор это — моя цель. Я был бы счастлив, если бы смог совершить то, чему учил нас профессор!

— Чему он вас учил?

— Что жертвовать собой — высшее благо.

— Вы все были сиротами?

— Да. Из разных стран. Я, например, родился во Франции.

— А твои родители тоже были мусульманами?

— Все рождаются мусульманами. Но истинный путь приходится искать среди лжи и соблазнов.

— Это правда, — согласился Брам, гадая про себя, не вызвал ли он нечаянно подозрений.

— И из моей страны, из Голландии, тоже кто-то был?

— Хайуд, шахматист. Его имя означает «гора». Он и выглядел как гора, высокий блондин. Сирота из Голландии. Нас собирали по всему миру.

— Хайуд тоже погиб во время землетрясения?

— Нет, он был послан год назад для исполнения миссии. Может быть, он уже погиб как мученик и получил воздаяние на небесах.

— Ты что-то помнишь о своем детстве во Франции?

— Нет. Слишком много времени прошло. Смутно. Какой-то длинный коридор. Комнату. Там было плохо. Я был сиротой.

— А Хайуд что-нибудь рассказывал?

— Нет. Мы редко говорили об этом.

— Но он умел играть в шахматы?

⁹⁶ Описание высказываний и жизненного пути Мохаммеда.

— Да. Он сам выточил фигурки. Он был жутко способный.

— Там висит снимок детей, которые жили в приюте, он был сделан в мае две тысячи десятого года. Ты там тоже есть?

— Меня там нет. Почти все, кто там сняты, погибли в ту ночь. Это ужасно, но Аллах Милосердный, да будет благословенно и прославляемо имя Его, знает, что Он делает. Для нас воля Его непостижима.

— Эркин, — сказал Брам, чувствуя в груди жар, словно там разгорался костер, и опасаясь, как бы мозг не разнесло взрывом, — Эркин, ты не скажешь мне, кто изображен на том снимке? Я хотел бы помолиться за них.

Эркин покатил свою коляску в заднюю комнату и остановился у книжного шкафа; Брам вошел за ним. Фотография стояла на полке, прикрепленной к стене, перед рядом книг. Эркин называл имена, и Брам, затаив дыхание, ждал, пока палец Эркина не уперся в изображение Яппи, пока он не назвал имя.

— Хайуд, голландец, — сказал Эркин.

— А американцы у вас были?

— Да. Тхакиб.

— Тхакиб, — повторил Брам. И спросил: — А его фотографии тут нет?

— Нет. Только эта.

Брам помог Эркину добраться до холла.

— Тхакиб тоже выжил во время землетрясения. Он был послан для исполнения миссии вместе с Хайудом. Они должны были стать мучениками. Тхакиб много чего помнил о своем детстве, — добавил Эркин задумчиво, подбирая слова. — Он рассказывал, что жил среди змей. Много-много змей. Может быть, он уже стал мучеником. Аллах Милосердный, да будет благословенно и прославляемо имя Его, знает, что Он делает.

Облака расступились, и лучи солнца осветили горы, окаймлявшие город. Дождь очистил воздух, теперь пройдет не меньше суток, пока земля высохнет и все вокруг снова покроется пылью. Брам сошел с крыльца, и его башмаки промокли. Он спешил, хотя цель пока что не была ему ясна. После того, что он услышал, надо было отойти подальше от музея и спокойно все обдумать. Надо контролировать свои эмоции, чтобы не выдать себя, пытаясь разобраться в том, что он узнал. Есть надежда, что Бенни жив. Тхакиб. Если еще не взорвался. Это может случиться в любую секунду, он назовется Фредди Козном, Сэмом Вайсом или Джо Корнблюмом и подорвется, собрав вокруг себя толпу евреев. В Тель-Авиве, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе. Надо побыстрее связаться с Балином, это возможно только из Китая. Из этого города ничего нельзя послать в Тель-Авив. Они не должны допустить, чтобы Тхакиб проник в гетто, которое называется Израиль.

Он находился в каком-то трансе — и с изумлением понял, что видит себя со стороны: очень странное ощущение, словно у него появился еще один глаз, следовавший за ним и следивший за измученным телом в забрызганной грязью *джеллабе*. Едва показалось солнце, люди в тюрбанах высыпали наружу, дергаясь и приплясывая в грязи, полные восторга перед своими великими целями, перед новой страной, которую они строили, современным халифатом, который вот-вот распространится по всей земле, неся заповеданный Аллахом мир. Неверующий Брам был бы рад помолиться вместе с ними, попросить помощи в поисках тайного смысла происходящего: медленного умирания отца, беспокойного блуждания евреев по путям всемирной истории, причин землетрясений, судьбы своего малыша.

Тхакиб. Может быть, он еще жив. Может быть, он начал сомневаться в своей вере и захотел разобраться в смутных воспоминаниях детства. Помнит ли Тхакиб своих родителей? Знает ли, что не был сиротой, что его украли, увели из родного дома? Или ему объяснили, что все свершается по воле Аллаха и, следуя извращенной логике своих учителей, он живет лишь ради великой, жестокой, огненной жертвы, к которой его предназначили? Где он, его малыш? На Западе? В Америке? В Испании? Где-то в мире живет и дышит его малыш. В крошечном номере отеля в Монтевидео. На ферме в Кении. На корабле в Индийском океане.

Он породил сына, готового принести себя в жертву своему богу.

Но он не исключал и другой возможности: однажды утром его сын встретит девушку, от которой не сможет отвести глаз, так прекрасна будет она, девушку, к которой ему захочется возвращаться каждый день, чтобы снова взглянуть на нее, девушку, которая подает чай в индийской деревне или торгует свежей мятой на Берегу Слоновой Кости.

Его сын все еще жив — он чувствовал это, как Икки чуял опасность, — с определенностью, не нуждавшейся в поддержке фактов. Его сын жив. Где-то на земле живет он в ожидании момента, когда сможет принести себя в жертву, или в ожидании достаточной силы озарения, какие случались у Моцарта и Вермеера. Он должен найти малыша и помочь ему; окружить его любовью, охранить эту, такую короткую, жизнь от религиозных фанатиков вневременного, потустороннего мира, которые требуют его крови. Он должен найти свое дитя — Бенъямин, Бенни — он осмеливался произнести это имя только мысленно.

— Бенни, — тихонько сказал он, — любимый мой малыш, Бенни...

Связаться с Балином отсюда невозможно, значит, нужно срочно вернуться в Китай, в цивилизованный мир с модными шоу, веселыми торговыми улицами, новенькими мобильниками и полными народу ресторанами. Многие страны установили у себя ДНК-сканнеры и решили проблему фальшивых паспортов. Он сможет найти Бенни, если задействовать Балина.

Час за часом бесцельно блуждал он по разрушенному городу. По небу плыли белые облака, затеняя собою широкую долину, потом ветер забрал их с собою и солнце подсушило лужи на улицах и его лицо. Он опустился на колени, в мокрый песок, чтобы вознести полуденную молитву.

И снова слепой мальчик на Площади халифата схватился за край его *джеллабы*, когда Брам бросал монетку в пластиковую мисочку; это превратилось в привычку — давать монетку попрошайке, даже сегодня, когда он узнал, что его сына превратили в мусульманина, фанатика-самоубийцу. Что за абсурдная мысль. Брам хотел высвободиться из рук попрошайки, но, как и несколько дней назад, тот держался крепко, и вдруг он почувствовал, что начинает успокаиваться. Ребенку негде было спрятаться, он промок насквозь, пока сидел, скрестив ноги, на земле под проливным дождем. Грязная повязка на голове, грязные ногти, рваные сандалии на ногах. Чего хочет от него этот ребенок? Может быть, он просто подходит ближе, чем другие, и мальчик интуитивно хватается за него, как утопающий за проплывающий плот? Ребенок молчал. И Брам ждал.

Маниакальная суетливость, заставлявшая его бежать куда-то, постепенно исчезала. Надо подождать, пока ребенок разожмет руки. Он не шевелился, позволяя мальчику держаться за свою одежду, и, непонятно как, эта минута передышки освобождала его от безумных мыслей и от безумия окружающего мира. Атал — так звали ребенка, сидевшего у его ног. Ребенок — сильно сказано. Жалкое подобие человека, не более того. Почему здесь, на пустой площади, в сердце исчезнувшего с лица земли города мальчик выбрал именно его? Может быть, он просто ищет защиты, хотя не видит, не слышит и, наверное, не умеет думать — можно ли думать, не зная слов? Кто позаботится о нем в разрушенной стране, где инвалидность и болезнь считаются карой Аллаха? Он позаботится об этом мальчике, поведет его сквозь ночь.

Брам нагнулся и поднял легкого, как небольшая зверушка, ребенка. Тот цепко держался за одежду Брама, от него шел звериный запах грязи и пота. Зачем ему это? Из жалости? Из желания добавить себе забот? Он пошел, неся на руках ребенка, к Центру для волонтеров. Там Брам раздел мальчика (запах от этого сделался сильнее), вымыл его с мылом и, сняв повязку, увидел глаза, в которые не проникал свет. Он сообщил о ребенке дирекции центра, объяснив, что берет на себя оплату его содержания. Потом накормил мальчика хлебом, апельсинами, фигами и финиками. Он был мал, как четырехлетний, но по лицу видно было, что он старше — лет десяти-одиннадцати.

Впервые ночью Брам тихонько плакал о своем сыне, прислушиваясь к дыханию мальчика, спавшего на соседнем матрасе.

Что ощущает этот ребенок, соприкасаясь с окружающим миром? Брам купил темные очки, чтобы предохранить его глаза от солнечного света. Мальчик ощупал очки, и Брам отдал их ему. Потом проделал трюк: прицепил очки к ручке двери и дождался, пока мальчик нашел их. Он родился таким или его искалечили? Отправляясь к Эркину играть в шахматы, он взял ребенка с собой. Мальчик тихо сидел у ног Брама, крепко держась за его одежду.

В пятницу, после молитвы, он взял в свои ладони руки ребенка. Сжал. Подождал. Сжал. И почувствовал, как ребенок в ответ сжимает его руку. Он сжал руки подряд три раза. И мальчик трижды сжал его руки.

Трое мужчин с длинными седыми бородами, глубоко посаженными глазами и коричневыми мозолями на лбу,⁹⁷ в белых *джеллабах* и черных тюрбанах на голове, с безразличным видом восседали за длинным деревянным столом в пустой комнате со светло-зелеными стенами. Дом был построен еще при Сталине и устоял во время землетрясения.

Он приветствовал их — ученых мужей — так, как его научили делать это в Китае: прижал руку к губам, а после коснулся ею лба и груди. Ему велели сесть на скамью против стола. Ребенка в синей *джеллабе* и темных очках он усадил на коврик у двери, и тот спокойно ждал его.

Переводчик — новообращенный американец, гигант-янки, вверивший себя пророку, — остался стоять рядом с ним.

— Ні, Ибрагим, — приветствовал он Брама. — Раньше меня звали Росс, теперь зовут Мухаммед.

— Ні, Мухаммед. Меня зовут Ибрагим.

Тот, что сидел в центре, заговорил — негромко, брезгливо поглядывая на Брама, — на языке, которого Брам никогда не слышал.

Он замолк, и вступил переводчик:

— Почему вы хотите отказаться от своей работы и вернуться в страну *кафиров*,⁹⁸ откуда вы прибыли? Может быть, с вами здесь плохо обращались? Халифат нуждается в каждом верующем, чтобы следовать завету пророка, *sallallahu alaihi wa sallam*, да будет с ним мир.

Брам ответил:

— Я хочу вернуться в страну, откуда прибыл, потому что отец мой стар и болен. И из-за мальчика, Атала, — он указал на ребенка у двери, — я хочу показать его врачам *кафиров*. *Кафиры* не понимают заветов пророка, *sallallahu alaihi wa sallam*, но очень хорошо разбираются в медицине. Я хочу знать, можно ли возратить Аталу зрение и слух. Для этого мне придется вернуться в мир *кафиров*.

Переводчик выслушал ответ ученого мужа и спросил:

— Этот Атал, он что, ваш сын?

— Нет, но я должен заботиться о нем, как если бы он был моим сыном.

Переводчик, кивая, выслушал ответ ученого мужа и перевел:

— Эмир Азуз хочет знать, зачем вам глухой и слепой сын? Почему Аллах милосердный, да будет благословенно и прославляемо имя Его, сделал его таким?

— Мы не можем знать путей, которыми ведет нас Аллах Милосердный, да будет

⁹⁷ Мозоли появляются в результате истовых поклонов во время молитвы (по известной поговорке о дураке, расшибающем лоб).

⁹⁸ Те, кто не знают Аллаха (немусульмане).

благословенно и прославляемо имя Его. Мне очень хотелось иметь сына, который мог бы видеть чудеса мира, созданного Аллахом Милосердным, да будет благословенно и прославляемо имя Его, и слышать молитвы, в которых мы выражаем покорность воле Аллаха Милосердного, да будет благословенно и прославляемо имя Его. Но не я выбрал этого ребенка. Он выбрал меня сам.

Едва они выехали из Казахстана, Брам связался с Балином и повез мальчика к китайско-монгольской границе, в веселый город Эренхот, полный складов, магазинов электроники и готового платья, ресторанов и рынков; в транспортных пробках на его улицах машины сердито гудели на разные голоса. На местной железнодорожной станции под русскими и монгольскими вагонами меняли колеса для того, чтобы они могли проехать по узкой китайской колее. Несколько недель они, ожидая русских виз, прожили в шумном отеле с гигантской столовой, где каждый день сотни быстрых китайцев, усевшись за круглыми столами, поглощали обеды из двадцати блюд. Он ловил себя на том, что пытается отыскать своего малыша на улице, среди людей. Клубы дыма поднимались над тысячами крыш, жирным дымом воняли тележки торговцев закусками, деловито проходили мимо китайцы в подбитых мехом сапогах, меховых шапках и темных очках, предохраняющих глаза от слишком яркого зимнего солнца; воняло бензином и мазутом.

На улицах и в витринах магазинов были развешаны плакаты и полотенца с изображением змей, игрушечные змеи, и он понял, что 29 января наступит год Змеи. Усадив Атала на колени, он поискал на сайте *MapQuest* координаты: 22°8'8" северной широты и 22°8'8" восточной долготы. Место оказалось в сотне километрах к югу от города Аль-Туллаб, в ливийской пустыне. Задав координаты Google, он нашел сообщения о бункере, построенном в тамошних песках: одном из мест, где ливийцы хранят свой ядерный арсенал.

Из вонючей кабинки телефонного центра — вокруг на разные голоса орали о нерушимой любви или ненадежных клиентах китайцы и русские — Брам позвонил Балину. И получил адрес магазина, где ожидал его «исправленный» мобильник. Вернувшись в отель, он позвонил снова.

— Год Змеи. Координаты. Это точные цифры.

— Американцы будут просто счастливы, когда я им это сообщу, — ответил Балин. — «Господин генерал, все цифры точные»; Ави, ты не в себе? Или напился?

— Что они сделают с ним, если поймут?

— Кто, ливийцы?

— Ты не мог бы с ними договориться, что даешь им информацию в обмен на его экстрадицию?

— Как ты думаешь, что он собирается делать?

— Я думаю... Как ты считаешь, могут быть фундаменталисты в ливийской армии?

— Как тебе удалось найти эту дату и координаты, Ави? Ты не мог бы объяснить точнее?

— Нет, и, может быть, все это вообще ерунда, Ицхак, — я чувствую это, вот и все.

— Когда ты возвращаешься?

— Сперва я должен заехать в Москву. Потом вернуться в Тель-Авив. Ты должен помочь мне найти его. Я думаю, он будет дожидаться двадцать девятого января. Пока что он выжидает... Кстати, как поживает мой отец? И Хендрикус?

При помощи скайп-камеры Эва продемонстрировала ему свой шестимесячный живот, а он показал ей Атала и рассказал, что у него не было другого выхода в тот день, на площади, что он не мог бросить мальчика на произвол судьбы. Она упомянула о бремени новых забот, которые он взваливает на себя, но добавила, что понимает и прощает его.

Короткая дорога через Казахстан была перекрыта, пришлось сделать тысячекилометровый крюк через Улан-Батор до Иркутска, чтобы попасть на транссибирский экспресс. Он побрился, взял руку мальчика и провел его ладошкой по своим гладким щекам.

Атал улыбнулся. Он брал мальчика с собой на рынок, где продавались травы, и давал ему их понюхать. Каждый день ребенок касался его лица, бровей, ушей, век, проводил пальцами по скулам. Иногда в толпе мальчик неожиданно останавливался, в страхе хватаясь за него, и тогда Брам брал его на руки и относил в отель, в безопасность. Потом монгольские пограничники разрешили мальчику ехать: Эва купила ему российскую визу.

И поезд пополз по бесконечной снежной равнине.

Дни и ночи ехали они вместе, под железный перестук колес, мимо открытых всем ветрам полустанков и занесенных снегом лесов; мальчик, держа Брама за руку, спал у него на коленях. Брам кормил ребенка, давал ему попить, переодевал, расстегивал фуфайку, когда в купе становилось жарко, гладил по лицу. Где-то в вагоне пели песни. Поезд повернул к северу, и на горизонте время от времени стали появляться купола-луковки русских церквей, сверкавшие в лучах солнца. Проводница разливала чай из сверкающего кипятильника и разносила по купе дымящиеся стаканы. Пассажиры делились друг с другом сладостями. Почему-то Брам было приятно, что мальчик выбрал его. Это помогало ему дожидаться возвращения Бенни. Им удалось приехать домой, в Москву, перед самым Новым годом.

За несколько часов до того, как они должны были прибыть на Ярославский вокзал — все спешно собирались, паковали вещи, причесывались, женщины наводили красоту, — зазвонил китайский мобильник Брама. Он встал и вышел из купе, чтобы в узком коридорчике выслушать сообщение Балина.

— Ицхак? — спросил Брам.

— Мы нашли его, — ответил Балин.

ЭПИЛОГ

*Амстердам
Январь 2025*

1

Брам принял душ в номере амстердамского отеля и пошел к своему старому дому на Херенграхт. Типичный для Голландии серый январский день, небо плотно затянуто облаками, холодно, но сухо. Голые деревья недвижно застыли перед роскошными домами, над темной водой каналов. Несколько раз он останавливался поглядеть на расписные потолки и зажженные люстры за высокими окнами богатых купеческих особняков, которым реставрация вернула прежнюю пышность и величие. Машинам въезд в полукруг каналов был запрещен. Велосипедисты, пригнувшись к рулю, торопливо форсировали горбатые мосты; десятилетия миновали с тех пор, как он видел это в последний раз. Пешеходов было немного, но город не казался пустынным. На торговых улицах, пересекавших каналы, царил оживление; ярко освещенные магазины были забиты модной одеждой и дорогой посудой, рестораны предлагали немыслимые кулинарные чудеса. Но на самих каналах было тихо и безлюдно, как на картинах старых мастеров; казалось, он нечаянно забрел в девятнадцатый век.

Их старый дом, неподалеку от набережной Амстеля, был построен в 1672 году; за входной дверью начинался коридор, тяжелая дверь в конце его вела в сумрачную пристройку во внутреннем дворе. В комнате с забранными мощной решеткой окнами, выходившими на канал, отец устроил себе кабинет, «келью», как он его называл. Спальня Брама помещалась в пристройке, на третьем этаже, а огромная гостиная — ниже, в бельэтаже. В одной из комнат рядом с его спальней отец устроил библиотеку, в другой стояла стиральная машина.

Из окна спальни Брам был виден внутренний дворик и задняя стена выходившей на

канал части дома, где в верхних этажах, над кабинетом отца, жили другие люди. Брам был счастлив там, пока жива была мама. Он рано понял, что не сможет оправдать ожиданий отца, но мама всегда выручала его. Теперь их дом, как и многие другие дома на Херенграхт, принадлежал банку. Брам коснулся рукой гладкой темно-зеленой двери, той самой, с той же старинной медной ручкой. Он заметил тень в зарешеченном окне и, присмотревшись, разглядел мужчин в рубашках без пиджаков и строгих галстуках, пялившихся на экраны компьютеров. В эту комнату Брам часто приносил отцу чай из полуподвальной кухни, где обычно находилась мама: поднимался на четыре ступеньки, проходил мимо туалета, входил в кабинет отца, ставил чашку на стол. Отец, погруженный в свои мысли, мельком взглядывал на Брама и вместо благодарности трепал его по волосам. Брам тихонько выходил из комнаты, но был рад этому жесту, сильным пальцам отца, касавшимся его головы. Теперь выяснилось, что кабинет не такой большой, как ему помнилось. В ту пору он казался Брамму огромным, как зал.

А рядом со звонком была прикреплена медная табличка с черными буквами: Проф. Др. Х. Маннхайм. Брам гордился отцом и их домом, большая часть которого, правда, не выходила окнами на канал, но все же это был настоящий дом на Херенграхт. Номер 617. Сумма цифр 14, ничего не означает. После смерти мамы отец был убит горем. Брам помнил, с какой нежностью относились друг к другу родители, но вплоть до сего дня не понял, почему отец после смерти жены не захотел оставаться в Голландии. Скорбь его была глубокой, но безмолвной.

Мама работала библиотекарем на полставки и к возвращению Брама из школы всегда была дома; маленькая темноволосая женщина с огромными глазами и полными губами, словно сошедшая с картин испанских мастеров, целовавшая его в щеку всякий раз, когда он оказывался поблизости. Он вспоминал домашние обеды, визиты университетских коллег отца и иностранных гостей; Брам не присутствовал при этих встречах, но иногда со двора до его спальни доносились взрывы смеха из гостиной и громкий голос отца. То были вечера, когда он чувствовал, что семья защитит его от любых невзгод, и с этим чувством спокойно засыпал. Только теперь он задался вопросом: как мог отец, которого он знал как человека скупого, терпеть подобные застолья. Может быть, домом правила мама и она определяла их социальный статус? По утрам Брам видел пустые бокалы и горы грязной посуды на кухонном столе, остатки от пиршества, к которому мама начинала готовиться загодя; он помнил, как отец за завтраком обнимал своей большой рукой ее хрупкие плечики — единственный миг, за которым угадывалась их интимная близость. Мама в войну пряталась от немцев. Она была первой и единственной любовью Хартога с тех пор, как он вернулся из лагеря; после того, как ей поставили диагноз, она прожила всего пять недель. В одно мгновение тело, полное жизни и самоотверженной любви, исчезло; мамина щека, прижимавшаяся к его щеке, бутерброды, которые она делала ему по утрам и складывала в коробку для завтрака — и пластиковая коробка наполнялась любовью, — вдруг всего этого не стало, как будто и не было никогда.

Отец переехал в Тель-Авив, и до окончания школы Брам жил на набережной Райнера Финкелеса, к югу от центра, в семье Фермёлен — учителей-пенсионеров, помогавших ему одолеть школьную премудрость. Он занимал комнату их сына, за двадцать лет до того покинувшего родительский кров и работавшего в сингапурском отделении компании «Шелл»; их внуки были ровесниками Брамму. Теперь он и сам не понимал, как прожил пять лет один в чужом доме, в комнате на чердаке среди чужой дубовой мебели. Ему казалось, что он жил как бы в вакууме, без подростковых проблем, без отца, с которым можно было бы ругаться, без мамы, которая могла бы восхищаться его постепенным превращением из мальчишки в мужчину. Каждый день он добирался на велосипеде до гимназии Фоссиуса⁹⁹ и изо всех сил налегал на учебу, понимая, что надо перетерпеть, пока эта жизнь не останется

⁹⁹ Одна из лучших школ в Амстердаме, где традиционно много учеников-евреев.

позади. У Фермёленов не было с ним проблем, а они, со своей стороны, давали ему достаточную свободу, как только поняли, что Хартога не волнуется, в какое время его сын возвращается домой по выходным. Брам вполне мог бы сбиться с пути, но выпивка и наркотики не интересовали его. Он достаточно рано прочел Поппера, Солженицына и Сола Беллоу и мало что усвоил, но это чтение привело его к мысли, что мир не есть хаотическое стечение обстоятельств, что он может быть осмыслен и понят. Он хотел начать взрослую жизнь как можно скорее. Брам было шестнадцать, когда Соня, миленькая, но довольно-таки доступная девчушка позволила ему коснуться своей груди, но едва он попытался залезть к ней в трусики, заявила, что он «нахальничает», и оттолкнула его. На прощанье, когда они праздновали окончание школы, ему все-таки удалось ее трахнуть: ему было восемнадцать, это был его первый опыт; они никогда больше не виделись. Он уже учился в Тель-Авиве, когда Фермёлены умерли: сперва Йос, тремя месяцами позже — Хермина.

Брам шел назад, к отелю, где он остановился — «Краснопольский» на центральной площади Дам, — как вдруг вспомнил, что уже много лет не отмечал годовщину смерти мамы. И мысленно прочел на ходу кадиш, молитву памяти мертвых, хотя не был верующим. Или — был? Во всяком случае, он верил в расчисленные заранее законы, по которым крутится Вселенная. И в числовые ряды, рождавшие, один за другим, законы физики, — в ожидании того, главного, из которого явится Всевышний. Хорошо бы было обсудить это с отцом.

2

У портье для него была оставлена записка: «Комната 416. Макс Ронек».

Брам изумленно уставился на нее. Макс Ронек, огромный, грубый русский парень, с которым он оказался в одной смене на «скорой» и которого после взрыва на блокпосту никогда больше не встречал. Как Макс узнал, где он? Потом до него дошло, что Макс — тот самый связной, с которым, как предупреждал Балин, нужно будет наладить контакт в Амстердаме.

Он поднялся на четвертый этаж и постучал в дверь с номером 416 — в сумме 11, неинтересное число.

— Кто там? — послышался из-за двери голос Макса.

— Маннхайм.

Дверь распахнулась, и огромный русский медведь явил Брам свою улыбающуюся физиономию.

— Привет, Брам, проходи, — произнес медведь на прекрасном голландском.

Номер у Макса оказался больше, чем у него: люкс с деревянным столом, за который можно усадить человек восемь. Очевидно, чтобы устраивать совещания. Макс, в одних носках, прошел впереди Брама в комнату; на нем были новые джинсы и коричневый свитер.

— Мне не показалось, что ты свободно говоришь по-голландски? — смущенно спросил Брам. — Когда мы виделись в последний раз, ты говорил на иврите, как трехлетний ребенок.

— У меня проблемы с восточными языками. Не могу вбить их себе в голову, — ответил Макс по-голландски. — Я говорю на всех западноевропейских: по-немецки, по-французски, по-испански и по-голландски, как видишь. Где я только ни работал, когда жил в России, это была моя профессия. Перевод и так далее. В четырнадцать лет я свободно говорил по-немецки и по-английски. За два года выучил твой чудесный родной язык. Но ни иврит, ни арабский не смог осилить. Наверное, у меня мозги неправильно устроены.

Теперь, послушав Макса подольше, Брам уловил в его речи легкий намек на восточноевропейский акцент.

— А как твой голландский? — спросил Макс, наливая Брам кофе из термоса и указывая на один из окружающих стол стульев.

— Я до сих пор думаю по-голландски, разве это не слышно в моем иврите?

— Мне слышно, — отозвался Макс. — Сахар, молоко?

— Черный,¹⁰⁰ — сказал Брам, снимая куртку и садясь к столу.

— Здорово, что именно мне поручили работать с тобой, — сказал Макс. Он поставил перед Брамом кружку и налил кофе себе.

— Как поживает твоя любовь к Путину?

— Усилилась во много раз. Мы должны просить Путина принять Израиль в состав Российской Федерации. Поверь мне: арабы немедленно заключат с нами мир.

— Гениальная идея. Ты не обсуждал ее с нашими политиками?

— У Израиля сейчас серьезные проблемы с политиками. Они все слишком упрямые. Классная идея, а? — улыбнулся Макс.

— Когда-нибудь им придется поставить тебе за это памятник. — Брам поглядел в широкое русское лицо Макса. — Но я понятия не имел, что ты работаешь у Балина.

— Я не у него работаю. Я — у родственников.

— В Моссаде? Я был уверен, что разведки не существует.

— Мы старательно поддерживаем в людях эту уверенность.

— И что ты там делаешь?

— Участвую время от времени в спецоперациях. Веду допросы дома, в штаб-квартире, иногда выхожу «в поле», когда нужен соответствующий язык.

— Ты будешь допрашивать моего сына?

— Если все пройдет по плану.

— Балин обещал мне, что с его головы не упадет ни один волос.

— За кого ты нас принимаешь, Брам?

Брам посмотрел на него с сомнением:

— Будет лучше, если я тебе не отвечу. А голландцам известно, что мы тут делаем?

— Нет. Официально мы в Берлине. Я навещаю родственников. У меня там и правда родственники.

Брам тоже летел до Берлина, а в Амстердам добирался поездом. На границе проверки не было. Он представления не имел, что случится, если ему придется предъявить паспорт. Хотя паспорт был настоящий, Балин добыл его перед поездкой Брама в Казахстан.

— И какой у нас план? — спросил Брам. — Или это вопрос непрофессионала?

— Мы все здесь непрофессионалы. — Макс кинул пять кусочков сахара в свой кофе. — Мы отвезем его в безопасное место, как только поймем, что он здесь делает.

— Мы знаем: работает в магазине.

— И еще чем-то занимается, ты понимаешь, о чем я?

— Макс, я был в Алма-Ате, Столице халифата, как они ее теперь называют, я знаю, что там из моего сына сделали сумасшедшего самоубийцу. Это-то я понимаю, будь уверен.

— Мы отвезем его в Германию, а оттуда — самолетом в Тель-Авив.

— И голландцы вас выпустят?

— Мы должны были сделать выбор: работать вместе с голландцами и сделать им подарок, за который им придется когда-нибудь отплатить нам тем же, или забрать Бенямина с собой, пусть все расскажет нам, когда мы допросим его дома.

— Он так важен для вас?

— Он может сдать нам всю сеть.

— Если захочет сотрудничать.

— Если захочет сотрудничать, да. Но мы вполне можем этого добиться, — сказал Макс. — Я думаю, ты прав. Балин согласился, чтобы ты поехал в Амстердам только потому, что, по твоим словам, парень может покончить с собой, когда мы его схватим. С такими экстремистами надо держать ухо востро, они просто счастливы, когда им удастся умереть. Он может проглотить собственный язык, может захлебнуться стаканом воды — существует бесчисленное множество методов, и нет никаких сомнений, что его им научили. Ты — наш

¹⁰⁰ Голландцы называют «черным» кофе не только без молока, но и без сахара.

козырь в игре. Ты нужен нам, чтобы он расслабился, чтобы решимость его поколебалась. Ты даешь нам шанс. Балин так считает, и мое начальство — тоже.

— Нет ли какой-то иронии в том, что он выбрал Голландию?

— Не думаю, что это место что-то для него значит. Он ведь никогда не был в Голландии?

Брам покачал головой:

— Нет. А в Принстоне мы говорили по-английски.

— Вот что мы думаем, по крайней мере, так считают наши аналитики: прошлой весной в одном из районов, в западной части города, устроили референдум. Они хотели получить автономию и управлять своим анклавом по законам шариата, по примеру общины Брэдфорда, в Англии, которая проделала это два года назад. В районе девяносто пять процентов населения мусульмане, но противников отделения оказалось немного больше, и они выиграли. Исламисты жутко разозлились. Всех, кто голосовал против, называют ханжами и дезертирами, и, может быть, они решили их наказать.

— Через неделю. Двадцать девятого, — сказал Брам.

— С чего это ты решил? — изумился Макс. — Я читал об этом в досье. Что связывает твоего сына с китайцами? С китайским Новым годом? С годом Змеи? То, что в день исчезновения твоему сыну привиделись змеи?

— Да.

— Некоторые из наших аналитиков и психологов, и из тех, кто работает на Шабак, считают, что ты — законченный *мешугинер*.

Брам пожал плечами:

— Мне кажется, мой сын может так думать. Если его на самом деле прислали сюда для совершения теракта, день он должен выбрать сам. Я знаю, что он помнит какие-то картинки. Змей. Он рассказывал об этом друзьям в приюте. И он выбрал этот день. Начало года Змеи.

Макс покачал головой:

— Он — упертый мусульманин. Он не будет копаться в китайской мифологии.

— Он все еще помнит что-то из прошлого, по-другому и быть не может. Ему было четыре года, когда его украли. Он мусульманин, да, фанатик, но воспоминания подспудно хранятся в его памяти. Картины. Голоса. И это лишает его уверенности.

— Будем надеяться, что ты прав.

— Мне глубоко насрать, чего вы от него хотите. Я хочу, чтобы он вернулся, выучился, женился, чтобы стал одним из тех, кто помогает нам лучше понять окружающий мир, тебе ясно, Макс?

— Мне ясно. Но я здесь не в качестве отца. Моя забота — безопасность страны. Нас зажали со всех сторон, и мы не можем повернуть назад; счастье еще, что у нас есть субмарины с ядерными ракетами, иначе они давно взорвали бы реактор в Димоне...

— Они не будут взрывать реактор в Димоне. Ядерные осадки упадут на палестинские территории, и там все передохнут.

— Брам, дорогуша, они уже несколько раз пытались это сделать.

— В чем ты, собственно, хочешь убедить меня, Макс? — спросил Брам нетерпеливо.

— Ни в чем. Я тебя понимаю. Но он может рассказать нам очень много о том, что происходит в Центральной Азии. Наше положение значительно укрепитя, если мы узнаем то, что знает он. Индия, Китай — у всех проблемы с экстремистами. Китайцы за эти годы подавили множество исламских восстаний, а если у нас будет что предложить коллегам из тех мест, мы и от них кое-что получим. Твой сын — главный приз в лотерее, Брам.

— Я хочу подарить ему жизнь. Я не хочу, чтобы вы его сломали.

— Мы знаем. Мы будем очень осторожны.

— Я хочу забрать его в Москву.

Макс улыбнулся:

— Я — в Тель-Авив, ты — в Москву. Как твоя Эва, когда ей рожать?

— Хочешь, чтобы я тебе сказал? Все равно ведь не поверишь.

— Неужели двадцать девятого? — поразился Макс. — Двадцать девятого, да?

— Да.

Макс недоверчиво покрутил головой:

— Твое безумие заразительно...

— А что твоя девушка? Которая работала в больнице?

— Все кончено.

— Хреново, — посочувствовал Брам.

— Такие дела... А тот мальчик, почему ты привез его с собой?

— Он был ужасно одинок.

Макс кивнул, сразу став серьезным. Потом спросил:

— Выпить не хочешь? К кофе ты даже не притронулся. Виски? Водки?

— Нет, только не алкоголь.

— А я выпью водочки. — Макс нагнулся к мини-бару, достал маленькую бутылочку и, выпрямляясь, задумчиво сказал: — Это твое двадцать девятое — ты меня заинтриговал. Змеи. Бенъямин уверен, что видел змей незадолго до того, как его украл.

— В доме, где мы тогда жили. Огромный, полуразрушенный дом. Он видел змей сквозь дыру в полу на втором этаже. Но когда я поглядел в ту же дыру, то ничего не увидел.

— Почему ты придаешь этому такое значение? — Макс отпил глоток из бутылочки и прокомментировал:

— Выдохлась. Чистая вода. Так почему это важно?

— Не знаю. Все было очень странно, пугающе, словно у него было видение или что-то вроде. Чертовщина какая-то.

— Ты кто? Магический реалист? Каббалист? Хиппи-перестарок?

— Нет. Но что-то случилось тогда. Я не могу объяснить, потому что сам не понимаю.

— А твое нумерологическое безумие?

— Оно помогло мне выжить. В самое тяжелое время. Оно давало мне надежду. На то, что Вселенная подчиняется какому-то порядку. Честно говоря, я и сейчас в глубине души уверен, что наступит день, когда кто-то отыщет формулу, объясняющую все на свете. Вроде $E=MC^2$.

— Формулу Творения?

— Не знаю, как ее назовут.

Макс схватил трубку телефона и распорядился:

— Бутылку «Столичной» в номер, пожалуйста, да, целую бутылку. Нет, именно «Столичную», ничего другого... Отлично... И какого-нибудь сыру, и — да! — *bitterballen*,¹⁰¹ я их сто лет не ел. Да. Три порции.

Он вернулся к столу.

— Давай-ка как следует напьемся, Брам.

— Нам не надо ничего обсудить?

— Завтра.

— Как вы это делаете? Какая-то специальная техника?

— Возьмем его на улице. Стандартная процедура.

— Вы сейчас следите за ним? — Да.

— А голландцы? Вы им должны были что-то сказать?

— Эти считают, что мы разыскиваем какого-то мелкого мошенника. Ничего особенного.

Они молча поглядели друг на друга.

— Я думал, он давно мертв, — прошептал Брам.

— Послушай, Брам, Бенъямин уже не ребенок. Он взрослый человек. И мы ничего о

¹⁰¹ Специфическая голландская закуска к пиву или водке, зажаренные во фритюре тефтельки, подаются с горчицей.

нем не знаем. Он изучал боевые искусства и может убивать голыми руками. Мы знаем, что он вооружен. И он готов умереть за свою веру.

— Может быть, все кончится хорошо. — Брам даже не сомневался в этом. Бенни вернется. Если он захочет слушать, захочет прислушаться к голосу отца.

— Вполне возможно, — сказал Макс.

— Вы ведь не будете пытаться его? Балин гарантировал мне...

— Мы не пытаем.

— Я не хочу, чтобы ему причинили боль, чтобы он страдал.

— Он твой сын, Брам, мы все понимаем.

— И я смогу с ним поговорить, — полным веры голосом произнес Брам.

— Мы тоже на это надеемся.

— Я очень хочу его видеть. Ты не представляешь себе, Макс, как я...

— Я хочу кое-что тебе показать, — перебил его Макс.

Он раскрыл папку, лежавшую на столе, вытащил из нее листок бумаги и подтолкнул его поближе к Браму.

Это оказался пестрый плакатик, украшенный китайскими иероглифами и драконообразной змеей, извещавший о «грандиозном фейерверке» 28 января на берегу залива:

«Общество Китайско-Голландской дружбы отмечает в Амстердаме начало Года Змеи. Фейерверк, какого в Голландии никогда еще не видели! Между 22:00 и 23:00».

У Брама разом пересохло в горле, он посмотрел на Макса почти безнадежно.

— Если он что-то действительно планирует, — сказал Макс, — это идеальное время и место. В городе, как и в любой европейской столице, уйма китайцев. Сотни жертв, не исключено присутствие членов королевской семьи — одна из принцесс собиралась приехать, чтобы подчеркнуть сердечные и теплые отношения с Китаем, что-то вроде этого.

— Двадцать восьмого... — пробормотал Брам.

— Да. Тоже одно из твоих любимых чисел, разве нет? Два, двадцать два, двадцать восемь — что-то в этом роде?

Брам кивнул.

— Если твой сын здесь для того, чтобы взрываться, он должен выбрать именно этот вечер. Двадцать восьмого, в двадцать два часа двадцать восемь минут — здорово я изучил твою концепцию, а?

— Это не моя концепция, — оборвал его Брам. — Это безумие. Думать так вредно для здоровья.

— Охренеть от них можно, — вдруг сказал Макс. — Оказывается, в этой комнате нельзя курить. Представляешь? Вот суки!

Он встал, раскрыл чемодан, стоявший на багажной полке возле двери в ванную, вытащил блок «Мальборо» и разорвал целлофановую упаковку.

— Разве можно нормально думать, если не травишь свои легкие табаком? Ты тоже *smoke*? 102

Брам кивнул и спросил:

— Пока вы просто ходите за ним, — а потом? Вколете ему чего-то? Как это делается?

Макс покачал головой. Он вскрыл пачку и выложил на стол перед Брамом пару сигарет. Закурил, поднялся, пошел к двери в ванную и, глубоко затянувшись и выпуская дым, приоткрыл ее. В дверь просунулась голова Хендрикуса; неуклюже запинаясь и бешено виляя хвостом, пес направился к Браму.

102 Курить (*англ.*); здесь: Ты тоже будешь?

В пол-одиннадцатого утра Брам отправился в магазин, который показал ему Макс. Сперва они проехали мимо на машине: маленький турецкий супермаркет, над входом вывеска — *AGGUL MARKT*.¹⁰³ Он стоял на широкой улице, застроенной узкими, высокими домами, которую нельзя было сравнить с по-немецки аккуратным Тель-Авивом. С одной стороны к супермаркету примыкал магазин одежды: манекены в витрине были в платках и благопристойных мусульманских платьях; с другой — телефонный магазин, обувной, предлагавший кучу обуви за полцены, парикмахерская и аптека. В этом районе, на западе Амстердама, в пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века понастроили жилищ-коробок, не задумываясь о красоте. Как раз в то время, когда эстетическая составляющая считалась столь важной при строительстве домов в Тель-Авиве, где старались построить для людей что-то необыкновенное, чтобы те, в свою очередь, передали особенное настроение своему дому. Мусульманский район Амстердама не выглядел как гетто или трущобы, но ничто здесь не радовало глаз. Кубики жилых домов с маленькими балкончиками отделялись друг от друга скверами с вытоптанными газонами, обрамленными сиротливо торчащими, ободранными кустами.

День был такой же холодный и бесцветный, как накануне, и Брам вспомнил, что, когда широкую дельту Рейна и Мааса укрывают свинцово-серые облака, такая погода может стоять в этой стране неделями.

Он пересек тротуар, вымощенный квадратными плитками, и вошел в магазин. Бенни поселился в семье Аггюл, которая понятия не имела о его связях. Тхакиба Исраилова — Бенни — отловили при проверке билетов в метро, потому что у него не оказалось документов. Трудно представить себе более банальную и более голландскую ситуацию. Контролеры поймали его, когда он выходил из метро, и отвели в полицию. Там он попросил политического убежища как беженец из Казахстана. Он знал, что подобная просьба запускает процедуру, дающую ему некий общественный статус. Ему немедленно предложили адвокатов, чьи услуги оплачивало правительство, и, пока вопрос об удовлетворении (или отклонении) его просьбы не будет решен, он мог просидеть в стране несколько лет. Кроме того, ему подыскивали комнату в одном из центров для беженцев, а там пришлось пройти генетическую проверку. Через неделю он сообщил, что семья Аггюл из Амстердама готова взять на себя расходы по его пребыванию в Голландии до тех пор, пока не определится его статус. Каждую неделю он аккуратно ходил отмечаться в спецотдел полиции. Когда Брам покидал Казахстан, его сын жил в Амстердаме уже три недели.

Брам не знал, куда подевался Макс после того, как он вылез из «фольксвагена» и пошел к магазину. Он хотел увидеть Бенни, пока его не схватят. Снова похитят, как когда-то. «Только по-другому, — мысленно уговаривал себя Брам, — так будет лучше для него, стоит только освободить Бенни от идиотского религиозного психоза, и у него появится будущее».

— Ничего не говори, когда войдешь, — советовал Макс по дороге, — но дай ему возможность увидеть тебя. Он пойдет за тобой, могу поспорить. Мы не хотим входить внутрь, чтобы не светиться и чтобы местная полиция не увела его у нас из-под носа.

— А если он меня не узнает? Если он постарался забыть обо всем, что случилось с ним в первые четыре года жизни? Если он — фанатик и навсегда им останется, потому что вера для него важнее всего на свете?

— Тогда у нас будут проблемы, — сказал Макс.

— Где он живет?

— Он ночует в комнате за магазином, там у них склад.

— Он посещает мечеть?

— Нет, дома молится. А если выходит куда-то, то всегда в сопровождении трех-четырех человек.

— Почему бы вам не забрать его среди ночи?

¹⁰³ Супермаркет Аггюла.

Макс, улыбаясь, вел машину по кольцу вокруг города.

— Балин говорил, что хотел бы взять тебя к себе, что ты хорошо понимаешь нашу работу.

— Сомнительный комплимент, с моей точки зрения. Так почему не ночью?

— Потому что двери супермаркета специально укреплены и там стоят видеокамеры. Уверяю тебя, будет только хуже, если нас зацапают, приняв за взломщиков. Мы думаем, там могут быть решетки или еще что-то, что не сразу увидишь. Поэтому ночью ничего не выйдет. Вместо этого мы предупредили коллег из местной антитеррористической службы, ATVD.¹⁰⁴ Но и их мы не хотим посвящать во все подробности, мы предпочитаем работать по своему плану.

Они добрались до места, и Брам вышел из машины. Он был взволнован, но не боялся предстоящей встречи. В этом районе на улицах попадались лишь пожилые мусульмане в традиционной одежде и усталые женщины с детскими колясками, в платках и широких, длинных пальто; а иногда — небольшие группы женщин, одетых в черное и закутанных в паранджу. Он шел, чтобы встретиться со своим сыном.

Перед супермаркетом были выставлены ящики с овощами и фруктами. Старик в поношенном зимнем пальто задумчиво перебирал авокадо. Пожилая женщина в платке складывала апельсины в пластиковый мешок. Брам вошел внутрь. Крошечный микрофон сливался с его темно-синей курткой.

Он взял магазинную корзинку и прошел вперед. Здесь стояли такие же ящики с овощами и фруктами, как на улице, потом длинный прилавок с мясом и хлебом, а дальше — стеллажи с консервами и хозяйственными товарами. Справа от входа, за кассой, стоял небритый турок в обтягивающем спортивном костюме, подчеркивавшем мускулистую грудь и сильную шею; похоже, он занимался бодибилдингом. Раскладывая фисташки по пластиковым мешочкам, он покосился на Брама. Брам приветливо кивнул, и турок ответил тем же.

Брам положил в корзинку четыре помидора и двинулся к мясному отделу. Там старик мусульманин в *джеллабе* наблюдал за тем, как мясник, молодой лысый парень в длинном белом халате, заляпанном кровью, отрубаёт ровные куски от бараньей туши. Брам прошел мимо них и взял с полки бутылку моющего средства. Он остановился у холодильника, где лежали сыры, оливки и йогурт, — турецкие продукты, производившиеся почему-то, как следовало из надписей на упаковках, в Германии.

Брам повернулся и в проходе меж высоких стеллажей, заставленных банками, увидел сидящего на ящике человека. Человек вынимал из коробки баночки с консервированными томатами и ставил их на полку.

Браму видна была только его спина, но он уже понял, что это — его сын, его малыш, которого ему так не хватало всю жизнь и которого в этот день он не мог защитить. Он узнал Бенни, хотя видел только его шею, спину и затылок. Бенни сидел на пустом ящике из-под фруктов, но было видно, какой он высокий. На голове — зеленая шапочка, скорее всего, из Казахстана, а из-под нее выбивались светло-рыжие волосы, такие же, как у Хартога в молодости.

Брам отвернулся, сердце его колотилось так, что, казалось, готово было выскочить из груди, взял из холодильника пластиковую кюветку с хумусом и задержался ненадолго, перебирая в уме возможные сомнения. Он был уверен, что там сидит его сын. Но он должен увидеть его лицо, обойти стеллаж с другой стороны и поглядеть на него оттуда.

Он быстро оглянулся, и тут сидевший на ящике человек, словно почувствовав взгляд Брама, повернул голову. Взгляды их встретились, и Бенни тотчас отвел глаза, словно что-то смутило его, словно он почуял ловушку. Потому что это был Бенни. Брам знал это точно. А

¹⁰⁴ Общая разведывательная и контрразведывательная служба, голландский аналог ЦРУ+ФБР. После гибели Тео ван Гога сконцентрировалась на проблемах исламского фундаментализма в Голландии.

что увидел Бенни, когда смотрел на стоявшего у холодильника покупателя? Незнакомец? Лицо, которое он помнил из далекого прошлого? Опасность?

Теперь надо уходить, подумал Брам, чтобы не вызвать подозрений; вести себя, словно ничего не случилось, хотя мне страшно хочется схватить его, обнять, рассказать, как тяжело было мне все эти годы и что теперь все будет хорошо, потому что он жив: пока человек жив — Брам слышал это от мамы, — жива надежда.

Брам пошел назад, к ящикам с фруктами, и добавил в корзинку три яблока. Он не знал, следит ли за ним Бенни, но иначе и быть не могло. Мгновение, когда они смотрели друг на друга, запечатлелось в его памяти, Брам видел лицо Бенни — лицо молодого Хартога. Его сын был генетической копией Хартога. Та же форма черепа, те же синие глаза, те же рот, нос и рыжая борода — ДНК Хартога через промежуточную ступень, представленную Брамом и Рахель, возродилась в его внуке. Тхакиб — «восходящая звезда». Возможно, он получил в наследство и поразительный мозг Хартога. И может быть, ему повезет, и он сможет насладиться красотой открытых им законов мироздания. Бенни, малыш, гляди на меня, и пусть твоя память заговорит.

Он подошел к кассе и поставил корзинку на прилавок рядом с мешочками, полными орехов. Теперь он мог бы позвонить Рахель. Все было совсем не так, как мы думали, мог бы он сказать, мы прошли через трагедию, но наш сын вернулся. И Хартог — он должен свести их вместе, чтобы они поспорили друг с другом: упрямство против упрямства, заложенного в ДНК Хартога, гения, выжившего в аду. И пес, не надо забывать пса, который был товарищем Бенни целых четыре года.

Турок сложил покупки в белую пластиковую сумку, на которой красными буквами было написано «AGGUL MARKT», Брам рассчитался и, не оглядываясь, вышел на улицу. Ему нельзя оглядываться. Нельзя посмотреть на своего малыша. Если он обернется, это будет выглядеть подозрительно. Остановившись на улице у ящиков с фруктами, он оглядел пустую улицу. Велосипедист в другом ее конце. Горсточка прохожих на противоположном тротуаре. Куда пропал Макс? Вышел ли Бенни за ним из магазина?

Брам прошептал так, чтобы Макс мог слышать:

— Я видел своего малыша.

И не спеша пошел от магазина, зная, что у него была только одна возможность. Вдруг из двери впереди вышел и пошел навстречу Брамму человек, неся пластиковую собачью переноску с прозрачной стенкой. Хендрикус спокойно лежал в ней; он много чего пережил, и ничто больше не могло нарушить его внутренний покой. Брам незаметным движением, не сбавляя хода, перехватил сумку свободной рукой. И спокойно пошел вперед. Если Бенни не выйдет из магазина, они попробуют похитить его по-другому, может быть, с применением силы. Но он был уверен, что Бенни узнал его. Бенни был его малышом, немыслимо, чтобы сын не узнал отца. Неужели промывание мозгов, через которое прошел Бенни, смыло его ранние воспоминания?

Он сделал еще несколько шагов, и вдруг услышал:

— Эй, сударь... *sir*?¹⁰⁵

Брам повернулся, изобразив на лице безразличие, и увидел совсем близко своего сына, высокого и широкоплечего, красивого, сильного, очень похожего на деда, с умными глазами и густой, курчавой рыжей бородой. На нем были широкие бесформенные бежевые штаны и толстый свитер того же цвета, на ногах — дешевые кроссовки.

— *Sir*? — повторил он.

— Вы это мне? — спросил Брам. Он хотел бы сказать Бенни что-нибудь другое, сердце его разрывалось, но его задачей было задержать Бенни здесь, чтобы дать возможность людям Макса занять свои места. Собачья переноска дернулась у него в руке, он почувствовал: Хендрикус поднимается, он заметил Бенни. Но Бенни даже не взглянул на сумку в руках у

¹⁰⁵ Сэр (англ.).

Брама, он глядел на отца.

— *You speak English ?*¹⁰⁶ — спросил Бенни.

— *I do* ,¹⁰⁷ — ответил Брам.

Бенни сделал несколько шагов в его сторону и посмотрел на него испытующим взглядом, чуть приоткрыв рот, словно вид Брама пугал его и в тоже время притягивал; он был похож на ребенка, зачарованно тянущегося к горящему огню.

Бенни сунул руку в карман штанов. Неужели за пистолетом?

— *Have we met ?*¹⁰⁸ — нерешительно спросил Бенни.

Да, подумал Брам, я видел, как ты родился, я видел, как мать кормила тебя, а потом наступил день, когда ты исчез.

— *When ?*¹⁰⁹ — спросил Брам.

— *I don't know* , — пробормотал Бенни, продолжая внимательно рассматривать его, и вдруг спросил: — *May I ask your name ?*¹¹⁰

— *My name ?*¹¹¹ — спросил Брам. — *My name ?*

Брам замер в нерешительности. Ситуация выходила из-под контроля. Если он ответит, Бенни может убежать и исчезнуть навсегда. Но у него не было выхода. Он должен что-то сказать, это неизбежно. И Брам сказал:

— Иннеб Мйахнам.

И увидел, как Бенни облизнул губы. Но тут заскулил Хендрикус, сумка затряслась в руках Брама: пес бешено вилял хвостом, он узнал Бенни — и Бенни наконец увидел собаку, рот его снова сам собой приоткрылся — вид Хендрикуса привел его в замешательство.

За спиной его сына бесшумно, словно из-под земли, возникли четверо в черных вязаных подшлемниках с прорезями для глаз.

— *What did you say ?*¹¹² — спросил Бенни тихим, робким голосом, не сводя полных изумления глаз с Хендрикуса.

— *My name is... my name is...* ¹¹³ — пробормотал Брам.

Четверо парней крепко схватили Бенни, заведя ему руки за спину и зажав локтем шею. На тротуар выпал маленький пистолет и был немедленно подхвачен одним из парней.

Его сын, крупный, сильный юноша, не стал сопротивляться. Молча и спокойно позволил связать себя, и они подвели его к краю тротуара. Брам, не отрываясь, смотрел, как Бенни положили на пол в возникший у тротуара пикап, рванувший с места прежде, чем они успели захлопнуть дверцу.

А Брам казалось, что он все еще видит выражение, застывшее в глазах Бенни в те несколько секунд, пока его вели к пикапу. Он уставился на Брама взглядом, в котором

¹⁰⁶ Говорите по-английски? (искаж. англ.).

¹⁰⁷ Да (англ.).

¹⁰⁸ Мы встречались? (англ.).

¹⁰⁹ Когда? (англ.).

¹¹⁰ Я не знаю. Можно узнать, как ваше имя? (англ.).

¹¹¹ Мое имя? (англ.).

¹¹² Как вы сказали? (англ.).

¹¹³ Меня зовут... меня зовут... (англ.).

читалось все, что он вспомнил: дом в Америке, годы, проведенные в приюте, воспоминания о родителях. Или это была ненависть? Ненависть к отцу, неверному, который сдал его евреям? Брам не знал, как расшифровать этот взгляд.

Никто ничего не заметил. Вокруг продолжалась тихая, монотонная жизнь. Проехал автобус. Возле супермаркета остановилась женщина с тяжелой сумкой, полной покупок. Хендрикус успокоился, и Брам двинулся вперед. Рядом с ним возник у тротуара «фольксваген» Макса. Он притормозил, но Брам отрицательно покачал головой. Макс кивнул, показывая, что понял желание Брама остаться в одиночестве, и дал газ.

С собачьей переноской в одной руке и сумкой из супермаркета в другой Брам шел в сторону чудесного Старого города и через полчаса добрался до домов, построенных в девятнадцатом веке. Хендрикус вел себя тихо. Макс сказал Брам, что они отвезут Бенни на военную базу Северный Рейн-Вестфалия, а оттуда — самолетом в Тель-Авив.

Освободят ли Бенни когда-нибудь? Или он просто исчезнет? Балин гарантировал ему, что через какое-то время Бенни освободят, но что значат слова, когда в игру вступают интересы государства? Чем ближе он подходил к Старому городу, тем яснее становилось, что он не знает, сможет ли Бенни когда-нибудь отказаться от своей веры, и не захочет ли он, если представится случай, придушить своего отца, предателя-еврея, голыми руками, потому что Аллах требует, чтобы он очистил землю от неверных. Был ли Аллах всем, ради чего он жил и желал умереть? Брам не хотел об этом думать. Он потряс головой, словно пытаясь выкинуть все это из своего сознания, глубоко вздохнул и решил, что улетит в Москву как можно скорее.

Брам хотел быть рядом с Эвой, когда она будет рожать. Слепой мальчик требовал его заботы. А потом, когда они закончат свои дела с Бенни в Тель-Авиве, надо будет помочь малышу приехать к ним — теперь, понял вдруг Брам, у него появилась настоящая семья. Даже с собакой, хотя и очень старой. У него появились дети, жена, отец; у него появилась ответственность — он должен заботиться о них. От этих мыслей Брам почувствовал себя счастливым.